Мартиросиан Г.

История Ингушии

Мартиросиан Г.К.
История Ингушии

Отсканировано
16 мая 2013 года.

(dziglo)
E-mail: dziglo2013@yandex.ru

ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Г. К. МАРТИРОСИАН

ИСТОРИЯ ИНГУШИИ

МАТЕРИАЛЫ

ОРДЖОНИКИДЗЕ

Издательство „Сердало“ Инг. Авт. Обл.

1933

Тип. из-ва „Сердало". Г. Орджоникидзе, ул. М. Горьк. 13.

Изглато 775. Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемая в свет „История Ингушии“ является первым опытом, первой работой на эту тему.

Автор ставил себе задачей—дать материалы, которые могли бы осветить основные этапы исторического развития Ингушии от родового строя до наших дней строительства социализма.

Такая широкая задача не могла, разумеется, не отразиться на полноте книги, и нет надобности указывать здесь на то очевидное положение, что целый ряд вопросов, затронутых в ней, должен послужить предметом более детального изучения.

Однако, отсутствие работ по ингушской истории,—которые охватывали бы все основные этапы ее,—является серьезным пробелом в литературе по истории народов Советского Союза, между тем как потребность в таком обобщающем материале давно назрела.

Автор просит читателей указать свои замечания о работе с тем, чтобы он мог внести необходимые исправления и улучшения в следующем издании.

Г. М.

I

РОДОВОЙ СТРОЙ, ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ И ЗАЧАТКИ ФЕОДАЛИЗМА

Географическое положение и природные условия Ингушии.—Источники изучения истории Ингушии.—Ингуши (Ghalghaj).—Распространение названия племенной группы родов Галгаче на всю народность и причина этого.—Ингуши—древнейшие обитатели Кавказа.—Родовой строй.—Обычное право.—Религия.—Разложение родового строя.—Возникновение классов.—Классовая борьба в эпоху феодальных отношений.—Зарождение торгового капитала.—Ингушия и Грузия.—Ингушия и Кабарда.—Переселение ингушей с гор на плоскость и общественно-экономические последствия освоения равнины.

Территория ингушей и родственных им чеченцев, расположенная на Северном Кавказе, непосредственно примыкает к Главному кавказскому хребту и граничит на севере—с Кабардой, на юге—с Грузией, на востоке—с Дагестаном, на западе—с Северной Осетией.

Колыбелью ингушской культуры является нагорная Ингушия, занимающая ряд значительных котловин и продольные ущелья двух боковых хребтов главной цепи кавказских гор—Передового и Скалистого.

Живописнейшие пейзажи, очаровывающие взор зрителя, большие и малые гребни, высокие хребты, изрезанные зубцеобразными линиями, альпийские пастбища, тесные, мрачные ущелья с шумными потоками, глубокие балки, крутые и возвышенные перевалы, суровые утесы без признаков растительности, вершины, по которым плывут облака, каменные громады, разбросанные повсюду—такова общая картина нагорной полосы Ингушии.

К северу от Передового кряжа тянутся Скалистые горы во главе с Мят-лоом, прозванной „Столовой“ по плоской форме вершины и расположенной на высоте 3005 метров над уровнем моря. С высших точек ее в ясные дни открывается вид на Снеговую цепь гор и на плоскость до городов Грозного и Моздока.

Параллельно с Скалистым хребтом, к северу от него, идут Черные горы, сплошь покрытые лесом и заметно уступающие по высоте Снеговому хребту.

Из главных рек на территории горной и плоскостной Ингушии надо отметить: Терек, Сунжу, Камбилеевку, Фортангу, Ассу, Армхи, Тоба-чоч.

В нагорной Ингушии главными реками являются: Асса с притоками и Армхи.

Истоки Ассы уходят в Главный кавказский хребет, в глубь гор Архотис-Мта. В начале, всего несколько километров, проходит по территории Хевсурии, по Архотскому ущелью, и около селения Колотан, соединившись с речкою того же названия, вступает в пределы нагорной Ингушии. Здесь первая часть течения Ассы скована в крутых берегах, в узком ущельи, и только у аула Пуй река выходит на небольшой простор долины Альберты с тем, чтобы около аула Тар-гим снова очутиться в ущельи, среди отвесных скал и каменного хаоса, а далее—среди густого леса. У аула Верхний Алкун Асса выбивается из ущелья, попадает в Предгорный район, принимает северное направление и, повернув затем на северо-восток, вливается, наконец, в Сунжу с правой стороны, против Закан-юрта (Чечня).

С левой и с правой стороны в Ассу впадает несколько небольших речек.

Наиболее крупные притоки Ассы: Тоба-чоч, Фортанга, Шалаж, Азды-чоч.

Течение Тоба-чоч начинается из горного кряжа, связывающего Передовой и Пестрый хребты, потом идет на запад—по Цоринскому и отчасти Хамхинскому обществам, впадая в Ассу у аула Пуй.

Фортанга образуется из трех источников: из гор Гай, Чорой-лам и Бяртер-дук; вливается в Ассу с правой стороны, почти у впадения ее в Сунжу.

Река Азды-чоч является одним из крупных притоков Ассы, как по своей длине (около 200 килом.) и площади бассейна, так и по количеству воды, выносимой постоянно.

Асса, Тоба-чоч и Азды-чоч начало свое берут на вершинах высоких, величественных гор, сливаясь из многих ручьев, часто ниспровергающихся отвесно, с значительных, иногда недосягаемых возвышений. Стремительно течение их, в особенности в верхних частях: камни, деревья уносят они на своем пути.

Извиваясь, образуя великолепные водопады с пенистыми каскадами молочного цвета,—реки эти по каменистому ложу, большей частью, в крутых берегах, прорезывают себе путь с диким шумом и ревом в самых недрах гор. Но, по мере приближения к плоскости, скорость их течения уменьшается. На грани между плоскостью и горами реки собирают свои силы, берут последнюю преграду и, наконец, бесшумно вступают на равнину.

Климат плоскостной и предгорной полосы Ингушии континентальный, в нагорной же части он характеризуется жарким, коротким летом с сухими, сильными ветрами и, благодаря высокому положению над уровнем моря, суровой, продолжительной зимой, с холодны-

ми ветрами; в летние же месяцы наблюдаются резкие переходы от температуры дня к температуре ночи: дни стоят жаркие, ночи прохладные.

Почва в плоскостной Ингушии имеет каштановый и солонцеватый характер, состоит из мягких черноземов, в общем плодородна, в нагорной же супесчанная, каменистая. бесплодная. Только в нижней части ее, в полосе Черных гор, почва покрыта перегноем, имеет хрящеватую подпочву, грунт местами глинистый, местами известковый, что, в совокупности, и благоприятствует произрастанию тут лесов.

Растительное царство в плоскостной Ингушии имеет типично-степной покров, тогда как в горной произрастают растения, свойственные альпийской и суб'альпийской зонам.

Луга покрыты малорослой, но сочной травой.

В отношении ископаемых богатств Ингушия является еще недостаточно исследованным краем, хотя некоторые из полезных ископаемых известны были и в давно минувшие времена.

Переходя к истории Ингушии, мы должны констатировать недостаточность и слабую изученность существующих источников о ней. „Местная историческая традиция становится, в лице грузинской историографии, лишь с XI века на прочную почву, когда впервые интересы местных культурных кругов возвышаются до общекавказского масштаба. Известна печальная судьба местной южнорусской историографии для всего древнего и средневекового времени: своих, сохранившихся удовлетворительно, историков не знает ни Алания, ни Хазария, ни Золотая орда. С другой стороны, скудость надежных местных сведений о домусульманской Персии находится в вопиющем противоречии со значительностью культурной роли древнего Ирана, в особенности сасанидского времени, в исторической жизни народов Кавказа. Такое положение исторической традиции обязывает исследователя прошлых судеб народов Кавказа к тщательному использованию косвенных источников, служащему к достижению той же цели".[1])

Первые попытки изучения Кавказского края и, в частности, Ингушии возникли в XVIII веке по инициативе Академии Наук, при чем исследование поручено было европейским ученым—Гюльденштедту, Клапроту, Палласу и другим.

По окончании кавказской войны появляются книги А. Берже (1859 г.), Н. Дубровина (1871 г.), „Сборники сведений о кавказских горцах" (с 1870 г.).

---

1) А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов.V, 1930 г., Л.

Клапрот и Паллас широко использовали отчет о путешествии в 1781 г. в Осетию и в Ингушию дивизионного квартирмейстера Штедера.

Хотя в сочинениях, посвященных Ингушии, встречаются интересные сведения о прошлом этого края, но в целом перед нами работы историков-империалистов, которые „ревностно и верно, не за страх, а за совесть обосновывали колониальную политику русского самодержавия. Не случайно значительную группу историков Кавказа составляют генералы и прочие офицеры царской армии, т. е. непосредственные исполнители в деле колониального грабежа и разорения коренного населения Кавказа“ [1]).

К этой группе историков относятся Дубровин, Потто, профессор П. И. Ковалевский, академик Бутков, Берже и ряд других, менее крупных имен.

Старая буржуазно-дворянская историография горских народов Северного Кавказа характеризуется, по справедливому мнению Н. Г. Буркина, тем, что: 1) она скрывала грабительскую сущность колониальной политики царской России; 2) она скрывала классовую дифференциацию среди горского населения; 3) она считала великорусскую нацию „великодержавной“ нацией и смотрела на все остальные народы, населяющие Россию, как на низшие, удел которых—быть покорными российскому господствующему классу.

В противовес буржуазно-дворянским историкам В. И. Ленин установил: „1) что появление русских в горах Северного Кавказа было обусловлено неизбежным законом капитализма—искать все новые и новые рынки для товаров и капиталов; 2) что горские области Кавказа сначала были завоеваны политически, а затем шел процесс экономического „завоевания“; 3) что в результате победного шествия капитализма, на Кавказе изменялось и горское общество, выделяя и нефтепромышленников (мы знаем таких, напр., в Чечне), и фабрикантов, и аграриев, и проч., т. е. создавая в горах Кавказа господствующий класс капиталистического общества, рядом с горским пролетарием и аульской беднотой“ (Там же).

Памятники материальной культуры Ингушии до 1925 г. не подвергались планомерному изучению. Правда, ряд археологов производил здесь обследования, давшие интересный материал, но работа эта носила случайный, эпизодический характер. Лишь с 1925 года Северо-Кавказским Институтом Краеведения, преобразованным в 1926 году в Ингушский Научно-Исследовательский Институт Краеведения, начата была работа по систематическому, планомерному изучению памятников материальной культуры и фольклора Ингушии. В работах

---

[1]) Н. Г. Буркин. Великодержавность и национализм в горской исторической литературе. Жур. „Революция и горец“, 1931 г., №№ 4 и 5.

этих принимали участие: Х.-Б. Ахриев, проф. И. Н. Бороздин, проф. А. А. Захаров, З. К. Мальсагов, доц. Л. П. Семенов и И. П. Щеблыкин.

В отношении экономического изучения Ингушии легко указать на имеющуюся специальную литературу по этому вопросу. Наиболее ранним очерком является работа Н. Грабовского: „Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа", появившаяся в 1870 году в III-м выпуске „Сборника сведений о кавказских горцах." В 1890 году выпущены были в свет „Статистические таблицы населенных мест Терской области", куда вошли данные о положении населенных мест и расстоянии их от ближайшего города, о правительственных и общественных учреждениях в селениях, о мечетях, школах, народонаселении, землевладении, скотоводстве и промыслах.

В том же 1890 году, в газете „Терские ведомости" (в №№ 98, 99, 101), Г. А. Вертепов напечатал под инициалами „Г. В."—„Этюды об ингушах", впоследствии включенные во вторую книгу „Терского сборника" (1892 год) с измененным заголовком „Ингуши" (Историко-статистический очерк).

Цифровой материал об Ингушии, как таковой, заключается в ряде „Терских календарей". В 1905 году Ингушия выделена была в самостоятельный Назрановский округ и первые данные о нем напечатаны в „Терском календаре" на 1907 год.

В 1906 году образована была особая комиссия по выяснению положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области.

Нужно, однако, заметить, что это исследование началось отнюдь не по самостоятельному желанию административных органов, а под давлением назревшего земельного вопроса в горах области, вызвавшего волнения в крае.

Рапорт начальника Терской области от 1/VI—1904 г. на имя командующего войсками Кавказского военного округа указывает, что наделение землей, которое вполне обеспечивало бы „жизненную и платежную правоспособность" населения, является задачей момента, и что наделению должно непременно предшествовать обследование экономического положения жителей.

Там же указывается на необходимость учреждения специальной комиссии для подробного изучения на местах: 1) правовых и адатных отношений аульных обществ и отдельных лиц к каждому из видов угодий, не исключая и лесов, находящихся в заведывании управления земледелия и государственных имуществ, а также находящихся в этих лесах сенокосных и выгонных полей, 2) исторических данных, послуживших основанием существующего обычного права землевла-

дения и на исключительные особенности сельско-хозяйственного быта горских жителей и, наконец, 4) экономического положения жителей нагорной полосы области и того, в какой мере наличное землепользование обеспечивает существование этих жителей и их платежную способность в отбывании государственных, общественных и других повинностей (Дело 1895 года, по описи № 6 Горского отдел., 2-го стола, штаба Кавказского военного округа, часть II-я).

Результатом деятельности комиссии явились „Труды" ее, опубликованные в 1908 году.

„Труды" начинаются историческим обзором правительственных предложений и мероприятий, направленных к разрешению земельного вопроса в нагорной полосе Терской области. Эта часть, по характеру своего изложения, представляет из себя сокращенный письменный доклад, поданный начальником окружного штаба генералом Белявским командовавшему войсками округа 10 января 1905 года— „О поземельном устройстве жителей нагорной полосы названной области".

Далее следует изложение журналов особого совещания по данному вопросу, состоявшегося под председательством Медведева, с значительным сокращением и даже пропуском высказанных во время прений различных взглядов об отводе земель горцам на праве собственности.

Основная же часть „Трудов" посвящена местным исследованиям по отдельным народностям, исследованиям, произведенным каждым из шести членов комиссии в порученном ему районе, согласно выработанной ею программы. В нагорной Ингушии работа возложена была на члена комиссии—лесного ревизора И. Шанаева.

После издания „Трудов" долгое время специальных исследований по Ингушии не появлялось. В 1916 году, при проведении Всероссийской сельско-хозяйственной переписи, Ингушия, наряду с другими районами, также была об'ектом деятельности местной статистической организации, но, к сожалению, последняя—статистический отдел Терского управления земледелия и государственных имуществ—представила в наше распоряжение далеко не полный материал: целый ряд горных аулов в опубликованных итогах переписи совершенно отсутствует.

В 1919 и 1920-21 годах экспедиция комплексного характера совершена была З. К. Мальсаговым и проф. Н. Ф. Яковлевым. Свои наблюдения над жизнью, обычаями, памятниками старины, а также записи преданий проф. Яковлев изложил в книге: „Ингуши" (Популярный очерк. ГИЗ, 1925 г.).

Принимая во внимание, что экономическая литература об Ингушии, в частности о горной полосе ее, крайне бедна, Северо-Кавказ-

ский Институт Краеведения произвел экономическое обследование двух районов Горской Республики: Осетии (целиком) и Ингушии—плоскостной.

В 1926 г. Северо-Кавказской Ассоциацией Научно-Исследовательских Институтов произведено было обследование горной Ингушии—под общим руководством проф. В. П. Христиановича.

С 16 августа по 30 сентября 1926 г. Ингушским Научно-Исследовательским Институтом и плановой комиссией Ингушии проведено было обследование плоскостной части Области.

С 1926 года Ингушский Научно-Исследовательский Институт Краеведения проводит планомерное изучение Ингушской Автономной Области в различных отношениях.

Нет сомнения, что собранные Институтом материалы, наряду с исследованиями других научных учреждений, прольют достаточный свет как на далекое прошлое Ингушии, так и на ее современное положение и на перспективы дальнейшего социалистического развития Области.

Всестороннее изучение Ингушии за последние годы дало нам ценнейший материал, указывающий на то, что ингушский народ, который на языке колонизаторов именовался „диким", еще в далеком прошлом отнюдь не стоял на низкой ступени культуры. Сохранившиеся до сих пор памятники материальной и духовной культуры подтверждают это.

И если мы теперь имеем значительные и разнообразные материалы об Ингушии, то этим мы обязаны Октябрьской революции, давшей мощный толчек изучению горских народов.

Что же касается печатных источников по истории Ингушии до Февральской революции 1917 года, то нужно признать, что она, в общем, мала, скудна.

В частности, почти не освещена Ингушия в революции 1905 года. Этому вопросу посвящены статьи Л. Ф. Успенского (газ. „Власть труда", дек. 1930 г.) и А. Шадиева (газ. „Сердало", янв. 1931 г.).

Более значительная литература имеется по истории послеоктябрьского периода.

Особенную ценность, как материал, представляют газеты периода 1917-1920 годов. [1])

Основная литература по истории Октябрьской революции в Ингушии, гражданской войны 1917-1920 г. г. указана в статье А. Аршару-

---

[1]) Перечень газет и журналов, вышедших в г. Владикавказе с момента его основания до 1929 г. см. в брошюре Г. К. Мартиросиана „Владикавказская периодическая печать". Изд. Научн. о-ва этногр., яз. и литературы при Горском Пед. Институт. В., 1929 г.

ни [1]), при чем им дана соответствующая характеристика этим печатным материалам.

По газетам—пишет Аршаруни—легко восстановить хронику событий на Тереке. „Что же касается очерков и отдельных работ, посвященных эпохе гражданской войны, то надо сказать, что они могут быть использованы как материалы, но ни в коем случае как исследования".

Существующую историко-революционную литературу А. Аршаруни делит на три части: 1) враги об ингушах в эпоху гражданской войны на Тереке; 2) мемуары и очерки участников, главным образом, ингушей; 3) газетный материал.

В 1929 году состоялась экспедиция Научно-Исследовательской Ассоциации КУТВ им. И. В. Сталина в составе А. Аршаруни и С. Куркиева по сбору материалов по истории революции и контрреволюции в Ингушии.

Из мемуаров и исследований, принадлежащих перу чеченцев и ингушей, следует отметить: „Очерк начала революционного движения в Чечне"—Х. Ошаева, „К основным вопросам истории Чечни" — А. Авторханова, „Этапы революции в Ингушетии"– Хейр-Хаева (жур. „Горский вестник", 1924 г., № 2), „Красный Верден"—С. Долтмурзиева (газ. „Сердало", 1926 г.), „Ингуши"—М. Альтемирова (газ. „Жизнь национальностей", М., 1919 г.), „1-9 февраля 1919 г." (Записки из дневника)—А. Г. Гойгова (газ. „Горская правда", 1923 г., № 25), „Ингушетия и революция" Темботова (газ. „Вольный горец", Тифлис, 1920 г.; автор—сторонник бр. Джабагиевых), а также ряд статей и мелких заметок в газ. „Сердало" с момента ее возникновения.

Из других рабст, освещающих историю революционных движений на Тереке и, в частности, в Чечне и в Ингушии, необходимо упомянуть следующие: Н. Янчевский „Гражданская борьба на Северном Кавказе", его же „От победы к победе", Г. Мартиросиан—„Социально-экономические основы революционных движений на Тереке" (1925 г.), „Терская область в революции 1905 г." (1929 г), Н. Борисенко—„Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г"., под ред. Н. Т. Лихницкого.

Однако, почти вся вышедшая за последние годы историко-революционная литература, как справедливо отмечалось неоднократно в печати (см., напр., обстоятельную статью Н. Г. Буркина „Великодержавность и национализм в горской исторической литературе"), заключает в себе ревизию марксизма-ленинизма и антисоветские выступления.

„В целом—говорит Н. Г. Буркин—мы еще в области преодоления буржуазно-дворянской историографии и создания марксистско-

---

[1]) Журн. „Революция и горец", 1931 г., № 4.

ленинской истории горских народов достигли немногого. В работах по горской историографии много еще методологической путаницы. Большинство из них еще не отделалось от влияния великодержавной историографии, некритически заимствует исторический материал из ее арсенала, а некоторые впадают в другую крайность—ставят проблемы горской историографии в плоскость обоснования местного национального шовинизма".

Отсутствие достаточных материалов по описанию эпохи отдаленного прошлого ингушского народа ведет к необходимости использования ряда источников для этой цели.

Сюда относятся язык, памятники материальной культуры, предания, сохранившиеся в памяти народных масс.

Из других источников для изучения истории Ингушии надо отметить: „Акты кавказской археографической комиссии" и дела Горского исторического архива, в особенности архив кизлярского коменданта (данные с конца XVII и начала XVIII в. в.), архив канцелярии начальника Терской области, военной канцелярии командующего войсками Терской области, Терского областного правления, межевой части кавказского линейного войска Терского казачьего войска, управления Сунженского отдела, штаба Терского казачьего войска, межевого управления Терской области (в делах последнего имеются интересные данные о земельной политике самодержавия—вопросы о земельном устройстве горских народностей, об образовании крупного землевладения и др.).

Что касается названия „ингуши", то под этим наименованием они известны не так давно, с момента переселения их из нагорной полосы на плоскость (первый аул здесь назван был „Онгуштом", отсюда—„ингуши").

Сами же себя ингуши называют „галгай". До переселения ингушей на плоскость отдельные племенные группы родов носили свои наименования: галгаевцы, цоринцы, фяппинцы (кисты), чулихоевцы.

Распространение названия племенной группы родов из Галгаче на всю народность относится, вероятно, к переселению ингушей на плоскость.

Такое распространение об'ясняется экономическим и политическим преобладанием галгаевской племенной группы в горах над другими названными выше племенами.

Мы знаем несколько точек зрения на вопрос о происхождении чеченцев и ингушей.

Л. П. Загурский, в своей „Этнологической классификации кавказских народов" (приложение к „Кавказскому календарю" на 1888 г.), пишет: „Серединную часть Кавказского края вообще и западную

часть Закавказья занимают группы народов, сродство которых с другими народами еще не отыскано. Группы эти картвельская (или иверская); западно-горская и восточно-горская". К восточно-горской группе Л. П. Загурский относит чеченцев „и сродных с ними, по происхождению и языку, так называемых кистин" и лезгинские народы.

У Г. Н. Казбека („Военно-статистическое описание Терской области", ч. I, стр. 107) ингуши значатся в восточно-кавказской семье народов.

Ряд исследователей: Г. А. Вертепов, Евг. Максимов и другие, полагает, что ингуши принадлежат к одной из ветвей чеченского племени.

И. Пантюхов же возражает против этого взгляда, считая прародителями ингушей не чеченцев, а татов и халдеев. „Первоначальные поселенцы,—говорит он—положившие основание ингушской народности, были не из соседних местностей, а, действительно, как гласят и предания, пришли частью из Сирии, частью из Персии. На основании антропологических соображений, эти пришельцы не могли быть ни армяне, ни евреи, ни турки из Сирии, ни азербайджанцы из Персии и, судя *только* (курсив наш. Г. М.) по волосатости тела и устройству головы, не говоря о других признаках, следует заключить, что из Сирии, под предводительством Киста, пришли халдеи или айсоры, а из Персии—представители коренной персидской народности—таты.

Различаясь во многих отношениях весьма значительно, халдеи и таты имеют один общий важный признак—большую волосатость тела".

Далее И. Пантюхов продолжает: „Из кавказских народов наиболее волос на груди—у ингушей, и уже это одно дает основание предположить, что предки ингушей происходили, действительно, от татов и халдеев. Это же, отчасти, доказывается и формой головы и головными показателями". „О том, как природа и обстоятельства переделали ингушей из халдеев и татов чуть не в чистых чеченцев,—мы говорить не будем" („Извест. Кавказского отделения И.Р.Г. О-ва", т. XIII, 1900 г.).

Выводы И. Пантюхова, на наш взгляд, нельзя признать научными потому, что он строит их на зыбком фундаменте слишком незначительного числа наблюдений над волосатостью тела, формою головы и головными показателями у ингушей. „Выводы" эти носят характер реакционной рассовой теории.

Акад. Н. Я. Марр делит горские народы по языковому принципу следующим образом (см. БСЭ, ст. „Яфетическая теория").

Сев.-кавказские языки. А. Восточная ветвь—дагестанская (лезгинские языки, даргинский, лакский, аварский, андийские языки, дидойские языки).

Б. Срединная ветвь: чеченские языки: 1) нахчийский (чеченский), 2) ингушский (ghalgha), 3) цова-тушинский (бацбийский), 4) майстийский.

В. Западная ветвь: а) северная часть—Адыге: 1) кабардинский, 2) черкесский, 3) убыхский, 4) абазинский; б) южная часть—абхазский с диалектами: 1) самурзаканским, 2) абжуйским, 3) бзыбским.

Как видим из этой классификации, акад. Н. Я. Марр относит ингушей по языковому принципу к средней ветви северо-кавказских языков.

Ингуши, по имеющимся языковым, этнографическим, археологическим и пр. данным, являются древнейшими жителями Кавказа.

Упоминание о кавказских горцах встречается еще у древних историков.

Так, известный армянский историк V века н. э.—Моисей Хоренский в своей „Истории Армении“ пишет: „Около того времени аланы, соединившись с горцами и привлекши на свою сторону почти половину Иверии, огромными толпами распространились на земле нашей“. [1]) Н. Эмин в примечании указывает, что Моисей Хоренский под аланами разумеет кавказских горцев.

А. Н. Генко, в цитированной нами уже работе „Из культурного прошлого ингушей“, отмечает, на основании данных языка и ряда новейших материалов, что еще задолго до VI века н. э. ингушам пришлось столкнуться с аланами, „первое появление которых в районе Дарьяла, связанное с крупными этническими переворотами II века до н. э. (на территории современного Туркестана), относится к 35 г. н. э. (s. Täubler, Klio, t. IX, Lpz., 1909, стр. 14 сл.). Начиная с I века, на протяжении ряда веков, мы должны считать культурные влияния, шедшие отсюда, основным источником, питавшим горцев-ингушей, стоявших в тесной зависимости от обладателей северной равнины“.

В труде под названием „География Моисея Хоренского“ есть упоминание об ингушах (кистах).

Этот труд впервые напечатан был в Марсели в 1683 году, в 1736 году переведен на латинский язык братьями Вистон, а в 1819 вышел в Париже, в переводе Сен-Мартена (Memoires sur l' Armenie, Paris, 1819, с предисловием: „Memoire sur l'epoque de la composition de la geographie attribuée a Moyse de Khoren“).

---

[1]) Моисей Хоренский. История Армении. М. 1858 г. Перевод и примечания Н. Эмина.

В русском издании эта работа появилась под заглавием „Армянская география VII века по Р. Х. "—в переводе и с примечаниями известного армяниста К. П. Патканова (СПБ., 1877 г.).

На страницах „Армянской географии VII века по Р. Х." мы встречаем перечень народов, живших в то отдаленное время в Сарматии: „Сарматия (Азиатская) отделяется от своей половины (Европейской) восточными оконечностями Рипейских гор, рекою Танавис, Меотийским морем и простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря.

В Сарматии находятся горы Гиппийские, Кераунские и другие, и многие реки, в числе которых Этиль с 70 рукавами, на берегах которой укрепился народ басилы.

Следующие народы живут в Сарматии: 1. Хазары, 2. Буши (Булхи), 3. Баслики (Барсилы), 4. Апшеги, 5. Абхазы, 6. Царственные Сарматы, 7. Иппофаги, 8. Нахчаматьяны, 9. Фтирофаги, 10. Сюрикаци, 11. Митрикаци, 12. Амазоны, 13. Аланы, 14. Хебуры (Хебары), 15. Кудеты, 16. Скюми, 17. Аргаветы, 18. Марголь, 19. Такоци (Такры), 20. Аргоды, 21. Дачаны, 22. Пинчи, 23. Двалы, 24. Гунны, 25. Воспуры (Акулы), 26. Цанары, у которых проходы Аланский и Цекан, 27. Туши, 28. Хуши, 29. Кусты, 30. Антропофаги, 31. Цхваты, 32. Гудамакары, 33. Дунчики, 34. Дидоци (Дигон, вернее, Дидон), 35. Леки, 36. Каиапастианы, 37. Агутаканы, 38. Хепуты (Хенуки), 39. Шилы (Шибы), 40. Тгигбы (Тгиги), 41. Хелы, 42. Каспы, 43. Пухи, 44. Ширваны, 45. Хераны (Хараны), 46. Баваспары, 47. Хечматаки, 48. Ижамахи, 49. Пасхи, 50. Пусхи, 51. Пиканаки, 52. Баканы, 53. Маскауты —у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море".

Сравнивая эти данные с известиями о Сарматии у классических писателей и с известиями армянских авторов, живших до VII века, К. П. Патканов указывает на народы, встречающиеся у Птолемея, Арриана, Егише, Фауста, М. Хоренского. „Если—замечает К. П. Патканов—к сказанным (народам. Г. М.) прибавим: 34. Дидоевцы, 44. Ширваны, 14. Хевсуры, 25. Воспуры, 29. *Кисты* (курсив наш. Г. М.). 8. Нахчаматьяны, 17. Аргаветы, 23. Двалы, 32. Гудамакары, то получим 40 народов, названия которых не искажены, так как встречаются и у других писателей. Об остальных не могут сказать ничего определенного". „В именах: Сармат, Совромат, Яксамат, Хечматак,—продолжает К. П. Патканов (в примечании),—слог—мат имел, вероятно, какое нибудь значение, может быть, землю, страну (см. I Oppert Exped. en Mésop., II, 80).

То же самое встречается у автора в имени народа 8. Нахчаматьяне. Окончание янц у армян этническое. Остается имя Нахча. В таком виде мы встречаем это имя у чеченцев, которые и до сих пор

называют себя нахче, т. е. народ. См. Дубровина: „История войны на Кавказе", том I, стр. 369".

Сен-Мартен указывает, что безымянный автор армянской „Географии" не прямо, а через Папу Александрийского (жившего, по свидетельству Свиды, в конце IV века, в царствование Феодосия Великого) пользовался „Географией" Птоломея.

Птоломеева же карта Сарматии, как известно, дает то представление древних об этой стране, какое к началу II века нашей эры сложилось у греков и римлян. Она охватывала некоторые части Пруссии, Польши, часть Галиции, всю Европейскую Россию до центральных ее губерний, включая почти весь Кавказ. Таким образом, чеченцев и ингушей (встречающихся в старинных литературных памятниках под именем „нахче", „кустов" или „кистов") следует отнести к одним из древнейших народов Кавказа.

О происхождении и раннем периоде исторической жизни ингушского народа предание рассказывает нам следующее.

„Давным давно—повествует одно из преданий, записанных Чахом Ахриевым [1])—жил человек Соска-Солса (т. е. Солса, сын Соска).

Люди жили тогда под землею, в подвалах, выложенных камнем.

Солса был весьма умный и честный человек. Он родился не от обыкновенной женщины, а прямо происходил от бога.

В одно время с Соска-Солса жили в горах джелты (греки) [2]); они были народ трудолюбивый, хотя не так, как теперь. Они были хорошие строители, и настроили много башен и замков.

После джелтов жили вампалож (двуротые).

Одна женщина родила двух мальчиков: одноротого и двуротого

Однажды братья вышли на охоту. Лесов в то время там не было, а рос небольшой кустарник. В то время в Тарской долине жили кабардинцы. Один кабардинец ходил в кустах. Братья напали на него и взяли в плен. В скором времени на вампалож рассердился бог, и они начали умирать.

Кабардинец вернулся в Тарскую долину, взял с собой кабардинку, привез ее в горы и женился на ней. От этого брака произошли ингуши.

Вампалож вели войны с кабардинцами, и это было тогда, когда самое употребительное оружие были луки, а у некоторых—ружья, но не такие как теперь, а с фитилями".

---

[1]) Сборник свед. о кавказских горцах. Вып. II-й. Тифлис.

[2]) А. Н. Генко считает, что для отождествления джелтов с греками нет оснований (Цит. соч.). О джелтах см. у З. К. Мальсагова в его „Ингушской грамматике" и в статье Ч. Ахриева „Ингуши". (Сб. свед. о кавказских горцах. Том VIII. Г. М.).

Об образовании отдельных ингушских обществ тоже существует ряд преданий.

У Ч. Ахриева эти предания переданы в следующем виде.

„Происхождение Галгаевского общества—говорит он—известно. В отдаленнейший период времени между галгаевцами почти не было случаев потомственной передачи власти от одного лица к другому, как мы видим это в других обществах. Жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению, людей и передавали им право судить и производить расправу, но при этом судьи или старшины не пользовались правом окончательно решать дела без согласия старейших членов общества. Только за кровь убитого старшины взыскивалось более платы, чем за обыкновенного галгаевца. Относительно чуждых народов галгаевцы держали себя совершенно независимо. Так, например, несмотря на то, что в конце XVIII столетия галгаевцы считались подданными тарковских шамхалов, они не платили им никакой дани и зависимость эта была только номинальной. Если галгаевца убивал какой либо простой осетин, то месть галгаевца простиралась не только на убийцу, но и на его господина или владельца.

Воинственность галгаевцев была причиной того, что соседние с ними племена нередко нанимали их или платили им дань за защиту от других каких либо враждебных соседей".

Далее, Чах Ахриев рассказывает легенду о происхождении Галгаевского общества.

„Сначала галгаевцы переселились из Гаши-Барагч (Гаши—ущелье).

Предка их звали Га, а у него сын был Галгай и другой Габертэ (что значит—кабардинец). Галгай вышел из ущелья Гаши (Аргунского округа), поселился в теперешнем, Галгаевском, ущельи и основал Галгаевское общество. Габертэ же переселился в Кабарду и основал Кабардинское общество.

О том же рассказывается иначе.

Сначала в Галгаевском ущельи был основан аул Аэйги-Калла тремя братьями. Старшего брата звали Аэйги, от которого произошло название аула; второго брата Хамхи; он отделился от брата и основал аул Хамхи; младшего Таргим. Он сказал: „я поселился на берегу реки Ассы, где могу купать своего коня",—и основал аул Таргим.

От Аэйги произошел Борхоило и основал аул Барким; от Хамхи произошел сын Косто и основал аул Косто. От Таргима произошел Барахо и основал аул Барахо.

Когда жить стало тесно, галгаевцы начали выселяться на долину (Тарскую). Выселившись туда, они построили 60 башен, чтобы вести

войну с чеченцами, осетинами и кабардинцами. Когда пришли русские, то галгаевцы перестали воевать с осетинами, но стали больше воевать с чеченцами и кабардинцами. Когда стало жить тесно в (Тарской) долине, галгаевцы переселились дальше (к северу) и основали аул Назрань".

Предание об образовании Кистинского общества гласит, что родоначальником его был Кист—„сын одного знаменитого сирийского владельца из дома Камен (Комнен). Во время первых крестовых походов, он убежал из Сирии в Абхазию, а отсюда, через некоторое время, перешел в Грузию. Но Грузия в то время была в самом печальном положении от постоянных нападений арабов и турок, так что Кист принужден был убежать отсюда в неприступные кавказские горы и поселиться в одном из ущелий Северного Кавказа, недалеко от верховьев Терека. Здесь он основал аул Арзи—слово, значащее в переводе на русский язык,—орел. При этом он, вероятно, по примеру своих предков, избрал герб с изображением орла; этот герб, как знак власти, был передаваем из рода в род старшему члену семьи".

„Сын Киста Чард имел сына Чарда же. Последний построил в Арзи 16 „осадных" башен и замков, которые существуют и в настоящее время. После Чарда следовали его прямые потомки: Эдип, Эльбиаз и сыновья последнего Мануил и Аид. После смерти Мануила сын его Даурбек поссорился с дядею Аидом, оставил Кистинское общество и переселился в соседнее, Джераховское общество. При последующих потомках Киста власть их стала значительно уменьшаться над обществом, так что потомки: Шейльнк, Багамет и Таги играли между народонаселением роль старших членов семейства; впрочем, соседи относились к этим лицам как к владетелям кистинским; так, например, грузинский царь Ираклий принимал одного из потомков Таги с большим уважением и почестями, подобающими владетельным лицам".

Основателем же Джераховского общества, по народному сказанию, является Джерахмет.

Он поселился в ущельи еще в давние времена—по обоим берегам реки Армхи, впадающей в бурный Терек. „Ущелье названо Джераховским по имени родоначальника. Джерахмет, также как и Кист, был выходцем, но не из Сирии, а Персии. Во время его переселения Джераховское ущелье было совершенно необитаемо; Джерахмет имел около 100 человек дружины, находившейся в его подчинении и исполнявшей все его приказания. Спустя некоторое время после его переселения, в Джераховское ущелье начали приходить посторонние жители и населяли свободные места—с дозволения Джерахмета. Последний защищал с своей дружиной новых переселенцев и за это пользовался весьма значительными правами над остальным народо-

населением; так, например, он имел право держать холопов и брать подати с жителей Джераховского ущелья. Джерахмет жил до глубокой старости и в течение своей жизни пользовался между своими новыми соотечественниками большим уважением. Сыновья Джерахмета, Лорсин и Бек—пользовались между джераховскими жителями точно также большим уважением. Подобно кистинским предводителям, они неоднократно были принимаемы грузинскими царями к своему двору и получали от них при своем возвращении богатые подарки. Вероятно, грузинские цари ласкали горских предводителей—с целью приобрететения их расположения и предупреждения со стороны джераховцев хищнических нападений на пограничные грузинские земли. А эти нападения в первые времена существования ингушских обществ были весьма часты: они производились, большею частью, предводителями небольших отрядов дружины, при чем они весьма нередко забирались в самую глубь грузинского царства. Главною целью нападений было желание приобрести красного шелку и ситцу для праздничных бешметов своей фамилии. О характере этих нападений мы можем судить по некоторым народным ингушским преданиям о старинных ингушских героях.

Члены Джераховского общества находились точно также в постоянных сношениях с своими соседями—осетинами; значительная часть последних жила почти на одной земле с джераховцами. Кроме того, между джераховцами и осетинами, населявшими ущелье р. Терека, существовал обычай: брать плату за проезд через Джераховское ущелье; причина этого обычая лежала не столько в праве сильного, сколько в том обстоятельстве, что окрестное население следило за исправностью дороги и, в случае ее порчи, делало поправки общими силами. Необходимость обоюдных сношений постоянно заставляла их быть более или менее внимательными к положению этой дороги и тем оказывать значительную услугу проезжавшим караванам. Сумма, собиравшаяся с проезжающих, разделялась между ближайшим населением; при этом в способе распределения была разница: в осетинском населении деньги отдавались не всем членам общества, а только самому привиллегированному сословию—алдарам, между ингушским населением деньгами пользовались все,—как правители, так и остальные классы, в равной степени, — обстоятельство, указывающее на слабое развитие между ингушским населением аристократического элемента."

Заселение Джераха предание, по словам Ч. Ахриева, рисует так. „Первым переселился в Джерах Леван (из Галгаевского ущелья). Он жил против аула Абан-Кистена, который находится на р. Армхи. Прежде чем переселиться на новое место, Леван разостлал бурку и бросил стакан, произнося такие заклинания:

„—Я переселюсь в ту страну, куда обратится стакан (открытою частью): это будет признаком нового счастливого места".

Леван переселился к западу и основал Джерах (ныне Верхний Кале). Старый Юрт носил название Тетель-Кале. До сих пор находятся на этих местах признаки прежнего жилья. В новом ауле жили Цуровы и Хаматхановы.

Леван говорит:

„—Нам жить тесно. Выселяйтесь в новое место".

Цуровы и Хаматхановы продолжали селиться и хотели сделать башню, но Леван сбросил камни, приготовленные Цуровыми и Хаматхановыми. На этом месте Леван построил фамильный склеп. Потомки Левана расселились к западу и основали аулы Пямет и Фуртоуг. Цуровы тоже заселились к западу и основали Верхний и Нижний Озми.

Для того, чтобы связать потомков, Леван устроил праздник „братский святой" (цу). На том месте, куда собираются для праздника, построена часовня. Туда ходят молиться ежегодно (приблизительно на 4-й неделе великого поста).

В часовне находились: стакан Левана, который он бросал, и чучело голубя. В то время всякий был убежден, что кто раньше принесет жертву, того бог примет с большею любовью.

Однажды Боровы, в день праздника, в воскресенье, перед рассветом, отправились с жертвой в часовню. Один из них вздумал пошутить и взял чучело голубя: он вдруг сделался живым и улетел. Остальные, когда пришли, не нашли чучела голубя.

С тех пор Боровы стали бедствовать".

Об основании Карабулакского и Назрановского обществ преданий нет, так как эти общества образовались из горных переселенцев в более близкий к нам исторический период.

Нужно заметить, что почти каждый горный аул имеет предание о своем возникновении. „Во многих случаях,—замечает Ч. Ахриев,—история о прошлом ограничивается одними только преданиями об основании аула, тогда как обстоятельства и события позднейшего времени не удерживаются в народной памяти, при чем эти предания, переходя из рода в род, не только не сокращаются в своем содержании, но еще более увеличиваются от прибавления народной фантазии. Главною причиною живучести этих преданий надо считать то чувство уважения к своим предкам, которое в горском населении доходит до обожания".

Во время пребывания научной экспедиции Северо-Кавказского Института Краеведения летом 1926 года в нагорной Ингушии я кратко записал предания об организации некоторых аулов.

В Фуртоуге, от С. Ахриева, я узнал о родоначальнике Джераховского общества, а также об основателе селения.

Прежде, еще до ингушей,—судя по местным названиям аулов, окрестностей, различных урочищ,—здесь жил какой то другой народ, повидимому, тюркского племени.

Этот народ был вытеснен ингушами.

Первым поселился тут Охр, выходец из селения Могучкал, Джераховского общества.

Он построил боевую башню, так как между ингушами и кабардинцами часто происходили кровопролитные столкновения.

Первые жители поселились путем захвата, войн.

Территория нынешнего Мецхальского общества, по словам Точиева (перевод А. Тутаева), в глубокой древности занята была другим народом.

Селение основал некто Мецхал.

Оно существовало еще до царствования грузинской царицы Тамары.

О Салги—рассказал Белал Эльджаркиев—существует предэние, что первые жители пришли сюда из Аравии.

Прежде селение называлось так же, как теперь—Салги. Основателем его считается Маго.

Первые жилища возведены были из местного камня и песка.

Маго сам выжигал известь.

Материал на ослах им самим перевозился на возвышенное место, где теперь находится Салги.

Предание об основании Таргима, Эгикала и Хамхи гласит следующее.

В далекие от нас времена жил в горах Ингушии один воинственный человек по имени Эльберт.

У него было три сына: Эги (старший), Хамхи (средний), Тэргим (младший).

Три брата имели свыше двенадцати тысяч десятин земли.

Сначала все они жили вместе, но потом разделились.

Старший, по обычаю, должен был остаться в том ауле, в котором жил отец (Эгикал), Хамхи образовал аул Хамхи, а Тэргим устроил селение на правом берегу реки Ассы.

Род Тэргима постепенно разростался и дал целый ряд ветвей фамилий: Мальсаговы, Бековы, Чопановы, Плиевы, Оскановы, Лейзовы, Гасаровы, Озиевы, Гаркажевы, Тутаевы, Чабиевы, Кульбуше-

вы, Горбаковы, Угурчевы, Темирзиевы, Арчаковы, Султыговы, Ганиевы и др.[1])

Возникновение селения Таргим предание относит к царствованию царицы Грузии Тамары.

Об основании аула Эгикал житель последнего Шахбот Газдиев рассказал мне иную легенду.

Почти у вершины горы Цейлам жила древняя фамилия Забиевых. Это далекие предки жителей Эгикала.

Однажды у Забиевых пропало семь баранов.

Дело было осенью.

Весною несколько мужчин ушло на охоту.

И вот, один из охотников увидел баранов, исчезнувших осенью. Они жили в пещере.

Внимательно осмотрев пещеру, охотники заметили не только баранов и овец, но и приплод—родившихся у них ягнят.

Охотники, вернувшись домой, рассказали об этом своим родственникам.

Тогда старики,—удивленные тем, что скот уцелел в течение всей зимы и даже дал приплод,—спустились вниз, в то место, где сейчас находится аул Эгикал.

Приблизив ись к пещере, они опознали своих баранов, возвратились домой и сообщили обо всем жителям.

Сельчане выслушали рассказ стариков, посоветовались и переселились на землю, занятую в настоящее время селением Эгикал, ибо все нашли климат весьма благоприятным для развития здесь скотоводства, в особенности—овцеводства.

Первые жители расселились путем свободного занятия земель.

В каких годах образовалось селение—точно неизвестно. Говорят, что во время грузинской царицы Тамары.

Аул Барах устроен выходцами из сел. Эгикал.

Так закончил свою повесть Шахбот Газдиев.

Сохранившиеся предания указывают, что жизнь ингушей в отдаленном прошлом протекала в обстановке войны. Они же указывают на тесную связь Ингушии и Чечни с Кабардой, Осетией, а также с Грузией.

Ряд преданий связывает основание аула с условиями, необходимыми для занятия скотоводством, часто упоминает и о другом занятии жителей—охоте.

Кроме того, нельзя не отметить, что некоторые предания заключают в себе и прямое указание на классовую диференциацию, на

---

1) Данные о родах см. в труде З. К. Мальсагова „Ингушская грамматика", Владикавказ, 1926 г., стр. 105 -112.

общественную роль „богатых“ (например, „право судить и производить расправу“ и пр.).

Дошедшие до нас источники о ранних ступенях исторической жизни чеченцев и ингушей, а также ряд пережитков былого общественного строя их, свидетельствуют о том, что они, как и многие другие народы, прошли через родовой строй.

Род или тайпа, включавшая в себя всех однофамильцев, состоял из ряда отдельных ветвей, называемых „гаарами“ или „неками“.

Все члены тайпы назывались братьями—„важерей“, „воша“, а в целом „вошала“ или „братством“.

По представлению чеченцев и ингушей свое начало тайпа и гары ведут от общего родоначальника и основываются на кровном единстве ее членов.

Средства производства находятся „в общественной собственности и общественном пользовании известных человеческих групп“—так характеризует Энгельс родовой строй.

Такому характеру хозяйства родового общества соответствовало и управление родовыми делами путем подчинения членов тайпы решениям совета ее или главы тайпы, избираемого на демократических собраниях и смещаемого по усмотрению рода.

Военно-хозяйственные, брачные связи между родами послужили основой, на которой патриархальные роды об'единились в племена. Так возникли племена: галгаевцев, чулихоевцев, фяппинцев, джераховцев.

Галгаевцы обитают—пишет А. Берже, выпустивший свой очерк „Чечня и чеченцы“ в 1859 г.—у верховьев р. Ассы и по берегам реки Тоба-чоч, между кистинами, цоринцами и акинцами, цоринцы обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. Аулы аккинцев расположены по обоим берегам р. р. Ассы и Сунжи, между галгаевцами и дальними кистами, в верховьях р. Гехи, притока Сунжи. Джераховцы живут по обоим берегам Макалдона. Кисты разделяются на ближних и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона, притока Терека, а последние по ущельям р. Аргуна. Общество ближних кистин сосредоточивается в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от Главного кавказского и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого впадает в Терек р. Кистинка. Карабулаки занимают равнину, орошаемую р. р. Ассой, Сунжей и Фортангой, по течению которых и расположены. Галгаевцы живут по р. р. Ассе и Сунже. Назрановцы занимают низменные места, орошаемые р. р. Камбилеевкой, верхнею Сунжею и Назрановкою и по течению этих рек до впадения р. Яндырки в Сунжу и по Тарской долине.

Племена: галгаевцы, чулихоевцы, фяппинцы, джераховцы и карабулаки вплоть до XX столетия сохранили некоторые свои отличия в языке, обычаях и т. д.

Каковы были основные черты хозяйственного и общественного строя ингушей в период их пребывания в горах?

Согласно имеющимся данным ряда пережитков родового строя, нужно полагать, что этот строй в отдаленном прошлом существовал в Ингушии со всеми его основными элементами.

Здесь, однако, необходимо отметить, что в виду отсутствия материалов и неизученности вопроса о доклассовом периоде истории Ингушии мы не имеем возможности установить какие либо хронологические рамки, четко разграничивающие в этом отношении одну формацию от другой.

Поэтому мы вынуждены, базируясь на имеющемся материале, далекое прошлое Ингушии восстанавливать, исходя из пережитков былых формаций, пережитков, сохранившихся на протяжении веков.

Так, наличие целого ряда пережитков родового строя дает нам основание считать, что в древнейшие времена в Ингушии существовал этот строй в целом и только в связи с развитием производительных сил, с изменением общественного производства отпадали некоторые элементы указанной формации, другие же сохранились и далее, но только уже в виде пережитков.

Как известно, отличительной особенностью родового строя является совместное примитивное ведение производящего хозяйства родами, члены которых связаны сознанием своего кровного родства.

Основное средство производства—земля—находилась в коллективной собственности и являлась первоначальной формой земельной собственности.

Скотоводство возникло из усложненной охоты, подобно тому как усложненное собирательство привело к земледелию. Однако, „для сколько нибудь широкого развития скотоводства, для постепенного выявления всех производственных возможностей того или иного животного необходимым условием была оседлость“ (Е. М. Кричевский. Развитие производства родового общества. Сборн. „Первобытное общество“, под ред. М. Н. Покровского).

По мере развития земледелия родовая общинная собственность начинает „сковывать его производство“ (Энгельс), и противоречие между низким уровнем производительных сил и коллективным процессом труда и присвоения „снимается“ индивидуальным производством, являющимся источником происхождения частной собственности.

Распад родовой коллективной собственности на землю повлек за собою распад рода на ряд больших семей, домовых семейных об-

щин, разложившихся, в свою очередь, при дальнейшем развитии индивидуализации производства, на малые моногамические семьи.

Родовую общину сменила сельская община, хотя в ней еще продолжали сохраняться некоторые элементы былой организации, в частности, коллективная собственность на землю. Последняя, однако, в результате дальнейшей индивидуализации производственного процесса, вытеснена была частной собственностью на землю и „хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически перераспределяется между членами сельской общины, так как каждый земледелец обрабатывает за свой счет предназначенные ему поля“ (Маркс). После окончательного передела пахотная земля превращается в частную собственность, и сельская община сменяется „общиной вторичной формации“, „в которой пахотная земля стала частной собственностью, между тем как леса, пустыши, пастбища и пр. еще остаются общинными“ (Маркс).

Так шел процесс разложения родового строя в Ингушии. „Настал конец родовому быту. Общество переросло этот уклад, он не мог ни смягчить, ни уничтожить раз'едавшие его противоречия“ (Энгельс).

Ко времени завоевания Ингушии Россией общую собственность тайповой и сельской общины составляли выгоны, лес и пастбища, тогда как сенокосы и пашни находились в подворно-наследственном пользовании семейных групп.

Такое положение вещей сохранялось до Октябрьской революции и даже в 1926 г. научная экспедиция Ингушского Н.-И. Института в горную Ингушию констатировала здесь в ряде мест отношение к некоторым видам земельных угодий, как к достоянию отдельных родов (пастбища, выгоны)[1]).

Родовой строй Ингушии имел свои обычаи, охватывавшие самые разнообразные сферы имущественных и проч. отношений.

Признание общего главы рода, уважение к старшему по возрасту, кровная месть, общность имущества, взаимопомощь, радушный прием родственников, траур по случаю смерти члена рода, ответственность всего рода за проступки члена рода, безусловное запрещение брака между членами рода и т. п. обычаи становятся понятными только при свете родового строя.

Кровная месть—один из главнейших спутников родового быта—возникла на почве исключительного хозяйственного значения каждого члена рода, потеря его наносила существенный ущерб хозяйству всей тайпы. Отсюда кровная месть всей тайпой за убийство или ранение члена рода („доу“). „Из рассказов о том, как происходила кровная месть в старые времена, когда ингуши жили еще в своих

---

[1]) Г. К. Мартиросиан. Нагорная Ингушия. Изд. Инг. Научно-Исслед. Института. Владик., 1928 г., стр. 150.

горах, не подчиняясь никакой посторонней власти, видно, что раньше ответчиком за убийство была „вся фамилия“ убийцы до десятого поколения включительно. Самое мщение за кровь в те времена подчинялось более строгим правилам, соблюдавшимся у горцев до недавнего времени“ (Яковлев. Ингуши).

Родовому строю соответствовала своя религиозная надстройка: культ предков, как хранителей накопленного опыта в добывании средств существования, хранителей, передающих этот опыт потомству.

Переходя к возникновению и развитию обмена, отметим следующее.

Обмен продуктами—говорит Маркс—„возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы“.

Обмен товаров, по утверждению Маркса, „возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин“.[1])

С развитием же обмена выявились неудобства непосредственной меновой торговли и из товаров выделяется один, который охотнее принимается, чем все остальные. Таким товаром у чеченцев и ингушей стал, повидимому, скот. Основанием для такого предположения являются некоторые сохранившиеся в обычном праве их нормы, регулирующие различные стороны быта; так, при определении вознаграждения потерпевшим за ранение, при кровной мести, при уплате за работу счет ведется по тому или иному количеству скота; известно также, что за постройку боевых башен строителям платили коровами.

Так шел процесс разложения родового строя и процесс созревания в его недрах имущественного неравенства среди членов тайпы.

Начали отслаиваться отдельные группы, владевшие большим количеством скота и земель. К этим группам надо отнести, главным образом, большинство членов племенной группы родов из Галгаче. Занимая центральное место в нагорной Ингушии, владея входом в Ассинское ущелье, извлекая немалые материальные и прочие выгоды из своего положения, отдельные семьи, принадлежавшие к названной племенной группе родов, накапливали в своих руках богатства и усиливали свою власть над окружающим населением. Некоторые данные говорят о том, что в Ингушии существовало и рабство.

Трудно, разумеется, при полной еще неизученности вопроса установить социально-экономические формации, через которые прош-

---

[1]) К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 55. ГИЗ, 1925 г.

ла Ингушия. Вопрос этот требует большой подготовительной работы по сбору соответствующих материалов, после чего только можно будет дать всесторонний анализ этих формаций и их особенностей в условиях Ингушии.

Однако, имеющиеся уже данные свидетельствуют о том, что Ингушия прошла и через феодальные отношения, при чем продолжали еще сохраняться родовые отношения в виде пережитков.

Родоначальниками группы тайп из Галгаче предания считают трех братьев: Тэргима, Эги и Хамхи.

Всякий, кто проезжал или прогонял свой скот через их владения, должен был—пишет профессор Н. Ф. Яковлев—„платить им дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход с одного человека и с каждой головы скота братья брали по одной пуле и одному заряду пороха. Мало по малу в руках братьев и их потомков скопилось богатство, поселения их разрослись, и по их именам получили название селения: Эгикал, Хамхи, Таргим. В союзе с другими соседними родами Баркинхоевых, Евлоевых и родом Ферти-Шауль потомки трех братьев или рода „трех селений“ вооруженной рукой распространили свою власть на ряд соседних племен: фяппинцев, аккинцев и др.“ „Выходцы из чужих родов, беженцы, пленники, найденыши становились рабами или получали от господствующих родов земли для поселения и становились их крепостными земледельцами“ („Ингуши“).

Предания, а также прошение потомков трех братьев, поданное в конце XIX ст. начальнику Терской области, указывают, что Эги, Хамхи, Тэргим имели свыше 12.000 дес. земли.

Некоторые предания, как мы видели, отмечают наличие в Ингушии группы, имевшей „право судить и производить расправу“.

Легенда о богатыре Тырпале, приводимая проф. Яковлевым, рассказывает нам о женитьбе этого „гордого человека“ на дочери грузинского князя. В первый раз грузинские князья отправили к богатырю девушку-рабыню, но Тырпал отослал ее обратно; во второй раз подослали к нему не рабыню, но и не княжеского рода. „Наконец, грузинский князь послал к нему свою собственную дочь. Эта сразу пришлась богатырю по сердцу, и по прошествии трех ночей он стал жить с нею, как с женой“.

Другая легенда—об Ивизды Газде—является любопытной иллюстрацией социального расслоения в Ингушии еще задолго до укрепления царской власти на Кавказе.

„Испокон века жили ингуши в Галгайском ущельи. Поперек ущелья была сделана каменная стена, и стояла их стража у единственного входа. Без разрешения часовых никто не мог ни выйти, ни войти.

Начальником у входа был некий Пхягал Беарий. Стража и вся страна находились под управлением „отца“ (т. е. старшины—старшего в роде) „трех селений“, „отца Беркимхоевых, отца Евлсевых и Ферти-Шауль, устанавливавших законы. Однажды пришла им в голову мысль: „Сколько ни живет на свете людей—у всех есть свои князья. Не лучше ли и нам поставить над собой князя?“ И каждый из четвертых в сердце своем мечтал сделаться князем. Тогда собрали они всех галгаев. Три дня и три ночи продолжалось их совещание на лугах Соу“.

Один лишь ингуш по имени Ивизды Газд не явился на всенародное собрание, несмотря на то, что за ним послали вестника. Когда же он узнал, что собравшиеся готовятся метать жребий, кому быть князем на Ингушии, то решил поехать на выборы. „На себя надел он шелковый халат, оседлал лучшего коня, взял отделанную золотом шашку. Свою роскошную шелковую одежду опоясал он грязным вьючным ремнем, которым увязывается груз на спине осла. В таком виде явился он на собрание, где сошлась вся страна галгаев“. Здесь его спросили: „Скажи, почему не являлся ты эти три дня на собрание? Ведь мы несколько раз посылали за тобой“. „А что мог бы я сделать, если бы и пришел“,—отвечал Газд. „Почему ты на коне, почему надел шелковые одежды, почему привесил к поясу отделанную золотом шашку и почему опоясался грязным ослиным ремнем?“ „Не идет разве мне этот грязный ремень?“—спросил Газд. „Как может итти ослиный ремень к шелковой одежде?“—ответили собравшиеся. „Клянусь моим отцом,—воскликнул Газд,—как ослиный ремень—к шелковым одеждам, так князь и раб не идет к ингушам!“ Тогда все собравшиеся единодушно постановили: „Пусть вырастет негодное потомство у того, кто отныне предложит поставить над нами князя“. И разошлись собравшиеся со словами: „у кого есть рабы, пусть сейчас же отпустит их на волю“.

В ингушско-русском договоре, подписанном в 1810 г., потомки „благородных“ фамилий именовали себя так: „Мы, нижепоименованные, 6 фамилий ингушского вольного и никому не подвластного народа, *лучшие и почетнейшие люди*“ (Курсив наш).

Это были люди, принадлежавшие к фамилиям с большим количеством членов, происходивших, по преданию, от одного предка, сосредоточившие у себя значительные участки земель, огромное количество крупного и мелкого рогатого скота, вооруженную силу.

Общеизвестна теперь имевшая место в ингушской истории зависимость фяппинцев от „лучших“ галгаевских фамилий: за убийство фяппинца галгаевцем платилось меньше, чем за убийство фяппинцем галгаевца.

Б. К. Далгат пишет о взаимоотношениях между сильными и слабыми фамилиями следующее: „Обычным было явление, что силь-

ная фамилия обижала слабую. Слабой фамилии в таком случае оставалось одно спасение—или образовать союз сообща с другими слабыми фамилиями или примкнуть самой к сильной фамилии в качестве младшего сочлена". „Из слов Лаудаева мы видим некоторый намек на соединение слабых родов в одно целое с целью совместной обороны от сильных родов или присоединение слабого рода к сильному, как к патрону".

Здесь, однако, речь идет, по существу, не о сильных фамилиях в целом, а отдельных членах их, ибо к рассматриваемому времени тайпа не представляла уже собою единый хозяйственный организм без имущественного неравенства; что же касается т. наз. „слабых" фамилий, то в отношении их можно предположить распространение на всех членов зависимости от феодалов.

15 поколений назад (500—750 лет)—сообщает проф. В. П. Христианович—род Салгиевых выселился, вследствие тесноты, из Цоринского общества и занял на праве свободной заимки территорию нынешней земельной общины Салги. Когда для укрепления своего владения нужно было построить башню, то на началах купли-продажи земли на занятую территорию был впущен род Гу. Несмотря на покупку земли последним, род Салги считал Гу своими „лей", т. е. вассалами („Горная Ингушия").

Маркс, между прочим, отмечает феодальный принцип, который „состоит в истреблении имеющегося в наличности", особенно ярко проявляющегося в „роскоши личных услуг" (т. I, стр. 597). Это как нельзя кстати применимо и к ингушской действительности отдаленного прошлого. В целом ряде норм обычного права, сохранившихся у ингушей до конца XIX ст., можно встретить этот весьма распространенный термин—„услуги". Раскрывая же его настоящее содержание, легко заметить, что под этой формой скрывается определенная фактическая зависимость отдельных лиц или групп людей от сильных мира сего.

Что касается хозяйственного строя, то, в общем, он имел натуральный характер. Низкий уровень развития производительных сил, отсутствие удобных путей сообщения (гористые места, узкие тропинки, извивающиеся подчас над пропастями), которые бы облегчали установление хозяйственных связей внутри самой Ингушии и вне ее, —делали невозможным широкий обмен, вследствие чего он и играл здесь второстепенную роль.

Нужно заметить, что наряду с земледелием и скотоводством выделилась ремесленная деятельность, которой занимались отдельные семьи. Отделение ремесла от земледелия Энгельс называет „вторым великим общественным разделением труда".

Известно, что постройка боевых и жилых башен, склепов, храмов, замков, которая возможна была лишь для богатых и воинствен-

ных семей, производилась каменщиками... „В старое время—пишет Яковлев—в горах имелись целые роды, занимавшиеся, например, постройкой башен из камня. Такова фамилия Баркинхоевых, жителей сел. Бархин, в горной Ингушии, которые из поколения в поколение были мастерами-каменщиками, или „искусниками камня", как выражаются ингуши („тоны гоудзыж"). „Только имевший наследственную долю в боевой башне и могильнике считался полноправным свободным ингушем. На не имевших такой доли смотрели, как на низших, с ними остерегались заключать браки".

С возникновением классов в адате отразились элементы классового расслоения и классовой борьбы в Ингушии. Кровная месть стала удобным способом для сильных, зажиточных, „благородных" закабалить бедноту из тех или других фамилий; кроме того, при преследовании кровным порядком принималась во внимание социальная прослойка, к которой принадлежал убитый или обиженный и обидчик. Известно, напр., что за убийство плата с убийцы или его родственников взималась различно—в зависимости от того, к какой „фамилии" принадлежал убитый (к „лучшей" или слабой, „худшей").

Были также случаи, когда отдельные члены т. н. „слабых" фамилий оказывались вынужденными в силу экономических причин, кровной мести и др. обстоятельств становиться под защиту сильной. Этот акт сопровождался особым церемониалом: один из членов „слабой" фамилии приходил к представителям „сильного" рода и у башни последнего, в присутствии жителей села, резал быка и просил принять в состав рода; после этого принятый принимал новую фамилию, пользовался ее защитой и выполнял „покровителям" различные работы, при чем, однако, последние именовались „услугами".

Из приведенных нами преданий нам уже известно, что основатель Джерахоевского общества Джерахмет „пользовался весьма значительными правами над остальным народонаселением; так, напр., он имел право держать холопов и брать подати с жителей Джераховского ущелья". Сыновья его „пользовались между джераховскими жителями точно также большим уважением. Подобно кистинским предводителям, они неоднократно были принимаемы грузинскими царями к своему двору и получали от них при своем возвращении богатые подарки".

Одного из потомков Таги грузинский царь Ираклий принимал „с большим уважением и почестями, подобающими владетельным лицам".

В предании об образовании Галгаевского общества отмечается, между прочим, что „за кровь убитого старшины взыскивалось более платы, чем за обыкновенного галгаевца".

В 1933 году Ингушский областной научный музей пополнился ценнейшим историко-археологическим предметом: медным фигурным

изображением орла с арабской куфической надписью вокруг шеи (текст надписи приведен у Ч. Ахриева). Предмет датируется IX веком и вместе с связанными с фигурой орла архивными документами, найденными Ингушским Научно-Исследовательским Институтом, представляет чрезвычайно интересный материал для выяснения вопроса о феодализме в Ингушии и сношениях ее с мусульманским Востоком. Об этом предмете и сообщает Ч. Ахриев в предании об образовании Кистинского общества: Кист основал аул Арзи (что в переводе на русский язык означает—„орел"). „При этом он, вероятно, по примеру своих предков, избрал герб с изображением орла. Этот герб, как знак власти, был передаваем из рода в род старшему члену семьи".

Таким образом, если вопрос о феодализме в Ингушии не получил еще полного освещения, то, тем не менее, по целому ряду отдельных исторических фактов можно уже теперь считать достоверным наличие зачатков этой общественно-экономической формации у ингушей. Сюда надо отнести отмеченные выше производственную структуру феодализма, формы феодальной эксплоатации, крепостничество, внеэкономическое принуждение и др. черты феодальных отношений.

Вместе с тем, уже в период феодальных отношений зарождается в Ингушии торговый капитал.

В горах и начал развиваться процесс накопления богатств в руках отдельных семей, принадлежавших к родам „трех селений", владевших важным торговым и военно-политическим трактом по долине р. Ассы, которым пользовались и русские послы XVI века.

Эти семьи, принадлежавшие к родам, владевшим входом в Ассинское ущелье, само собою разумеется, извлекали немалые выгоды из своего положения.

Они производили обмен своих продуктов на привозные предметы иноземной промышленности (украшения, ткани, металлические изделия и т. п.) и затем сбывали товары среди соседних племен: фяппинцев, чулихоевцев, цоринцев и др.

Феодальные отношения, надо полагать, поддерживались в Ингушии и феодальной Грузией, которая, судя по многим данным, играла важную политическую и культурную роль в Ингушии. Имеющиеся материалы говорят о глубокой давности грузино-ингушских взаимоотношений. Эта связь имела не только экономический характер, но также характер политического господства Грузии в Ингушии; влияние Грузии велико было и в религиозном отношении.

Грузинские мастера воздвигали в Ингушии (как и в Осетии) христианские храмы; грузинские цари направляли в ее ущелья своих проповедников, богослужебные книги. В 1927 г. Ингушским Научно-Исследовательским Институтом передана была акад. Н. Я. Марру для

определения старинная богослужебная пергаментная книга, вывезенная в 90-х годах прошлого столетия Г. Вертеповым из нагорной Ингушии. А. Н. Генко, которому акад. Н. Я. Марром рукопись передана была для исследования, относит ее, по характеру письма, к XI—XII векам.

Культурное влияние Грузии сохранилось в Ингушии на протяжении многих столетий; особенно же оно было сильно в период VII—XII веков; с постепенным политическим упадком Грузии слабела и ее политическая и культурная роль в Ингушии. В 1785 г. грузинский царь Ираклий „призывал к себе осетинцев и ингушей, но напрасно" (Бутков).

Это культурное влияние оставило заметные следы как в языке, так и в материальных памятниках.

В частности, памятниками грузинской культуры являются, напр., известные храмы Ассинского ущелья—Тхаба-Ерды и Алби-Ерды (основание первого Н. Бакрадзе относит к XI веку, проф. А. Г. Шанидзе, доц. Л. П. Семенов, И. П. Щеблыкин—к XII веку).

Древне-грузинские письмена встречаются в Ингушии на различных памятниках древностей—на плитах храма Тхаба-Ерды, на древних сосудах, найденных в могильнике близ сел. Салги.

Вместе с тем в литературе встречаются данные о зависимости ингушей от „владельцев Большой Кабарды, потомков арабского князя Инала". Эта зависимость относится к тому моменту, когда Грузия политически ослабела, а политическое влияние Кабарды на соседние горские народы усиливалось. „Ослабление Грузии" и „разделение государства на части" „в первой четверти XV века подвергли ингушей зависимости кабардинцев, которые начали постепенно притеснять их и принуждали платить дань с каждого двора по одному барану, а за неимением такового на одну косу железа" (Платон Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, стратегическом, этнографическом и торговом отношениях. СПБ. 1835 г.).

Между тем, „благородные" (эзды нах) семьи, сосредоточившие в своих руках значительное количество скота, спустились, в виду земельной тесноты в горах, по долинам рек на плоскость, к плодородным землям.

Л. Н. Генко, по сведениям Шгедера, полученным им в Тарской долине, называет игравших роль в завоевании равнины членов рода: Тергимхоева, Эги, Хамхоева, Кортоева, Оздоева или Цикмабухоева, Евлоева.

Первый аул, основанный на плоскости в XVII веке, носил наименование „Онгушт"; отсюда и получил народ свое русское название—ингуши.

О продвижении ингушей на плоскость сохранилось свидетельство дивизионного квартирмейстера Штедера, об'ехавшего в 1781 году Ингушию и Осетию. Данные отчета Штедера приведены в работе А. Н. Генко, цитированной уже нами выше.

„Я следовал—сообщает Штедер—берегом Сунжи через равнины и поля ингушей почти вплоть до гор. По ту сторону (sr. Сунжи), на 4 версты восточнее, лежали под лесистым отрогом 3 или 4 деревни ахкиюртовцев, представляющих собою смесь ингушей и карабулаков" (стр. 27). „Через 5 верст к западу (от Сунжи) мы попали у реки Камбилеевки к ингушам или кистам, расположенным при выходе ее из лесистого предгорья... В недавнее время колония ингушей, называемая Шалха (Schalcha), расположилась у нее, под горами.

Густота населения в менее плодородных долинах выгнала их на плоскость... Одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации, могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев налагаемое ярмо, при чем недавно погиб один из знатнейших кабардинских князей. На левом берегу Камбилеевки расположено у самых гор около 200 фамилий. Перед собой они имеют глубокую ложбину и берег реки для защиты" (стр. 28).

Описав дефиле, ведущее от Шалхи в Тарскую долину, Штедер продолжает: „Отсюда открывается долина больших ингушей и тянется на юго-восток свыше шести верст, при ширине в 4 версты. Большинство их селений лежит по северной стороне долины, частью на склоне гор, частью у реки. Также и на западной стороне реки Герге (Gerge) лежит несколько обособленных селений (судя по дальнейшим указаниям, Штедер имеет здесь в виду западный приток Камбилеевки —Герчоч). При входе в долину стоит башня, окруженная стеной, нежилая, которая могла бы служить для защиты прохода" (Ibid.). „Под заладными горами (sc. внутри Тарской долины) расположено селение Веппий (Wapi), откуда дорога через горы ведет к Тереку" (стр. 32). На этой реке (sc. Gerge) жили прежде веппинцы (Wapi), некоторые из них еще остались в бесплодной маленькой долине; у них сохранились еще остатки одной маленькой церкви" (стр. 41). „Здесь (на равнине у Балты) ингуши выпасают своих овец" (стр. 45).

На основании вышеприведенных выдержек—говорит А. Н. Генко —можно довольно точно представить себе картину передвижений на ингушской плоскости.

В конце XVII века кабардинцы покинули свое местожительство на Эндерипсе (где в настоящее время находится селение Яндырское), подвинулись к Назрани и заняли пространство между Сунжей и Камбилеевкой. „Но и здесь нападения на их стада горных жителей вынудили их к переселению, около 1730 г., на ручей Мармэрлик (в районе Батакаюрта?) и далее к Пседаху, где их и застал Штедер в

1781 г.". „Вскоре после ухода кабардинских стад, ингуши и карабулаки заняли ущелье в верховьях Сунжи, основав там т. н. Аккиюртовское поселение; их пастбищные и покосные участки продвинулись к 1781 г. до р. Конч к северу. Несколько позднее (вероятно, в 60-70 г. г. XVIII в.) двинулись к северу и так наз. „большие ингуши" из Тарской долины и, пройдя дефиле, отделяющее ее от равнины, заняли оба берега Камбилеевки на урочище, носившем имя кабардинского князя Шаулоха; ближайшей причиной была перенаселенность Тарской долины. Число дворов переселенцев уже при Штедере доходило до 300 и более. Данные Штедера позволяют установить и другое направление ингушской колонизации, именно в сторону Военно-грузинской дороги на Балту" (А. Генко. Из культурного прошлого ингушей).

Что касается района Назрани, то он после оставления его кабардинцами около 1730 г. в ближайшие 50 лет пустовал: в 1781 г. Штедер застал там сторожевые посты ингушей, устроенные для предупреждения жителей Камбилеевских хуторов о приближении опасности. Но после произведенного в 1784-1786 г. г. и в 1803-1804 г. г. укрепления линии Моздок-Владикавказ, обезопасившего Назрановский район со стороны Кабарды, он был уже окончательно занят камбилеевскими ингушами.

Руководящая роль в ингушской колонизации Назрановского района принадлежала Тергимхоевым, Эгиевым и Хамхоевым.

Из истории рода Мальсаговых мы знаем, что основателем Назрани является Орцха Кэрцхал, из потомков Малсэга, принадлежащего к Тергимхоевым. История определенно указывает на неограниченную власть, которую имел Кэрцхал над ингушами („К своим Кэрцхал был строг: за кражу набивал он колодки на ноги и сажал в яму провинившихся").

Занятие плоскости нужно считать одним из важнейших этапов в истории Ингушии.

Переселение на равнину повлекло за собою переход к развитию земледелия, принявшего товарный характер, к еще более резкому расслоению в деревне на богатых и бедных.

Товарный хлеб стал сбываться в Грузию, преимущественно в Хевский район.

Таким образом, еще до укрепления русской власти на Северном Кавказе существовал в Ингушии торговый капитал, который, с утверждением власти русского царизма, вступил в полосу своего дальнейшего развития

Ко времени завоевания Россией Ингушии последняя сохраняла некоторые пережитки родового строя, частично оставшиеся и по на-

стоящее время и являющиеся теперь тормозом в социалистическом строительстве.

Быт ингушей, в связи с изменением хозяйственных форм, претерпел изменения.

Правда, сохранились многие обычаи, неразрывно связанные с былым родовым строем ингушей: признание общего главы рода, уважение к старшему по возрасту, кровная месть, общность части имущества, взаимная солидарность, взаимопомощь, радушный прием родственников, признание самым почетным гостем из всех родственников—старшего в роде (без его согласия и совета не предпринимались важнейшие дела), но в то же время адат охватил теперь самые разнообразные сферы имущественных, семейных и пр. отношений, возникших на почве изменившегося хозяйственного уклада (владение, собственность, семейные выделы и разделы, отношения между супругами личные и имущественные, отношения между родителями и детьми личные и имущественные и т. д.).

Рядом с родовым старейшиной появились дворовые или семейные старейшины. „Такой глава двора обыкновенно заведует всеми делами двора в отношениях к родственным дворам и к целому братству и даже к чужеродцам, поскольку дела эти касаются не целого рода, а только одного двора". „Отличие его от родового начальника состоит в том, что он стоит во главе более тесного круга родственных лиц, и ему приходится входить в детали, в частную обыденную жизнь членов большой семьи; кроме того, так как в большинстве случаев земля в горах оказывается разделенной раз навсегда и подворно, то, сверх всего этого, семейный старшина является еще хозяином-блюстителем общей дворовой собственности" (Далгат. Родовой быт чеченцев и ингушей).

Эволюционировала и кровная месть—один из основных элементов родового быта. „Кровь переходит из рода в род и первоначально распространялась лишь на гаару, а в позднейшее время часто даже на одно только семейство или двор" (Далгат. Цит. соч.). „Род, как единая большая семья, все члены которой приходятся друг другу братьями, уже давно перестал существовать для ингуша, хотя и сохраняется в ингушских названиях родства. Ближе всего это заметно как раз по кровной мести. Всех своих родственников-однофамильцев ингуш теперь делит на две неодинаковые части: дальних родственников и ближних" (Яковлев. Ингуши). Мстить за кровь должны все ближайшие родственники; они, по адату, обязаны лишить жизни убийцу или одного из его родственников; все родственники должны были платить семье убитого за кровь при несостоятельности члена рода; ближайшие родственники, чтобы избежать мести, платили по 8 коров, далее по 7 и т. д. до одной коровы. Это, однако, не изба-

вляло убийцу от мести. В ближайшее к нам время месть уступает место примирению кровников, хотя в судебно-следственных органах области имеются еще в настоящее время дела по преступлениям, связанным с „кровничеством".

Из других норм обычного права, сохранившихся у ингушей к моменту завоевания Ингушии Россией, можно отметить следующие: помощь тайпы членам ее (бедствия, смерть, женитьба), траур всей тайпы в случае смерти члена ее, тайповое гостеприимство, подчинение членов тайпы решениям совета тайпы или его главы, бесправное положение женщины.

Что касается брака, то экзогамия значительно ослабела к рассматриваемому времени.

В ряде норм обычного права отразились классовое расслоение и классовая борьба в Ингушии (в кровной мести и др.).

Анализируя обычное право ингушей, нельзя не отметить, что целый ряд норм адата говорит нам о зависимости аульной бедноты от сельской буржуазии. Перед богатым „все более предупредительны" (Далгат. Обычное право ингушей. Изд. Инг. Н.-И. Инст. 1930 г.). При выборе невесты обращалось внимание на „благородство" родителей: жених и невеста должны быть из равных по своему социальному удельному весу фамилий. Беднота иронически именовалась пеха kartajixi bexa пах („жившей около плетня сильных").

Старики из сельских богачей, когда физически обессиливали, брали вторую или третью жену из бедных членов той или иной фамилии („чтобы они укладывали их спать"). Далее, женитьба на происходившей от холопов адатом вовсе не допускалась, и дети от такого брака считались „незаконными"; в женихе ценилась „хорошая фамилия", материальное благосостояние; адат нормирует и взаимоотношения между работником и нанимателем, права и обязанности с одной и с другой стороны.

Адат раскрывает тяжелое положение ингушки. Во всех нормах ингушского обычного права красной нитью проходит бесправное положение женщины, как в личном, так и в имущественном отношениях. Дочь, не вышедшая еще замуж, всецело зависит от отца, его воли, каприза, жена находилась в полной зависимости от мужа, при дележе имущества женщина или вовсе лишена была права получить какую либо часть или получала ничтожную долю, далеко не соответствовавшую тому, что определялось мужчине. Женщина не могла стоять во главе рода. Жена должна была подчиняться приказаниям не только мужа, но и близких родственников его. На женщину падали многочисленные домашние и полевые хозяйственные работы. Одной из ярких иллюстраций бесправного, угнетенного положения женщины является калым — торговля ею, выкуп за невесту, вознагра-

ждение родителей за расходы по воспитанию, плата за приобретение рабочей силы.

Адат, в виде пережитков, сохранил свою реакционную силу до последнего времени, являясь тормозом социалистического строительства и оружием классовой борьбы в руках кулаков и мулл. Борьба с адатом ведется в Ингушии несколькими путями: внедрением в жизнь ленинской национальной политики, преследованием со стороны судебных органов, развитием социалистического сектора, углублением культурной революции; все эти пути с каждым годом все более и более освобождают сознание масс от реакционного наследия далекого прошлого.

Что касается религии, то, как мы уже указывали, при родовом строе развился культ предков.

При переходе к высшим формам хозяйства развился культ природы—обожествление стихийных сил.

Существующие же памятники материальной культуры и литературные источники говорят о том, что язычество сохранилось у чеченцев и ингушей до начала XVII века (а пережитки язычества и до конца XIX ст.). Вместе с тем, в Чечню и Ингушию из Грузии занесено было при посредстве грузинского духовенства христианство, которое впоследствии русский царизм пытался всеми мерами поддержать, сохранить здесь при помощи специальных миссионеров.

Однако, „последовательными христианами чеченцы никогда и не были, и христианская религия представляла у них конгломерат идей христианства, язычества и даже элементов будущего мусульманства“ (А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни).

В Ингушию ислам окончательно проник в XIX в.; в 1861 г. мусульманство принял последний ингушский аул Гвилеты.

Нужно заметить, что сведения об Ингушии вплоть до XVIII века чрезвычайно скудны.

В XVIII столетии появилась „География Грузии“ грузинского царевича Вахушт, который пишет :„Теперь же начинаем с восточных от Хеви кавказцев, ибо мы уже завершили описание западной их части. А в конце Хеви, где река Арагва или Ломени выходит на равнину, в эту Арагву, повыше селения Хетадзе, впадает речка Кистская и Дзурдзукская, притекающая с востока: она вытекает из срединного между Дзурдзукетией и Пшаво-Хевсуретией, которая есть Пховели, Кавказа, течет от юга к северу, и несколько по направлению от севера к западу, и длиною она от Кавказа до Ломена. Где же сливаются обе эти реки, там между ними находится Джариехи, огромная скала, огораживающая большую долину, утесистая, и через это очень крепка. Тут стоит большая башня, обведенная, подобно кре-

пости, стеною. И на этой реке, в ущельи, выше Джариехи, находится Кистетия с селениями, строениями".

Вахушт, говоря о „Глигви", упоминает, между прочим, „Ангусти-селение большое". „Глигви же граничится: с востока—горою, лежащею между Глигви..., с севера—срединною между Черкессией и Глигви горою, с юга—Кавказом, лежащим между Глигви и Пшавией, с запада—горою, лежащей между Глигви и Дзурдзукией. А жители Ангусти похожи на черкесов, по вере они магометане, суниты. А к востоку от сего Глигви находится... ущелье, речка которого истекает из средиинного между ним и Панкиси Кавказа, идет от юга к северу, сливается с Глигвисскими, и потом стекает в Барагнисцкали, с запада. И это ущелье с строениями, селениями. А граничат его: с востока—Кавказ, лежащий между Тушетией и этим ущельем, с юга—срединный между Панкиси и им Кавказ, с севера—срединная между ним и Черкесией гора Черкезис-мта, с запада—срединная между ним и Глигви—гора. Все же эти ущелья, описанные нами, прежде назывались общим именем—Дзурдзукетией, а подразделены так (как означено).

А ущелья эти весьма крепки и недоступны для врагов по причине гор, скал, теснин, и рек, и лесов, скудны, и непроизводительны, бедны скотом так, как мы писали об Осетии".

Историк указывает, что жители „умеют строить из камня на известии и из них воздвигают дома, башни и укрепления. А повинуются и платят дань соседним черкесам, дабы получать от них жизненные продукты, одежду и соль" (Царевич Вахушт. География Грузии. Перевод М. Джанашвили).

Один из русских историков первой четверти XIX века Семен Броневский сообщает об ингушах следующее.

Сами себя—говорит он—называют различно: кисты, галга, ингуши, „и одно название вместо другого употребляют".

Далее С. Броневский[1]) пишет: „кисты и наипаче ингуши образованием своего лица и языком отличны от прочих кавказских народов, но происхождение и история сего племени покрыты неизвестностью. Г. Палас считает ингушей потомками алланов". „О сношениях России с кистами упоминается в архивах не прежде, как около 1750 г.—со времени учреждения осетинской комиссии для проповеди христианского закона греко-российского исповедания горским народам, особливо же осетинцам и кистам, между коими сохранилось еще тогда много следов христианства, перемешанного с языческими обрядами".

С. Броневский делит Кистинскую область на две части: „то есть на обитаемую кистами в теснейшем смысле, под именем коих разу-

[1]) Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II-я. Москва, 1823 г.

меются ингуши, карабулаки и пр. колена, и на область Чеченскую; но сие должно предоставить до лучшего познания кавказской топографии".

О территории, которую занимали в начале XIX века „кисты, собственно так называемые", автор отмечает, что „они живут по правому берегу Терека, в высоких горах, против осетинского колена тагауров". „Бесплодные земли их, лежащие на известковых и шиферных горах, большей частью обнаженных в виде скал, простираются от Владикавказской крепости до Дарьяла, где начинается грузинская граница и, следовательно, на тридцать верст расстояния. Деревни их Заурова и Джерах почитаемы за сборные места двух разных обществ, которые вместе с приписными к ним деревнями заключают не более 500 дворов. Сие колено кистов живет в крайней бедности и управляется выборными старшинами".

„Ингуши, называемые также кисты, галгаи, сильное кистинское колено, имеют главные жилища свои вдоль по Кумбулеи и впадающим в нее ручьям до высоких гор, также по вершинам Сунжи и по сунженской реке Шафгире или Оссае, находясь, таким образом, между Малою Кабардою и чеченцами. Селения ингушевские начинаются в нескольких верстах на восток от Владикавказской крепости в предгориях, пресекаемых возвышенными равнинами, и оттуда расширяются далее на восток и на полдень по берегам Камбулеи, Сунжи и Шадгира неопределенною чертою. Они сами себя называют ламур (горный житель), а соседей своих чеченцев зовут—нача. Черноволосы, смуглее кабардинцев и отменный от них имеют оклад лица. Носят деревянные щиты, обтянутые кожей и с наружной стороны скрепленные железными обручами, и короткий с остроконечным железом дротик, который может, при случае, служить оборонительным оружием, но более употребляется для меткого стреляния из ружья вместо сошки. Впрочем, в вооружении и в одежде сходствуют с черкесами".

Ингуши—пишет другой историк того же времени П. Зубов—„почитаются за народ, более склонный к мирным занятиям, нежели к набегам и хищничеству, чем, в особенности, отличаются от других кистинских племен". „Обитают они в небольших аулах, расположенных на предгорьях, перерезанных возвышенными равнинами, по обоим берегам реки Сунжи, от самого ее истока до редута Назрана, по левому берегу реки Оссай или Шадгира, от развалин древней церкви до Карабулакского аула, по обоим берегам Кумбелея, от самого ее истока в Джераховском ущелье до Елисаветинского редута и по обоим сторонам реки Терека от Владикавказской крепости до впадения в Терек реки По. Ингуши имеют довольное количество скота и радеют о земледелии". „Дома строют каменные и деревянные, по общепринятому правилу с земляными крышами. Каждая деревня имеет посреди четвероугольную башню, в которую скрываются дети и женщи-

ны при набегах соседственных народов. Во всю длину Ингушевской земли, изображающей почти правильный треугольник, с юга на северо-запад простирается один из главнейших отрогов Кавказа, состоящий из шиферных гор, покрытых лесом. Восточные предгория оного орошаются рекою Кубулеем, а западные Тереком. Все пространство занимаемой ингушами земли полагается около 1000 квадратных верст."[1]).

К началу колониального завоевания Ингушии царской Россией ингуши сохранили некоторые пережитки родового строя и феодальных отношений.

Переселение с гор на плоскость повлекло за собою дальнейшее развитие торгового капитала, углубление классовых противоречий в ингушской деревне.

Социальное расслоение в ней определило позиции, которые заняли классы в национально-освободительном движении, широко развернувшемся против военно-феодальных колонизаторов.

---

[1]) Платон Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПБ. 1835 г.

II

КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ИНГУШИИ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИНГУШЕЙ

Кавказ в сфере русской политики.—Социально-экономические мотивы завоевания Кавказа.—Учреждение в 1744 г. комиссии „по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство".—Вступление в подданство России (1769).—Походы царских войск в горную Ингушию и национально-освободительная борьба ингушей. —Карательная экспедиция полковника Кека (1783 г.).—Разжигание междуплеменной вражды.—Договор шести ингушских фамилий с Россией (1810 г.).—Принятие старшинами кистин русского подданства (1811 г.)--Тяжелое экономическое положение ингушских масс к началу XIX ст.--Кавказская война.—Новые походы в горы.—Шамиль.—Социальные корни движения Шамиля и три периода в военной истории его.—Насаждение царизмом земельных собственников и привлечение их на русскую административную службу.--Устройство крупных аулов (šaharaš jaxkar) и Назрановское восстание 1858 г.– Поражение движения Шамиля.—Казачья колонизация.—Переселение чеченцев и ингушей в Турцию.– Абречество.

Сношения России с Кавказом возникли в весьма отдаленную от нас эпоху.

Известно, что еще древняя Русь вела торговлю с Хазарским царством (V—IX в.в.), границы которого простирались до Кавказского хребта. Арабский историк Ибн-Фадлан пишет, что в столице Хазарского царства можно было встретить не мало русских купцов.

В 965 году войска Святослава, пройдя через Кубань,—„и ясы победи и косоги и приведе Кыеву".

В 1022 году князь Тмутараканский и Мстислав совершили поход против косогов и победили последних.

Сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный в 1116 году отцем на „Половецкую землю", привел „ясы и жену полони себе ясыню".[1])

Известно также, что грузинская царица Тамара была в браке за князем Юрием—сыном Андрея Боголюбского.

Летопись в последний раз упоминает о Тмутаракани под 1094 годом.

С этого момента вплоть до второй половины XV столетия сношения России с Кавказом прерываются.

---

[1]) П. Бутков. О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII веке. Северный Архив. 1825 г., т. XIII, кн. 4.

Это—время господства монголов.

После уничтожения этого господства Московское государство устанавливает постоянную связь с Кавказом, в особенности по завоевании в 1552 г. Казани и покорении Астрахани в 1556 г.

При Иване Грозном князья Кабарды, теснимой с разных сторон ногайцами, дагестанцами, обращаются к царю за защитой, и с этого момента становятся вассалами Московского государства. Иван-Грозный женится на дочери кабардинского князя Темрюка. Последний же, опираясь на своего могущественного зятя, усиливает власть не только по отношению к кабардинскому народу, но и к соседним горским народам: ингушам, осетинам и др. „Кавказ попадает в сферу русской политики в половине XVI века—пишет проф. М. Н. Покровский,—когда Московское государство, завладев Казанью и Астраханью, стало на всем протяжении хозяино́м крупнейшего торгового пути из Европы в Персию и Среднюю Азию—реки Волги. Путь этот имел в те дни относительно большее значение, чем в наше время, так как тогдашняя Европа не могла обойтись без некоторых азиатских товаров, главным образом, без шелку". „Но пока Каспийское море с прилегающими к нему персидскими областями было не в русских руках, сильным конкурентом в этом деле являлись турки, в XVI веке сидевшие в Дербенте и вплоть до XIX в. державшие под сильным своим влиянием весь Дагестан—все западное побережье Каспийского моря. Двинуться из Астрахани дальше на юг и попытаться завладеть Дагестаном вынуждали, таким образом, русское правительство интересы торгового капитала". „К более активной политике перешли с первых лет XVIII в. Еще не кончив Северной войны, Петр начинает нащупывать дорогу в Персию". „Во время наместничества гр. Павла Потемкина, двоюродного брата екатерининского фаворита, был построен Владикавказ, и начали строить дорогу через горы (теперешняя Военно-грузинская)".

XVIII век и первая половина XIX столетия—длительный период завоевания Кавказа русским военно-феодальным империализмом.

В 1744 году учреждена была уже комиссия „по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство".

Но так как последнее внедрялось медленно и слабо, то коллегия иностранных дел 27 сентября 1764 г. решила учредить в Моздоке русскую школу для преподавания новообращенным „закона христианского и российской грамоты".

В 1769 г. ряд находившихся в зависимости от Кабарды горских народов, в том числе и ингуши, выразили желание вступить в подданство России.

П. Г. Бутков, в „Материалах для новой истории Кавказа" (ч. 1), пишет, основываясь на данных Гюльденштедта: „Народ ингуши, из-

вестный также под именем кистов или киштинцев, обитающий между рек Терека и Сунжи, будучи трудолюбив и покоен, искал освободиться от притеснения кумыков (аксайских)[1]) и кабардинцев[2]). Они взошли с просьбою о том к кизлярскому коменданту, и по собственному их желанию приняты в 1769 году в российское подданство и дали аманатов".[3])

Просьба о принятии в русское подданство явилась, таким образом, результатом притеснения ингушей от кабардинских и кумыкских князей, которым они платили дань.

Но это обстоятельство не избавило ингушей от прежней зависимости. В 1773 году они обратились к корпусному коменданту Де-Медем с просьбой оградить их от притеснений со стороны кабардинских и кумыкских князей.

Первые плоды русской политики,—пишет А. Н. Генко—сказались, однако, лишь спустя 13 лет. „В начале 1783 г. ингуши солидализировались с жителями чеченских аулов Атаги и Альды, имевшими намерение напасть на русские селения по Тереку". Карательная экспедиция полковника Кека и майора Рика (3-7 марта 1783 г.) разрушила и сожгла аулы восставших.

Однако, учитывая возможность более прочного союза между чеченцами и ингушами с целью дальнейших нападений на русские укрепления, представители царской администрации на Тереке поссорили чеченцев с ингушами и достигли кровавого результата.

Об этом принципе царской политики—разжигания междуплеменной вражды—недвумысленно пишет Бутков: „В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтобы для пользы Кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились, имев каждая от 1 т. человек. Чеченцы потеряля 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако, получили поверхность и отогнали у ингуш до 20 т. баранов".[4])

В 1786 г. учреждена была постоянная ингушская милиция.

Перечисленные факты,—указывает А. Н. Генко,—относятся к ингушам, жившим в Тарской долине в районе Онгушта.

По присоединении Грузии к России, последней необходимо было обеспечить безопасное сношение с Грузией по Военно-грузинской

---

[1]) Ибо Шамхалы и на ингуш некогда власть свою простирали.

[2]) Они были древние данники кабардинских владельцев.

[3]) По Гюльденштедту: „Reisen durch Russland, herausg. von Pallas". St.-Petersb., 1787, th. I, стр. 480. В 1770 г. российский офицер принимал от ингуш присягу верности и аманатов.

[4]) П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1-я.

дороге, и 23 августа 1810 г. комендант крепости Владикавказ ген.-м. Дельпоцо заключил с 6-ю „лучшими" ингушскими фамилиями письменный договор, по которому они, от имени всего ингушского народа, приняли обязательство охранять Военно-грузинскую дорогу и войсковые части, а во время военных действий выставлять тысячу человек „помощного" войска (п. 3 договора), при чем договор обязывал их никогда не переселяться из местности Назрань (п. 13-й).

Договор представляет большой исторический интерес, и мы его приводим целиком.

Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву от 2-го сентября 1810 г., № 158.

Во всеподданнейшем моем г. и. рапорте от 2-го числа июля я имел счастье донести е. и. в., что чеченская партия, состоящая из 600 чел., переправившись через р. р. Сунжу и Камбулейку, потянулась к Владикавказской крепости, о чем узнавши, бывший там комендант ген.-м. гр. Ивелич послал к ингушевскому народу с предварительным о том известием и чтобы на обратном пути чеченской парти ингушевцы, встретив оную, разбили бы, что было исполнено ими на другой же день, 5-го числа июня: когда чеченцы, быв отражены от кр. Владикавказской и гнаты, то ингуши бросились на них и разбили. При сем сражении убили распоряжавшихся партиею, главнейших разбойников кн. Албаксида Канчокипа и узденя его Эльжеруко Абаева. Ген.-от-инф. Булгаков по получении о сем известия предписал ген.-м. гр. Ивеличу защищать ингуш от чеченцев, ибо полагать должно, что они по азиатскому обычаю будут мстить; пленных же чеченцев, коих было взято 23 чел., содержать во Владикавказской крепости для размена наших пленных, в Чечне находящихся.

Я, по получении уведомления о происшествии сем, поручил ген.-от-инф. Булгакову и ген.-м. гр. Ивеличу войти в положение ингушей и воспользоваться сим случаем к преклонению народа сего на вечное подданство Всероссийской империи и как ингушевский народ просил для защиты своей дать 1 орудие, которого без прикрытия дать им было не можно, то я предписал ген. Булгакову, если они согласятся быть верноподданным России, тогда расположить у них 1 роту с оружием от владикавказского гарнизона, с помощью которой могла бы она защищать как самих себя, так и хлебопашество и скотоводство свое на полях между ними и Владикавказской крепостью: буде же на прежних их жилищах не можно ожидать им всегдашнего спокойствия и встретятся затруднения в защищении их, то стараться склонить их на переселение к кр. Владикавказской, около которой к стороне Балты место удобное и хорошее к хлебопашеству; если же и настоящие их жилища на местах выгодных и они не пожелают оставить оные, а согласятся принять на вечное

подданство России присягу, то и сие не менее для нас может быть полезно в рассуждении того, что они будут служить, имея у себя воинскую команду, преградою для чеченцев и будут удерживать их партии от хищничества. Одним словом, я поручил ген.-от-инф. Булгакову сколько возможно стараться наклонить ингушский народ на подданство России, представя им все выгоды, какими они могут пользоваться, будучи под покровительством г. и., с таким при том предположением, что ежели они согласятся на предлагаемое им и дадут присягу на верность, тогда войти обстоятельнее в их положение и образе управления ими, для представления на высочайшее е. и. в. утверждение, после чего не излишним полагаю восстановить между ими упадший и, можно сказать, забытый ими христианский закон, построить на казенный счет для них церковь и дать им надежного священника для внушения им христианской религии. Между тем, предписал я ген.-м. гр. Ивеличу отрядить для защиты их при орудии пристойное число воинских чинов, при штаб-офицере из владикавказского гарнизонного полка; ингушевцы же учредили бы от себя караулы от стороны чеченцев для наблюдения за их движениями.

Вследствие сделанных мною относительно ингушевского народа распоряжений я получил ныне рапорт от поступившего на место ген.-м. гр. Ивелича комендантом Владикавказской крепости ген.-м. Дельпоцо, который уведомляет меня, что ингушевский народ, живущий в сел. Назран, минувшего августа 22-го числа приведен к присяге на вечное подданство Всероссийской империи и взяты от оного 6 чел. аманатов из лучших фамилий. О сем новопокоренном народе без всякого пролития крови со стороны нашей я долгом моим поставил всеподданейше донести е. и. в. и представить в. с. при уведомлении, что о приведении на верное подданство России ингушевского народа ген.-м. Дельпоцо прислал ко мне обязательный акт их и присяжный лист с копией данного им ингушскому народу поручительства в охранении их и покровительстве со стороны Российской империи, которые бумаги я честь имею представить при сем на благорассмотрение в. с. При чем ген.-м. Дельпоцо доносит мне, что он, соображаясь с местными обстоятельствами и средством пресечения пути чеченцам к прорыву к кр. Владикавказской и Елисаветинскому редуту, отстоящему от крепости около 25 верст, нашел за удобное ингушевцев оставить на прежнем их жилище, при урочище Назрана, имея всегда там воинскую нашу команду, и построить для оной жилища. Сверх того, во удовлетворение убедительной просьбы ингушевского народа, при селении их построить укрепление. Что же касается до склонения народа сего к принятию христианской веры, то ген.-м. Дельпоцо, по соображении настоящих обстоятельств, предполагает приступить к тому не прежде, когда построено там будет укрепление и останется на всегдашнее пребывание отряд наш, кото-

рый теперь там составлен, при шт.-офицере с пристойным числом обер и унт.-офицеров, из 100 чел. рядовых владикавказского гарнизонного полка, с 1 орудием и 50 казаками при одном старшине.

По сему рапорту ген.-м. Дельпоцо я предписал ген. от инф. Булгакову привесть немедленно в исполнение прежнее мое предписание от 26-го числа июня, и как ингушевский народ вступил уже в подданство Всероссийской империи и на верность дал присягу, то войти подробнейшим образом в их положение, в образ управления ими, узнать связи их и какие должно принять удобнейшие меры, чтобы сохранить их в непоколебимой преданности России, а между тем послать в жилища их инженерного офицера для обозрения местоположения, где удобнее построить можно для непременной тамо воинской команды казармы и возвесть укрепление, с об'яснением во что сие обойдется и какие лучшие представятся к тому средства как в доставлении материалов, так и вообще всего производства работ. Сведения сии, как скоро получу я от ген.-м. Булгакова, то не премину представить по принадлежности к военному министру для испрошения высочайшего е. и. в. разрешения на приведение предположений тех в исполнение и ассигнования потребной на построение суммы.

По взаимному и обоюдному е. и. в. всероссийского г. и. ген.-м. и кр. Владикавказской коменданта Дельпоцо и всего ингушевского народа соглашению, мы, нижепоименованные 6-ти фамилий ингушевского вольного и никому не подвластного народа, лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамилии по 10 человек, с доброй нашей воли и общего согласия между собой условились и согласились е.и.в. всероссийскому г. и. вступить вечно на верность подданства и обладание нами на условиях и обязанностях следующих:

1) Отныне впредь на вечные времена мы, ингушевский вольный и ни от кого независимый народ, считающийся в родах 6-ти фамилий: Торгимова, Цельмембохова, Агиева, Картугова, Яулурьева и Хамхоева и потомство наше е. и. в. всероссийскому г. и. Александру Павловичу и его наследнику, кто назначен будет, вступаем добровольно в совершенное верноподданическое состояние, а при том обязуемся:

2) Всех врагов российскому престолу е. и. в., почитая за таковых здешних окружающих нас мухаммеданского закона народов, мы должны считать равным образом и своими врагами и без ведома и позволения здешнего начальства российского мира заключать с оными отнюдь мы не должны; в противном же случае, ежели мы сами собою с оными мир заключим, тогда должны мы сами почитаться врагами России и за то подвергаем себя справедливому наказанию от российского начальства.

3) Во всякое время, когда российскому начальству воспотребуется надобность против здешних народов с российским войском действовать неприятельскою рукою, тогда обязаны мы давать оному от себя из общества нашего 1000 чел. хорошо вооруженного помощного войска, с тем условием, чтобы оное до окончания действия было довольствовано провиантом на основании российского солдата, взятая же от общего неприятеля нашего нами всякого рода добыча представлена бы была в нашу пользу неот'емлемо.

4) Все те народы здешнего края, которые с Россией в дружбе, согласии и в подданстве оной находятся, мы должны признать за наших друзей и приятелей и отнюдь с оными не иметь никаких враждебных поступков, исключая частные некоторые малозначущие ссоры, о коих удовольствия должны искать не сами собою, но чрез здешнего российского начальника; в противном же случае кто будет управляться сам собою, тот должен быть наказан по российским законам.

5) Если чеченцы, карабулаки и прочие неприязненные России народы, где ни есть будут прокрадываться воровскими партиями с намерением учинить на российские обозы и команды, проходящие по Грузинской дороге, нападение и сделать грабежи и разбои, и мы о том получим сведение, тогда должны мы тотчас давать знать находящемуся у нас российскому начальнику и ближайшему, а буде при нападении оными на русских услышим пушечные выстрелы, тогда, равным образом, дав знать находящемуся у нас начальнику, сами обязаны тотчас скакать к тому месту на встречу сих разбойников и стараться, не щадя своей крови и жизни, поражать оных, отнимать отбитую ими у русских добычу и доставлять оную к ближайшему от оного места российскому начальнику.

6) Ежели случится, что кто ни есть из наших, с теми разбойниками согласясь для содействия злого их намерения вообще, пропустят умышленно через нашу землю и о том по следствию откроется правда, тогда виновников сего поступка должны мы выдать начальнику российскому в кр. Владикавказскую беспрекословно.

7) Ежели из нашего общества кто ни есть осмелится убить российского солдата, купца и другого какого звания российского верного подданного, тогда обязаны мы виновников всемерно стараться отыскать, поймать и отдать в руки российского начальства в кр. Владикавказскую; ежели же оные в скором времени куда либо . уйдут, тогда отдать все их семейство и имущество.

8) Если кто ни есть из нашего общества всякого звания российских людей ограбит и ранит или не ограбит, а ранит, с оными поступить на том же основании как и за убитого.

9) Если кто ни есть из нашего общества будет передерживать у себя чеченцев и прочих неприязненных России народов людей,

умышляющих против России, и сам на то будет с ними согласатору от того сделает вред и о том будет открыто, тогда того передер..ет, теля и соучастника в злоумышлении отдать в руки российского начальства, а если он убежит, все его семейство и имущество.

10) Отныне впредь навсегда мы и потомство наше обязуемся: кабардинцам, чеченцам и прочим здешним мухаммеданского закона народам податей отнюдь никаких не платить (как было до сего), а ежели против сего преступим и будем давать подати оным, тогда российское начальство имеет с нами поступить яко с врагами своими.

11) Со времени заключения нами сего обязательства и на вечные времена мы и потомство наше обязуемся к проповедыванию и введению у нас мухаммеданского закона эфендиев, мулл и прочих особ духовных мухаммеданских отнюдь не принимать, не допущать и мечетей не строить, а ежели против сего преступим, тогда российское начальство имеет поступить с нами яко с врагами своими.

12) Всех родов здешних окружающих нас народов людей, приезжающих к нам с возмущением, чтобы мы от подданства и верности российскому государю отступили, сделались с ними союзниками и при том России врагами или с приглашением против русских на воровство и разбои, таковых мы обязаны тотчас же переловить и доставить в руки российского начальства. А ежели сего не исполнится и причинится вред России, тогда должны мы всемерно стараться отыскать соучастников наших в сем злоумышлении и выдать оных в руки российского начальства; ежели же и сего не исполним, тогда подвергаем себя все без из'ятия наказанию яко изменники и нарушители общего спокойствия.

13) С теперешнего нашего жительства, находящегося при урочище, именуемом Назран, без позволения российского начальства мы отнюдь не должны никуда переходить и переселяться не только все, но даже и малым количеством семейств, а если против сего явим себя ослушниками и преступниками, то подвергаемся за то строжайшему наказанию.

14) Если бы случилось, что мы по легкомыслию своему все вообще нарушили сделанную нами в верноподданнической обязанности г. и. клятву и сделались через то изменниками и бунтовщиками, тогда начальство российское имеет справедливость поступить с нами точно так, как с своими неприятелями.

15) Для защищения нашего от внешних врагов наших, по милости главного начальства здешнего, мы принимаем в селение свое часть российского войска, какая к нам будет поставлена, на которую провиант возить из кр. Владикавказской, дрова доставлять к их жилищу, больных солдат отводить в кр. Владикавказскую мы обязуемся сами собою, на своих подводах, без платы.

16) Коль скоро будет поставлено к нам российское войско для защищения нашего от внешних наших неприятелей, с тем, что оное останется у нас навсегда, то вместе с тем тогда же должны мы сами для построения жилищ оному войску доставить потребный на оные строевой лес и прочие надобности на собственных наших подводах, без всякой заплаты.

17) Российскому войску, у нас находящемуся, отнюдь не должны из нас никто причинять никаких сбид, притеснений и озлоблений, равно и оное нам таким же образом; в противном же случае как той, так и другой стороны виновники должны быть наказаны, смотря по вине, без понаровки.

18) Если бы случилось, против чаяния, что команде сего войска из'являли мы какую неприязненность общую, похожую на заговор нашего возмущения, и причинится чрез то вред, тогда со всеми нами поступить, яко с неприятелями России.

19) Чтобы сохранить нам всю силу сего акта и соблюсти верность е. и. в. всемилостивейшему государю нашему, российскому императору, наследнику е. и. в., кто назначен будет, и интересам пользе е. и. в. принадлежащим, к общему спокойствию и благосостоянию нашему постановленным, мы, нижепоименованные лучшие и почетнейшие люди, с каждой фамилии по 10 чел., по обычаю нашему, по особому присяжному листу, пред всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в горах, именуемым Гольерд, утверждаемся клятвою и, наконец,

20) В залог твердейшей нашей верности к российскому престолу мы отдаем еще из оных наших 6-ти фамилий, по выбору российского начальства, в кр. Владикавказской находящегося, лучших почетнейших и сильнейших семейств 6 чел. аманатов на казенное содержание, которых и переменять чрез каждые 4 месяца, а при случае болезни оных и прежде.

Сей обязательный акт заключили мы с российским ген.-м. Дельпоцо и приложили перстные свои печати в кр. Владикавказской, августа 22-го дня 1810 года.

(Следуют имена тех же фамилий, которые обозначены под клятвенным обещанием).

Я, нижеподписавшийся, по силе, данной мне от главного надо мною начальства власти и доверенности, по взаимному обоюдному согласию между мною и ингушевским народом, имеющим жительство в окружности кр. Владикавказской, в деревне, находящейся при урочище, именуемом Назран, и прочих местах, составляющим вольный и никому независимый народ, состоящий из родов 6 фамилий: Торгимова, Цельмембохова, Агиева, Картугова, Яулурьева и Хамхоева, на основании данного ими мне сего 1810 года августа 22-го дня акта, е.

и. в. всемилостивейшему государю моему, российскому императору Александру Павловичу и наследнику е. и. в., кто назначен будет, привел в совершенное на вечные времена подданство, с коего акта засвидетельствована и вручена мною им для всегдашнего их уразумения при сем прилагаемая копия.

В воздаяние такового доброго всего ингушевского народа намерения, служащего залогом верности е. и. в. всероссийскому г. и. в их ненарушимом спокойствии и доброй вере, в сохранении всех статей обязанности их в данном мне акте, я даю им с моей стороны сей акт в поручительство в том, что российское начальство по воле и милосердию всемилостивейшего государя моего будет всегда готово оказывать им в полной мере справедливость, защиту, выгоды и преимущества, как в следующих статьях означено.

1) Если ингушевский народ сохранит заключенные в обязательном их акте, данном мне, статьи свято и ненарушимо, российское начальство дает им для защищения от внешних их неприятелей российское войско, которое и должно находиться в деревне их Назран.

2) Закон веры идолспоклонения, ими содержимой, остается при них ненарушимым.

3) Землями и лесами пользоваться предоставляется им безвозбранно по правую сторону течения р. Терека.

4) Все продукты и изделья их собственного произведения продавать во Владикавказской крепости не возбраняется.

5) Во всех справедливых их просьбах и обидах, причиненных российскими подданными, доставлять правосудие и в полной мере удовлетворение.

6) Шесть человек аманатов их, содержащихся в кр. Владикавказской, содержать на казенном коште, полагая каждому в день по 25 к. медью.

7) Когда потребуется от них российским начальством против неприятелей здешних народов помощное из их общества войско 1000 чел. или по их собственному согласию более, таковому войску производить провиант на основании довольствия российского солдата; добыча, взятая ими у неприятеля, какого бы роду и звания ни была (не исключая и людей), представляется в пользу их неотъемлемо.

8) За всякого беглого солдата, которого они доставят в кр. Владикавказскую, платить им по 10 рублей сер.

9) Ежели будут приезжать к ним по куначеству чеченцы, карабулаки и прочие народы не для какого злого умысла для России, но для извещения о осторожности их от неприятелей, таковой прием сих приезжающих не доставлять им в вину.

Дан за подписанием и приложением герба моего печати в кр. Владикавказской августа 22-го дня 1810 г.

Подписал ген.-м. Дельпоцо.

Клятвенное обещание.

Во имя бога всемогущего!

Мы, нижепоименованные, ингушевского народа почетнейшие люди, приложившие перстные свои печати в том, что данный нами ген.-м. Дельпоцо обязательный акт в 20-ти статьях мы должны исполнять свято и ненарушимо, быть в вечном подданстве великого российского г. и. Александра Павловича и наследника его, который назначен будет: а буде нами или кем из общества нашего учинится тому противное, тогда обязуемся мы ответствовать по силе того же акта, в заключение чего пред всемогущим богом и почитаемым нами за святость кумиром Гольерд клянемся под знаменами е. и. в.

Подписали: фамилия Торгимова: Добре, Цогал, Корцал, Мухаммед, Тамир, Али, Ахпот, Бузуржа, Мурзабек, Кафгири.

Фамилия Цельмемзохова: Сакал, Тебо, Оздемир, Чочь, Добре, Мен, Эльмурза, Зоур, Кайвыр, Кото.

Фамилия Агиева: Чимурза, Хауце, Дол, Кайтуко, Жебар, Чора, Урцхан, Багец, Хуса, Ареби.

Фамилия Картугова: Аты, Шамат, Петрушка (?), Ноуруз, Кулбыш, Омар, Тачь, Хуса, Енец, Педи.

Фамилия Яулурьева: Бота, Долотуко, Нагай, Дол, Туханке, Кой, Тембот, Абат, Ерале, Музур.

Фамилия Хамхоева; Умахай, Ахтол, Али, Мусал, Гора, Кайсан, Дулак, Моост, Бока, Орцхан.

(Акты Кавк. Археогр. Комиссии. Т. IV. Тифлис. 1870 г., док. 1382, стр. 899-901).

Заключение договора отдельными представителями шести „лучших“ ингушских фамилий от имени всего ингушского народа (неудивительно, что в договоре есть такое место: „новопокоренный народ без всякого пролития крови со стороны нашей“) явилось результатом стремления подписавших акт членов этих фамилий, скопивших значительные материальные средства, установить,—во имя спасения и сохранения собственности и накопленных богатств,—смычку с утверждавшими свое владычество на Кавказе военно-феодальными колонизаторами и торговым капиталом.

В договоре нельзя не отметить такие моменты, как межнациональная травля, проводившаяся агентом царизма ген. Дельпоцо, стремление колонизаторов „восстановить упадший и забытый христианский закон, построить церковь и дать им надлежащего священника“,

принятие подписавшими документ ряда тяжелых обязательств, падавших на плечи ингушских трудящихся масс.

Обращает также на себя внимание п. 7-й договора, по которому подписавшие его ингуши, принадлежавшие к шести „лучшим" фамилиям, обязались „стараться отомстить, поймать и отдать в руки российского начальства" „осмелившихся убить российского солдата, купца и другого какого звания российского верного подданного".

В январе 1811 года, как видно из отношения ген. Тормасова к гр. Румянцеву, кистинские „почетные" старшины тоже от имени всех кистин приняли русское подданство: „Имею честь почтеннейшие донести вашему сиятельству, что Кистинского ущелья 13 деревень почетные старшины, через посредство и старания подпол. Казбека, 8 числа сего января, прибыв во Владикавказ, об'явили тамошнему коменданту ген.-м. Дельпоцо желание свое быть верноподданными всемилостивейшему государю императору. Вследствие сего он, ген.-м. Дельпоцо, привел их на верность подданства под знаменами к присяге и в залог оной взял от них аманатов для содержания их во Владикавказе. О названии же деревень, поступивших в подданство России, числе в них дворов и именах старшин, учинивших за всех присягу, при сем честь имею представить ведомость.

В Е Д О М О С Т Ь.

Старшины: Касай Енднов, Итар Енднов, дер. Арзи, 50 дворов; Кази Гандаков, дер. Тарш, 29 двор.; Битог Лачиев, дер. Большой Улай, 29 дворов; Бертихо Илухов, дер. Малой Улай, 20 дворов; Науруз Батирев, дер. Хори, 18 дворов; Исакай Касаев, дер. Нашкус, 15 дворов; Зузо Жожев, дер. Мороши, 10 дворов; Дацай Батохов, дер. Горокай, 28 дворов; Султан Тагаров, деревня Мерцхлеми, 10 дворов; Пачи Магоматов, дер. Фитхаль, 30 дворов; Ахти Арцегов, дер. Бани, 20 дворов; Тамасха Хутиев, дер. Лазукин, 30 дворов; Найсик Коциев, дер. Аратай, 10 дворов. Итого 299 дворов" (Акты К. А. К., т. IV, стр. 904).

Преемниками главнокомандующего Тормасова были маркиз Паулуччи и ген. Ртищев.

Осенью 1812 г. в Кахетии вспыхнуло восстание, инициатором которого был беглый грузинский царевич Александр. В этом восстании активное участие приняли хевсуры и кистины. Генерал Ртищев, решив наказать их, отправил в мае 1813 года, под начальством генерала Симановича, войска, которые разорили все лежавшие на пути кистинские селения.

Официальные свидетельства того времени указывают на тяжелое экономическое положение широких масс ингушского народа.

Так, в рапорте ген.-м. Дельпоцо ген. Булгакову от 13 июня 1810 г. (№ 48), говорится: „Я имею честь представить в. выс-у самые ис-

тинно справедливые и беспристрастные виды,—присовокупляя к тому, что по стесненным ныне ингушевского народа обстоятельствам, кажется мне, они, может быть, на некоторое время, покуда грозная для них туча сил от них отойдет, будут покойны и несколько, по необходимости, привержены к нам".

Перед этой частью рапорта сказано: „По настоянию моему они обещались будущего года в марте месяце переселиться в окружность по близости кр. Владикавказской, быть верными, истребить мечети и выгнать от себя мулл мухаммеданского закона, проповедников и учителей" (Акты кавк. археограф. комиссии. Т. IV, стр. 896, док. 1375-й).

Рапорт гр. Ивелича 3-го ген. Тормасову от 25 июня 1810 г. (№ 294, Владикавказ) гласит: „Если теперь не приласкать ингушевский бедный народ в теперешнем их крайнем положении, то потерять их должны и отвратить от себя" (Акты К. А. К. Т. IV, стр. 896, док. 1376-й).

Между тем, захватническая политика военно-феодальных колонизаторов приняла более решительные формы. „Кавказская война была заключительным звеном в длинной цепи походов, начатых еще при Петре и неуклонно возобновлявшихся империей торгового капитала. Причиной всех этих походов было стремление России пробиться непосредственно к персидским и турецким рынкам.

Уже к 80-м годам XVIII века Россия вплотную подошла к северным отрогам Кавказского хребта, а после утверждения ее владычества в Грузии и прокладки ряда военных линий, соединивших Кубань с Закавказьем, она „привела в покорность" почти все племена и народы, населявшие Кавказ. Казалось, что покорение почти завершено, и никто из русских генералов и государственных деятелей не предполагал, что за обладание Кавказом придется вести более, чем полувековую войну". [1])

По окончании войны с Францией Россия начала войну в целях „усмирения навсегда горских народов или истребления непокорных" (Из обращения Николая I к генералу Паскевичу).

Назначенный в 1816 году начальником всех войск в Грузии и на Кавказской линии ген. А. П. Ермолов придерживался той точки зрения, что покорение горцев возможно только при условии решительных военных действий, при чем последние он мыслил проводить постепенно, но твердо.

Ермолов начал с усиления на Сунже Назрановского редута и устройства в низовьи этой реки крепости Грозной—в целях открытия наступательных действий против Чечни.

---

[1]) Е. Драбкина. Национальный и колониальный вопрос в царской России Изд. Ком. Акад. 1930 г.

Ермоловский период (1816-27) является одной из жестоких страниц в истории горских народов Северного Кавказа, в частности в истории Чечни и Ингушии.

Акад. М. Н. Покровский так характеризует итоги ермоловской политики: она „загоняла горцев в тупик, из которого не было никакого выхода: русские власти надеялись, что результатом будет полное и бесприкословное подчинение горских племен русскому правительству,—вплоть до отказа от своего обычного права и местного самоуправления и признания русского суда и русских чиновников. Ибо, с точки зрения Ермолова и его генералов, только невежество горцев было причиной того, что они не видели превосходства русских порядков над их, туземными: „понятия многих чеченцев не превышают скотов"...—писал один из этих просвещенных покорителей Кавказа своему начальнику, писал, прибавим, накануне общего восстания, которое должно было стоить жизни и самому писавшему. Возможно, впрочем, что за этой целью,—в которой находили возможным признаваться открыто,—во мраке их совести скрывалась и другая, о которой не говорили, но которую генерал Тормасов в своей наивности называл всеми буквами: война с горцами была в сущности так легка в то время, так прибыльна для грабивших все и вся солдат и в особенности казаков, доставляла такие добавочные удовольствия офицерам [1]) помимо военной карьеры, везде в других местах закрытой после окончания наполеоновских войн—что, может быть, окончательное замирение горцев и не очень порадовало бы их русских „просветителей". Так как даже желанием „полного подчинения" трудно об'яснить такие меры, как конфискация всех земель кабардинцев (правда, скоро взятая назад,—по явной невыполнимости) или сознательное отнятие у чеченцев тех земель, которые были совершенно необходимы для их хозяйства; если допустить, что горцы могли отказаться от своей свободы, своего права, то привычка есть слишком неискоренимое в человеке. А между тем, именно с этими последними мерами, доведшими горское население до крайней нужды,—о которой с удивлением говорили сами русские администраторы, что они не понимают, как горцы могут переносить ее,—связан тот взрыв религиозного энтузиазма, который сплотил воедино разноязычные племена Кавказского хребта, подчинил эту пеструю и плохо слушавшуюся своих местных вождей массу железной военной диктатуре и превратил легкую добычу карательных экспедиций в грозного врага, с которым лучшие силы николаевской армии не могли справиться тридцать лет". [2])

---

1) Даже полуофициальный историк кавказской войны не мог не сказать, что ген. Пестель „проводил день в самом оскорбительном для населения распутстве",—отмечает проф. Покровский.

2) М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1924 г.

В 1830 году нагорная Ингушия вела борьбу с отрядом кн. Абхазова, имевшего целью захватить Военно-грузинскую дорогу и обезопасить ее от нападений ингушей и осетин, живших в районе дороги.

Отряд кн. Абхазова выступил из крепости Владикавказ 8 июля 1830 г. двумя колоннами.

Правая колонна под начальством Абхазова двинулась по Военно-грузинской дороге, а левая под командой подполк. Плоткина направилась в горную Ингушию—по реке Ассе.

На другой день кн. Абхазов по Кистинскому ущелью прибыл в сел. Альяково. Жители встретили отряд ружейными выстрелами. Князь Абхазов предложил через старшин прекратить огонь и разойтись, но это предложение было отвергнуто. Тогда борьба усилилась: отряд стал громить селение из пушек, разрушил его до основания, и жители вынуждены были сдаться, отступив на горный хребет.

10 июля, после боя, джераховцы приняли присягу и выдали аманатов.

Аул Эбн 11 июля взят был с боем и предан огню.

Затем колонна вступила в ущелье р. Ассы, где примкнул 15 июля левый отряд подп. Плоткина.

Большая часть аулов была покинута жителями, при чем имущество оказалось спрятанным в недоступных местах. Абхазов об'явил галгаевцам через почетных старшин, что если они к назначенному им сроку не возвратятся, то селения с оставшимся в них имуществом будут сожжены.

Левая колонна тоже встретила на своем пути ряд сопротивлений: галгаевцы и аккинцы, собравшись в лесу, открыли по отряду огонь. Однако, под сильными ружейными выстрелами горцы отступили в завалы. Хотя последние с боя к вечеру и заняты были отрядом, но 12 июля завалы вновь оказались в руках горцев. Колонна прибегла к артиллерийскому огню и атаке с тем, чтобы выбить горцев из завалов и из леса. Неравные условия борьбы заставили жителей сдаться и выдать аманатов.

Соединившись вместе 15 июля, оба отряда занялись истреблением деревень непокорившихся еще жителей и приведением к присяге покорных.

После этой операции соединенные колонны двинулись обратно к Тереку через Кистинскую теснину и 18 июля прибыли к селению Эбн. Здесь жители, запершись в башне, опять оказали отряду сопротивление. Отряд провел под башню мину и взорвал ее. Защитники башни погибли под ее развалинами.

20 июля отряд перешел Терек и на следующий день вернулся в Владикавказскую крепость.

В 1832 году, в наказание за связи с Гази-Муллой и убийство хулинцами пристава Константинова, в горную Ингушию двинуты были войска во главе с бароном Розеном.

Отряд 11 июля 1832 г. собрался в 19 верстах от Владикавказа, на Военно-грузинской дороге, у поста Кайтику и на следующий день перешел Терек и двинулся далее вверх по Джераховскому ущелью.

13 июля отряд уже был в селении Хули, совершенно опустевшем. Селение было сожжено, пашни протравлены, три крепкие древние каменные башни, служившие для жителей убежищем, взорваны.

„Между тем,—сообщал барон Розен в своем донесении графу Чернышеву от 15 июля 1832 г.—челихойцам послал я об'явить, что они наказаны за то, что приняли к себе скот немирных деревень,но во уважение неучастия их в убийстве Константинова, деревни и пашни их остаются неразоренными, исключая небольшой непокорной нам деревни Шуван, близ Хули находящейся, издавна служащей приютом для хищников, и которая замешана в последнем злодеянии хулинцев и галгаевцев. Для истребления сей деревни посылаю команду. Жителям деревень Ляляги и Салги об'явил я также, что отдаю им землю хулинцев, коим никогда не будет дозволено поселиться в нынешнем их местопребывании.

Сходно с высочайшим соизволением употреблять горских жителей одних против других для укрепления взаимной ненависти их, находятся при моем отряде осетины, живущие близ Владикавказа, и милиция из горцев, обитающих по Военно-грузинской дороге от Ларса до Пасанаура, принадлежащих к Грузии, под названием горских народов".[1])

Получив известие о местонахождении хулинцев, Розен двинулся к деревне Бешт, „откуда отправил для отыскания сих главнейших виновников в убийстве пристава Константинова 2 сильные отряда под начальством полк. Засса и подп. Чиляева. Оба они по едва проходимым тропинкам поднялись до снежных вершин скалистых гор, открыли следы мятежников и подп. Чиляев имел небольшую перестрелку с караулом их, но наступивший сильный туман воспрепятствовал продолжать преследование".

17 июля ближайшие к селению Бешт деревни и пашни их были истреблены.

В этот же день небольшой отряд ингушей (около 100 чел.), спустившийся с Мят-лоома, атаковал фуражиров.

---

[1]) Акты К. А. Ком. Т. VIII, стр. 678.

Тогда на помощь последним Розен послал 2 сотни конного полка и 1 баталион карабинерного полка, которые рассеяли ингушский отряд.

„Я два раза посылал галгаевцам об'явить,—писал Розен - чтобы, во избежание совершенного разорения, они выдали виновнейших в убийстве Константинова и внесли следующую с них подать, наложенную в 1830 году и, сверх того, уплатили значительный штраф. Они в первый раз отвечали моим посланным, что соберутся и подумают; вторично же не допустили их, об'явив, что найдут средства скрыться в ущельях и лесах своих. Посему я решился преследовать их сколь возможно далее".

18 июля отряд прибыл в селение Таргим.

Здесь Розен получил дополнительные сведения о местонахождении мятежников.

Оказалось, что часть, вместе с хулинцами, скрылась в ущельях и лесах близ Хевсурии, другие среди скал Мят-лоома, а третьи—в урочищах Гая и Гале за скалистым хребтом, по правую сторону реки Ассы.

Во все эти направления и были брошены войска, которые на своем пути опустошали аулы и захватывали скот и пр. добычу.

В отношении Розена на имя графа Чернышева от 29 июля 1832 года сообщалось: „22 числа сего месяца продолжавшийся туман не позволял делать никаких поисков в окрестностях Гая, почему я перешел обратно через скалистый хребет Малку-Гай и расположился лагерем при дер. Цори, дабы продолжать истребление жилищ и пашен галгаевцев.

В дер. Цори два жителя заперлись в высокой каменной башне и, несмотря на все увещания, не хотели сдаться. Я приказал сделать мину, дабы подорвать башню. Во время работ у нас ушиблено камнями 4 сапера и ранено 4 человека выстрелами двух мятежников, которые сдались тогда только, когда мина уже была начинена; башня же взорвана.

23-го числа истреблено 8 деревень.

24-го числа прибыл я к Вагенбургу при селении Таргим, истребив еще 9 деревень.

25-го числа войска имели дневку, 26-го отряд выступил обратно к Тереку, 27-го перешел оный и 28 прибыл к Владикавказу.

Челихойцев, кистинцев и джерахов нашел я всех на местах: они из'явили полную покорность; одна из оных, непослушная деревня Обин, выдала аманата и возвратила захваченного в плен сына одного преданного нам джераховца.

Таким образом, кончилась предпринятая мною экспедиция против галгаевцев. Надеюсь, что оная будет иметь полезные последствия для спокойствия Военно-грузинской дороги.

Вероломное племя галгаевцев, по мнению самих горцев, наказано примерным образом, лишаясь значительного числа скота своего, большей части движимого имущества, жилищ и пашен.

Войска наши проникли в самые скрытные убежища их, доселе почитавшиеся неприступными для нас. Сами галгаевцы знают, что один только туман, с 16 по 27 число сего месяца продолжавшийся, спас семейства их от плена и остальное имущество от совершенного истребления" (Акты К. А. К. Т. VIII, стр. 681).

В отношении бар. Розена к гр. Чернышеву от 12 ноября 1836 г. за № 560 сообщалось: „В 1830 г. усмирены оружием следующие племена горцев: куртатинцы, тагаурцы и временно: джераховцы, кистинцы и галгаевцы. Для управления ими гр. Паскевич, назначив одного пристава и четырех помощников, разделенных по ущельям, дал им особую инструкцию о их обязанностях. Сверх того, учредил в Владикавказе суд для разбирательства дел между сими горцами, которому велено руководствоваться правилами и порядком, начертанными в учреждении о губерниях для уездных судов".

Барон Розен считал необходимым ликвидировать владикавказский суд для горцев (в виду недоверия последних к русской власти, незнания языка и прочих причин), установив управление таким образом:

„а) Оставить попрежнему пристава для управления народами куртатинским, тагаурским, джераховским, кистинским и галгаевским, равно 4-х его помощников, с жалованием: первому 800, а последним по 500 рублей каждому и, сверх того, назначить приставу на канцелярские расходы 200 рублей".

„д) Расходы, назначаемые на сие управление 7000 рублей асс., отнести на счет податей, получаемых от горцев, состоящих ныне в ведении владикавказского суда, а в случае недостатка таковых остальное количество выдавать из сумм, состоящих в распоряжении главноуправляющего Грузиею" (Акты К. А. К. Т. VIII, стр. 714-15).

Так царские палачи расправлялись с ингушами, прибегая при этом к созданию междуплеменной вражды с целью раз'единения горцев и ослабления их в борьбе с царской Россией.

Но не успел Розен сообщить своему начальству об усмирении горной Ингушии, как в следующем, 1833, году в селении Яндырском вспыхнуло восстание, во главе которого стоял „имам покорной карабулакской деревни Большая Яндырка" Джанхот Азаматов.

Ингушский пристав хорунжий Гайтов донес владикавказскому коменданту ген. Оранскому, что имам „возмущает яндырских жителей и приглашает непокорных чеченцев принять участие в предполагаемом им возмущении. Посему ген. Оранский 16 июля послал из Владикавказа 100 чел. 3-го баталиона севастопольского пехотного полка, под командою полк. Па'щенко, коему предписал, присоединив к себе в Назрани 30 казаков и одно орудие, сделать ночное движение к сказанной деревне и схватить возмутителя; но жители были предупреждены о следовании команды и когда оная на рассвете 17 числа приблизилась к Яндырке, то уже в сей деревне собралось много вооруженных людей.

Рассудя, что столь незначительным числом войск ничего нельзя было предпринять решительного, капитан Пащенко начал возвращаться к Назрану".

На помощь восставшим прибыли карабулаки и чеченцы.

18 июля усиленный отряд ген. Оранского занял Яндырку и приказал сжечь дома Джанхота Азаматова и его родственников (всего 16 дворов), а также остальное имущество и убранный уже хлеб: „400 баранов, им принадлежащих, частью отданы войскам на порции, а частью ингушам. Ген.-м. Оранский хотел подвергнуть той же участи и остальную часть Большой Яндырки, но назрановцы убедительно просили о помиловании своих родственников" и генерал „об'явил остальным яндырским жителям прощение, с тем, чтобы они немедленно возвратились в свои дома и в обеспечение своей покорности представили двух аманатов из лучших фамилий, что и было исполнено на другой день".[1]).

Ведя войну, всячески поддерживая горских феодалов, насаждая их там, где до установления царского владычества феодальный строй или вовсе отсутствовал или только нарождался, насаждая крепостничество, царская Россия вместе с тем подвергла горцев Северного Кавказа самому наглому грабежу.

Горцы очутились в безысходном тупике. Единственным выходом было—восстание и освобождение от царкого зладычества.

„Первая попытка восстания была сделана в конце XVIII века, но к этому времени русская политика не дала еще отчетливо почувствовать себя основным массам населения гор, поэтому восстание не встретило их поддержки". Но уже к 20 м годам XIX столетия резуль таты„ цивилизаторской" деятельности царизма „сказались с такой остротой, что достаточно было призыва к „священной войне", чтобы поднять весь восточный Кавказ. Так родилось знаменитое восстание Шамиля, которое на протяжении десятилетий не могли раздавить войска Российской империи". [2]).

---

[1]) Акты. Т. VIII.
[2]) Е. Драбкина. Нац. и колон. вопрос в царской России.

Завоевание Северного Кавказа,—сопровождавшееся продвижением русской колонизации в глубь Чечни и Ингушии с оттеснением в горные трущебы жителей, завоевание, сопровождавшееся грабежами, разорением хозяйств, исключительными политическими притеснениями, насильственным обращением ингушей мусульман в христианство,—вызвало ряд восстаний, возглавлявшихся Курали-Магомой, затем Гази-Муллой, Гамзат-Беком, наконец, талантливым политическим деятелем—имамом Шамилем.

Религиозное движение,—пишет акад. М. Н. Покровский,—охватившее сначала восточный, а потом и западный Кавказ в 20-х годах XIX века, носит название мюридизма (послушничества). В основе его, как и в основе аналогичных явлений в христианской и других религиях, лежит аскетическое отречение человека от своей личной воли—ради непосредственного сближения с божеством. Магометанская практика аскетизма („тарикат“) знала несколько ступеней этого самоотречения: стоявшие на низшей ступени рядовые „мюриды“ нуждались в посредниках между ними и богом, „мюршидах“ (или „шейхах“), —которые для них являлись как бы воплощением воли божией и могли поэтому требовать себе беспрекословного повиновения. Мистика создает таким образом иерархию, но основанную не на обладании старшими какими либо материальными преимуществами, а на глубоком энтузиазме младших, на их жажде повиновения, если можно так выразиться. Такая аскетическая иерархия, аналогичная иерерхии католических монашеских орденов в средние века, упраздняла всякую светскую иерархию рядом с собой: во имя тариката дагестанский пастух требовал себе повиновения от знатнейших черкесских князей—и получал его. Здесь был демократический элемент аскетизма, так ярко выступающий на Западе в ордене францисканцев, например.

Первое широкое крестьянское движение, направленное как против горских феодалов, так и против военно-феодального империализма России,—было поднято Шейх-Мансуром в конце XVIII столетия. Восстание охватило весь Северный Кавказ. В нем приняли участие широкие крестьянские массы Чечни, Дагестана, Ингушии. „Но напор со стороны русских—пишет М. Н. Покровский—был еще недостаточно силен, чтобы сплотить все горские племена в одну организацию“. „Горцам после первых успехов стало казаться, что все уже сделано—энтузиазм упал. Мансур не находил уже прежней поддержки в массах, должен был бежать в Анапу—и там, при взятии этой крепости Гудовичем в 1791 г., попал в плен к русским“.

Первый кавказский резолюционер был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

В 1823 году выступил один из проповедников южного Дагестана Курали-Магома, учивший, что „мусульмане не могут находиться

под властью неверных. Мусульманин не может быть ничьим рабом и никому не должен платить подати. Между всеми мусульманами должно существовать равенство. Для мусульманина первое дело газават (священная война с неверными), а потом исполнение шариата".[1])

Преемником Курали-Магомы явился Кази-Мулла; после же убийства его в бою с русскими войсками в 1832 г. выступил Гамзат-Бек.

Руссофильская политика аварских ханов (крупнейших из дагестанских князьков)—говорит проф. М. Н. Покровский—„только вырыла им могилу: движение и без того демократическое, и без того смещавшее всех ханов и беков и заменившее их „наибами" предводителя священной войны, имама, расправилось с изменнической династией с особенной жестокостью. Ханское семейство было истреблено до последнего—не пощадили ни женщин, не детей. Дворец ханов был разграблен, а их подданные признали власть имама. Газмат-Бек поплатился жизнью за эту расправу—его убили кровомстители за смерть аварских ханов. Но движение от этого только выиграло, получив в качестве вождя способнейшего администратора и полководца, какого только выдвинули горцы во время борьбы с русскими—гимринца Шамиля.

Один из преданных мюридов Кази-Муллы, тяжело раненный в той битве, где пал старый вождь, новый имам представлял собою чрезвычайно счастливое в его положении соединение авторитетного богослова, шейха в настоящем смысле этого слова, с типичным предводителем такого первобытного племени, каким были тогдашние дагестанские лезгины. Шамиль, говорит о нем его туземный биограф, был человек ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, плавец, борец, бегун, одним словом,—никто ни в чем не мог состязаться с ним".

Но прежде чем перейти к военной истории Шамиля мы остановимся сначала на социально-экономических предпосылках восстания, возглавлявшегося знаменитым имамом.

Мы указывали, что царское правительство еще до начала XIX века придерживалось по отношению к горцам наступательной тактики, но это были только первые шаги завоевания Кавказа.

Однако, последующее время, связанное с действиями на Северном Кавказе ген. Ермолова, является одной из самых жутких страниц в истории горцев.

Если связь мюридизма с национально-освободительным движением имела место значительно ранее 20-х годов XIX века, то при Шамиле усиление мюридизма нашло себе более яркое выражение.

---

[1]) М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX ст.

Для появления и распространения мюридизма—как отмечает акад. М. Н. Покровский—необходимы были, во-первых, соответствующая социальная почва, во-вторых, соответствующее настроение масс. Первая нашлась в демократических общинах Дагестана,—где зародился и дольше всего продержался кавказский мюридизм,—а второе в большей, чем даже нужно было, степени создавала русская политика относительно горцев".

По своей форме власть Шамиля являлась теократией—имам считал себя представителем бога на земле. Но вместе с тем в его лице мы имеем и власть политическую. Социальная почва движения Шамиля носила демократический характер, оно было движением горских мелкобуржуазных элементов. Имамат—пишет акад. М. Н. Покровский—„отвечал высшей ступени экономического развития, достигнутой тогда горцами, и интересам наиболее передовых горских групп: недаром из черкесов, напр., его приняли первыми те самые племена, которые только что пережили демократический переворот—шапсуги, абадзехи и натухайцы" (Цит. соч.).

Военная история Шамиля распадается на три основных периода: 1) 1834-1840 годы—первые, пока еще слабые, не твердые шаги движения, 2) от начала до второй половины сороковых годов—этап расцвета деятельности имама, наконец, 3) период от второй половины сороковых годов до 1859 г.—время постепенного ослабления могущества Шамиля, окончившегося поражением.

Высшая точка развития движения Шамиля падает на тот момент, когда в Чечне вспыхивает восстание (1839 г.), вызванное притеснениями и грабежами царских войск. Чеченцы признали имама своим государем. „Пять следующих за восстанием Чечни лет (1840—1845) были периодом самых блестящих военных успехов Шамиля. К 1843 году все русские укрепления в Дагестане и Чечне были разрушены и взяты, гарнизоны их частью истреблены, частью попали в плен: до 700 русских солдат и офицеров и десять русских орудий оказались в руках горцев. Сам командующий русскими войсками в Дагестане ген. Клюги-фон-Клюгенау был заперт в Хунзахе и едва выручен войсками князя Аргутинского. Перейти в наступление против Шамиля и оба соединившихся русских генерала, однако, не сочли себя в силах, и Шамиль блестяще закончил кампанию этого года взятием Гергебиля, главного опорного пункта русских в северном Дагестане. После этого вся чеченская плоскость перешла в руки имама—и места, где русские отряды беспрепятственно ходили еще во времена Ермолова, стали теперь для нас, по словам одного современника, „чем то фантастическими" (М. Н. Покровский. Цитир. соч.).

Став под власть имама,—пишет он же—„чеченцы оказались такими злыми противниками, грознее которых русские еще не встре-

чали на Кавказе. Русские завоевания были отброшены чуть ли не на 40 лет назад".

Активное участие Ингушии в движении Шамиля констатировано многими официальными свидетельствами того времени.

Приведем здесь некоторые из них.

Так, в очерке положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 г. сообщается следующее: „Зимнее движение по Чечне ген.-м. Пулло для сбора податей и преждевременная попытка обезоружить чеченцев взволновали этот народ и Шамиль не упустил тем воспользоваться. В начале марта он беспрепятственно явился со своими мюридами на р. Сунже; а за сим вся Малая и Большая Чечня, ичкеринцы и ауховцы, качкалыковцы, галашевцы и карабулаки постепенно поднимая оружие, одни за другими пристали к мятежной его партии".

А вот рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 3 октября 1840 года: „В настоящем положении дел на левом фланге Линии Чечня в особенности обращает на себя внимание, ибо там, кроме коренных ее жителей, гнездятся теперь все беглые карабулаки, назрановцы, галгаевцы, сунженские и надтеречные чеченцы и по призыву предводителя их Ахверды-Магомы, сподвижника Шамиля, собрать могут значительные силы, хорошо вооруженные, вблизи Военно-грузинской дороги".

„Вся Большая Чечня к нему передалась,—читаем мы в рапорте ген. Граббе графу Чернышеву от 30 марта 1840 г.—равно как мичиковцы и ичкеринцы и многие ауховцы; качкалыковцы удерживаются в повиновении только присутствием нашего отряда. Некоторые из карабулакских и ингушевских деревень, все галгаевцы и кистинцы также в большом волнении и содействуют тайно или явно возмутителю".[2])

Успехи Шамиля встревожили Николая I-го и на Кавказ двинуты были новые, на этот раз большие военные силы, под командой наместника кн. Воронцова.

В 1845 году, летом, кн. Воронцов повел наступление на Веденский район с тем, чтобы захватить ставку Шамиля—аул Дарго.

Шамиль дал возможность войскам Воронцова углубиться далеко в горы и даже взять самое сел. Дарго, но зато захватил транспорт с провиантом. Воронцов со своим отрядом вынужден был отступить, при чем во время отступления отряд его подвергся почти полному разгрому: было убито и ранено 3000 чел. нижних чинов, 186 офицеров, 3 генерала; сам Воронцов чуть не погиб, он едва спасся.

Ряд военных успехов Шамиля относится и к периоду 1853—1856 годов.

---

[1]) Акты. Т. IX, стр. 248, 289, 427.

В то время происходила русско-турецкая война, и русские военные силы направлены были на крымские операции. В 1857 г. русские войска, по окончании войны, под руководством главнокомандующего кн. Барятинского переброшены были в Чечню и другие горские части Северного Кавказа, в Дагестан.

„Военные действия опять были перенесены на самую неудобную теперь для Шамиля территорию—в Чечню. Имам уже отчетливо сознавал, что не пользуется здесь прежней популярностью, и что прежней беззаветной преданности чеченцев, основы его побед в первой половине 40-х годов, нет и следа“ (Покровский).

Восстание, с которым „лучшие силы“ николаевской армии не могли справиться тридцать лет“, близилось к закату.

26 августа 1859 года Барятинский издал приказ по войскам: „Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю кавказскую армию.“

Каковы же причины поражения Шамиля?

Государство, созданное Шамилем,—указывает Е. Драбкина—было по существу своему демократическим, ибо оно боролось во имя демократических принципов и создавалось путем добровольного всенародного признания власти Шамиля.„ Но по структуре оно было диктатурой, и чем напряженнее становилась борьба против русских, тем отчетливее выступали элементы диктатуры. В вековом укладе патриархальной жизни горских народов произошла настоящая революция. Мозаика раздробленных племен и народов уступила место централизованному государству, с общими правовыми нормами, единым аппаратом власти, единой военно-финансовой организацией и до известной степени регулярной обороной страны. Эта государственная система была сначала силой, об'единявшей все население гор и сделавшей восстание непобедимым. Но через некоторое время она же превратилась в причину поражения Шамиля. [1])

Со второй половины 40-х годов от Шамиля начали отходить одно за другим племена чеченского народа, уставшие от напряженной диктатуры и от борьбы против русских“.

Между тем, содержала государство Шамиля „житница и самого Дагестана, и всего восточного—а отчасти и западного Кавказа—Чечня“.

Уменьшение материальных средств имамата, административный упадок его, перевооружение русской армии ружьями нового образца —все это ускорило поражение Шамиля.

Покорение восточного Кавказа завершилось в 1859 г., а западного—в 1864 г.

---

[1]) Е. Драбкина. Национ. и колон. вопрос в царской России.

Мы уже указывали на мысль, высказанную акад. М. Н. Покровским по вопросу о двух основных условиях для появления и распространения мюридизма: соответствующая социальная почва и настроение масс. Последнее „создавалось русской политикой относительно горцев".

Эта политика по отношению к ингушам сводилась, в общих чертах, к тем же мероприятиям, что и по отношению к чеченцам. Она заключалась, как мы видели в захвате территорий,принадлежавших Чечне и Ингушии, в политическом угнетении масс, сопровождавшимся обращением жителей в христианство, поддержкой т. н. высшего сословия там, где оно было, насаждением частного крупного землевладения там, где его не было или имелись лишь его зачатки.

„Если опять, в связи с военными успехами—говорит кн. Барятинский—мы не будем стараться теперь же обессиливать самое начало, из которого сложился мюридизм, то должны будем постоянно ожидать, „что рано или поздно мюридизм снова, под влиянием того или другого имама, подымет голову при первой возможности и вновь разрушит все наши усилия к умиротворению края. Чтобы достигнуть этого естественным путем, надобно прежде всего стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохраняются еще более или менее следы его, и создавать его действующим в империи порядком там, где оно не существует. Таким образом, по мере восстановления дворянства, правительство будет иметь в нем лучшее орудие к ослаблению исламизма" (По Покровскому).

Положение в Ингушии, в частности в Назрановском обществе перед майским восстанием 1858 г., представляется в следующем виде.

К этому времени Ингушия в целом считалась завоеванной русскими войсками; лишь отдельные части ингушей упорно отстаивали свою самостоятельность.

Местный, национальный торговый капитал заключал смычку с русским торговым капиталом.

Царская администрация заботливой рукой насаждала и поддерживала „священные" основы частной собственности, обращая исключительное внимание на создание класса крупных землевладельцев.

Вместе с тем она усиленно заботилась о том, чтобы „склонить" мусульманское население в христианскую веру,прибегая для этого ко всяким способам вплоть до подарков, денег, выдачи различных пособий и т. п.

Вот, например, любопытное отношение ген. Беловина к экзарху Грузии от 17 июля 1842 г.: „В каждой духовной особе горцы видели как бы притеснителя. К укоренению этого мнения не мало способ-

ствовали сами проповедники, которые не зная ни языка, ни обычаев своей паствы и не вникая в положение ингуш, учили их или на ломанном туземном наречии или на русском, непонятном для них языке, требуя, в то же время, строгого исполнения догматов проповедываемой ими религии. Миссионеры также поведением своим не умели внушить того уважения, какого должно требовать от проповедника слова божия, так что если между ингушами, а впоследствии времени, и между осетинами некоторая часть и обратилась в христианство; то успех этого предприятия нельзя почти приписать убеждению проповедников, но более обстоятельствам. Подарки, деньги и пособие хлебом, выдававшиеся новообращенным, увлекли многих принять св. крещение, но большею частью людей самого бедного и низшего сословия, побуждаемых к тому видами корысти. Некоторые же из них, дабы воспользоваться означенными пособиями, простерли святотатство до того, что крестились по несколько раз. Из всего этого заключить должно, как еще слабы и не тверды положенные нами основания христианской религии между ингушами".

В отношении говорится о том, что при проезде военного министра 11-го июня 1842 г. через укрепление, возводимое на Сунже между Казак-Кичу и Назраном, выехавшие на встречу министру около 700 назрановских жителей подали от имени ингушей прошение, „в коем об'ясняя, что они обращены в христианскую веру мерами насильственными и обольстительными, из'являют желание возвратиться к прежнему мухаммеданскому закону".

В этой просьбе им было отказано: „Просимого им дозволения дать нельзя. С тем вместе, военный министр по неоднократным возмущениям в ингушевских аулах, усмиряемых всегда силою оружия, по закоренелой грубости народа, незнакомого даже с первыми удобствами жизни, убеждаясь, что еще рано приступать к общему проповедыванию христианства в стране дикой и своевольной, где народ еще недостаточно подготовлен, чтобы уразуметь благодетельные последствия спасительного учения, тем более при теперешних обстоятельствах края и при общем волнении умов между горцами, и что всякая усиленная попытка к распространению учения нашей веры между ингушами и осетинами может побудить к восстанию этого дикого народа и вовлечь нас в неблагоприятные последствия, изволил полагать, что не отказываясь от этого предприятия, как скоро оно относиться будет до лиц, которые, по внутреннему, искреннему убеждению, совершенно добровольно и без всяких видов корысти из'явят желание принять св. крещение,—решительно остановиться, впредь *до изменения обстоятельств* (курсив наш. Г. М.), общими мерами понуждения и обольщения для достижения столь непрочного и единственно на наружности основанного обращения горцев в пра-

вославие, вследствие чего и находит необходимым сделать секретные внушения местным духовным властям и миссионерам, чтобы они вообще не преследовали новообращенных, если даже и заметят между ними неточное исполнение догматов христианской религии, и ни в коем случае не действовали бы *мерами полицейскими* (курсив наш. Г. М.), а старались утверждать их в христианстве примером собственной благочестивой жизни" (Акты. Т. IX, стр. 168).

Так насильственными мерами обращали в православие население „дикой и своевольной" страны, не имевшей возможности „уразуметь благодетельные последствия спасительного учения",распространять которое рекомендовалось здесь, „впредь до изменения обстоятельств",—„примером собственной благочестивой жизни".

Результат протеста 1842 г. еще не успел сгладиться в памяти назрановцев, их желание „возвратиться к прежнему мухаммеданскому закону" администрацией удовлетворено не было.

Систематическое расшатывание основ хозяйственной жизни широких ингушских масс путем открытого грабежа царскими войсками их хозяйств, путем непрерывного переселения аулов с одного места на другое, путем истребления огнем и мечем целых деревень, путем выселения жителей с давно насиженных пепелищ с целью заселения их казачьими станицами, политический гнет над ингушскими массами, полицейские мероприятия по внедрению среди них православия —все эти обстоятельства, вместе взятые, или в различных сочетаниях служили почвой, на которой неоднократно вспыхивали в Ингушии восстания.

В рапорте Орбелиани на имя Милютина мы находим определенное указание на перманентные переселения аулов: „Во всей Чечне не осталось ни одного аула, ни одного двора, которые по нескольку раз не переселялись бы с одного места на другое" (Акты. Т. XII, стр. 1254).

В Ингушии мы наблюдаем тоже самое.

Тяжелые экономические последствия этих переселений прежде всего должны были сказаться, конечно, на слабых хозяйствах, подвергавшихся разорению от подобных опытов царской администрации, тогда как зажиточные хозяйства такие сдвиги с места на место материально переносили легче.

Насильственные выселения из малых аулов и устройство из них больших сел (с количеством дворов не менее 300) имели своей целью сосредоточение жителей, из которых значительная часть настроена была оппозиционно,—в едином поле зрения для облегчения политического надзора за „бунтарями" и расправы с ними.

В своем отчете за 1857—1859 г.г. кн. Барятинский пишет: „Давно покорные общества галашевцев, карабулаков и ингушей находи-

лись в самом беспорядочном состоянии и держали у себя открытый притон разбойникам. Положено было ввести у них устройство, существующее с такою очевидною пользою у мирных чеченцев, и для того поселить их большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили соседей и призвали Шамиля. Быстрые меры, принятые ген. Евдокимовым, подорвали бунт в зародыше; скопище Шамиля было разбито под Ачхоем" (Акты. Т. XII).

Назрановское восстание вспыхнуло 23 мая 1858 года.[1])

Для разрешения вопроса об устройстве больших аулов из назрановцев и карабулаков пристав при последних приступил к собиранию сведений о числе жителей в Назрановском обществе.

Взволнованные жители отправили к приставу депутатов с требованием, чтобы он не давал разрешения на переселение в большие аулы тем, которые выразили на это свое согласие.

Вечером 22 мая в окрестных назрановских аулах раздались сигнальные выстрелы, призывавшие к вооруженному сопротивлению против русской власти.

Пристав тотчас же вызвал в Назрань войска.

По прибытии войск из Владикавказа под командой полк. Зотова старшины выразили свою покорность; полк. Зотов направил группу „влиятельных ингушей-офицеров к мятежникам с тем, чтобы они внесли успокоение среди восставших.

Толпа не приняла офицеров. Стали даже раздаваться голоса, призывавшие к убийству „посредников".

Явившаяся к Зотову депутация в составе 6 человек (из них 4 руководителя движения) заявила, что население не желает соединения их в большие аулы, и что зачинщики ими выданы не будут.

Зотов, оставив у себя четырех руководителей мятежа в качестве заложников, обратился к депутатам с просьбой предложить собравшимся разойтись. „Едва депутаты,—сообщал Зотов,—присоединились к толпе, как народ начал медленно спускаться с горы, показывая вид, что расходится, но, приблизившись к форштадту, вся эта масса в числе 4-5 тысяч (кроме назрановцев в сборе участвовало большое число карабулаков галашевцев и жителей Тарской долины) с гиком и выстрелами бросились бежать на форштадт. Войска открыли огонь по нападающим. Видя неудачу и находясь под страшным огнем стрелков и артиллерии, масса начала быстро редеть и разбегаться во все стороны" (Акты. Т. XII, № 951).

28 мая, т. е. спустя три дня после подавления восстания, горные ингуши решили оказать помощь восставшим назрановцам.

---

[1]) Материалы о восстании встречаются в архиве военной канц. нач. Тер. обл. (дело № 929 и др.). в „Актах Кав. А. К., в статье Б. В. Скитского „Назрановское возмущение" (страничка из истории ингушского народа) во II-м „Сборнике Научн. Об-ва этнографии, языка и литературы при Г. Пед. И-е", 1930 г.

Восставшие поддерживали связь с Шамилем, общее положение которого к моменту восстания было весьма критическим. К этому времени продвижение русских войск в Дагестане протекало успешно и нет ничего удивительного в том, что Шамиль нашел необходимым использовать назрановское восстание в своих политических и стратегических целях—вторгнуться в Малую Чечню.

Шамиль выступил из Дагестана с восьмитысячным отрядом и встречен был в Ингушии восставшими и сочувствовавшими им с ликованием, тогда как другие отнеслись к нему враждебно.

Имам потерпел здесь неудачу, другой его отряд под командой его сына Кази-Магомета разбит был 9 июня у аула Ачхой.

Основными причинами назрановского поражения Шамиля являются: сопротивление ему группы из „лучших“ ингушских фамилий, противопоставление против него превосходящих по своей численности и технике войск, исчерпание провианта, недостаточно согласованные действия мятежников и отряда имама.

Особенно активное участие в преследовании Шамиля принимали некоторые члены фамилии Темирхановых.

После этого назрановцы и галашковцы выдали аманатов, главные „возмутители“ повешены были на холме, где собирался народный сход, 33 человека приговорены были к наказанию шпицрутенами, лишены всех прав состояния и отправлены в Сибирь на каторжные работы, 5 человек в рудники бессрочно, 28 ч. на заводские работы на восемь лет.

Военно-полевой суд, рассмотрев дело, нашел, что руководителями восстания были: Чалдыр Арчаков, Магомет Музуров, Джагостуко Бехоев, муллы Башир Ашиев и Урусби Мугаев.

Суд постановил: расстрелять их на том холме, где ими назначено ло народное собрание, лишив предварительно Арчакова и Музурова полученных ими от правительства знаков отличия.

Главнокомандующий кавказской армией заменил расстрел повешением.

Приговор был приведен в исполнение 25 июня 1858 г. над всеми перечисленными участниками восстания за исключением Бехоева, находившегося в бегах.

Старшина Паша Ганижев, Бази Булбучев, Мусост Арчаков, Хозу Эдыльов и Исмаил Хонокиев приговорены были к наказанию шпицрутенами через сто человек по одиннадцати раз каждый, к лишению знаков отличия и всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы в рудники без срока.

Прапорщик Тимерби Чириков, „во уважение его прежних заслуг“, лишен был знаков отличия и всех прав состояния и сослан на каторжные работы в крепостях на 12 лет.

Прапорщик Гагит Шамботов, 70-ти лет, по лишении чина, двух медалей и всех прав состояния, сослан был в Сибирь на поселение.

Остальные подсудимые в числе 28 человек: юнкера Темурко Осканов, Чаби Келехольгов, муллы Лабаза Дербичев, Мичик, Мусост, старшины Мусса Кодзиев, Джантемир Муцольгов, Арапхан Бердыев, Осман Муталиев, а также Гата Мальсагов, Магомет Темирханов, Хюнке-Эли Шалиев, Куруко Долова-Долдаев, Магомет Долов, Татархан Султыгов, Хуных Гандауров, Угус Музургов-Ведзижев, Тересбот Табаев, Баты Альдиев, Дзюка Хашагульгов, Мусакой Могдыев, Шамбат Могушков, Гайтемир Ахтемиров, Хату Экажижев, Бару Тамбиев, Тавмурза Сантолиев, Хаджи Дихокиев и Бейбот Мальсагов—приговорены были к лишению юнкерского звания, знаков отличия (кто таковые имел), к лишению прав состояния, к наказанию шпицрутенами через сто человек по десяти раз каждый и, затем, ссылке на каторжные работы на заводах на восемь лет.

Вскоре после приговора дела о некоторых из подсудимых были пересмотрены и в итоге наказанными шпицрутенами оказались: мулла Шабаза Дербичев, Паша Гапарев, Хату Эдильгов, М. Долов, И. Хонокиев, Д. Муцольгов, М. Кодзиев, А. Бердыев, Т. Табаев, Т. Султынгов, Х. Гандауров.

Ганижев, Долов, Султыгов, Бердыев, Л. Дербичев, Тебоев бежали после суда и наказания шпицрутенами.

В Сибирь, на поселение, сослан был Шамботов, а на каторжные работы Х. Эдыльов, М. Кадзиев, Д. Муцольгов, Х. Мальсагов, М. Темирханов, Х. Шалиев, Толдиев, Гандауров, Ханакиев.

Урус Ведзижев, Б. Томбиев, Т. Санталиев, Келехольгов, Т. Осканов, Д. Хашагульгов, Б. Мальсагов, О. Муталиев были помилованы за отсутствием достаточных улик в активном их участии в восстании и за старания их „отклонить народ от его гибельного намерения".

М. Арчаков, Б. Булгучев, Б. Альдиев, М. Мугдышев. Ш. Могушков, Г. Ахтемиров, Х. Экажиев, муллы Мечик и Мусост бежали до суда.

Штабс-капитан Д. Брыков и подпоручик Д. Гамурзиев были помилованы за то, что они „после происшествия 25 мая вели себя примерно хорошо и много содействовали к успокоению взволнованных умов".

Д. Бехоев явился с повинной и тоже был прощен.

Э. Куртаев был сослан на каторжные работы за то, что оказал противодействие юнкеру Тоай Кантышеву в преследовании последним восставших.

Во время Назрановского восстания выявилось, таким образом, резкое расслоение в Ингушии: движущей силой восстания была тру-

довая крестьянская масса, больше всего испытывавшая на себе тяжелые последствия переселений целых аулов, слияний их и т. п. мероприятий; старшины же с русской ориентацией, облагодетельствованные царской администрацией, определенно стали на защиту самодержавия, другая же часть их, попавшая под влияние мулл, зва в ших на борьбу с „неверными", с угнетателями мусульманской религии, приняла активное участие в движении Шамиля, расчитывая на возможность, в случае победы последнего, властвовать над массами под знаменем имамата.

Между этими группами были открытые столкновения, принявшие настолько острый характер, что лица, принадлежавшие к одному и тому же роду, оказались на противоположных баррикадах.

Тайпа уже не была монолитным целым. Шел процесс дальнейшего внутритайпового расслоения: члены одной и той же тайпы нередко находились в противоположных станах—одни на службе царского правительства, награждавшего их чинами, орденами, землями, другие—в лагере Шамиля, рядовыми его соратниками и даже наибами.

Вместе с тем 14 „знатных" милиционеров („отцев пользовавшихся званием старшин") представлено было к наградам „за преданность правительству и отличие во время возмущения".

Одновременно с расправой, администрация издала приказ об устройстве больших аулов и переселении в них жителей.

Это обстоятельство послужило новым толчком к движению.

Вновь была установлена связь с Шамилем, которому назрановцы, галашкинцы, карабулаковцы и галгаевцы выдали заложников.

Хотя на этот раз под общей командой Шамиля состояло 13 тысяч воинов, но 30 июля один из его важнейших отрядов потерпел у Ахкиюртовского ущелья серьезную неудачу, вследствие указанных уже нами причин.

Шамиль отступил.

Участь назрановского восстания была решена.

Назрановцы вынуждены были принять все условия царских сатрапов.

В следующем, 1859 году, в августе, после захвата русскими войсками Гуниба, Шамиль был взят в плен, и кавказская война считалась законченной на восточном Кавказе, а в 1864 г. и на западном.

Ингушия во время движения Шамиля распалась на два лагеря: демократические слои держались ориентации на имама, принимая участие в движении, „верхи" же из „лучших" фамилий стояли за русскую ориентацию, тем более, что отдельные лица и группы за выдающиеся заслуги перед „отечеством" получали от официальных

представителей последнего офицерские чины, земли, деньги. Активное же участие демократической части Ингушии в движении Шамиля констатируется, как мы видели, официальными свидетельствами того времени.

Завоевание Кавказа превратило Ингушию в колонию царской России.

Царизм перешел к дальнейшему осуществлению „коренной русской исторической системы—заселению окраин государства казаками".

Эта политика весьма выпукло выражена в следующих словах: „Мы испытали на деле всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытою местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, и избежали в то же время решительного боя. Поэтому мы, по необходимости, прибегали к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками" (Об'един. горский истор. архив, дело по описи № 1 1863 г. канц. нач. Тер. обл. по секретному столу о переселении туземцев Тер. обл. в Турцию; л. д. 1).

В „Актах Кавказской археографической комиссии", в IX-м томе, на странице 429-й, читаем: „для утверждения здесь русского владычества представляются два средства: 1) поселение казачьих станиц на Сунже и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор" „Казачьи станицы могут быть устроены на следующих местах: 1) две на левом берегу Сунжи, между кр. Грозный и укр. Умахан-юртом; 2) пять на том же берегу, между кр. Грозный и аулом Казак-кичу; 3) две на правом берегу Сунжи, выше Карах-кичу: 4) две на левом берегу реки Ассы, ниже впадения в нее речки Алгус-Али,—всего 11 станиц.

Каждая станица должна состоять круглым числом из 200 семейств. Таким образом, указанное пространство заселится 2200 семейств.

Выселить такое число людей с Кавказской линии—значило бы слишком ослабить здешнее казачье войско, которое в то же время должно перевести на Лабу около 2800 сем.

А потому для образования Сунженской линии средства Кавказа недостаточны и необходимо выслать, по крайней мере, часть требуемого числа переселенцев из Донского войска".

Далее следуют правила для переселения казаков, о пособиях переселенцам (ряд льгот), о конно-подвижном транспорте.

В записке о Чечне, составленной капитаном Николаи, есть такие места об основании Сунженской линии:

„1) В 1845 году основана была Сунженская линия и поселен 1-й линейный Сунженский казачьий полк, в 5-ти обширных станицах. Та-

ким образом, образовалась на самых пределах Чечни превосходная кавалерия, всегда угрожающая неприятелю неожиданными нападениями.

2) Высочайше разрешено было расположение передовой Чеченской линии, долженствующей состоять из ряда укреплений вдоль подножия Черных гор, для охранения выходов из главных ущелий и с тем, чтобы служить основанием действий для отрядов наших, высылаемых в неприятельскую землю, и чтобы доставить верное убежище тем жителям Чечни, которые желали бы возвратиться под наше покровительство и, наконец,

3) Предположено было утомить неприятеля частыми наступательными движениями" (Акты К. А. К. Т. X, стр. 472).

Повод заселения указан там же: „Все наши поселения на Тереке и сообщения по Военно-грузинской дороге и от Екатеринограда до Дагестана были в постоянной тревоге".

Отношение ген. Муравьева к князю Долгорукову от 23 апреля 1856 года гласит: „Упрочивать владычество наше переселяемыми вперед станицами—есть способ, уже с пользою испытанный, и его не следует изменять. Вообще, нужно принять за правило, чтобы при всяком передвижении наших войск вперед для занятия вновь приобретаемого от неприятеля пространства, позади их и под их прикрытием переносились с задних линий станицы, в которых водворять и женатых солдат, обращая их в казачье сословие, не стесняясь числом лет их службы" (Акты К. А. К., т. XI, стр. 66).

По словам А. П. Берже, „до 1819 года на Сунже, кроме чеченских аулов, русских поселений не было" (Чечня и чеченцы).

Выселение ингушей с их территории с целью казачьей колонизации подтверждается рядом документов.

В рапорте командующего войсками по управлению Терской областьы на имя командующего войсками Терской и Кубанской областей ген.-ад'ютанта и кавалера графа Евдокимова сказано: „Имея в виду, что переселение аулов Ланжита и Учхота окончено уже к 30-му числу октября, и что в течение зимы 1860-61 г. окончится также и переселение жителей Тарской долины, я спешу согласно желанию нашего сиятельства, изложенному в том же предписании за № 4111, дополнить, что во внимание бедности галгаевцев и вообще всех племен, живущих в горах, я полагал бы в прокламации определить для них количество ежегодного денежного взноса, по полтора рубля серебром с дыма и никак не более двух рублей'. (Дело № 209 канц. нач. Тер. обл. по 2 отделу, 1 столу о прокламациях туземцам Тер. обл. Начато 5 июня 1860 г., окончено 6 февраля 1862 г.).

А вот предписания помощнику командующего войсками Терской области генералу Кемпферту (то же дело):

„Препровождая при сем вашему превосходительству три утвержденных подписью г. главнокомандующего о прокламации к назрановскому, галашевскому и галгаевскому народам, имею честь покорнейше просить вас прокламацию назрановскому народу об'явить, не теряя времени, при первом удобном случае, при чем прошу вас льготное время и количество определенных к взносу денег в размере, определенном для чеченского народа, приписать в прокламацию собственноручно. С об'явлением прокламации галгаевцам необходимо обождать *до окончания переселения аулов Ланжита и Учхот фамилии Гистагожевых и жителей Тарской долины* согласно предписанию моему к генералу-майору Бажанову от 16 октября за № 4068 (Курсив наш. Г. М.).

„Галгаевскому народу также предназначено переселение, и потому об'явление прокламации галгаевцам должно быть отложено до окончательного заселения ими новых мест для своего водворения, и до этого времени посылаемую прокламацию хранить при делах штаба вашего превосходительства, как и прокламацию к галгаевцам. Командующий войсками Терской и Кубанской областей генерал-ад'ютант граф Евдокимов. 4 ноября 1860 г., № 4111. Гор. Ставрополь".

Исправлявший должность начальника Военно-осетинского округа полк. Кундухов писал командующему войсками левого крыла Кавказской линии графу Евдокимову: „После описанного переселения в ущельях по Фортанге, Ассе, Сунже и Камбилеевке, мелких хуторов и жителей никого не осталось, и дело это, к удовольствию моему, я считаю совершенно конченным". „Словом, исполнено и исполняется все согласно желанию вашего превосходительства. Полковник Кундухов".

На рапорте есть резолюция Евдокимова: „С особенным удовольствием благодарю за это важное дело полк. Кундухова. Донести об этом г. главнокомандующему" (Дело генер. штаба войск левого крыла Кавказской линии, V отд., по описи № 436, по части распорядительной).

Результат колонизационного процесса в Ингушии получился такой.

Из долин рек Фортанги и Ассы были выселены ингуши галашевцы, датыхцы и хутора, а земли их переданы Терскому казачьему войску. Войско основало здесь станицы Датыхскую, Галашевскую и хутор Мужичий. Позднее казаки этих станиц выселились из за непригодности земель для обработки, при чем земля и лес оставались собственностью войска до 1918 года.

На месте аула Гаджирен-юрт основана в 1847 году станица Нестеровская.

На месте Таузен-юрт основана в 1861 г. станица Воронцово-Дашк.
„ „ Магомет-хитс „ „ 1847 г. „ Вознесенская
„ „ Ах-Борзе „ „ 1861 г. „ Ассиновская
„ „ Ахки-юрт „ „ 1859 г. „ Сунженская
„ „ Ангушт „ „ 1859 г. „ Тарская
„ „ Ильдир-гала „ „ 1859 г. „ Карабулакская
„ „ Алхасте „ „ 1860 г. „ Фельдмаршальская
„ „ Шалхи основан „ 1867 г. хут. Тарский

В 1845 году основаны станицы Троицкая и Слепцовская, в 1846-м Михайловская (См. А. Берже, стр. 117).

Часть ингушей, жившая в этих аулах, вымерла от голода, холода и болезней во время переселений, часть нашла приют у горцев и назрановцев, часть же переселилась в Турцию.

В основе колонизации лежали политические соображения—устройство клина, который раз'единил бы горных ингушей и чеченцев от плоскостных и представлял бы собою постоянную военную опору власти на местах.

Так как по ущельям рек: Камбилеевки, Сунжы и Ассы существовали единственные дороги для сношения горных ингушей с равниной, то станицы преградили ингушам свободный путь, который ранее давал им возможность быть экономически непосредственно, тесно связанными с плоскостью.

И запертые в горах, ингуши оказались обреченными на тяжелое нищенское существование.

Перед местной властью неизбежно должен был встать вопрос об урегулировании земельных отношений среди покоренных горских народов.

Вопрос этот возникал неоднократно и ранее—еще в начале утверждения русского владычества на Кавказе, но длительная военная обстановка, в которой протекала жизнь края, мешала окончательному разрешению вопроса о поземельном устройстве горцев.

Занятое ведением войны—говорит П. А Гаврилов—и „выжиданием, пока, сообразно с успехами войны, положение покорного горского населения сколько нибудь определится, кавказское начальство не могло предпринять ничего решительного в таком деле, как определение прав населения на владение землями; но, впрочем, тем не менее, в попытках разрешить поземельный вопрос на Кавказе никогда не было недостатка. С этой целью учреждались не раз особые комитеты и комиссии, писались различные проекты, но только все это кончалось тем, что комитеты и комиссии, по изменившимся обстоятельствам, упразднялись, а написанные проекты сдавались в

архивы, как не соответствующие действительному положению дел". (Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. Сборн. свед. о кавк. горцах. Вып. II, 1869 г.).

Неясность в дело поземельного устройства ингушского народа вносила сама высшая кавказская администрация.

Так, наместник на Кавказе кн. Воронцов в своей прокламации горским народам обещал: „Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения. Российские войска будут защищать вас от врагов, начальство будет заботиться о благоденствии вашем и вы ни в чем не встретите нужды и никогда вас не постигнет никакое бедствие" (См. „Письменные заявления горского населения и об'яснения комиссии". Владикавказ, 1909 г.) [1])

Однако, следующий наместник на Кавказе кн. Барятинский — говорил о земле не так определенно, как его предшественник. Это видно при сравнении прокламации кн. Воронцова с прокламацией кн. Барятинского.

Вот, что мы, например, читаем в обращении к назрановцам.

„Прокламация

Назрановскому народу.

Император всероссийский в бесконечной милости своей забывает все прошедшие поступки назрановского народа, прощает ему великодушно за пролитую кровь русских и отныне считает назрановцев такими же своими верноподданными, как и всех прочих обитателей Российской империи. Снисходя к недавнему переселению назрановцев на настоящие места и к минувшей тревожной жизни их в соседстве враждебных племен, освобождает народ на целые три года от взноса податей в казну государственную.

Сверх того, его императорское величество дарует назрановскому народу следующие права:

1) Полную свободу вероисповедания—беспрепятственное отправление богослужебных обрядов.

2) Увольнение навсегда от обязанности выдавать рекрут и от обращения в казаки.

3) Неотъемлемое владение землею на указанных уже местах.

4) Земля, представляемая народу, будет разделена между аулами, в постоянное их владение, соразмерно числу народонаселения.

5) На право владения землею будут выданы обществам аулов и частным лицам все необходимые акты и планы.

---

[1]) Г. К. Мартиросиан. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Изд. Сев.-Кав. Инст. Краеведения. Владик., 1925 г., стр. 112.

6) Места рождения металлов и минералов составляют принадлежность правительства.

7) Права личности и собственности каждого обеспечиваются общими узаконениями империи, примененными к обычаям и нравам народа.

8) Суд и расправа между назрановцами предоставляются народному суду, на основании народных обычаев и шариата, кроме тех изменений и дополнений в ныне существующих обычаях, которые впредь могут оказаться необходимыми согласно потребностям народа.

9) Выбор лиц для отправления общественных должностей в аулах и выбор депутатов в народный суд предоставляется обществам; утверждение же в должностях—начальству.

Пользуясь вышеизложенными правами, назрановский народ обязуется:

1) Полным повиновением и послушанием поставленным от правительства властям.

2) Выдавать преступников и беглых, не скрывая их ни под каким предлогом и отвечать за грабеж и убийство, произведенные на землях общественных.

3) Содержать в исправности сообщения, плотины и мосты.

4) Для сбережения лесов назначить в каждом ауле особые участки, где строжайше воспретить производить вольную порубку без дозволения аульных обществ. За вывоз же леса на продажу из свободных дач установить денежный сбор особенною таксою по приговору народного суда. Собираемые за сие деньги должны поступать в общественные суммы для общественных нужд народа, каковы: вспомоществование бедным и пострадавшим от несчастья, содержание школ и пр.

5) На случай прохода войск по аулам давать потребное количество подвод за прогоны. Правильность раскладки этой повинности предоставляется возлагать на наибов, а поверка—народному суду.

6) Вознаграждать общественную службу мулл, аульных старшин и других лиц внутреннего полицейского управления аулами по приговору аульных обществ.

7) Развозку бумаг, содержание караулов у полиции, пересылку арестантов и прочие общественные обязанности жители аулов обязаны исполнять поочередно, на том же основании, как доселе.

8) Для поддержания порядка в обществах и для приведения в исполнение распоряжений административных властей, как-то: начальников округов и наибов, народ обязан содержать постоянно на счет общества с каждых 100 сакель по всаднику.

9) Для защиты же собственных границ, по призыву начальства, обязаны выходить все, кто может владеть оружием. При кратковременном подобном сборе, продолжающемся не более 10 дней, ополчение это обязано содержать себя и коней (кто их будет иметь) на собственном иждивении. Если же служба продолжится более вышеопределенного срока, тогда на дальнейшее время ополчение поступает на попечение правительства, и

10) По истечении высочайше дарованной трехлетней льготы назрановский народ за право пользования землею, принадлежащей правительству и для покрытия на содержание управления администрации края, обязан вносить в казну ежегодно по три рубля сер. с каждого двора, не исключая неимущих, вдов и сирот, при чем взнос за последних раскладывается на прочие дворы аула по общественному приговору. Общество аула вносит этот сбор полностью по расчету общего числа дворов в ауле, и за правильность сбора отвечает аульный старшина. Сбор представляется в окружное правление к 1-му числу сентября каждого года—за текущий год (Дело № 209 канц. нач. Тер. обл. по 2 отделу, 1 столу—о прокламациях туземцам Тер. обл. Начато 5 июня 1860 г., окончено 6 февраля 1862 г.)

Рассматривая эту прокламацию, мы видим в ней не мало обязанностей, которые тяжелым бременем легли на плечи широких ингушских масс. Тут и содержание в исправности путей сообщения, плотин, мостов, и гужевая повинность, и расходы по содержанию различных административных лиц, караульная служба, содержание всадников „для поддержания порядка". Мало того, по истечении трехлетнего льготного срока, горские народы, „за право пользования землею, принадлежащей правительству и для покрытия на содержание управления администрации края", должны были вносить в казну ежегодно по три рубля сер. с каждого двора. Эта обязанность распространялась и на неимущих,. вдов и сирот.

На запутанное положение землеустройства и на тяжелые условия ведения хозяйства в крае указывал в свое время П. Гаврилов: „Проходили десятки лет. Положение горцев не менялось к лучшему и только продолжало, так сказать, воспитывать их для ожесточенной войны с нами. Серьезный труд по хозяйству был почти невозможен для горца, и потому горцы были вынуждаемы отыскивать средства к жизни в военной добыче". „Нельзя не приписывать легкости, с которою весьма часто уходили от нас покорные горцы целыми аулами,—тому, что положение их у нас было недостаточно определенно и именно в отношении права их на владение землями.

Хотя покорные аулы и получали почти всегда обещания от начальства, что они останутся на тех местах, на которые водворены, но имея перед глазами несколько примеров очищения горских зе-

мель для новых казачьих станиц, горцы плохо верили таким обещаниям, тем более, что на категорически предложенный ими вопрос о том, как будут наделены они землею, получались, в большей части случаев, нерешительные ответы, потому что, при тогдашнем положении края, трудно было предвидеть заранее все те случайности, которыми могло обусловиться устройство быта покорного населения".

В 1861 году начальник Терской области генерал Лорис-Меликов опубликовал об'явление главнокомандующего кавказской армией жителям горского участка Ингушского округа: „Из заявлений вашего начальства о постоянно хорошем вашем поведении я убеждаюсь, что вы стремитесь к мирной жизни и честному труду.

С особенным удовольствием благодарю вас за это и хочу окончательно успокоить относительно устройства будущего вашего положения, а потому об'являю вам именем государя императора, что земли, на которых вы живете, останутся навсегда неприкосновенными в вашем пользовании, и что только измена правительству может лишить вас даруемого права.

Вместе с этим, подобно всем прочим племенам Терской области, я обязываю вас с будущего нового года взносом подати на покрытие расходов казны по управлению вами. Размер этого взноса предоставляю определить командующему войсками, но зная недостаточность вашу, сравнительно с жителями Чечни и Назрановского участка, обложенных тремя рублями с каждого дыма, об'являю вам теперь же, что размер суммы, которую вы должны вносить ежегодно в окружное ваше управление, будет значительно менее трех рублей с дыма. Раскладка этого сбора между семействами будет предоставлена аульным обществам.

Надеюсь, что вы поймете милость правительства, даруемую вам настоящим моим об'явлением, и что никакие злонамеренные толки и подстрекательства не заставят вас сойти с пути верности государю императору всероссийскому.

Что вышеизложенное действительно было об'явлено его императорским высочеством главнокомандующим кавказскою армиею жителям Ингушевского скруга горского участка 23 октября сего года, в том подписью свидетельствую. Ноября 29 дня 1865 г. Подлинное подписал: начальник Терской области генерал-ад'ютант Лорис-Меликов" (Дело по описи № 6, ч. IV, Горск. отд., 2 стола, штаба Кавказского воен. округа).

Однако, это обещание сохранить за ингушским народом его земли имело в виду только нагорную полосу; во-вторых, дата об'явления относится к тому времени, когда процесс выселения ингушей в некоторых местах уже был закончен, а в других приближался к концу.

Между тем, еще в 1854 году полк. Де-Саже в записке о военных действиях писал: „Система войны против кавказской природы и сынов ее избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезывал горцам безвозвратно кусок их родной земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки; так отодвинуты горцы правого фланга за Белую и Уруп. На всех этих местах поселены казаки, устроены укрепления с штаб-квартирами полков, и покорные племена уже мирно живут под щитом нашего оружия и законов" (Акты К. А. К., т. XI, стр. 450).

Выселение ингушей из ряда селений, исконе принадлежавших им, не могло, конечно, не повлечь за собою сокращения земельного довольствия населения. Часть жителей вынуждена была переселиться в горы, часть получила недостаточный надел на плоскости. Надел назрановцев еще в шестидесятых годах прошлого столетия признан был незначительным. Эта точка зрения определенно выражена в в докладе комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области от 7-го октября 1865 года: „На каждый двор назрановцев 17 дес. 1500 к. с. Надел этот комиссия ни в коем случае не признает удовлетворительным" (Дело б. Тер. обл. чертежной, 5 отд., по описи № 4017, № 611). На рапорте начальника Терс ой области от 2-го апреля 1866 года за № 1015 есть мнение помощника главнокомандующего кавказской армией: „Надел признаю недостаточным" (т. е. 17 дес. 1500 к. с.).

Вместе с тем, как это видно из имеющихся архивных материалов, хранящихся в Об'единенном горском историческом архиве,—наряду с недостаточными наделами в Ингушии образованы были крупные частные землевладения.

Конечно, казачья колонизация не могла не повлечь за собою обострение земельного кризиса у широких крестьянских масс Чечни и Ингушии.

О малоземелье, между прочим, пишет командующий войсками Терской области, при чем предлагает разрешить земельный вопрос посредством переселения горцев в Турцию.

„В разбросанности казачьего населения и в недостатке земель как для казаков, так еще более для местного населения заключается вся трудность и исключительность управления Терскою областью в сравнении с прочими частями Кавказа". „С одной стороны—стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области 100-тысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта их; с другой же—замкнутость края, лежащего между безводною степью и снеговым хребтом, лишает возможности вывести из пределов области неспокойное и малоспособное к принятию

гражданственности чеченское племя. Между тем, племя это, уступив казакам почти половину своих земель, хотя и удобных для хлебопашества, но наименее важных для целей военных, успело сохранить за собою правую сторону р. Сунжи, в соседстве с Дагестаном, всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями Черных гор.

Об'ем настоящего письма не позволяет мне изложить вашему превосходительству во всей подробности причины и обстоятельства, приводящие меня к убеждению необходимости переселения чеченцев. Причины эти отчасти известны вашему превосходительству из личных докладов моих государю великому князю и письменных донесений, когда я заявлял, что только в переселении жителей Большой и Малой Чечни на земли Малой Кабарды и сунженских казаков, в немедленном обложении чеченцев тогда же податями и в раз'единении этого племени от Дагестана твердою линиею казачьих поселений по предгорной полосе от Владикавказа до Кумыкской плоскости можно полагать окончательный исход чеченского вопроса, столь тесно связанного с делом прочного водворения нашего во всей Терской области и, может быть, отчасти и в Дагестане".

„Теперь считаю крайне необходимым обратиться к вашему превосходительству по предмету, возбужденному генерал-майором Кундуховым и могущему иметь влияние на дальнейшие действия в Терской области. Прибыв на-днях во Владикавказ, генерал Кундухов высказал мне предположение о возможности возобновить между туземцами Терской области стремление к переселению в Турцию. Он предложил взять на себя выполнение этого дела и уверен, что при тех мерах, которые он примет негласно, в течение летних месяцев уйдет до трех тысяч семейств.

Трудно судить еще, насколько выполнимо предположение это в настоящее время, после тех бедствий, которые перенесены туземцами здешнего края при уходе их в 60 и 61 годах; но, во всяком случае, предположение генерала Кундухова, по личному моему мнению, имеет для нас особую важность, и если ему удастся привести его в исполнение, то он бесспорно окажет нам огромную услугу даже и в том случае, если переселение состоится в меньших гораздо размерах, чем он предполагает. При настоящем недостатке земель в области и тех заботах, которые вызываются положением туземного населения в крае выход всяких ста семей, к какому бы племени они не принадлежали, за исключением кумыков и кабардинцев, где нет недостатка в земле, будет уже для нас облегчением".

„Одним из главных условий успеха этого предприятия генерал Кундухов ставит полную негласность его личного участия в этом деле, и уверен, что никакие старания его не будут иметь благоприятного исхода, если только в населении станет известно, что он дей-

ствует с ведома правительства. Я обещал ему о сохранении этой негласности написать и вашему превосходительству.

Генерал Кундухов заявил мне, что по исполнении этого дела он намерен поселиться в Одессе и даже, быть может, сам перейдет в Турцию. Однако, еще из первых мер, которые он думает принять для исполнения предпринятого им дела, есть отправление в Турцию своего семейства. Он высказал мне при этом надежду, что, в случае, если участие его принесет пользу, то правительство не откажет в приобретении от него в казну пожалованной ему земли и выстроенного им на ней дома.

Побуждения, руководящие в этом деле генерала Кундухова, были высказаны им мне прямо: облегчая переселением в Турцию заботы правительства, он думает этою мерою спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания. Давнее убеждение его в неизбежности такого восстания на Восточном Кавказе, полагаю, известны и вашему превосходительству.

Считаю необходимым, если только предложение генерала Кундухова будет одобрено его императорским величеством, сколько возможно, скорее дать ему дозволение приводить его в исполнение. Поэтому покорнейше прошу ваше превосходительство испросить разрешение государя великого князя и, в таком случае, сообщить мне об этом с первым отходящим курьером или же телеграфною депешею".

В ответ командующим войсками Терской области получена была телеграмма следующего содержания: „17 мая месяца 1864 года. Из Поти. Телеграмма № 198. Правительственная. Владикавказ. Командующему войсками. Великий князь согласен на предложение генерала К. Желаю полного успеха. Чем дальше—тем лучше. Карцов".

Из цитируемого дела о переселении горцев в Турцию видны дальнейшие шаги Лорис-Меликова и Кундухова в этом направлении (Дело канцелярии начальника Тер. обл., по секретному столу о переселении туземцев Тер. обл. в Турцию).

После того, как условия деятельности Кундухова были приняты краевой властью (покупка у него казной 2.800 десятин земли и дома на сумму в 45.000 рублей, выдача ему 10.000 рублей на агитацию), он выехал в Турцию для выяснения вопроса о возможности и порядке переселения туда горцев.

23 августа 1864 года Лорис-Меликов получил от Кундухова письмо из Константинополя, где он говорит о своей беседе с министром иностранных дел Оттоманской империи Али-Пашей, о его „ласковом и вежливом приеме". Выслушав сообщение о намерении краевой кав-

казской власти переселить горцев в Турцию, Али-Паша „обещал принять живое участие в делах будущих мухаджинов“ (л. д. 36).

7 октября 1864 года Кундухов известил Лорис-Меликова о благожелательном отношении турецкого правительства к данному начинанию (л. д. 37):

„Милостивый государь, Михаил Тариелович!

Наконец, я получил от турецкого правительства желаемый ответ, и 15-го числа сего месяца отправляюсь в Одессу, где полагаю пробыть несколько дней с детьми своими и затем ехать день и ночь, без остановки до Владикавказа.

От всей души пожелав вам полного успеха во всех ваших предположениях, имею честь быть

вашего превосходительства

покорным слугою Муссой Кундуховым.

7 октября 1864 г.

Гор. Константинополь.“

О ходе начатой им работы Кундухов, по приезде, писал Лорис-Меликову следующее:

„Ваше превосходительство, Михаил Тариелович!

Я никогда не сомневался, что в Чечне число переселенцев будет больше, чем предполагалось. Теперь положительно знаю, что при всем желании нашем в одно нынешнее лето невозможно переселить всех желающих.

В Назране тоже сильное желание к уходу, не менее того и в Малой Кабарде и в Эчкери. Вероятно, вы получите от начальников тех округов (если они следят, как следует, за движением своих подчиненных) такие же сведения; следовательно, теперь нет причин сомневаться, что число переселенцев будет слишком большое, и потому в настоящее время лучшее мое желание состоит в том, чтобы переселение это совершилось в необходимых и возможных размерах. Иначе надо желать народу и себе зла“ (л. д. 144).

Результаты агитации и переселения оказались трагическими. Вот, что пишет об этом Ахмет Цаликов в своей книге: „Кавказ и Поволжье“[1]): „Агитация Кундухова имела успех и как раз те части чеченского населения, которые казались русской администрации наиболее опасными и которые были намечены к выселению и *попались в искусно расставленные сети* (курсив А. Цаликова). Переселенцы несколькими партиями отправились через Закавказье в Турцию. Повторилась та же история, что и с черкессами,—не было приготовлено ничего для приема переселенцев. Они болели, голодали и умирали массами. Земли, отведенные им, оказались никуда негодными песками и камнем. Испытывая страшные бедствия, чеченцы повернули

---

[1]) Ах. Цаликов. Кавказ и Поволжье. Москва, 1913 г.

обратно к русской границе. Они из'явили полную покорность, соглашались нести воинскую повинность; некоторые предлагали даже принять православие, лишь бы позволили им вернуться к родным пепелищам.

Но чеченцев прогнали от границы выстрелами. Мало того, по требованию русского правительства, турки отправили против чеченцев войска, которые ружейным и артиллерийским огнем прогнали их на отведенные им места жительства.

Положение чеченцев на новых местах было таково, что они вымирали массами; многие же тайком переходили русскую границу и пробирались обратно на родину. За этими беглецами была устроена правильная охота; их перехватывали на пути и считали долгом отправить в Турцию; немногие удостаивались милости остаться на Кавказе. Из 22.000 слишком чеченцев-переселенцев через каких нибудь 5—6 лет осталось только десять, остальные перемерли".

В ноябре 1869 года группа ингушей, состоявшая на русской военной службе, обратилась к главнокомандующему кавказской армией с просьбой разрешить вернуться 76-и переселенцам с семействами из Турции обратно в Россию.

Группа представила именной список переселенцев:

30 марта 1870 г.

№ №	Имя и фамилия	С семейством или без оного	№ №	Имя и фамилия	С семейством или без оного
	Аула Насыр-корт			Аула Бурсуки	
1	Галиха Дидигов	С сем.	21	Тепса Мальсагов	С сем.
2	Цуцго Дзугуев	»	22	Мусса Мальсагов	»
3	Асемир Ториев	»	23	Мустопа Шангериев	»
4	Ганиян Сапралов	»	24	Муртуп Муянуков	»
5	Арса Бигов	»	25	Маты Жугурков	»
	Аула Гамурзиево		26	Тойрук Дахкильгов	»
			27	Эдип Арсамаков	»
6	Байсолта Атигов	»	28	Гойса Наурузов	»
7	Индгуби Актолиев	»	29	Тотка Аршалиев	»
8	Муцуак Албачачев	»	30	Устурга Алагатов	»
9	Инфорко Фатхингов	»		Аула Плиево	
	Аула Алты Мальсагова		31	Алагат Ханпиев	»
			32	Индирби Адьханов	»
10	Михи Наурузов	»	33	Батыян Газалиев	»
11	Мудур Хакиев	»	34	Арсаби Османов	»
12	Дуда Батыянов	»	35	Алимура Осканов	»
13	Татро Мутоалов	»	36	Эда Пуев	»
14	Тимиш Исламов	»	37	Энарса Акмурзиев	»
15	Шолах Актолиев	»	38	Мусост Моусуров	»
16	Эка Асбиев	»	39	Дзокмур Долтмурзиев	»
17	Белакой Педиев	»		Аула Базоркина	
18	Гаонор Курсов	»			
19	Эдик Бошков	»	40	Конохал Битимиров	»
20	Эсанай Тубиргов	»	41	Эльберт Иналов	»

	Аула Кантышево	
42	Бетир Абиев	С сем.
43	Карасе Мусиев	»
44	Черкес Шишханов	»
45	Астемир Итиров	»
46	Мутоал Солтомаков	»
47	Эльмурза Малиев	»
	Аула Сурхохи	
48	Диди Нартбиев	»
49	Сароли Джанбориев	»
50	Амирха Абиев	»
51	Джантемир Танбиев	»
52	Ади Жагустукиев	»
53	Эдип Колиев	»
	Аула Яндырки	
54	Мусакай Муртузов	»
55	Гойберт Дарчиев	»
56	Анзор Гураянев	»
	Аула Экажево	
57	Эдип Модигов	»
58	Устуран Ториев	С сем.
59	Хомсур Хасиев	»
60	Бора Танбиев	»
61	Саги Темирханов	»
62	Алты Актиев	»
63	Судул Газгериев	»
64	Черкес Дудуров	»
65	Бексолта Байкиянов	»
66	Саай Коциев	»
67	Актемир Татирьгов	»
	Аула Верхний Агандых	
68	Гудоберт Чариев	»
	Аула Нижний Агандых	
69	Тотраг Гайтукиев	»
70	Берт Сакалов	»
71	Зормат Багометов	»
72	Инал Сонтиев	»
73	Тох Чандуров	»
74	Муртузал Мусиев	»
75	Батако Келеметов	»
76	Темир Аратиев	»

При этом группа обратилась к начальнику Ингушского округа полк. Морозову с прошением:

Жителей 15-ти аулов
Назрановского общества

П р о ш е н и е:

В проезд его императорского высочества главнокомандующего кавказскою армиею 12 ноября прошлого года мы имели счастье просить его высочество о возвращении некоторых переселенцев в Турцию из нашего общества, которые необдуманно или по наущению злонамеренных людей оставили свою родину и в настоящее время претерпевают страшные бедствия. Его высочество милостиво принял нашу просьбу и изволил приказать обратиться к ближайшему начальству.

Поэтому, представляя при сем именной список переселенцев, не замеченных прежде в дурных поступках, мы просим вашего ходатайства о возвращении их на родину, при чем принимаем на себя все издержки по возвращению, обязуемся отвечать за их поведение и поместить их на отведенной нам земле.

К сему прошению подписуются выбранные от всего общества почетные лица:

Майор Базоркин
Поручик Чора Мальсагов
Подпоручик Махи Наурузов
Поручик Бурсук Мальсагов
Поручик Гаро Плиев
Подпоручик Гени Жемиев
Прапорщик Умар Сампиев
Прапорщик Махи Абиев
Юнкер Алты Мальсагов
Юнкер Амихон

Юнкер Гаха Алиев
Юнкер Куды Мальсагов
Юнкер Орцхо Мальсагов
Юнкер Касим Бузартажев
Старшина Баты Долоков

Управление
Ингушского округа
Терской области
По части общей
9 апреля 1870 г.
№ 1189
Укр. Назрановское
(Близ г. Владикавказа)

С представлением просьбы Назрановского общества о возвращении родных из Турции

Начальнику Терской области

Р а п о р т

В 1869 году, в весенний проезд его императорского высочества главнокомандующего армиею через аулы Ачалуки, собравшиеся там карабулаки просили о дозволении некоторым из их родственников возвратиться из Турции; но его высочество в просьбе этой положительно отказал.

Затем, в осенний проезд, 11 ноября, почетные люди Назрановского общества обратились с тою же просьбою относительно своих немногих переселенцев, и его высочество приказал им подать просьбу своему начальству.

Ныне представители 15 аулов Назрановского общества подали мне просьбу о возвращении из Турции 76 дворов их родственников, при чем они обязуются принять на себя все издержки по возвращению, отвечать за их поведение и поместить на отведенной им земле, а для разыскания места жительства просят отправить на свой счет в Турцию доверенных лиц.

По рассмотрении списка, приложенного при прошении, оказалось, что в нем не помещено лиц, штрафованных и вообще дурного поведения.

В продолжении 4 лет назрановцы неоднократно обращались ко мне с просьбами о возвращении их родственников из Турции, но им было отказано, так как исполнение этой просьбы несогласно с видами правительства. Ныне, вследствие приказания его императорского высочества, поданное мне прошение от 30 марта со списком представляю на благоусмотрение вашего превосходительства.

Начальник округа полковник Морозов.

От канцелярии
14 июля 1870 года
№ 720
По поводу № 1189

Начальнику Ингушского округа.

По докладе г. начальнику области, представленного при рапорте вашем от 9 апреля прошения жителей 15 аулов Назрановского общества о возвращении из Турции 76 дворов их родственников из числа переселившихся туда добровольно в 1865 году, его превосходительство в сообщении, что виды правительства относительно переселенцев Ингушского округа не изменились и в настоящее время, изволил в просьбе названного общества отказать.

Об этом канцелярия по поручению генерала-ад'ютанта Лорис-Меликова имеет честь уведомить ваше высокоблагородие для об'явления просителям"[1]).

Таким образом, в неоднократной просьбе о возвращении переселенцев категорически было отказано, несмотря на поручительство состоявших на военной службе ингушей и несмотря даже на то, что в списке отсутствовали лица „штрафованные и вообще дурного поведения".

Попытка разрешения земельного вопроса на Тереке посредством переселения части горцев в Турцию не удалась. Проблема малоземелья разрешена не была и в течение десятилетий оно служило одной из главных причин растущего обнищания трудящихся масс чеченского и ингушского крестьянства и одной из предпосылок появления и развития абречества.

Возникнув на почве все растущего земельного голода и угнетения широких чечено-ингушских масс, абречество затем уже не сходило с арены героическй борьбы с царизмом и выдвинуло в предреволюционные годы таких крупных абреков, как Зелимхан, Саламбек Гараводжев (из Сурхохи), Аюб.

---

[1]) Дело канц. нач. Тер. обл. по 1-му отделению, по 3-му столу, с просьбой от жителей 15 аулов Назрановского общества Инг. округа о возвращении из Турции 76 семейств их родственников. См. Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию. Севкавкнига, 1925 г.

III

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНГУШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В. И. Ленин о Кавказе в пореформенную эпоху.—Втягивание русским капитализмом Северного Кавказа в мировое товарное обращение.—Сельское хозяйство Ингушии и рост товарности его.—Кустарная промышленность.—Разложение крестьянства.—Рост абречества.—Нечаевец А.—Г. Долгиев.—Проведение железных дорог, рост городов, устройство ярмарок и развитие торгового капитала.—Классовое расслоение в Ингушии в конце XIX и в начале XX вв.

В. И. Ленин дал весьма обстоятельное освещение процесса капитализации Северного Кавказа, как колонии, в связи с расширением внутреннего рынка в России: „Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства сужает рынок в старом районе, то они будут искать рынок в другом районе или других странах или в колониях старой страны".

„Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, например, к Кавказу. Экономическое „завоевание" его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне. В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных" промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д., все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы, вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров,—падал шапочный промысел, вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою оче-

редь русский рынок. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—*создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея" (Глеб Успенский)[1]).

Как мы указывали, переселение на плоскость не могло не повлечь за собою резкого изменения здесь в направлении хозяйства, а также в отношениях между отдельными группами крестьянства.

Наряду с скотоводством, видное место стало занимать земледелие, при чем климатические, почвенные и экономические условия благоприятствовали развитию кукурузы, наиболее урожайного и стойкого хлеба, культура которой к тому же отличается трудоемкостью.

С занятием плоскости, на ее хозяйственной базе, характер скотоводческого хозяйства меняется в сторону преимущественно разведения крупного рогатого скота, лошадей.

Наличие лесных богатств на территории Ингушии вызвало тут еще в первой половине XIX века торговлю лесом: в 1809 г. в рапорте графа Ивелича 3-го ген. Тормасову упоминается об ингушах, привозивших на арбах к крепости Владикавказ дрова для продажи (Акты, Т. IV, стр. 455).

Из записки п. е. Чиляева о горских народах от 1827 г. мы узнаем, что жители Хевских селений (Грузия) продолжали покупать хлеб в „других местах Грузии и даже за Владикавказом, в Назране" (Акты, VII, стр. 349).

В 40-х годах прошлого столетия торговля производилась у военных укреплений в установленные дни. „Кроме леса, горцы привозят в большом количестве разного рода кожи, масло, мед и пр. Взамен этих произведений горцы берут хлеб, соль и разные вещи, необходимые для их домашнего быта. В последнее время горцы начали покупать чай, сахар и разные предметы, служащие не к удовлетворению нужд, а к роскоши и удобствам, так, например, красивые сундуки, женские украшения, почти все приобретаемые горцами на деньги, которые остаются у наших купцов" (Акты, X, стр. 864).

Полк. Руновский, состоявший приставом при Шамиле во время пребывания его в Калуге, дает в своем дневнике следую-

---

[1]) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, стр. 463—464 по 3-му изд. Первое издание этого труда В. И. Ленина вышло в свет в 1899 г.

щие сведения о торговле у горских народов. Эти сведения Руновский сообщает на основании личной беседы с Шамилем. „Горцев, занимавшихся торговлею,—читаем в дневнике,—было очень немного и они производили ее в самых небольших размерах: от 30-ти до 150-ти р. серебром годового оборота. Весьма немногие из них торговали на 1000 р.; эти считались миллионерами и были известны в целом крае. Из них, наконец, один, именно Мусса Казикумухский, тот самый, которому Шамиль поручил сосчитать деньги, следовавшие за выкуп семейств князей Чавчавадзе и Орбелиани, производил торговлю на сумму от 3—4 т. р. в год и то потому только, что получал заимообразно от Шамиля почти всю эту сумму, отпускавшуюся ему разновременно в видах поощрения торговли". „Потребные в горах товары горцы приобретали в русских крепостях и в мирных аулах чрез тамошних жителей или же в особенных случаях, через лазутчиков и парламентеров". „Самое значительное развитие торговли было более заметно в аулах, ближайших к нашим границам, именно: в Чохе, Буртунае, Согратле, Араканах, Гимрах, Унцукле и в некоторых других. Внутри же Дагестана и Чечни (за исключением аула Ведено) постоянной торговли никогда не было, а производилась она чрез кочевых торговцев вроде наших коробейников или офеней. Так же, как и эти последние, они раз'езжали по аулам на арбах, нередко на вьюках, имея у себя товара, как сказано выше, на сумму от 30 до 150 р. Останавливаясь в домах своих знакомых, они проживали в каждом ауле не более четырех дней и потом ехали дальше, пока не распродавали всего своего товара.

Предмет, на котором в горах всегда идет самое значительное движение капиталов, есть красный товар и именно: ситец, бурмет, парча и нанка. Фабричное сукно, употреблявшееся некоторыми наибами и людьми богатыми, обыкновенно покупалось, по мере надобности, в наших крепостях чрез лазутчиков, а иногда и с дозволения старших воинских начальников.

Железо составляло другой предмет, имевший в горах обширное применение. Все выделываемые из него вещи: оружие, хозяйственные, домашние и полевые инструменты, выделывались самими горцами". „За исключением топоров, подков и оружия, все наше деловое железо, попадавшееся горцам в руки, они считали сырым материалом и всегда подвергали его переделке, сообразно своим потребностям. Эти потребности, за исключением оружия, ограничиваются семью предметами: нож, топор, таган, вертел, лопата, соха и серп; без них хозяйство горца никак не может обойтись. Все эти предметы выделывались и продавались на месте и находили в горах огромный сбыт.

Вот все, что мог сказать мне о торговле горцев Шамиль и мюрид Хаджио. Дальнейшие мои расспросы, невзирая на разносторон-

ность их, приводили только к повторению по частям того, что изложено выше“[1]).

Но уже в конце первой половины XIX века полк Де-Саже писал „Кто посещает Кавказ, с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозную и пр., видит города, оживленные торговлей и русской жизнью. Там, где 25 лет назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания. Промышленность Москвы стремится на восток; мирные горцы снабжаются ею и этим мирным путем делаются покорны правительству“ (Акты, XI, стр. 450).

Так шло „мирное“ завоевание горцев Северного Кавказа русским капиталом, втягивавшим Кавказ в мировое товарное обращение.

Основным занятием ингушей являлось сельское хозяйство. Земледелие базировалось на посевах кукурузы, но в 60-х годах прошлого столетия ингуши стали сеять и озимую пшеницу; кроме того, некоторые аулы начали разводить и картофель. „Приятное и утешительное зрелище являет стремление ингуш к садоводству и огородничеству—писал Н. Грабовский в 1876 г.—Уже и теперь в летнее время ингушские селения представляют сплошную массу зелени“.

Он же сообщает, что некоторые ингуши (разумеется, наиболее зажиточные) занимались в то время подрядами на поставку дров, сена, кукурузы и пр. продуктов и строительных материалов, но, с одной стороны, „совершенная новизна для них этого дела и неумелость, а с другой—разные прижимки строителей дороги, не принесли ингушам выгод и глубоко разочаровали их надежды на хорошие заработки“.

Главным торговым пунктом для ингушей служил Владикавказ.

В отношении скотоводства Н. Грабовский замечает, что „незначительный надел и скудость земли“ не дают ингушам возможности заниматься этой отраслью сельского хозяйства.

Автор приводит несколько статистических данных за 1873 г.

„Все благосостояние ингуш заключается в следующем:

лошадей 3572 шт.
разного рогатого скота 16439 „
баранов 58447 „

Разного рода хлеба было собрано в том же году:

кукурузы 48278 четв.
пшеницы 12017 „
проса 917 „
ячменя 196 „

Кроме того, собрано

картофеля около 1000 „

---

[1]) Акты К. А. К., Т. XII, стр. 1521—1522.

Вот все незатейливое хозяйство ингушей, которое должно удовлетворять жизненным потребностям 21610 душ обоего пола."

Наконец, несколько слов о кустарной промышленности.

Сюда в условиях Ингушии нужно отнести кузницы, мельницы, кирпично-черепичные, известковые и др. заводы, солеварни, шорное дело, изготовление шерстяных изделий, ковров, циновок и т. п.

Из указанных отраслей кустарной промышленности видное место занимают мельницы: в 1889 году их насчитывалось в Пседахе—8, в Бурсуках—15, в Плиево—11, в Яндырском—1, в Экажево—2, в Сурхохи—2, в Альты-Гамурзиевском—16, в Базоркино—5, в Кантышево 6 и т. д. Много мелких мельниц имелось в горах Ингушии.

Количество кузниц в том же году по некоторым аулам: в сел. Пседах—2, в Экажево—2, в Сурхохи—2, в Насыр-корте—3, в Базоркино—3, в Кантышево—3, в Долаково—2, в В. Ачалуках—1; в нагорной Ингушии кузницы существовали в селениях Эгикал, Эрзи, Мецхал, Хамышки, Голу, Кох, Верх. Одзик, Салги и др. аулах.

Владельцы кустарных предприятий были связаны с сельским хозяйством, не отделяясь от последнего.

Однако, кустарная промышленность, в своей значительной части, имела самопотребительский характер; те же виды этой промышленности, которые связаны были с рынком, влачили жалкое существование. В. И. Ленин, в цитированном нами труде „Развитие капитализма в России", указывает на вытеснение туземных вековых „кустарных" промыслов привозными московскими фабрикатами.

По данным 1865 г., джераховцы, живя недалеко от Владикавказа и пользуясь дорогой для аробной езды, сбывали там на рынке камень и лес, а мереджинцы, добывавшие соль из местных соляных источников, обменивали в Чечне и других ближайших районах соль на хлеб, „Нужно полагать,—сообщает „Сборник свед. о кавказских горцах"—что этот промысел для мереджинцев и в самом деле очень прибыльный, ибо они, как оказалось при собрании сведений, совсем не занимаются хлебопашеством" (Вып. III-й).

Как мы видели, еще в горах начало развиваться накопление богатств в руках отдельных семей, производивших обмен своих продуктов на привозные предметы иноземной промышленности (украшения, ткани, металлические изделия и т. п.) и снабжавших, вероятно, ими и своих соплеменников.

Роды, владевшие входом в Ассинское ущелье—этим важным торговым и военно-политическим трактом—извлекали, само собою разумеется, значительные выгоды из своего положения.

Таким образом, расслоение появилось в давнюю пору и не только по линии отдельных родов, но и внутри рода—тайпы.

Выселение на плоскость, как мы о нем знаем из письменных источников и народных преданий, является подтверждением этого: выселились те роды и семьи, которые экономически были сильнее, а за ними шли массы, экономически и политически зависевшие от первых.

Поэтому выселение на плоскость можно рассматривать как дальнейшее развитие достаточно уже углубившегося в горах процесса расслоения.

В ингушской народной поэзии, которая передавалась из поколения в поколение, из уст в уста, можно встретить восхваление сильных родов, а также песни, воспевающие богачей.

Искусство ингушей в памятниках материальной культуры также отображает в себе классовое расслоение еще в отдаленном прошлом.

„В ближайшем прошлом—пишет проф. Н. Ф. Яковлев—с переселением на плоскость приостановился начавшийся в горах рост власти и богатства одних ингушских „фамилий“ за счет других. Из старых „благородных“ родов не успели еще развиться настоящие князья и царьки. А на плоскости, в новых условиях ведения хозяйства сначала все „фамилии“,—и прежних благородных и прежних рабов—как бы подравнялись, а затем стало медленно совершаться новое накопление богатств в руках отдельных семейств, но уже иными путями“ (Ингуши. Гиз. 1929).

Мы не можем согласиться с положением проф. Н. Яковлева о приостановке в горах с переселением жителей на плоскость роста богатства и власти одних ингушских „фамилий“ за счет других.

Классовое расслоение ингушской деревни не только не приостановилось в горах,—как утверждает проф. Яковлев,—но углублялось далее и там и на плоскости.

В „Сборнике свед. о кавк. горцах“ дается перечисление тех благ, которые имели различные социальные группы крестьянских хозяйств горной Ингушии в конце 60-х годов прошлого столетия: „Каждый из так называемых зажиточных людей имел: две-три лошади, пару ешаков, две пары быков, десять-двенадцать штук коров и телят и 200 баранов; но такие богатые люди весьма редки: каждый из наибольшей части горцев-хозяев довольствуется одною лошадью, или одним ешаком, одним быком, парою коров и 10-12 баранами; многие же имеют лишь одну корову; нередко можно встретить и таких, которые ровно ничего не имеют“.

Говоря же вообще о нагорной Ингушии, „Сборник“ отмечает „нищету и бедность, встречаемые почти на каждом шагу“.

„Если же некоторые из наиболее зажиточных людей имеют стада баранов, то для содержания их арендуют землю у соседних казачьих станиц или у местных землевладельцев“ (Н. Грабовский. Цит. ст.).

„Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая в одних руках свободные деньги, разоряя других. Эти деньги служат естественно для эксплоатации неимущих и превращаются в капитал“[1]).

Как Н. Грабовский, так и проф. Ф. И. Леонтович определенно указывают на рост в Ингушии в 60-х годах ростовщичества. „Хищнические проценты существуют в горском участке не только на деньги, но и на баранов. Долг, состоящий из двух или трех баранов, через 5 или 6 лет, считая проценты на проценты, т. е. приплод с приплода, вырастают до порядочного стада; понятно, расплата с кредитором представляет безвыходное затруднение для бедного человека. Обычай этот был перенесен галгаевцами и на плоскость“.[2])

К началу 60-х годов относятся первые попытки к приобщению ингушей из зажиточных слоев к русской культуре в целях образования кадра проводников политики самодержавия в Ингушии. В 1868 г., в крепости Назрань, учреждена была двухклассная начальная школа. „Со дня открытия назрановской школы,—сообщает цитированный нами Н. Грабовский,—в ней ежегодно обучалось детей ингуш: в 1868—73, 1869—63, 1870—62, 1871—45, 1872—55, 1873—55, 1874—71. Наиболее лучшие ученики этой школы поступают на вакансии в владикавказское реальное училище и другие учебные заведения“.

Вместе с тем „за исключением двух-трех мальчиков из наиболее почетных фамилий ингуш, которых посылали в кадетские корпуса, где давалось им образование лишь для виду, с выпуском их в офицеры нередко из третьего и даже второго класса,—главным нравственно-образовательным заведением был устроенный в Владикавказе дом под названием „Аманат“. „Аманат“ этот был ничто иное, как гауптвахта, тесное и грязное помещение, куда заключали малолетних ингуш-заложников“.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве и разорение мелкого и среднего крестьянского хозяйства наряду с ростом кулачества —такова картина социально-экономического состояния Ингушии, в

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., т. 1. стр. 343 по 3 изд.

[2]) Проф. Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II. Раздел „Краткое описание обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа 60-х годов.“—Одесса, 1883 г., стр. 184.

то время, когда в истории революционной борьбы в России вспыхнуло движение, руководимое С. Г. Нечаевым.

Среди участников этого движения был, между прочим, ингуш, студент Петербургского университета Адиль-Гирей Долгиев.

Он родился около 1845 г. в Ингушии, в сел. Долаково, в крестьянской семье.

Адиль-Гирею Долгиеву первоначальное образование дал двоюродный брат его майор Бунухо Долгиев, так как родители его не имели материальной возможности обучить сына грамоте.

Бунухо Долгиев определил мальчика в владикавказскую военно-кантонистскую школу.

По окончании этой школы Адиль-Гирей поступил в ставропольскую гимназию, а затем—в Петербургский университет.

Здесь он и примкнул к нечаевскому делу и за участие в студенческих беспорядках заключен был в Петропавловскую крепость.

12 апреля 1869 года, по распоряжению шефа жандармов, выслан был в Терскую область.

В 1871 г. освобожден от надзора, в мае 1872 г. получил разрешение приехать в Петербург.

В августе 1873 г. он поступил в медико-хирургическую академию.

Однако, вскоре, вновь был выслан в Терскую область.

Тут он, короткое время, работал в качестве сельского писаря и недолго учителем назрановской горской школы.

В 1873 г. в местной официальной газете „Терские ведомости" Долгиев выступил со статьей об этой школе.

В статье он слишком идеализирует постановку учебного дела в назрановской горской школе, не вскрывая классовой сущности учебного заведения, созданного царизмом в целях подготовки национальных кадров для внедрения в жизнь мероприятий царской власти среди ингушей. Самый же факт напечатания статьи в местном официозе —органе терской администрации—свидетельствует о смене революционного под'ема покорностью явление, „свойственное, как и анархизм всем капиталистическим странам" (Ленин): „Теоретически для марксистов вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено,—что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить вы-

держки, организованности, дисциплины, стойкости. „Взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа, это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным “модным“ течением,—все это общеизвестно“.[1])

Последующие вехи жизненного пути Долгиева говорят нам о неприкращавшемся надзоре за ним со стороны агентов царизма.

В начале турецкой кампании ему запрещено было оставаться в пределах Северного Кавказа и он переехал в Тифлис.

Здесь он жил в крайней нужде, работая в железнодорожной библиотеке при заработной плате всего 15 рублей в месяц.

Постоянная слежка за ним не прекращалась и послужила причиной серьезного заболевания.

Умер и похоронен А.-Г. Долгиев в Тифлисе[2])

На почве все растущего с развитием капитализма в деревне обнищания крестьянских масс получило свое дальнейшее развитие абречество, и даже автор с великодержавным направлением, констатируя тяжелое экономическое положение ингушского крестьянства, не мог не заявить, что „не подымется рука бросить в них комом грязи“ (здесь он имеет в виду абреков, которые, однако, на его языке именуются „зарабатывающими себе питание на стороне или прибегающими к неблаговидным способам для пополнения своего ежегодного дефицита“). „При всей стесненности ингуш обстоятельствами, нужно еще удивляться той энергии и стремлению к лучшему, какие проявляют они на своем житейском поприще“ (Н. Грабовский).

Развитие торговли в Ингушии усиливается после окончания военных действий в крае, с ростом городов, с устройством ярмарок в крае, с проведением в 1875 г. Владикавказской железной дороги (Владикавказ—Ростов), а в 1894 г. –Петровской линии, соединившей Северный Кавказ с Закавказьем и прошедшей через ингушские населенные пункты—Плиево, Назрань и др.

После проведения важнейших железнодорожных линий увеличился сбыт кукурузы на русские и заграничные рынки, следствием чего явился рост посевов этой культуры и рост товарности крестьянских хозяйств.

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 180.

[2]) Имя А.-Г. Долгиева упоминается в изданном в 1928 г. Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльно-поселенцев био—библиографическом словаре от предшественников декабристов до падения царизма (т. I). Там же указаны источники о нем: Нечаевское дело (III отд.) и книга Татищева „Революционное движение“ (гл. XI). Часть данных собрана нами от С. Ахриева, знавшего Долгиева и жившего одновременно с последним в Тифлисе.

Растет число торговцев, зянятых скупкой и продажей кукурузы, пшеницы, скота, земельной спекуляцией, посредничеством по аренде земли.

Из „Сборника сведений о кавказских горцах“ за 1876 г. мы узнаем, что некоторые ингуши (разумеется, наиболее зажиточные) занимались в то время подрядами на поставку дров, сена, кукурузы и пр. продуктов и строительных материалов.

Кстати, нельзя не отметить, что ингушские подрядчики при постройке Владикавказской железной дороги терпели „разные прижимки строителей дороги“, которые создавались, конечно, не без участия конкурентов—русских подрядчиков, тесно связанных общими материальными интересами с строителями пути.

Зажиточные ингушские хозяйства, помимо дров, сена и кукурузы, продавали в большом количестве в Владикавказе—главном торговом пункте для ингушей—крупный рогатый и мелкий скот, домашних птиц, а также яйца, коровье масло и др. сел.-хозяйственные продукты.

В „Статистических таблицах“ за 1889 г. констатируется торговля лесом, как „преобладающий промысел“ жителей некотсрых районов (сел. Памят, Мугучкал, Эгичкал, Верх. Эзми, Н. Эзми, Фуртоуг, хут. „Длинная долина“ и др.).

В 1889 г., по данным тех же таблиц, в Ингушии существует целый ряд торговых заведений, как мелких, так и крупных, значащихся под рубрикой „гильдейских“. Возьмем по выбору несколько селений:

	Гильдейских	Мелоч. торг. завед.
Ачалуки Верхние	3	3
„ Нижние	1	2
„ Средние	2	3
Альтиевское	2	5
Базоркино	3	9
Бурсуки	—	2
Долаково	1	—
Кантышево	2	3
Назрань (местечко)	1	1
Насыр-корт	2	4
Плиево	1	4
Пседах	4	3
Сурхохи	3	4
Яндырское	3	2
Экажевское	3	8

За период 1889—1900 г. мы наблюдаем рост торговых заведений в Ингушии. Если мы обратимся к данным за 1900 г. по тем же

селениям, то получим следующую картину (к сожалению, в сведениях за 1900 г. торговые и промышленные заведения об'единены вместе; исключение составляет сел. Базоркино, по которому определенно указано 23 торговых предприятия; в Ачалуках Верхних—9 торг.-пром. предприятий, в Ачалуках Нижних—5, в Ачалуках Средних—5, в Альтиевском—4, в Базоркинском—23, в Бурсуках—5, в Долаково—8, в Кантышево—18, в пос. Назрань—33 (8 ссыпных хлебных амбаров), в мест. Назрань—3, в Насыр-корте—10, в Плиево—9, в Пседахе—17, в Сурхохи—11, в Яндырском—4, в Экажево —15.

Во всей же горной Ингушии одно торговое заведение было в сел. Цори в 889 г., да и та лавка в сведениях за 1900 г. отсутствует.

По данным 1889 г., расслоение в четырех горных обществах Ингушии представляется в следующем виде:

	Колич. дворов	Домохозяев, не имеющ. крупн. р. ск.	Безлошад. хоз-в	Дом-ев, не им. мел. скота
Джераховское о-во . . .	176	2	55	22
Мецхальское „	253	5	160	133
Цоринское „ . . .	255	2	14	124
Хамхинское „	689	46	56	55
	1373	55	285	334

По 2-му (плоскостному) участку Сунж. отдела (Назрань, Бурсуки, Плиево, Яндырка, Экажевское, Сурхохинское, Альт.-Гамурзиевское, Насыр-корт, Базоркино, Кантышево, Долаково и 3 Ачалуки): общее число дворов—5285, домохозяев без крупного р. скота 325, безлошадных хозяев 751, домохозяев без мелкого скота 3040.[1])

Крупным торговым пунктом в Ингушии являлся поселок Назрань, расположенный у железно-дорожной станции.

Так, количество отправлений со станции Назрань сравнительно с другими ближайшими станциями в 1903 г. было таково:

Наименование станций	Хлебных	Шерсти	Остальных	Всего	
				Отпр.	Приб.
Назрань . . .	1373556	96	9454	1383106	83756
Беслан . . .	410699	919	931448	1343133	78886
Котляревская . .	832010	3719	98075	1119563	216821
Эльхотово . . .	720543	1293	35431	785864	81892

[1]) Стат. табл. населен. мест Тер. обл. Т. первый. В-з, 1890 г.

Развитие торгового капитала в Ингушии шло в последующие годы не менее быстрым темпом, увеличивая класс торговцев и их обороты, доходившие у некоторых из них до 20000 рублей в год (1912 г.).

Основной формой землепользования в плоскостной Ингушии являлась община, но кавказская администрация, в целях создания для власти политической опоры „на местах“ искусственно насаждала институт частной крупной земельной собственности („высочайше пожалованной“), владельцы которой—чиновники, старшины, офицеры, кулаки, должны были быть активными проводниками мероприятий царского правительства среди ингушей.

Эти „дарованные“ земли в течение лет служили предметом различных сделок: продажи, сдачи в аренду, дарения и пр.

В статье „Ингуши“, относящейся к 1894 г. („Энц. слов. Брокг.—Ефр., кн. 25, стр. 59) читаем: „среди горных ингушей с одной стороны явился класс безземельных, а с другой создался класс более или менее крупных землевладельцев, имеющих большое влияние на своих односельчан“.

В горах природные условия не позволяют возделывать хлебные злаки в потребном для жителей количестве,—констатируют изданные в 1905 году „Труды“ комиссии по рассмотрению причин грабежей и разбоев в г. Владикавказе. „Там, где что либо можно было сделать в этом отношении, все уже занято отдельными фамильными родами“. „В горах существует подворное владение и фактически земля распределена крайне неравномерно“. „На все Сунженское лесничество, охватывающее территорию почти пяти сельских обществ и заключающее в себе несколько десятков тысяч десятин, пред'явили к казне свои права только три фамилии в количестве 50-60 чел. и в свидетели своего владения выставили односельчан. Следовательно, вся остальная масса населения в этой местности в несколько тысяч человек не только малоземельна, но даже совершенно безземельна“. Наконец, приводим еще одно место из „Трудов“: „земля в горах не находится в правильном пользовании: *большая и лучшая часть ее принадлежит отдельным лицам*“ (Курсив наш. Г. М.).

К 1905 году в Ингушии мы встречаем, по официальным сведениям, землевладельцев-ингушей, имевших от 1 дес. до 118 дес. (50 дес., 25 д., 70 д., 116 д., 12 д., 6 д., 94., 38 д., 117 д. и т. д.)[1])

Но, вместе с тем, на территории Ингушии в это же время мы видим ряд русских крупных земельных собственников:

---

[1]) „Тер. календарь“ на 1907 г. Влад-з, 1907 г.

			Адрес землевладельца
Караулова наследники	214	д. в Базоркино	Владикавказ
Сорокоумов П. П.	72	„ „ „	Москва
Терпугов А.	130	„ х. Камбилеевск.	Хут. Камбилеевский
Уваров Ф. А., граф	308	„ в Базоркино	Сел. Поречье, Можайского у., Московской губ.
Балаевский И. Р.	136	„ в с. Н. Ачалуки	Ст. Калиновская
Чураковский Ю. К.	25	„ Джер. о-во	Джер. о-во
Угрюмов В. П.	934	„ х. Угрюмова	Хут. Угрюмова

В справочнике о русских хозяйствах[1]) имение графа Уварова названо „Камбилеевской вотчиной", о ней даны сжатые сведения: хозяйство ведется управляющим; всей земли в имении 205 д.; полевое хозяйство: разводятся—пшеница, кукуруза, подсолнечник, картофель, под посевными травами—40 дес.; сад плодовый промышленный на 46½ д. с лучшими французскими сортами яблонь, груш и слив; питомник плодовый; огород промышленный на 9 дес.

Наряду с острым малоземельем трудящейся массы ингушского крестьянства, особенно горного, на территории Ингушии свили себе гнездо как свои, „родные", землевладельцы, так и помещики—граф Уваров, Сорокоумовы, Терпуговы, генералы Чураковские, Карауловы, Балаевские и пр. эксплоататоры крестьян.

Таким образом, к революции 1905 года мы видим в Ингушии помещиков русских, крупных землевладельцев ингушей, кулачество, торговцев и трудящиеся массы крестьянства.

Крестьянство распадается на отдельные слои: часть его пополняет ряды пролетариата, другая часть выходит в зажиточную буржуазию, в кулачество, из которого и растут торговцы, спекулирующие хлебом, нанимающие рабочих для обработки своих и арендованных земель, дающие деньги в рост, имеющие предприятия (мельницы и пр.).

Между беднотой и кулачеством находится среднее крестьянство, колеблющееся, связанное частью с одной, частью с другой группой.

Основная масса крестьянства нагорной Ингушии, испытывавшая постоянно острую нужду в земле, после захвата аулов под казачьи станицы, оказалась в самых тяжелых экономических условиях.

---

1) Краткие справочные сведения о некоторых рус. хоз-вах. Изд. 2-е, вып. 4-й, СПБ, 1904 г.

IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Ингушия в составе казачьей административной единицы.—Политика русификации.—Многообразные повинности, податной пресс и платежные силы населения.—Бездорожье.—Одна школа на Ингушию.—Отсутствие медицинской и продовольственной помощи.—Аграрный вопрос.—Казачий клин и его экономические и политические последствия.—Глубокий земельный кризис.—Аренда у Терского войска и у „частных собственников сельских обществ".—Отобрание лесов в казну.—Обнищание трудовых крестьянских масс.—Классовое расслоение.

В 1802 году на южной границе России образовались Кавказская губерния и Кавказская военная линия.

В 1822 г. Кавказская губерния переименована была в Кавказскую область, а последняя разделена на четыре уезда (Ставропольский, Георгиевский, Моздокский и Кизлярский), при чем Ставрополь стал областным городом.

Кавказская же линия разбита была на четыре части: правый фланг, центр, левый фланг и Черноморская линия.

В 1858 г. в состав левого фланга входило 4 округа: Кабардинский, Военно-осетинский, Чеченский (куда включалась и Ингушия) и Кумыкский.

Левый фланг в 1860 г. переименован был в Терскую область.

Область южной своей границей примыкала к Главному кавказскому хребту, а частью восточной прилегала к Каспийскому морю. На юге она граничила с Кутаисской и Тифлисской губерниями и Дагестаном, на севере с Ставропольской и Астраханской губерниями, на западе с Кубанью.

В 1862 г. область делилась на три военных отдела: западный, средний и восточный, отдел кавказских минеральных вод и владикавказское городское управление.

Западный отдел состоял из трех округов: Кабардинского, Осетинского и Ингушского.

Каждый из округов подразделялся, в свою очередь, на участки.

В 1866 г. джераховцы, кистины, галгаевцы, цоринцы отделены были от аккинцев и мереджинцев, общества которых администрация присоединила к Аргунскому округу.

По данным „Сборника сведений о кавказских горцах" (вып. I, 1868 г.) Ингушский округ распадался в это время на Назрановский, Горский и Пседахинский участки. Территория нагорной Ингушии : называлась Горским участком Ингушского округа.

В начале 80-х г. г. Терская область разбивалась на семь округов: Пятигорский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Хасав-юртовский, Аргунский и Веденский. Ингуши входили в Владикавказский округ.

С 1 июля 1883 г. Терская область делилась на три отдела: Сунженский, Пятигорский и Кизлярский и 4 округа: Владикавказский, Грозненский, Нальчикский и Хасав-юртовский. Плоскостная Ингушия значилась во 2-м участке Сунженского отдела, а нагорная—в 3 участке (с участковым правлением в станице Сунженской).

Таким образом, до 1905 года ингуши входили в состав казачьей административной единицы—в Сунженский отдел—с центром управления в станице Сунженской.

Это полное подчинение ингушей казачьей власти вызывало неоднократные протесты со стороны ингушей, в частности и со стороны ингушской сельской буржуазии.

Так, в своем прошении на имя ген. Мартынова, командированного в 1903 г. в Терскую область для выяснения причин грабежей и разбоев, „доверенные" от сельских обществ 2 участка Сунженского отдела Юсуп-хаджи Плиев и Хами-хаджи Гулоев писали:

„45-тысячное население ингушского племени имеет общее административное управление с казачьим населением 17 станиц в управлении Сунженского отдела и трех начальников участков. Казачье население этих станиц простирается, судя по официальным данным „Терского календаря" за 1902 год (стр. 3 стат. ежегодника этого календаря) до 74456 душ. Немыслимо вести управление сорокапятитысячным ингушским населением и 74.456 казачьим сколько нибудь успешно с должным выяснением административно-полицейской и земской функции власти. Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние материальные крохи и без того обнищавших жителей, без малейшего проявления деятельности земской в смысле народного просвещения, т. е. увеличения просветительно-культурных начинаний или средств в населении,

народного здравия и народного продовольствия. Можно сказать, что нашим сельскохозяйственным бытом никто не заинтересован и мы вполне предоставлены нашей природе, в чем убедила нас холерная эпидемия 1891-1892 г. г., когда у нас не оказалось ни участковых врачей и приемных покоев для заболевавших страшной холерой, и в чем может убедить первый же возможный случай голода или недорода хлебов. Совершенно в другом положении стоят станицы казачьего населения, которые имеют и просветительные средства в виде станичных школ, общественных запасных магазинов и нужного медицинского персонала с приемными покоями. Отсюда вытекает необходимость учредить для нас, ингушей, особое управление по примеру существовавшего прежде Ингушского окружного управления, которое, будучи обязано заведывать меньшим количеством населения, несомненно, лучше и успешнее выполнит все возложенные на него законом функции власти и водворит в населении покойную и тихую жизнь, так как будет иметь возможность вникнуть во все современные настоятельные потребности жизни населения и отстаивать его интересы, чего не может сделать настоящее наше управление, отдавшееся всецело служению казачьим интересам, как вышедшее само из казачества, и в чем мы глубоко убедились из опыта 16-тилетнего управления Сунженского отдела (См. „Приложения“ к „Трудам комиссии Влад. гор. думы: для рассмотрения вопросов о причинах грабежей и разбоев в г. Владикавказе“. 1905 г.).

В тех же „Трудах“ отмечен целый ряд других фактов:

1) военное управление, слитое с гражданским; 2) отсутствие земских учреждений; 3) обширность административных участков, вследствие чего начальники их могут лишь изредка об'езжать и население предоставлено произволу старшин, писарей и пр.; 4) низкий уровень администрации (в начальники участков попадают обыкновенно неудачники, удаленные из армии, и лица, незнакомые с бытом и нуждами населения), благодаря чему с одной стороны над туземцами царит произвол, который, к тому же, они не имеют возможности обжаловать, с другой—их полезные предложения не встречают сочувствия; 5) назначение старшин по усмотрению администрации, а не по выбору населения, благодаря чему власть в селах нередко попадает в руки недостойных и неуважаемых населением лиц; 6) низкий уровень местной полиции (милиции); 7) деспотическое отношение некоторых администраторов, доходившее до того, что даже сечение розгами было узаконено; 8) неудовлетворительность горских судов; 9) отсутствие школ; 10) отсутствие медицинской помощи; 11) несправедливость круговой ответственности населения за преступления отдельных лиц; 12) непосильные полицейские тяготы и штрафы.

Податное обложение широких крестьянских ингушских масс

совершенно не соответствовало их платежным силам, вследствие малоземелья, слабой товарности и, как следствие этого, слабого денежного оборота большинства хозяйств.

Горцы Терской области впервые были обложены податями в январе 1866 г.

С этого момента ингуши—пишет Г. Цаголов [1])—начали уплачивать больше своих соседей—осетин и чеченцев. Так, подымного сбора они уплатили в 1866 г.—13 т. руб., а осетины 10 т. р., несмотря на то, что последних было всегда вдвое больше. Спрашивается, насколько больше за все эти 30 лет взыскано одного хотя бы подымного сбора с ингушей сравнительно с осетинами, сообразно численности тех и других?

Местные официальные исследования выяснили, что еще в 1889 г. платежи 40 тыс. ингушей равнялись платежам 80 тыс. осетин Владикавказского округа. В 1889 г. осетины и ингуши уплатили подымного сбора по 17 тыс. р., на содержание должностных сельских лиц по 26 тыс. р., 200 тыс. чеченцев Грозненского округа уплачивают к концу года казенных, мирских, земских платежей и штрафов столько же, сколько 45 т. ингушей! За пять лет земские и мирские платежи достигли в Грозненском округе 160 т. р., у ингушей же 320 тыс. р. и больше.

На эти цифры следовало бы обратить внимание. В результате такого непосильного обложения мы получили в центре Терской области, богатой природой, обнищавшее племя".

Далее тот же автор указывает, что все дворы у горцев платят раскладку одинаковую. „Богач, имеющий 1000 баранов, 400 ульев пчел, много рабочего скота, несколько человек работников, уплачивает столько же, сколько и малосильный двор с одним работником и одною лошадью. Если часто и первому при современном сельскохозяйственном кризисе трудно бывает выплачивать 15-25 рублей раскладки, то про второго и говорить нечего: он прямо лезет в долги или лишается последней лошади и надела".

По данным, опубликованным во II-м выпуске „Терского сборника", 40 тысяч ингушей уплачивали в 1890 г.:

1.	Подымной подати	17.302 руб.
2.	Налог взамен воинск. повинности . .	3.682
3.	Земская почта	5.136
4.	На врачебную часть	1.680
5.	На содержание должностных лиц . .	25.652
6	На содержание духовенства . . .	7.391

---

[1]) Г. Цаголов Платежи и повинности горцев Тер. области. „Новое обозрение", 1898 г., № 4927.

7. Штрафы	7.000
8. За доведенные следы	4.500
Всего	72.343 руб.

Кроме указанных видов обложения, ингуши уплачивали еще ежегодно за наем пастухов крупную сумму. Так, в 1890 г. ими уплачено было 16 т. р., да на содержание назрановской горской школы до 7000 руб.

Нижеследующая таблица дает представление о расходах сельских обществ в Терской области за период с 1890 по 1899 г. включительно (в рублях). [1])

ГОДЫ	Владик. окр. (жители осетины)	Нальч.окр. (жители кабардинцы и горские татары)	Хасав-юрт. окр. (жит. кумыки и чеченцы)	Грозненск. окр. (жит. чеченцы)	Сунженск. отд. (жит. ингуши 48 т и кабардинцы 20 т.)
1890	74.208	5,996	33,854	10.580	97.219
1892	98.971	8.158	52.179	29.434	101.730
1893	103.688	141.022	68.576	16.309	110.131
1894	87.128	49.829	49.971	26.945	67.079
1895	82.545	82.111	52.154	34.830	103.533
1896	86.228	8.099	54.443	54,877	86.769
1897	90.135	141.632	60.792	81.393	93.266
1898	89.946	98.675	53.606	63.041	99,133
1899	99.713	108,346	64,461	66,496	103.333
Всего за 9 л.	812.562	643.868	490.036	383.905	862.193

Сюда не входят подымный сбор (200 т. руб. в год), воинский налог (40 т. р. в год) и раскладка по вышеприведенной таблице, дающие в итоге за 9 лет 5460 т. руб.

Таблица указывает на неравномерное распределение платежей с горцев: с 200 тысяч жителей Грозненского округа взыскано 388 т. р. и в то же время с 70 тысяч ингушей и малокабардинцев Сунженского отдела 859 т. р.

---

[1]) Таблица заимствована нами из статьи в журнале „Кавказский вестник". 1901 г., № 10.

„Без преувеличения можно сказать,—читаем мы в том же „Кавказском вестнике“ (1901 г., № 10),—что ингуши за последние 10-15 лет уплачивали ежегодно не менее 100 т. рублей денежного сбора“.

Горцы, в том числе ингуши, уплачивали тысячи единовременных взысканий, при чем платежи падали обычно на самую рабочую пору.

Эту картину дополняли не входившие ни в какие статистические исчисления расходы по содержанию казачьих команд по селениям и убытки в результате экзекуций, выражавшихся в прокорме частей войск на счет тех или других аулов.

Выкачивая у населения всяческими способами денежные средства, царская администрация совершенно не заботилась о культурном строительстве в горских районах Терской области.

Горцы не имели ни одной лечебницы, на охрану народного здравия полагалось всего 5 окружных врачей, которые завалены были исключительно судебно-медицинскими обязанностями.

На Чечню приходилась одна школа, а на Ингушию—ровно столько же.

Назрановская горская школа учреждена была в 1868 г. Здание школы, помещение для смотрителей и одного учителя построены были на средства жителей при небольшой материальной поддержке казны.

Школа преимущественно обслуживала ближайшие села—Бурсуки, Гамурзиево, Альты и Насыр-корт, между тем как тяга к знанию была весьма велика. „Школа буквально набита детьми—писал в 1876 г. Н. Грабовский—и претендентов на обучение в ней всегда более, нежели может вместить в себе здание школы. Большинству посещающих школу детей необходимо ежедневно приходить в Назрань из селений, отстоящих от этого места на 2-4 версты, и мальчуганы, насколько возможно заметить, преодолевают это затруднение“[1]).

Не говоря о постановке учебного дела в школе, количество учащихся в течение целого ряда лет оставалось на одном уровне, по временам даже снижалось, а затем стало крайне медленно расти: в 1868 году учащихся было 74 чел., в 1905 г. всего 150 чел. Таким образом, за 37 лет число учеников увеличилось лишь вдвое.

Учащиеся же владикавказского реального училища, владикавказской гимназии, ставропольской гимназии и других учебных заведений, высших и средних, насчитывались единицами.

В то же время, по словам Н. Грабовского, дети „наиболее почетных фамилий“ посылались в кадетские корпуса, где „давалось им

---

1) Н. Грабовский. Ингуши. Сб. свед. о кавк. горцах. Вып. IX, Тифлис.

образование лишь для виду, с выпуском их в офицеры нередко из 3-го и даже 2-го класса".

Политика руссификации выпукло отразилась в приказе начальника Терской области ген. Толстова от 2-го апреля 1910 г. В приказе говорится: „давно необходимо открыть русские начальные школы во всех селениях 2-го Назрановского участка Сунженского отдела (т. е. среди ингушей) и во многих других селениях Грозненского и Хасавюртовского округов, лежащих вблизи железной дороги, с проведением которой в них развиваются торговые и хозяйственные сношения со всей Россией. Прошу начальствующих лиц обратить на это внимание сельских старшин и обществ, коим об'являю, что для их хозяйства и правильной гражданской жизни с каждым годом увеличивается необходимость говорить по русски и быть грамотным человеком, почему устройство в них начальных училищ послужит на пользу их же детям, а приговоры об этом и старания старшин будут меня радовать".

Разумеется, осуществление руссификаторских планов начальника области послужило бы источником радости для него; однако, дело просвещения на протяжении многих лет стояло на одном уровне, действительно радуя своею неподвижностью администраторов-мракобесов.

Если мы обратимся теперь к продовольственному вопросу, то увидим и здесь ту же безотрадную картину: у 500 тысяч горцев области не было в запасе ни одного амбара хлеба, ни одной копейки на продовольственные нужды.

О дорогах говорить не приходится: нагорная полоса области с населением до 150 тысяч человек отрезана была от мира, благодаря бездорожью.

Таково, в кратких чертах, общее положение Ингушии накануне революции 1905 года.

Но особенно обострился и настойчиво требовал своего разрешения аграрный вопрос.

Хотя главнокомандующий отдельным корпусом генерал-ад'ютант граф Воронцов в своей прокламации горским народам в 1845 году и писал, что земли горцев будут сохранены за ними навсегда и останутся „без всякого изменения", но, как мы видели, обещание это было нарушено: часть горской территории царская администрация заселила казачьими полками, преобразовав эти поселения в станицы.

Терское казачье войско—читаем мы в сборнике Областного статистического комитета за 1878 год—„поселенное в границах Терской области, образовываясь постепенно в течение 3-х столетий с целью расширения и оплота границ империи, занимает в настоящее

время на территории области узкие полосы по рекам: Подкумку, Малке, Тереку, Сунже и Ассе" (Сборник свед. о Тер. обл. Владик., 1878 г.).

В результате колонизационного процесса на месте ряда ингушских аулов образованы были станицы в виде клина, раз'единившего горных ингушей от плоскостных.

Особенно трудовая масса крестьянства нагорной Ингушии, испытывавшая постоянно острую нужду в земле, после захвата аулов под казачьи станицы, оказалась в самых тяжелых экономических условиях.

Природные условия нагорной полосы—возвышенности, скалы, ущелья, камни, леса, альпийские пастбища—определили и характер хозяйства в этом „крае беспросветной нужды".

Жители гор занимались скотоводством и лишь в незначительных размерах—земледелием. „Зажиточная семья, состоящая, напр., из пяти членов, владеет, самое большее, 15-20 загонами (полосами пахотной земли), обеспечивающими эту семью всего на 5-6 месяцев. Бедная семья, в 3-4 человека, располагает обыкновенно 3-4 загонами, на которых добывается хлеба не более как на 2 месяца. В каждом горном обществе есть много лиц, владеющих землей только номинально и, в действительности, совершенно безземельных. Обе последние категории существуют заработками и арендой земли на плоскости и, в редких случаях, в соседних горных аулах. Работают обыкновенно за плату от 3 рублей до 5 рублей за десятину, в горах же—из половины собранного урожая" („Тер. сбор.", кн. 2-я, 1892 г.).

По данным комиссии Абрамова, подробно обследовавшей нагорную полосу Терской области, картина глубокого земельного кризиса здесь рисуется в следующем виде: на одну мужскую душу, в среднем, в 1906 году приходилось га:

	Пахот. земли	Покосн. земли	Леса	Выгона и пастб.	Всего земли
В 5-ти гор. общ. Кабарды	0,26	1,4	2,7	11,8	16,6
В горной Осетии	0,4	1,4	0,6	4,1	6,5
„ „ Ингушии	0,3	1,2	—	4,3	5,8
„ „ Чечне	1,2	1,7	—	2,3	5.2
„ Салатавии	0,7	0,8	—	2,4	3.9
ИТОГО .	0,57	1,3	—	4,9	7,5

Наряду с сосредоточением земель в нескольких руках, недоставало в горах на мужскую душу до земельной продовольственной нормы—44,2 га. Избыточное население (в %%) у горных салатавцев —91, у горных чеченцев—90, у горных ингушей—89, у горных осетин—88, у горцев Кабарды—67.

Выходом из такого положения являлась аренда земель на плоскости (преимущественно на территории Терского казачьего войска).

Арендный вопрос осложнялся, вызывая недовольство среди жителей.

Вот, что, например, писал начальник Терской области ген. Каханов командующему войсками Кавказского военного округа: „Жители горских обществ: Джераховского в числе 40 и Мецхальского в числе 20 дворов, Сунженского отдела, проживающие на арендуемом ими казенном участке под названием „Длинная долина“ за плату по 100 рублей в год, по случаю предстоящего окончания 1-го января 1894 г. срока аренды ими этого участка, неоднократно подаваемыми прошениями просят об отдаче его снова им в аренду без торгов. По сношении об этом с Ставропольско-Терским управлением государственных имуществ, оно не признало возможным исполнить такой просьбы и назначило на аренду участка торги на 31-е сего августа, об'яснив, что таковой может быть отдан в аренду без торгов в том лишь случае, если на это последует разрешение высшего начальства. Участок „Длинная долина“ в количестве 332 дес. лежит на правом берегу р. Терека, у подножия Главного кавказского хребта (у Столовой горы) и прилегает к поселениям Джераховского и Мецхальского горских обществ, земля этого участка годна больше для пастьбы скота и покоса, но она заливается рекою Терек и требует укрепления берега этой реки и, как оказалось по собранным справкам, подобные казенные земли отдаются в аренду не свыше 50 копеек за десятину. Жители названных выше обществ, не имея земельного надела в местах приписки, проживали с 1865 до 1871 г. на сказанном участке, оспаривая его у казны, после того участок этот сдавался им в аренду без торгов, за который они в последнее время платили казне 100 рублей в год.

Входя в положение просителей, не имеющих земельного надела и обзаведшихся на участке „Длинная долина“ прочными постройками и во внимание к тому, что на торги, назначенные на отдачу в аренду этого участка 31 августа, могут явиться частные лица и, взяв участок в аренду, будут стеснять джераховцев и мецхальцев, пользуясь безвыходным положением их, покорнейше прошу ходатайства вашего высокопревосходительства—об отмене назначенных на этот участок торгов и об оставлении его, на основании ст. 17 примеч. 5 т. 8 ч. 1 уст. о казен. оброчных статьях по полож. 1886 г., попрежнему в аренде у жителей Джераховского и Мецхальского обществ без торгов на 12-ти-летний срок за плату не свыше 50 копеек от десятины. О последующем же по сему не оставить меня увещомлением. Ген.-лейтенант Каханов“.

В ответ на это отношение начальника Терской области уполномоченный министра земледелия и государственных имуществ на Кавказе 13 августа 1894 г. сообщил в штаб Кавказского военного округа, что состоялось высочайшее соизволение на положение Комите-

та министров о представлении названного участка горцам Джераховского и Мецхальского обществ в числе 60 дворов, уже водворившихся на нем, в аренду без торгов, на 12-ти-летний срок, из платежа оброка по 40 коп. за десятину в год. „При проведении этого высочайшего повеления в исполнение управление государственными имуществами Ставропольской губернии и Терской области встретило препятствие со стороны атамана Сунженского отдела, который сообщил управлению, что в видах охранения Военно-грузинской дороги, пролегающей близ участка „Длинная долина“, от хищничества туземцев, он признал необходимым из числа лиц, проживающих на этом участке, исключить 16 человек неблагонадежных и вместо них включить 16 других лиц, известных своею благонадежностью; кроме того, просит внести в контракт условие, в силу которого, если кто либо из арендаторов будет замечен в дурном поведении, то может быть лишен права дальнейшей аренды и переселен с участка в место приписки, а падающая на его долю плата в этом случае должна быть отнесена на остальных арендаторов“. Управление государственными имуществами протестовало против требования атамана (Дело штаба Кав. воен. округа, Горск. отд., по описи № 25).

В июле 1905 года, в связи с приближением окончания срока аренды, жители Джераховского и Мецхальского обществ, возобновили ходатайство о сдаче им без торгов на новый срок и на прежних основаниях того же участка.

Но атаман Сунженского отдела поспешил сообщить в Ставропольско-Терское управление земледелия и государственных имуществ, что поселившиеся на участке „Длинная долина“ дают у себя приют ворам и разбойникам и укрывают их, а во многих случаях сами участвуют в совершении разных преступлений и занимаются сбытом краденного и ограбленного, случаи которых перечислены при сем сведении“.

Среди „сведений“ встречаются, между прочим, такие: „в ночь на 16 мая 1904 г. украдено *неизвестно кем* (курсив наш. Г. М.) лошадь из кснюшни жительницы хутора Хази Озиевой“; и на полях отметка карандашем: „это не в счет“; „в ночь под 18 июня 1904 г. неизвестно кем украдены 2 лошади, принадлежащие хуторянам Исмаилу и Габралу Ахриевым“; на полях отметка: „тоже“.

Временно исполнявший должность начальника штаба Кавказского военного округа в своем отношении начальнику Терской области писал: „Придерживаясь того взгляда, что лучше иметь грабителей на определенном месте, чем их рассеять, и что если известно, где и кто грабит, то к обузданию таких лиц должны быть приняты и соответственные меры“.

На это начальник Терской области ответил так: „Уведомляю штаб, что я совершенно согласен с тем взглядом, что лучше иметь

грабителей на определенном месте, чем их расселять. С этой точки зрения поселение предприимчивых элементов горского населения хуторами, вдали от наблюдения сельских полицейских установлений, является совершенно нежелательным. Таким образом, по соображениям полицейского надзора, просьбу некоторых жителей Мецхальского и Джераховского обществ о проживании вне своих селений на хуторе под названием „Длинная долина“ еще на 12 лет следует признать не подлежащей удовлетворению, так как названный хутор стоит в довольно глухой местности, из которой очень удобно наблюдать за Военно-грузинской дорогой и совершать набеги как на эту дорогу, так и на южные окрестности самого гор. Владикавказа. Но в этом вопросе есть и другая сторона, не менее важная,а именно: в горах ощущается недостаток земли, удобной для земледелия, поэтому следует всеми мерами облегчить горцам выход на плоскость, где они могли бы заниматься сельским хозяйством в более широких размерах, чем позволяют условия горных местностей. При том же за истекшие 12 лет арендаторы „Длинной долины“ успели настолько хорошо обстроиться, что было бы жестоко разорять их выселением на место коренного жительства.

Ввиду изложенного, я держусь того мнения, что жителям Мецхальского и Джераховского обществ можно предоставить казенную оброчную статью под названием „Длинная долина“ еще на 12 лет, но только под непременным условием, если названные общества примут на себя ответственность за все грабежи и разбои, следы которых будут направлены как в названные общества вообще, так и в Длинную долину в частности, а также и всю ответственность за преступления, совершенные по Военно-грузинской дороге в районе этого хутора, т. е. на участке между г. Владикавказом и станцией Балта“.

Граф Воронцов-Дашков, принимая во внимание недостаток земли в нагорной полосе, а также то обстоятельство, что арендаторы участка за 12 лет успели настолько хорошо обстроиться на этом месте, что переселение их было бы равносильно полному разорению, удовлетворил просьбу жителей, предоставив им в арендное пользование Длинную долину еще на 12 лет на прежних основаниях.

Из ведомости землепользования горцев Терской области 1905 г. мы можем почерпнуть сравнительные данные о пространстве земель и количестве приходящейся на душу удобной земли в горах и на плоскости:

Туземцы, обитающие на плоскости	Колич. душ мужск. пола	Пространство земли			На душу приход. удобн. земли
		Удобн.	Не-удобн.	Всего	
1. Ингуши (17 наделов) Сунженск. отд.	19439	84831	1201	86032	4,31
2. Малокабардинцы, в том чис. сел. Бекович (10 наделов) Сунж. отдела	10248	73177	2932	76109	7,14
3. Осетины: (плоскост. Тагаурия 18 наделов) Влад. окр.	26211	104284	4759	109043	3,98
4. Кабардинцы Большой Кабарды (36 наделов) Нальч. окр.	37849	238360	9961	248321	6,30
5. Чеченцы (55 наделов) Грозн. округа	60865	311480	14580	326060	5,12
6. Кумыки (31 надел) Хасав-юрт. округа	16866	129215	5068	134283	7,66
ВСЕГО . .	171478	941347	38501	979848	5,49
Туземцы, обитающие в горах					
7. Пять горских о-в: Урусбиевское, Чегемское, Хуламское, Безенгиевское и Балкарское (горские татары) — Нальч. округа	9609	185347	145122	330469	19,29
8. Осетины: Дигорское, Алагирское, Куртатинское, Даргавск. и Санибанское о-ва Влад. округа	23099	160128	106009	266137	6,93
9. Ингуши: Джераховское, Мецхальское, Хамхинское и Цоринское о-ва Сунж. отдела	6670	39174	21136	60310	5,97
10. Чеченцы разн. о-в Грозн. окр.	40410	226268	32301	258569	6,59
11. Ауховцы (чеченцы) и салатаевцы (тавлинцы) Хас.-юрт. окр.	12100	61111	4835	65946	5,05
ИТОГО . .	91888	672028	309403	981431	7,31
ВСЕГО . .	263366	1613375	347904	1961279	6,1

Как горные, так и плоскостные ингуши испытывали больший недостаток в земле, чем другие горские народы области (за исключением плоскостной Осетии, где на душу приходилось 3,98 га).[1])

---

[1]) Приведенные официальные цифровые данные, как средние, не дают полной картины земельной обеспеченности горцев, стушевывая классовое расслоение деревни, о котором речь дальше.

Ведомость эта приложена была к „Трудам комиссии по рассмотрению причин грабежей, разбоев в Владикавказе" и включена в наш текст, ввиду отсутствия других материалов.

Это обстоятельство нужно учитывать также и в прочих случаях пользования средними.

Мы уже приводили данные об аграрном перенаселении (в ‰) в нагорной полосе Терской области:

Не лучше обстояло дело и у плоскостных горцев:

	Число селений с достаточным количест. земли (в ‰-м отнош.)	Число селений малоземельных (в ‰ отношении)
Кабардинцы	53	47
Осетины	16	84
Ингуши	11	89
Чеченцы	23	77
Кумыки	62	38

Горцы, в частности и ингуши, вынуждены были прибегать к аренде земли у казаков. Вот, например, иллюстрация к этому—список дворов Джераховского, Мецхальского, Хамхинского и Цоринского обществ (3-го участка Сунженского отдела), временно проживавших на войсковой земле, на землях казачьих станиц и на офицерских участках к 13 апреля 1905 года:

Название хуторов	Число дворов	На чьей земле
Верхний Датых	61	На войсков. земле
Нижний Датых	25	На казенной земле
Верхний Бомут	28	
Нижний Бомут	20	
Нижний Аршты	45	На земле станицы Ассинской
Верхний Аршты	32	
Верхний Бережки	26	
Средний Бережки	20	На земле ст. Нестеровской
Нижний Бережки	16	
Семиогоч	50	
Мергист	18	
Лергебени	8	На земле ст. Фельдмаршальской
Галашки	220	На войсковой земле
Мужич	61	

Гздаборш	40	Часть на собственной и часть на участке Кирилова
Кирилов	15	
Длинная долина	80	На казенной земле
Яндиева	40	На собствен. и арендуют офицерские участки по реке Камбилеевке
Итого	870	

В примечании к таблице указывается, что, кроме того, в 14 плоскостных аулах 1 и 2 участков Сунженского отдела проживает около 65 дворов, всех же коренных жителей в 4-х вышеназванных обществах—1400 дымов, из коих 870 живет на частных землях, а остальные 630 в горах: „эти последние 630 дворов, хотя и живут в горах, но сеют кукурузу на плоскости, арендуя землю у частных лиц для весеннего посева и не могут прокормиться тем хлебом, который они сеят в горах, как то: ячмень, пшеницу и овес, которые, вследствие каменистой и гористой местности, не дают хороших урожаев".

Терское казачье войско сдавало в 1903 г. в аренду 357.369 га и имело от этого доход—346.595 руб. „Так как в большинстве станиц земельные наделы превышают рабочую норму, то излишки земли сдаются станичными обществами в аренду" („Тер. календарь" на 1905 г.).

Арендная плата с каждым годом росла.

В 1905 г. ингуши уплатили за аренду земли 49.943 руб., а чеченцы 400.000 р.

В прошении жителей Мецкальского общества на имя главнокомандующего гражданской частью на Кавказе (1904 г.) отмечается, что спрос на земли довел арендные цены на десятину до 15—25 рублей, и что „теперь даже за такую высокую плату трудно найти земли для аренды". „Приходится проводить всю жизнь во временных, кое как сколоченных землянках и саклях, как настоящие кочевники, неуверенные в завтрашнем дне, так как по капризу владельцев арендуемых нами земель мы вынуждены выселиться и искать счастья, где попало". „Негде нам приютиться и мы должны погибнуть голодной смертью или просить милостыню" („Труды" комиссии по в. пр. р. и гр. в В-зе).

Однако, горцы арендовали земли не только у казачьих станиц, но и у „частных собственников сельских обществ" („Труды").

Говоря об аграрном вопросе в Ингушии, нельзя не остановиться на прениях по этому поводу в заседаниях специальной комиссии, избранной владикавказской городской думой для рассмотрения вопроса о причинах грабежей и разбоев в г. Владикавказе (комиссия была организована в связи с ростом горского, в частности, ингушского абречества).

Г. А. Вертепов (казак, советник Тер. обл. правления) прибег к сравнению экономического положения туземца с крестьянином Екатеринославской (степная, черноземная полоса) и Нижегородской (промышленная) губерний. В Екатеринославской губернии—говорил он в своей речи—на душу мужского пола всей надельной земли, удобной и неудобной вместе, приходится 2,8 га, в Нижегородской 2,2 га и в Дагестанской области 2,0 га. „Что же касается денежных повинностей, то в этом отношении горцы Терской области находятся в еще более благоприятных условиях".

Далее оратор, основываясь на выработанном кн. Васильчиковым принципе для вычисления нормального надела, принимает для области высшую рабочую норму 11 га и низшую продовольственную в 5 га на мужскую душу наличного населения. „Принимая во внимание совершившийся с этих пор (1889 г.) прогресс земледельческой культуры, рабочую норму необходимо повысить, а продовольственную понизить. Таким образом, если принять на плоскости продовольственную норму в 4 дес., то надо признать, что плоскостной ингуш наделен землею достаточно". Отсюда Вертепов приходит к заключению, что платежная способность туземцев далеко еще не исчерпана.

Наконец, на вопрос, какова же причина стойкости грабежей и разбоев,—он ответил так: „Причину эту надо искать не в экономическом положении туземцев, а в политическом устройстве их и моральных факторах их жизни".

С обстоятельными возражениями Вертепову выступил М. Далгат. На основании фактов, собранных из ближайших к городу селений (например, Базоркинского), Далгат констатировал, что среди ингушей нередки случаи, когда на двор, из 5-8 душ мужского пола, приходится не более трех га на душу мужского пола.

В 1863 г.—указывал он—туземцы получили по 18 га на двор, и с этого времени никакого надела землею не было. „Но ведь с 63 года надо допустить прирост населения; к тому же они жили тогда нераздельно по родовому быту, во всяком случае, не по 3 человека мужского пола на дом, а гораздо более". Сравнение горца с крестьянином Нижегородской губернии Далгат считает неправильным, так как ингуш подпал под русское подданство совершенно неподготовленным к культурному развитию. „Для них (ингушей) местной администрацией было сделано очень мало: они даже не могли использовать, как следует, ту землю, какую имели. Затем истощены штрафами (было бы очень интересно выяснить, сколько они уплатили всего штрафа). Почему не сравнивается туземец с казаком? Это было бы вернее, так как они соседи и находятся при одинаковых климатических и почвенных условиях.

Со времени покорения Кавказа казаки смотрели на туземцев, как на своих врагов, *отношение туземца к казаку было аграрное*, так как теперешние станицы, ближайшие к Владикавказу, поселены на ингушских землях, откуда они были выселены на новые места, напр., сел. Сурхохи. Казаки же, поддерживаемые в своих домогательствах областной администрацией, не довольствуясь этим, неоднократно подавали высшей администрации прошение об удалении ингушей и из вновь отведенных им земель. Об этих ходатайствах знали и ингуши, что не мало возмущало их и настраивало враждебно к казачьему населению. Казак, обеспеченный огромным наделом земли, доходившим, в среднем, до 121 дес. на двор, живет, повидимому, привольно, а рядом туземец, который слышал от своих стариков, что вся эта земля когда то принадлежала им, терпит во всем недостаток". „Интересы 4/5 (туземное население) принесены в жертву 1/5 части его. Малая Кабарда, имеющая общие интересы с Большой Кабардой, горский суд и общественные суммы в слободе Нальчик,—присоединены к казачьему управлению; ингуши, которых от души ненавидели казаки, подчинены казачьему управлению. Все это обостряло взаимные отношения обоего населения—казаков и ингушей—до высокой степени. Достаточно показаться ингушу даже среди белого дня в станицу (что часто ему приходится по начальству) или на казачью территорию,—его расстреливают казаки, как дикого зверя, за что родня убитого не остается в долгу и всячески мстит казакам то убийствами, то грабежами, то кражами" („Труды").

Комиссия, обсудив земельный вопрос в Ингушии, единогласно пришла к заключению, что „имеющаяся в пользовании ингушского населения нагорной полосы земля не обеспечивает населения, а отсутствие точных правовых отношений, порождающее крайне неравномерное распределение земли, усугубляет их и без того тяжелое положение; что же касается плоскостных ингушей, то количество земельного на мужскую душу надела должно считать, по приведенным данным, достаточным для продовольствия, хотя правовые отношения обществ к земле тут до сих пор не определены".

В довершение всего того, что было упомянуто, леса, которыми в течение многих лет пользовались ингуши, отобраны были в казну. Это еще более углубило ненависть их к царской администрации.

Таким образом, основная масса ингушского крестьянства находилась с одной стороны под гнетом государства и кулацкой части казачества, с другой—под гнетом землевладельцев своих и прочих.

Основная масса ингушского крестьянства оказалась под гнетом казачества, у которого она—в связи с острым малоземельем, возник-

шим в результате отобрания земель у ингушей под казачьи станицы, —вынуждена была арендовать по высоким ценам свои же земли. Ей же приходилось прибегать к аренде и у своих, ингушских, землевладельцев, при чем арендные цены как в первом, так и во втором случае неуклонно росли.

Вместе с тем, налогово-штрафной пресс давил всей своей тяжестью на трудящиеся массы ингушского крестьянства. Росли подати, налоги, штрафы, недоимки, углублялось обнищание трудовых крестьянских масс, падала покупательная способность их. Подчинение ингушей в административном отношении непосредственно казачьему управлению (вхождение их в состав Сунженского отдела с атаманом во главе его), которое всяческими способами притесняло их экономически и политически, отсутствие школ, медицинской и агрономической помощи дополняли общую картину положения Ингушии перед первой революцией.

Культурная же отсталость способствовала сильному влиянию шейхов и мулл. „Имеется на лицо целый слой ингушских торгашей, кулаков, землевладельцев, различных должностных лиц и т. д., вполне приспособившихся сосать свой народ с помощью колонизаторов и связавших свою судьбу с последними".

Помимо этого, „имеются еще различные группы, состоящие из кое-какой интеллигенции, исламистски настроенных мулл, некоторых сект, частью настроенных панисламистски и мечтающих о замене русской власти турецкой, частью же мечтающих о парламентарных реформах".[1])

На борьбу с царизмом выступили пролетариат страны—гегемон революции, многомиллионное крестьянство русское и угнетенных народностей бывшей Российской империи.

Выступили и крестьянские массы Ингушии.

„Только волны массовой стачки,—писал В. И. Ленин—прокатившейся по всей стране, в связи с жестокими уроками империалистической русско-японской войны, пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна" [2]).

„Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное движение" [3]).

---

[1]) Азамат Шадиев. Ингушетия в революц. движении. Газ. „Сердало", 1931 г. № 2.

[2]) В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 346 по 3 изд.

[3]) В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 348 по тому же изд.

V

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Рост рабочего движения с 90 г.г. XIX ст.—Большевистская фракция РСДРП —военная организация пролетариата.—Массовое революционное движение в России.—Фабрично-заводская промышленость и положение рабочего класса на Тереке. —Терско-Дагестанский Союз РСДРП.—Революционное движение на Тереке.—Движущие силы и формы революционной борьбы в Ингушии.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Массовое столкновение ингушей с казаками у станицы Карабулакской.—Экзекуции над сел. Долаково и Кантышево.—Ограничение права въезда ингушей в Владикавказ.—Наступление реакции.—Военное положение.—Выборы в I Государственную Думу.—Сражение между ингушами и казаками у сел. Яндырского 28 мая 1906 г. -Петиция в I Государственную Думу.—Провокационная работа царской администрации и Ольгинско-Базоркинское столкновение.—Набор стражников из горцев для содействия подавлению революционного движения в России и протесты против этого.—Закат революции.—Значение революции 1905 г.

Конец XIX века, особенно 90-е годы, характеризуются чрезвычайно быстрым темпом развития капитализма в России.

Промышленность страны, при энергичном участии иностранного капитала, лихорадочно растет.

Но рост промышленности и увеличение численности рабочего класса происходили в обстановке царского самодержавия, в обстановке неликвидированных до конца крепостных отношений в деревне, неизбежным спутником которых было дальнейшее разорение и обнищание крестьянских масс.

Развитие капитализма в России несло глубочайшие изменения не только в экономическую структуру страны, но и во все области общественного быта.

Гнет капитализма больше всего испытывал пролетариат.

В 90-х годах прошлого столетия рабочее движение становится крупным фактором в жизни страны.

Количество участников экономических стачек с каждым годом растет: в 1894 г. в стачках участвовало 17 тыс. рабочих, в 1895—48 тыс., в 1896 г.—67 т., в 1897—102 тыс., в 1898 87 г., в 1899—130 т.

Но чтобы повести массу на штурм царизма, необходимо было иметь боевую партию или, как говорил Ленин, военную организацию пролетариата, об'единенную единой теорией и единым руководящим центром.

Перед 1905 годом пролетариат имел такую военную организацию в лице Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), большевистская фракция которой подготовляла массы к вооруженному восстанию и руководила их борьбой за социализм.

Что касается русской деревни, то она состояла перед 1905 годом из массы крестьян, расслоенных на кулаков, середняков и бедняков. Наряду с этим, помещики, владея большими земельными участками, фактически управляли крестьянством через всякого рода чиновников, вышедших из среды дворянства.

Тяжелая эксплоатация крестьянства помещиками и государством, разорение, обнищание крестьянских масс вели последние к борьбе против помещиков и царя, опиравшегося, главным образом, на землевладельцев дворян.

„Выход для бедняцко-середняцкого хозяйства из создавшегося экономического тупика был только один—забрать помещичьи земли в свои руки революционным путем. Кулаки страдали сравнительно мало от крепостнических пережитков, так как они сами являлись эксплоататорами широких масс деревни. Они были недовольны привилегиями помещиков в хозяйственной и политической областях. Крестьянские выступления против помещиков в широких размерах начались с 1902 г".[1])

Если в начале 90-х годов мы видели промышленный под'ем, то к 1900 году экономическое положение страны резко изменилось.

Промышленный под'ем сменился промышленным кризисом, который еще в 1897 г. предсказал Ленин в своей брошюре „Задачи русских социал-демократов".

Рабочий класс увидел теперь, что экономическая борьба его, вследствие перемены промышленной кон'юнктуры, оказалась безрезультатной.

В деревне, тем временем, в связи с промышленным кризисом, остановившим поток в город разорявшегося крестьянства,—усилилось обнищание миллионов крестьянских хозяйств.

Царское правительство, в целях укрепления своего внутреннего положения, начало в январе 1904 г. войну на Дальнем Востоке, где уже раньше проводилась систематическая политика захвата обширных территорий.

---

[1]) А. Шестаков. Революция 1905 г. Статья в VII т. МСЭ. 1931 г.

Русско-японская война, окончившаяся для России поражением, показала, что страна, по сравнению с маленькой Японией, слабее в военном отношении.

Недовольство широких рабочих и крестьянских масс росло в связи с войной и углублявшимся кризисом.

Чтобы „избавиться от беспокойной части населения", администрация прибегла к давно применявшемуся ею способу — к организации полков для отправки их на войну.

Еще в записке о Терской области, датированной маем 1863 г. и переданной начальнику главного штаба, рекомендовалось поступить так: „Было бы очень полезно, если бы теперь же из чеченцев был бы набран полк и отправлен для военных действий в Польшу, о чем я имел счастье лично докладывать его императорскому высочеству. Эта мера действительно избавила бы нас от более беспокойной части населения, которая тяготится бездействием на родине" (Дело о переселении туземцев Тер. обл. в Турцию, по описи Арх. Бюро № 1, л. д. 4).

В 1904 году у местной администрации снова возникает подобная же мысль.

Организация по формированию ингушского полка, как видно из секретного дела по этому вопросу, осуществлялась таким образом (Ист.-рев. арх., д. д. №№ 1 и 2).

Атаман Сунженского отдела Терской области 6-го февраля 1904 г. разослал циркуляр старшинам 8 селений, в котором указывал, что якобы все жители горцы, желая принять участие в войне против японцев, предполагают образовать из своей среды ополчения. Так как без разрешения власти осуществить это нельзя, то он об'являет жителям селений вверенного ему отдела об открытии при сельских правлениях записи ополченцев, при чем последние должны иметь от роду не менее 22-х и не более 55-ти лет, своих лошадей, все снаряжение, обмундирование и холодное азиатское оружие, огнестрельное оружие им будет выдано казной.

Через день, 8-го февраля, начальник 2-го участка Сунженского отдела отправил уже атаману отдела рапорт, прекрасно свидетельствующий, как и помещаемое ниже донесение старшины Базоркинского сельского правления,—о „добровольном" характере организации ингушского полка. „Ингушское население — гласит рапорт — желает повергнуть к стопам его императорского величества верноподданнические чувства и просит сформировать собственно из ингушей конный полк на их собственных лошадях и отправить в действующую армию. Для этой цели 3-го числа (циркуляр об образовании ополчения от 6-го февраля. Г. М.) при ставке были собраны доверенные по

2 человека из селения, которые решили: чтобы это было *искренно и от населения* (курсив наш. Г. М.) в пятницу, 6-го числа, об'явить на полных общественных сходах и собрать точные сведения о желающих, а 9-го числа, т.-е. завтра, вторично собраться в Назрань к двум часам для окончательного решения; в этот день должны быть выбраны и доверенные для подачи прошения по упомянутому вопросу, почему прошу разрешить мне прибыть к вашему превосходительству вместе с доверенными не завтрашнего, 9-го числа, а 10-го числа на послезавтра. Начальник 2-го участка есаул (подпись)".

Старшина Базоркинского сельского правления 2-го участка Сунженского отдела Терской области в своем рапорте атаману того же отдела (от 22-го февраля 1904 г., за № 572), об'ясняя причину запоздания в представлении списка сполченцев, определенно заявляет, что записываться в ингушский полк стали только после его „энергичных настояний": „Во исполнение циркулярного предписания вашего превосходительства от 6-го сего февраля за № 2506 список жителям вверенного мне селения, из'явивших желание отправиться к месту военных действий на Дальнем Востоке, при сем представляю и докладываю вашему превосходительству, что причина запоздания в представлении такового является та, что первое время по об'явлении содержания вышесказанного циркулярного предписания обществу на сходе желающие туго записывались, но потом, *при энергичных моих настояниях* (курсив наш. Г. М.) и раз'яснениях о том, какая является польза, если будет сформирован ингушский полк для своего отечества, мало по малу желающие начали прибывать в сельское правление для записи их в список" (Дело № 1).

Созданием ингушского полка и отправкой его на русско-японский фронт предполагалось избавиться хотя бы от части населения, которую малоземелье и полицейский гнет толкали на путь революционной борьбы.

Для того, чтобы достигнуть больших успехов в наборе конницы из ингушей, из недр канцелярии начальника Терской области было пущено заверение, что если ингуши поедут на войну, то им будет возвращена свобода. Конница была снаряжена на общественный счет и отправлена в Манчжурию. „Но напрасно ингуши надеялись получить свободу после войны, — пишет М. Альтемиров — окончание которой они ждали так страстно. Война кончилась, сотня вернулась домой, оставив на поле брани многих лучших бойцов, но мечта о дорогой свободе не только не сбылась, но, наоборот, положение ингушей значительно ухудшилось, как и всего трудового народа России, после первой революции 1905 г. Пошло поголовное разоружение ингушей вплоть до кинжалов, казачья нагайка засвистала во всю, а гнусная агитация царских чиновников возымела свое действие и при-

вела к неоднократным столкновениям между отдельными племенами горцев“ [1]).

Газета „Казбек“ от 3-го августа 1905 года сообщала, между прочим, что под Инкоу ингушская сотня была окружена японцами и ей нужно было пробиться под огнем и ударами японской кавалерии, чтобы соединиться с отступающими частями войск. Ингуши прорвались, но из сотни их осталось всего 18 чел. невредимыми, а остальные были убиты и ранены в неравном бою.

Но никакие плотины вроде вербовки воинов на русско-японский фронт не могли, разумеется, задержать бурного революционного потока.

Росло революционное движение и на Тереке.

В 1904 г. в Терской области насчитывалось 9.556 рабочих.

Наибольшее количество их находилось в это время на грозненских нефтяных промыслах, в Садоне на добыче руд и в Владикавказе.

На промыслах в 1904 г. работало 2025 чел., в 1905 г. — 2137 чел., на Садонских рудниках в 1904 г.—754 ч., в 1905 г. 480 ч., на владикавказских фабриках и заводах в 1904 г.—1189 ч., в 1905 г.—1198 ч.

Таким образом, основное ядро промышленного пролетариата сосредоточено было на грозненских нефтяных промыслах и в Владикавказе [2]).

Бесправие, тяжелые условия труда, углублявшие классовые противоречия, подготовили почву, на которой и зародился Терско-Дагестанский Союз Российской социал-демократической рабочей партии.

В целом это была меньшевистская организация.

Между большевиками и меньшевиками шла принципиальная политическая борьба „Большевики и на Тереке,—отмечает Н. Г. Буркин—а не только в крупных промышленных городах и в центре, вели борьбу с оппортунизмом, и в этой борьбе выковывали революционную теорию рабочего класса, на основе которой двигали массы в бой с царизмом, остатками крепостничества и капитализмом“ [3]).

III-й с'езд, который был большевистским по составу (меньшевики организовали свою конференцию), принял весной 1905 года резолюцию о вооруженном восстании, считая его „одной из самых главных и неотложных задач партии“. Вместе с тем, на с'езде указывалось, что вооруженное восстание должно быть тесно связано с революционной борьбой крестьянства.

Эта точка зрения проводила резкую грань между большевиками и другими политическими группами и партиями.

---

[1]) М. Альтемиров. Ингуши Газ. „Жизнь национальностей“. М., апр. 1919 г.

[2]) Г. К. Мартиросиан. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. Изд. Сев.-Кав. Инст. Краеведения. 1924 г., стр. 76.

[3]) Н. Г. Буркин. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Изд „Сев. Кавказ“. 1931 г., стр. 23.

Как же отнесся Терско-Дагестанский Комитет РСДРП к III-му с'езду партии?

Он высказался против него и за меньшевистскую конференцию в Женеве, на 2-й южной конференции меньшевиков он был вместе с меньшевиками, он поддерживал меньшевистскую „Искру".

В связи с указанным отношением Терско-Дагестанского Комитета РСДРП к III с'езду партии грозненская большевистская группа Т.-Д.К. откололась от последнего, при чем в своей резолюции она отметила, что „желает работать самостоятельно или же под руководством партийной организации" [1]).

В рядах Терско-Дагестанского Комитета мы встречаем не мало горцев.

Однако, с Ингушией он не был связан (если не считать одного кружка из четырех человек в сел. Галашки [2]).

Кроме того, существовали кружки студентов, учащихся ингушей старших классов владикавказских средних учебных заведений [3]).

Главной движущей силой революции, гегемоном революции был пролетариат, находившийся под двойным гнетом: эксплоатации капиталистов с одной стороны и государства крепостников-помещиков—с другой.

Главным союзником пролетариата в борьбе против самодержавия за революционный путь уничтожения крепостничества выступало крестьянство, в котором, как подчеркивал Ленин, шли две социальных войны: одна—всего крестьянства против крепостников, вторая—внутри крестьянства между сельской буржуазией и пролетарскими и полупролетарскими элементами.

Среди союзников пролетариата мы видим и угнетенные народности, т.-е. прежде всего то же крестьянство.

Царская Россия являлась тюрьмой народов. Царизм подавлял нации и прямым насилием и с помощью войска, насильственно присоединяя огромные территории, предоставляя их разграблению крепостников-помещиков, превращая завоеванные земли присоединенных народов в рынок для русской капиталистической промышленности.

Это делает понятным ту поддержку, которую буржуазия оказывала самодержавию.

---

[1]) „Пролетарий", 1905 г., № 12, от 16/3/ августа.

[2]) По сообщению Сим. Такоева („Изв. Осет. Н.-Исслед. Института Краеведения", № 2).

[3]) Г. К. Мартиросиан. Терская обл. в революции 1905 г. Владик., 1929 г., стр. 117.

„У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей,—писал Ленин.—Отличие нашей революции от европейской—поляки, финдлянцы делают наскок на самодержавие особенно энергичным".

Ингушия, как мы видели, была колонией царской России.

Царизм отнял лучшие земли, принадлежавшие ингушам, с тем, чтобы образовать клин из казачьих станиц для раз'единения горной Ингушии от плоскостной.

Тяжелое экономическое положение крестьянских масс, вследствие малоземелья и повышения арендных цен на земли казаками, у которых ингуши вынуждены были брать в аренду принадлежавшие им ранее земельные участки, казачье управление Ингушией, что давало возможность казакам чувствовать себя хозяевами положеиия и соответственно этому строить свои взаимоотношения с ингушами, руссификаторская политика царизма, многообразные формы угнетения бюрократическим режимом, прогрессирующие поборы, „законные" и незаконные, рост недоимок, отсутствие минимальных забот о культурных нуждах и благоустройстве села, несмотря на наличие огромных штрафных сумм,—вот, в общих чертах, та социально-экономическая почва, на которой возникло и развивалось национально-освободительное движение в Ингушии в годы первой революции.

Разоренная, обнищавшая часть ингушей, еще до революции 1905 года стала на путь абречества, на путь открытой вооруженной борьбы с царизмом.

Абречество приняло настолько широкие размеры, что владикавказская городская дума организовала в 1905 году специальную комиссию для выяснения причин грабежей и разбоев, при чем в первом же заседании комиссия пришла к заключению об обсуждении вопроса лишь в отношении ингушей („Решено было приступить к рассмотрению вопроса о мерах к прекращению грабежей и разбоев в гор. Владикавказе только относительно одного ингушского племени, как самого близкого к Владикавказу." Жур. № 1 „Трудов" комиссии от 18 марта 1905 года).

Но национально-освободительное движение развернулось с революцией 1905 года, гегемоном, главной движущей силой которой являлся пролетариат.

Революционное движение в Ингушии приняло следующие формы: война основных, трудящихся, масс ингушского крестьянства с Терским казачьим войском, борьба с местной администрацией, убийства отдельных администраторов (начальника Назрановского округа и др.), самовольная распашка казенных, частновладельческих земель, сожжение лесных караулок, самовольная рубка леса, прекращение взносов налогов, отказ от несения некоторых повинностей.

Национально-освободительное движение переплеталось с классовой борьбой в деревне на основе классового расслоения: наличия с одной стороны землевладельцев, имевших значительное количество земель, с другой—малоземельных и вовсе безземельных крестьян.

Вот, напр., интересный документ, проливающий яркий свет на борьбу классов в ингушской деревне.

Перед нами прошение „доверенных“ от сельских обществ 2-го участка Сунженского отдела (Базоркино, Насыр-корт, Гамурзиево, Альтиево, Бурсуки, Плиево, Яндырское, Верхние, Средние и Нижние Ачалуки, Кантышево, Долаково, Экажево и Сурхохи) на имя ген. Мартынова, командированного в Терскую область для выяснения причин грабежей и разбоев.

Авторы этого прошения пишут: „Большинство ингушского населения предано тихой труженнической жизни, добывая себе пропитание честным трудом, по преимуществу земледелием. Оно всегда было готово итти навстречу административным властям в разных мероприятиях для обуздания преступных страстей меньшинства нашей молодежи, необлагороженной культурой и школьным просвещением со времени взятия Шамиля и до сих дней. Оно по приговорам селений всегда выдавало в руки администрации своих порочных членов для выселения из края в Сибирь с семьями. Выдававшиеся обществами лица, как порочные, возвращались весьма часто сейчас же обратно в свои общества за несоблюдением какой либо пустой формальности в общественных приговорах или после недолговременного отлучения из области опороченных лиц. Вследствие этого эти последние и их родня, часто многочисленная, по присущему горской дикой натуре чувству мести, об'являя беспощадную войну тем почтенным членам сельских обществ, которые имели смелость и мужество заклеймить лиходеев порочными и выдать их властям. Они поджигали их дома, хлеба и сено, исколечивали и резали их скотину и лошадей и под сенью их крова покушались на жизнь их, многие из них даже погибли, сделавшись невинными жертвами своего благородного желания общественного покоя“.

Нетрудно догадаться, какие именно „почтенные“ члены сельских обществ имеются в виду в прошении Кулачество из „благородного желания общественного покоя“ вылавливало тех, кто в силу малоземелья, отсутствия средств производства, в силу обнищания вынужден был стать на путь абречества, на путь революционной борьбы с царизмом.

Ингушская беднота в ответ на предательство кулаков поджигала дома и пр. имущество их, уничтожала последнее и другими способами, наконец, прибегала к убийствам „почтенных“ представителей сельской буржуазии, „всегда готовых итти навстречу административным властям в разных мероприятиях“.

Одно лишь дело № 97 местного историко-революционного архива заключает в себе большое количество сведений о „происшествиях“ на Тереке.

28 декабря 1904 г., около 11 часов вечера, на полдороге между Ларсом и Джерахом, произошло столкновение между раз'ездом Ларского поста и угонявшими захваченный в Ларском поселке скот.

В связи с ростом абречества подп. Митник собрал в сел. Базоркино общественный сход. Сход постановил (не без давления Митника) „выставлять пять постов от жителей сел. Базоркино к городу Владикавказу в разных местах, по 8 человек на каждом ежедневно в течение всей ночи под наблюдением, по очереди, помощников старшины сел. Базоркино так, чтобы в течении ночи они имели постоянную связь между собой высылкою от одного к другому патрулей и следить, чтобы злоумышленники не имели доступа в город“.

7-го февраля 1905 г. атаман Сунженского отдела отправил начальнику 1-го участка названного отдела отношение, полное тревоги.

Он писал, что массовые забастовки в центральных губерниях России и на Кавказе стали обычным явлением; что революционные волны могут перекинуться и во вверенный ему отдел, и что старшинам необходимо немедленно об'ехать все селения участка и „сделать нужные на этот счет распоряжения и затем иметь самое строгое наблюдение за поведением жителей и прибывающими в селения подозрительными личностями; в случае же, если будет замечено какое либо брожение или признаки к тому, то сейчас же принимать репрессивные меры к подавлению возмущения“.

Далее атаман отдела пишет: „Секретно мне только что стало известно, что неблагонадежные ингуши и кабардинцы откармливают своих лошадей с целью совершения грабежей и разбоев“. „Удостовериться, действительно ли туземцы откармливают своих лошадей для совершения разбойнических набегов“ (Ист.-рев. арх., дело № 1).

Насколько Терская администрация напугана была начавшимися повсюду волнениями, видно из сообщения того же атамана (от февраля 1905 г.) начальнику 2-го участка Сунженского отдела о том, что заметно большое передвижение ингушей от станицы Троицкой и Карабулакской через станицу Слепцовскую. Сообщая об этом, атаман просит донести ему: куда и зачем переезжают ингуши, что везут с собой.

В ответ начальник 2 участка отдела пишет: „По секретному расследованию мною дознано, что ингуши, из числа сектантов Кунта-хаджинцев, проезжали перед праздником Курбан-байрам к укреплению Ведено на богомолье к тому месту, где похоронена родная мать Кунта-хаджи. Сектанты эти ездят два раза в год к праздникам Курбан-байрама и ко дню рождения пророка Магомета; ездят как муж-

чины, так и женщины, но люди эти, по отзывам, совершенно безвредны" (Ист.-рев. арх., дело № 1).

2-го февраля состоялось экстренное частное заседание владикавказской городской думы с участием исп. должность начальника области ген. Ржевусского „по вопросу—как писали газеты—об обеспечении жизни и имущества граждан от грабежей и покушений".

Один из гласных думы заявил: „мы теперь жнем то, что посеяли". „Положение их таково, что им ничего другого не остается делать".

К сожалению, смелый оратор единственным выходом из создавшегося положения считал открытие школ.

Другой городской деятель предложил избрать в гласные ингушей-домовладельцев, которые помогли бы местной администрации в борьбе с разбоями („Казбек", № 2141).

В ночь на 3-е февраля совершено было нападение на водокачку станции Назрань.

Участились стычки между небольшими группами казаков и ингушей при встречах их на дорогах.

Вот, напр., один из таких случаев, описанный газ. „Казбек" от 24 февраля 1905 года.

Группа ингушей возвращалась с базара из Владикавказа на хутор Галашки. Около 9 часов вечера, недалеко от ст. Сунженской ее догнали 4 казака, ехавшие на одной подводе.

Казаки потребовали, чтобы ингуши свернули с дороги, но, не дождавшись исполнения своего приказания, соскочили с подводы и начали бить их сначала кулаками, а потом палками. Одному из ингушей нанесен был удар палкой, от чего он без сознания упал на землю. Другие двое, защищаясь от ударов, стали кричать о помощи. Казаки ограбили находившиеся в арбах вещи и уехали по направлению к ст. Сунженской.

В начале марта начальник Владикавказского округа оповестил атамана Сунженского отдела о разгроме лесных караулок ингушами и осетинами.

Между тем, газета всячески старалась внести успокоение среди населения Владикавказа. Газ. „Казбек" от 2 марта утверждала, что слухи о „возможном восстании и беспорядках со стороны туземцев нашей области" „не имеют никакой реальной почвы", но тут же добавляла: „Ввиду настойчивых слухов его превосходительство посетил, на-днях, в окрестностях Владикавказа, восемь ингушских селений с целью услышать от представителей этих ингушских селений, чем может быть недовольно ингушское население и сообразно с этим принять надлежащие меры".

В апреле имело место кровавое столкновение чеченцев с казаками около станицы Вознесенской.

В мае в селении Сагопш поставлен был казачий отряд из 100 человек.

17 мая группа осетин, ингушей и чеченцев подала наместнику Кавказа при проезде его через Терскую область петицию „о предоставлении общественных прав туземному населению“ (Матер. Терск. истп.).

В ответ на это наместник „признал возможным удовлетворить некоторые ходатайства населения теперь же“:

1) „Ввести немедленно среди туземных племен Терской области институт старшин, избираемых самими обществами из числа лучших людей. Выбор таких старшин предлагаю производить закрытою баллотировкою всеми домохозяевами, имеющими право голоса на сходе и принадлежащими к составу данного общества. Старшины избираются на три года, с жалованьем от избравшего его общества в размере, установленном законом 1-го декабря 1903 г., и утверждаются в должности начальником области по представлению начальника округа.

Для рассмотрения же и решения общественных дел я, в целях устранения беспорядков на общественном сходе, признал целесообразным установить в туземных сельских обществах, вместо схода, сбор выборных лиц из числа тех домохозяев, которые, выделяясь среди населения своим умом, честностью и энергией, несомненно, отнесутся вполне сознательно к рассматриваемому делу. В этом отношении предлагаю придерживаться следующего порядка: в селениях, имеющих 30 дворов коренных жителей или менее, на сельском сборе участвуют все домохозяева общества; имеющие свыше 30 дворов, но не более 300, посылают на сбор по 30 выборных, а если свыше 300 дворов, то на сборе участвуют выборные по одному от каждых десяти дворов“.

2) „Предоставить сельским обществам самим избирать и нанимать себе сельских писарей из наиболее благонадежных и честных лиц, но с ведома и одобрения начальника округа.

3) Ввиду того, что введенная в 1895 году регистрация скота и лошадей является стеснительной мерой для населения и нисколько не оправдала возлагавшихся на нее надежд в деле борьбы с воровством, предлагаю вашему превосходительству теперь же отменить упомянутую регистрацию“.

Начальник Терской области, об'являя об этих административных благах, называет их „важными для народного благосостояния решениями“, „милостью и вниманием“ наместника.

В чем же заключаются „важные для народного благосостояния решения“?

В введении института старшин, избираемых закрытою баллотировкою из числа „лучших людей“ и утверждаемых начальником области по представлении начальника округа, в отмене общественного схода и замене последнего выборными из состава „умных, честных и энергичных“ домохозяев, в предоставлении сельским обществам права самим нанимать писарей, „но с одобрения начальника округа“, наконец, в отмене регистрации скота и лошадей.

Эти „спасительные“ решения не могли, разумеется, остановить хода революции.

Национально-освободительная борьба ингушей ширилась.

„В последние время—сообщает газета „Казбек“ от 26 июля 1905 г.—все чаще и чаще начало практиковаться казаками соседних станиц убийство ингушей: стоит только показаться ингушу на казачьей территории, как его уже встречает залп из казачьих винтовок. Ингуши убеждены, что в данном случае казаки действуют не по личной инициативе, а по наущению извне, так как они, казаки, неоднократно заявляли, что им „приказано бить ингушей, и что за убийство их никакой ответственности не будет“. Само собой разумеется, что ингуши не могут равнодушно относиться к истреблению своих соплеменников казаками и в свою очередь мстят им убийствами, грабежами и поджогами. С течением времени такие обостренные отношения могут вызвать открытую резню между казаками и ингушами“ (Петиция ингушей. „Казбек“, 1905 г., № 2262).

11-го июля группа ингушей вела перестрелку с пешим секретом из 10 казаков на Военно-грузинской дороге.

Атаман Сунженского отдела, обеспокоенный развитием революционного движения, пишет начальнику 2 участка отдела: „В. секретно. Экстренно. Немедленно и весьма секретно принять меры к обнаружению присутствия в селениях Яндырка и Плиево прибывших с тайной целью немалого числа чеченцев. Как бы не было с их стороны подстрекательства к возбуждению населения против казаков Карабулакской станицы. Кроме того, не замечается ли какого брожения к восстанию. Предлагаю вам строго следить за этим. Обратите внимание и за другими селениями. Малейшее, что будет замечено по сему, доносить мне секретно с особым и надежным нарочным. Генерал-майор Суровецкий“.

1-го августа произошло массовое столкновение между ингушами и казаками возле станицы Карабулакской.

Имело место сражение, в результате которого обе стороны оставили на поле битвы много убитых и раненых.

Столкновение это носило массовый характер и было настолько серьезным, что для урегулирования взаимоотношений между казаками и ингушами понадобился специальный приезд в Терскую область помошника наместника на Кавказе ген. Малама.

Последний прибыл в селение Базоркино 11-го августа и здесь устроил совещание „с представителями ингушского народа".

По сообщению газеты „Казбек" от 14-го августа, „представители ингушей предложили выдавать в руки правосудия по общественным приговорам всех порочных членов, лишь бы администрация гарантировала, что они будут высылаться из области бессрочно". „Между прочим, был затронут вопрос о школах и штрафных суммах". „В заключение ингуши подали прошение с ходатайствами, изложенными в 7 пунктах. Пункты эти касались административных преобразований, как то: об отмене положения 1888 г. учреждения Терской и Кубанской областей и введении снова губернского положения, о выделении ингушей в особый округ, о назначении правительственной ревизии для более подробного изучения на месте причин грабежей и нужд населения и административного неустройства области, о допущении на административные должности общегражданских чинов без различия религии и национальности, преимущественно, туземцев, как близко знакомых с населением и его нуждами, о строгом расследовании инцидента в ст. Карабулакской и пр.".

Газета отмечает, что „обращение генерала к представителям ингушей носило крайне лестный характер—он называл их не иначе, как „доблестный, храбрый ингушский народ" (Д. К инциденту в ст. Карабулакской. Газ. „Казбек", 1905 г., № 2278).

Из приведенной газетной заметки нетрудно усмотреть, какие именно „представители" ингушского народа вели дипломатические переговоры с ген. Малама.

Под „представителями" нужно, конечно, разуметь ингушских сельских богатеев. Они и предложили свои услуги администрации по выдаче „порочных" членов при условии, если администрация гарантирует им бессрочную высылку из области „порочных".

В августе движение в Ингушии значительно расширилось, что видно из секретного письма атамана начальникам 1 и 3 участков: „В. секретно. Экстренно. Замечается ненормальность в поведении ингушей: усилилось нападение на проезжающих русских даже днем больших шаек злоумышленников. Столкновение ингушей с казаками станицы Карабулакской наводит на мысль, нет ли какой пропаганды из Турции, Чечни, Дагестана, Осетии и не замечается ли русских анархистов. Предлагаю немедленно и весьма секретно проверить в селениях и строго следить впредь за этим во избежание строгой ответственности. Что будет замечаться—доносить с особым и надежным

нарочным. Генерал-майор Суровецкий“ (Ист.-рев. арх., дело № 1 управления Сунж. отд.).

30 августа ингуши произвели нападение на станцию Беслан и устроили крушение поезда (Материалы Терск. Истпарта „1905 г. на Сев. Кавказе“).

В ночь на 30 августа между ст. Назрань и раз'ездом Долаково группа ингушей (около 30 человек) разобрала рельсы и шедший на Баку почтовый поезд потерпел крушение.

Произошла стрельба, продолжавшаяся полчаса.

Корреспондент, сообщая об этом, пишет: „злоумышленники, *не производя ограбления,* скрылись“ (курсив наш. Г. М.). „Все вагоны, в том числе почтовый и вагон ехавшего с женою к месту служения вновь назначенного тифлисского губернатора барона Рауш-фон-Раутенберга,—были простреляны во многих местах“. „При крушении железнодорожный путь был поврежден на расстоянии около 150 саж., что побудило приступить к докладке второго, обходного пути. Движение товарных поездов по линии на время совершенно прекращено, пассажирские же идут с пересадкой. Необходимо заметить, что изложенный случай совершенно анологичен с происшедшим уже однажды близ полустанка „Колонка“ (Газ. „Казбек“, № 2290).

Ответственность за крушение поезда пала на селения Кантышево и Долаково.

Из Владикавказа выступил сюда, по распоряжению наместника, баталион апшеронского полка для производства экзекуции.

12 сентября долаковцы сдали 14 ружей, кантышевцы—18.

Приспешники царских палачей незамедлили заявить, что они готовы выяснить виновников и „в общественном приговоре, состоявшемся 31 августа, постановили выдать 1000 руб. тому, кто укажет злоумышленников“ („Казбек“ от 6 сент. 1905 г.).

Баталион возвратился в Владикавказ в конце октября того же года.

7-го октября, в 12 часов дня, произошла перестрелка между группой ингушей и казаков.

В ночь на 13 октября, в Владикавказе, совершено было нападение на мельницу Папкова.

Революционное движение в России ширилось с каждым днем.

Всеобщая же октябрьская стачка настолько перепугала царское правительство, что оно 17 октября издало манифест о политических свободах с обещанием созвать законодательную Государственную Думу.

Однако, одновременно правительством даны были указания местным властям об устройстве погромов, что весьма охотно и выполнялось черной сотней.

После об'явления манифеста 17 октября по области прокатилась волна митингов, рабочих демонстраций.

„Народу собиралось на митинги—пишет корреспондент из Пятигорска—не менее 10 тысяч. На этих митингах можно было видеть представителей самых разнообразных национальностей: и ингушей, и кабардинцев, и осетин, и казаков. Можно было видеть крестьян, приехавших за 100-200 верст из Ставропольской губернии специально для того, чтобы послушать ораторов „о землице". Вот картина: на эстраду выходит старик с длинной черной бородой, в красной чалме и красном халате—это представитель Кабарды. Он окружен своими одноаульцами и все они в красных халатах. В руке старика красное знамя с надписью: „В борьбе обретешь ты право свое". Он обращается к народу и дрожащим, ломанным языком начинает свою речь:

— Я приехал из Кабарды, до которой дошли слухи, что русский народ поднялся за „землю и волю" народную, что он хочет с себя сбросить тяжелое ярмо сплошного гнета и произвола. Мы—дети природы, любители природы, свободной жизни—не можем жить скованными... это противоестественно. Меня прислали мои собратья выразить вам свое искренее пожелание скорейшего осуществления ваших идеалов и предложить вам свою помощь.

Речь его покрывается громом аплодисментов и пением марсельезы.

Долго так продолжались народные митинги. Всюду они устраивались. Народ вооружался" (Жур. „Освоб. движение", 1906 г., № 1).

19 октября начальник Терской области сделал распоряжение по Назрановскому округу о том, чтобы ингуши, „по возможности", ограничили свои поездки на базар в Владикавказ по четвергам и субботам, ввиду якобы „крайнего возбуждения населения против них" впредь до того времени, когда настанет успокоение".

Казаки же не подвергались никаким ограничениям, доказательством чего являются многочисленные жалобы ингушей на произвол и враждебное отношение со стороны властей казачьих станиц. Так, например, приезжают к работающим в районе своих наделов ингушам и самовольно, без участия станичных властей, отбирают оружие; делают без всяких причин придирки к приезжающим по своим делам в станицы к ингушам. Был случай, когда один из плиевцев отправился в станицу Карабулакскую получить с казаков деньги по векселям, и там, на улице, совершенно незнакомые лица стали придираться к нему и только случайно ему удалось вырваться от казаков и бежать, избегнув, таким образом, побоев, а, может быть, и смерти („Казбек" от 29 окт., 1905 г., № 2335).

6-го декабря, в редакции газеты „Весь Кавказ", собрались „представители" казачества и горцев области „для выяснения отношений

между теми и другими“ и для обсуждения „мер к предотвращению возможных недоразумений“. Почтенное собрание нашло, что для выхода из создавшегося положения необходимо лишь обновление состава как в казачьих отделах, так и в горских округах („Казбек“, № 2367).

Что касается печати, то она, как мы видели, сообщала, что якобы „придирки“ к ингушам имели место без участия станичных властей(!).

25-го декабря в селении Бурсуки убит был начальник Назрановского округа подп. Я. Е. Митник.

Митник вызван был в селение Плиево в связи с недоразумениями между жителями того же аула и приехавшими из других сел в числе более двухсот человек по поводу примирения двух семейств (кровников), ввиду убийства в Сибири плиевским жителем жителя селения Бурсуков. В Сибирь они были высланы за совместную экспроприацию кассы, содержавшей 21 тыс. рублей. Жители сел. Плиево не приняли примирения и на этой почве возникла ссора, обещавшая, по донесению старшины, перейти в резню. Старшина, желая наказать отобранием у них оружия через начальника Назрановского округа, вызвал последнего. В Бурсуках Митник встретил до 30 саней, переполненных вооруженными ингушами. Предложение Митника — остановиться—не было ими исполнено. Группа ингушей, сойдя с саней, набросилась на Митника и нанесла ему 9 кинжальных ран и одну берданную („Казбек“ от 29/XII 1905 г.).

С жителей Назр. округа администрация взыскала десятилетнее жалование Митника в размере 60 тысяч рублей в пользу его семьи.

-23 декабря начальник Терской области ввел военное положение. Ближайшими обстоятельствами, вызвавшими об'явление военного положения, были: декабрьская забастовка и вооруженное восстание на группах Минеральных вод, широкое аграрное и освободительное движение среди угнетенных горских народов.

Декабрьское вооруженное восстание было наивысшим пунктом революционного движения 1905 года.

Для расправы с революционным движением администрацией организованы были экзекуционные отряды в горскую деревню.

Тюрьмы были переполнены.

Надзор за революционными организациями усиливался.

Начальник Терской области издал обязательное постановление о пользовании оружием: „1) воспрещается всем, кроме тех кому это особо разрешено, иметь и носить при себе огнестрельное оружие, патроны к нему, кинжалы и трости с вделанными в них потайными клинками; 2) продажа огнестрельного оружия и патронов дозволяется только из магазинов и складов, имеющих на право торговли оружием надлежащее свидетельство; 3) огнестрельное оружие и патроны, а равно и другие к ним припасы могут быть продаваемы только лицам, представляющим именное свидетельство на право покупки и

притом в том количестве, какое будет обозначено в свидетельстве 4) ввоз в Терскую область всякого рода огнестрельного оружия, ре; вольверов и припасов к ним воспрещается без особого, каждый раз, разрешения начальника области" и. т. д. („Казбек" от 27/I 1906 г.).

1906 и 1907 годы протекали в условиях развивавшегося наступления реакции.

Продолжались массовые аресты, тюрьмы не вмещали арестованных, сыск за революционными организациями принял самые широкие размеры и усиливался.

В такой политической обстановке и предстояли выборы в Государственную Думу.

К 22 сентября 1905 г. составлен был уже список избирательных участков. Каждый участок должен был созвать сход выборных от селений (по одному на 10 домохозяев), а сходу надлежало избрать из своей среды одного представителя на с'езд отдела или округа. Каждый из этих с'ездов избирал представителей на областной с'езд.

Назрановский округ (23 населенных места с 7644 домохозяевами) разделен был на 6 участков: Сагопш, Средние Ачалуки, Базоркино, Насыр-корт, Плиево и сел. Карт (Хамхинского о-ва).

В 1-ю Государственную Думу по Терской области избраны были: Демиров—от Терского казачьего войска, А. Маслов и Т. Эльдарханов (чеченец, член труд. партии)—от остальной части жителей области; во 2-ю Думу: Горбунов (с.-рев.) и Т. Эльдарханов от невойскового населения, М. А. Караулов—от Терского казачества.

В 1-ю Государственную Думу группа ингушей подала на имя председателя петицию, в которой описываются резко обострившиеся взаимоотношения между ингушами и казаками.

Ближайшим поводом обращения в Думу послужило новое крупное столкновение ингушей с казаками у сел. Яндырка 28 мая 1906 г.

Петиция так описывает столкновение.

Один яндырец, имея в руках лишь зонтик, поехал нанимать рабочих.

Дорогой, в огородах казачьей станицы Троицкой, на него напали казаки и убили.

Лошадь убитого, окровавленная, прибежала домой, и родственники его отправились за телом покойника. „Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Самашкинской, Ассиновской, Нестеровской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, немедленно собрались б совершили нападение на аул Яндырка, отстоящий на расстоянии и-ти верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня.

Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям. Невзирая на донесения начальника 2-го участка

Назрановского округа, власти подоспели лишь на 2-й день. Из Владикавказа выступили баталион пехоты апшеронского полка и пулеметная рота под начальством подп. Попова. В то же время прибыли и 3 сотни казаков под начальством атамана Сунженского отдела ген. Суровецкого. Когда отряд прибыл на место, то, по распоряжению, часть пехоты с пулеметами взобралась на гору, доминирующую над Яндыркой, а другая часть смешалась с казаками и обстреливала Яндырку. Попов,—вместо того, чтобы защищать осажденный и расстреливаемый аул, находясь под влиянием Суровецкого, девиз коего „согнуть в бараний рог горцев", — приказал „громить пулеметами". Аул, как вражий лагерь, был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых и 13 тяжело раненых [1]).

Дети, женщины и старики в ужасе разбежались в соседние леса. Такое отношение власти окончательно убедило нас, ингушей-что нас хотят истребить в конец. Справедливости и защиты нам искать негде. Куда бы мы не обратились, нам говорят: „С казаками мы ничего не можем сделать" (Стенограф. отчет Госуд. Думы. Сессия 1-я).

В связи с Яндырскими событиями группа членов Государственной Думы подала в Думу через члена последней проф. М. М. Ковалевского заявление, в котором, между прочим, было выставлено следующее требование:

„Так как такой образ действий представляет явное насилие над мирными жителями, то мы имеем честь просить вас внести на обсуждение Государственной Думы нашу просьбу сделать запрос г. г. министрам внутренних дел и военному, известно ли им об этих событиях, если известно, то какие меры приняты ими для наказания виновных, для удовлетворения потерпевших и для предупреждения подобных нападений в будущем".

Если председатель мне позволит—сказал М. Ковалевский—то я сделаю дополнительное сообщение. А именно: на мое имя получена сегодня очень длинная телеграмма от уполномоченных ингушского народа. Я позволю себе читать не все, а только то место, которое касается последнего акта насилия, жертвой которого сделался ингушский народ. Оно касается именно нападения на аул Яндырка, которое имело место 23 мая (читает телеграмму):

„Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50 тысяч человек, занимаясь испокон веков земледелием. Весь маленький народ составлял как бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовые деления (?!), привиллегированные и непривиллегированные сословия, управляясь общинными началами. Но после покорения Кавказа, в 60-х годах, невзирая на всю

---

[1]) По др. сведениям, 6 убитых и 30 раненых (см. речь проф. Ковалевского в цитированном „Стенографич. отчете" Гос. Думы).

горячую любовь к России, высказанную нами не раз в трудные исторические моменты, местные власти, охваченные пагубной идеей руссификации края, начали отбирать у нас земли и заселять их казаками. В настоящее время две трети наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, мы должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем, ингушское племя платит ежегодно казакам слишком тридцать тысяч рублей арендной платы. Это ни что иное, как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячелетия. Но, к нашему несчастью, казаки недовольствуются этим. Они, повидимому, окончательно решили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придраться к нам, взыскать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось уплатить в пользу казаков 50 тысяч руб., а между тем, местные власти состоят исключительно из казаков, и областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении.

Особенно энергично подстрекать их стали за последний год, когда освободительное движение, идя из России, захватило светлыми волнами и наши горы. Вследствие подобных отношений к нам властей, и изуверствам и дикости казаков не стало пределов. За истекший год мы должны были вынести со стороны казаков пять вооруженных нападений, приводивших к кровавым, самым возмутительным столкновениям. Последнее столкновение было возмутительно не столько по проявленной в нем со стороны казаков смелости и необузданности, но и по отношению к этому событию местных властей".

Затем идет описание боя у селения Яндырского.

„И вот,—читаем мы далее,—видя впереди себя картину истребления целого племени, испокон веков жившего на родных пепелищах, мы обратили наши взоры к Государственной Думе, к этому фокусу русской народности, и с тяжелым гнетом в груди и горячею любовью в устах молим ее: защити нас, не дай погибнуть маленькому народу, живущему тысячелетия в этих ущельях. Не дай погибнуть как раз в тот момент, когда заря обновленной русской жизни озарила все народности, предвещая надежды на лучшую жизнь, на освобождение от векового рабства и гнета. Мы умоляем сделать запрос кому следует и назначить немедленно следствие по этому делу, потребовав предварительно удаления исполнявшего в момент столкновения должность областного начальника генерала Ржевуского, Попова и Суровецкого".

„Я, в свою очередь,—говорит огласивший петицию член Государственной Думы М. Ковалевский,—могу прибавить, что много лет

тому назад, когда мне пришлось путешествовать по Кавказу, я имел возможность воочию убедиться, как по отношению к ингушскому народу применяются меры, примеры которых можно встретить в отдаленном периоде средних веков. Так, во времена генерал-губернаторства князя Дондукова-Корсакова к ингушам применяема была мера, которая вошла, я думаю, по ошибке, на правах обычая в сборник прав кавказских народностей, изданный профессором Леонтовичем. Эта мера следующая: каждый раз, когда у казака пропадает лошадь или какое нибудь другое имущество, то к ответу призывается весь ингушский народ и на него распространяется начало круговой поруки, которая применялась в родовых общинах только к членам рода, а здесь она распространяется на весь ингушский народ, который в настоящее время представляет цифру довольно почтенную, а именно 50 тысяч человек. Следовательно, если тогда уже администрация позволяла себе делать опыты вроде тех, к которым прибегал Вильгельм Завоеватель по отношению к англо-саксонскому народу в интересах пришлых норманов, то можно судить, какие порядки водворились за последнее время. В полученной в настоящее время телеграмме, которую я здесь прочел, рассказывается и о других действиях. Считают, что это событие в хронологическом порядке будет шестым случаем нападения за один только протекший год, и поэтому ингуши обращаются к Государственной Думе, как единственному якорю спасения. Вот почему, я думаю, мы не можем остаться равнодушными зрителями, что целый аул разбегается, и дети, женщины ищут убежища в лесах. Ввиду этого я просил бы присутствующих членов Государственной Думы поддержать мое ходатайство о признании этого запроса спешным (аплодисменты).

Председатель. Запрос признается спешным. Возражений нет? Запрос признается спешным. Запрос принимается. Возражений нет? Возражающие встают. Запрос принят".

Конечно, принятие Государственной Думой запроса не оказало никакого влияния на ход событий.

Не ограничиваясь прямым непосредственным подавлением революции вооруженной силой, царская администрация прибегала и к другим излюбленным способам разряжения накаленной революционной атмосферы.

Одним из таких способов являлась провокация, не раз приводившая к кровопролитным столкновениям между „инородцами."

Так была организована армяно-татарская резня в Баку.

Об этой провокационной опасности предупреждали левые депутаты Государственной Думы, о ней, в частности, говорил Т. Э. Эльдарханов в заседании Думы от 12 июня 1906 г.

„Господа народные представители! Я—представитель маленьких народностей Терской области: ингушей, кабардинцев, чеченцев, осетин и кумыков. Дело в том, что прошло пол столетия с тех пор, как мы, маленькая кучка народностей, подпали под власть России. Мы надеялись под сенью великой державы отдохнуть, надеялись найти покой и счастье. Наши надежды не оправдались. Каковы же причины ненормальных явлений?. Главная причина та, что мы с первых уже дней присоединения к России очутились в лапах всесильной бюрократии. Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах его, и в деле смягчения нравов и обычаев народа ими не сделано буквально ничего. Поэтому неудивительно, если на Кавказе имеют место разбои, грабежи и убийства, которые тяжелым бременем ложатся на самих же горцев и их соседей русских. Какие же меры принимает администрация для искоренения этих нежелательных явлений? Разоружение мирных жителей, экзекуции, высылки невинных людей без суда и следствия,—вот их меры. А главная причина нежелательных явлений,—отсутствие образования, невыносимое экономическое положение,—их совершенно не интересует. Доложу, что за пятидесятилетний промежуток времени были открыты только две школы для детей полумиллионного населения. Следовательно, ясно, что отцы, попечители наши, в смысле обеспечения покойной и счастливой жизни этих народностей, ничего сделать не могли и не сделали. Все те отрицательные явления, которые совершаются на Кавказе, как то столкновение наций, которые до последнего времени, да и теперь не питают друг к другу никакой вражды, отношения эти—плод провокации наших недоброжелателей, наших отцов бюрократов. До тех пор, пока Кавказ не будет освобожден из плена полицейской бюрократической власти, ждать того, что там не будут иметь места такие печальные явления, как события в Закавказье,—нет основания. Я, как представитель от маленьких народностей, у которых нет культуры, нет, кроме прошлой свободной жизни, ничего для борьбы с темной силой, которая надвинулась на нас, заявляю, что счастье и мир для нас будут тогда, когда нам дадут устроить свою жизнь самим (аплодисменты).“

Предостережение Г. Эльдарханова было небезосновательно. Действительно, спустя год, 23 мая 1907 года, благодаря провокационным действиям местной администрации, произошло столкновение между ингушским селением Базоркино и осетинским селением Ольгинским, в течение многих лет жившими в добрососедских отношениях.

Официальная газета „Терские ведомости“ так описывает это (1907 г., № 114).

„В предобеденное время ингуши большим скопищем напали на жителей селения Ольгинского и стали их грабить. Из ольгинцев

одни в панике бежали из селения, другие же стали защищать себя и свое имущество. В первое время разграблен был дом ольгинского священника, который с семейством очутился в селении Беслан. В нескольких местах селение Ольгинское было подожжено. Местная администрация стала взывать о помощи в Владикавказ и на станцию Беслан. Первоначальную помощь оказал резерв апшеронцев, стоявших для охраны на станции. Под командой поручика Белявского резерв этот, состоявший из 15 вооруженных солдат, отправился в Ольгинское, где им удалось взлезть на колокольню церкви и оттуда первое время отражать нападения со стороны ингушей. Между 4 и 5 часом дня к месту происшествия прибыла конная сотня казаков. В помощь им отправлено было два пулемета и часть апшеронцев. Во время перехода этих воинских частей ингуши продолжали вести ожесточенную перестрелку и, где можно, грабили и увозили верхом и на арбах. В этот промежуток оказались ранеными три нижних чина: два апшеронца и один казак. Раненые, под охраной нескольких человек, во главе с поручиком Белявским, отправлены были на станцию Беслан.

К 8-ми часам вечера в Ольгинском селении насчитывалось до 3-х сгоревших домов, а убитыми и ранеными до 30 человек; тяжело раненые были отправлены в владикавказский военный госпиталь, некоторые же, из легко раненых успели скрыться вместе с женами и детьми в ближайших местах.

К ночи же, когда на Ольгинское селение стали наступать от 3-х до 4-х тысяч ингушей, из Владикавказа были отправлены 2 батареи с орудиями и один баталион.

В нападении ингушей до 10 часов 20 минут ночи был перерыв, а затем они снова возобновили перестрелку.

Тогда принуждены были пустить в ход пулеметы, произошел перекрестный огонь со стороны двух позиций. Областной администрации дано было знать, что пулеметный огонь не достигает цели, а необходима артиллерия.

В 11 часов ночи еще шла перестрелка, а в полночь уже все стихло.

В Ольгинском оказалось до 10 сгоревших домов; были трупы убитых ингушей, которых родственники клали на арбы и увозили в аул.

Очевидцами массового движения на ольгинцев были и некоторые из пассажиров, ехавших с поездом железной дороги. Очевидцы рассказывают, что, начиная от раз'езда Яндырка Влад. ж. д. и до селений Базоркинского и Ольгинского тянулись вереницы вооруженных ингушей; одни из них следовали на арбах, другие верхами, было много и пеших. Часть ингушей около селения Базоркино находилась в окопах, откуда, главным образом, они и производили стрельбу по ольгинцам и войскам до часа ночи. В 10-м часу утра на раз'езд До-

лаково Влад. ж. д. прибыл санитарный вагон для приема и отправки раненых."

Газета приводит и обстоятельства, предшествовавшие столкновению.

„К взаимной вражде послужило поводом столкновение еще на пасхальной неделе между двумя соседями ингушами и осетинами. Тогда были покушения на убийство с обеих сторон, при чем у одного убитого ингуша было отрезано ухо. После первого столкновения обе стороны вели переговоры о перемирии, но не пришли ни к каким благоприятным результатам; как говорят, ингуши требовали очень большой откуп и предложение их было отвергнуто осетинами. Затем, не раз после того, были и другие столкновения между теми и другими. Утром же 23 мая ингуши и осетины вновь поссорились между собой из за скота, зашедшего на осетинские посевы.

После этого случая на базоркинской мельнице, принадлежавшей Таиб-хаджи Тангиеву, было совершено убийство его сына, как говорят, ружейным выстрелом, произведенным со стороны осетин. При таких условиях становилось уже совсем трудным определить, „кто прав и кто виноват".

Если корреспонденту „Терских ведомостей" трудно было найти виновника происшествия, то для нас несомненно, что ольгинско-базоркинское столкновение явилось результатом провокационной деятельности областных и окружных властей.

Провокаторы убеждали жителей сел. Базоркино в том, что они не должны оставаться спокойными зрителями совершившегося убийства базоркинца и оскорбления, выразившегося в глумлении над трупом. Взвинченные таким образом базоркинцы напали на ольгинцев.

Развеять последние, но все еще грозные тучи революционной бури, направить в другое русло революционную энергию трудящихся крестьянских масс Ингушии и Осетии—такова была цель кровавой затеи властей Терской области, организовавших ольгинско-базоркинское столкновение.

Сюда же нельзя не отнести и набор администрацией стражников из невежественной части чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев для подавления революционного движения и для защиты помещичьей собственности.

С протестом против вербовки стражников выступил в Государственной Думе депутат Т. Эльдарханов.

„Административные агенты,-говорил он,-увлекают темный чеченский народ перспективой блестящего будущего, нанимают их в число стражников, которым сулят чины, ордена, почет, и отправляют на

службу". „Свободолюбивые горцы ничего общего не имеют с горстью несчастных сыновей своих, по неведению играющих позорную роль черносотенцев". „Я имею сведения о том, как один из важных административных чинов области говорил напутственное слово ингушской черной сотне, как будто она шла против турок. Я думаю, что русский народ, по крайней мере, сознательная часть его, не перенесет вину нескольких негодяев среди горцев на весь чеченский, ингушский и осетинский народы. Это было бы равносильно тому, если бы за черную сотню и за погромщиков стал отвечать весь русский народ." „Мы заявляем перед Государственной Думой протест против незаконного пользования невежественными и темными чеченцами и просим энергичного и немедленного представления запроса, кому следует, с чьего ведома правительственные агенты вводят в заблуждение чеченский народ, суля ему знаки отличия, почетную службу, чинопроизводство, а в действительности готовят из них погромщиков для мирных русских граждан". „Крестьяне возмущены действиями стражников чеченцев, ингушей и осетин" (Заседание Госуд. Думы от 23 июня 1906 г. Стенографический отчет. 1-я сессия, стр. 694).

Однако, протесты Государственной Думы не могли, разумеется, изменить общего курса политики, взятого царским правительством.

Если для основной массы ингушского крестьянства способами борьбы за освобождение от экономического и политического гнета являлись абречество и др. революционные действия, то кулачество, эксплоатировавшее трудящиеся элементы деревни, но недовольное в то же время привиллегиями казачества в земельном и политическом отношениях, тянуло крестьянство на путь мирных переговоров с теми или другими органами царской власти.

Многочисленные петиции,- подававшиеся представителями сельской буржуазии главноначальствующему гражданской частью на Кавказе ген. Мартынову, командированному на Терек для выяснения причин грабежей и разбоев, начальнику Терской области и др.,—имели в виду мирным путем разрешить наболевшие вопросы, найти общий язык с властью, как нибудь сторговаться с ней.

Подписавшие от имени ингушского народа петицию в первую Государственную Думу принадлежали по своему социальному положению к сельской буржуазии, и неудивительно, если они полагали возможным разрешить выдвинутые ими вопросы парламентом или, как называли его некоторые в то время, „Думой народных надежд".

Помимо посылки запросов в Государственную Думу и вручения прошений на имя различных начальствующих лиц,—ингушская буржуазия принимала участие во всякого рода „примирительных" комиссиях (ингуше-казачьих), бесплодные результаты „деятельности" которых несколько напоминают в миниатюре итоги работ современных европейских „комиссий по разоружению".

После поражения на передовых фронтах революции началось и на Тереке отступление революционных сил.

Получили широкое распространение репрессии.

Введено было военное положение. Учреждены были военно-полевые суды, огнем и мечем прошли по области карательные отряды, участились контрибуции, обыски, аресты, высылки.

Воцарилась и пускала корни реакция.

Политика „разделяй и властвуй" стала проводиться в жизнь еще шире, чем прежде.

Царская администрация вербовала стражников из невежественных, обманутых горцев для защиты дворянских гнезд в центральной России.

Наконец, чтобы разрядить революционное настроение масс, чтобы рассеять последние тучи революционной бури,—местная царская администрация прибегла к очередной провокации—к организации базоркинско-ольгинского сражения.

Революция 1905 года была разбита.

Причины поражения: недостаточная политическая зрелость пролетариата, неполный охват крестьянства пролетарским руководством, помощь царизму со стороны иностранной буржуазии.

Революция 1905 года потерпела поражение, но опыт ее, тем не менее, имеет громадное политическое значение.

Революция—говорит Ленин—убедила массы в том, что „недостаточно подорвать, ограничить царскую власть, ее нужно уничтожить."

„В революции 1905 года все классы выступили открыто, они показали себя на деле, обнаружили, каковы их настоящие стремления, за что они могут бороться и насколько сильно, упорно. энергично они способны бороться."

Рабочий класс в революционной борьбе 1905 года выдвинул большевиков как свой авангард, который довел пролетариат через годы реакции и войны до Октябрьской победы и обеспечил тем победное строительство социализма в нашей стране. Вот почему Ленин и называл революцию 1905 года „генеральной репетицией революции 1917 года" (Тезисы к 25-летнему юбилею революции 1905г. Культпроп ЦК ВКП (б). Институт Ленина. ОГИЗ. 1930 г.).

Революция 1905 года оказала сильное влияние на развитие революционного движения на Западе и на Востоке. „Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы, и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо."[1])

---

[1]) В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года.

VI

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Выделение Ингушии из Сунженского отдела и учреждение Назрановского округа.—Комиссии по рассмотрению аграрного вопроса.—Земельный вопрос на Тереке в I и II Госуд. Думе.—Завершение работ Абрамовской земельной комиссии (1908) и основные положения исследования комиссии.—Междуведомственные совещания, комиссии и действительность.—Территория, административное устройство, население Ингушии.—Посевы и урожаи хлебов.—Огородничество, бахчеводство, садоводство.—Низкая земледельческая техника.—Животноводство.—Фабрично-заводская промышленность.—Развитие торгового капитала.—Бюджет Назрановского округа.—Рост недоимок.—Крестьянские массы в кабале у казачества, землевладельцев и ростовщиков ингушей.—Беспросветная нужда, политическое угнетение масс и рост абречества.—Зелимхан, Соламбек Гараводжев и др. абреки.—Охотничьи отряды для борьбы с абречеством.—Безуспешная борьба с абречеством.—Под'ем стачечного движения и политич. под'ем в России (1910).—„К новой борьбе, навстречу новой революции".—Увеличение числа забастовок.—Усиление абречества.—Разгром Зелимханом царского отряда в Ассиновском ущельи.—Зелимхан и Ингушия.—Разрушение царской администрацией инг. аулов Нелх и Ерш.—В связи с этим запрос Гос. Думы наместнику на Кавказе.—С'езд „почетных людей" Ингушии по борьбе с кражами, грабежами и разбоями.—Углубление антагонизма между казачеством с одной стороны и чеченцами и ингушами с другой.—Травля чеченцев и ингушей казачьими деятелями.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Без земли, без азбуки, без агрономической и медицинской помощи, без дорог.

В революционной борьбе 1905 г. Ингушия получила возможность выделиться из казачьего Сунженского отдела.

Это было еще в августе 1905 г.

Наместник на Кавказе,—как сообщали тогда газеты—„ввиду выяснившейся необходимости выделения" ингушей из Сунженского отдела, предложил Терскому областному правлению рассмотреть в общем присутствии его этот вопрос и „войти с немедленным представлением об образовании отдельного Ингушского округа с местопребыванием управления округа в местечке Назрань"(„Казбек" от 25/VIII 1905 г., № 2286).

В первых числах сентября того же года учрежден был Назрановский округ.

Управление им перешло в руки тех же царских администраторов, которых мы видели в Ингушии и раньше.

„Согнуть в бараний рог" ингушей—такова была их мечта, которую они пытались в своей повседневной деятельности претворить в действительность.

Вокруг начальника округа группировались кулачество, торговцы, муллы, в состав управления округа входили на должностных ролях мироеды, знавшие местную хозяйственно-политическую обстановку, хорошо разбиравшиеся в классовой структуре деревни и являвшиеся ценными слугами царизма по угнетению широких трудящихся крестьянских масс.

Что касается целого ряда других кардинальных проблем хозяйственной и политической жизни Ингушии, среди которых первое место занимал аграрный вопрос, то они не только не были разрешены, но в дальнейшем предстали в еще более обостренной форме.

Учитывая необходимость „успокоения" трудового крестьянства и „поддержания в крае общественного покоя", а также определения прав крупных землевладельцев, кавказская администрация на протяжении десятилетий создавала, ликвидировала и вновь учреждала различные комиссии.

По распоряжению наместников на Кавказе Воронцова и Барятинского в пятидесятых годах XIX века были учреждены для определения личных и поземельных прав горского населения Терской области—особые комиссии и комитеты: две межевые комиссии: осетинская и чеченская и два комитета—кабардинский и кумыкский.

О неудовлетворительной деятельности этих комиссий и комитетов указано в распоряжении по Терской области командующего кавказской армией: „По случаю недостатка единства, замеченного в действиях разновременно учрежденных в Терской области комитетов и комиссий для разбора личных и поземельных прав туземцев, в 1863 году все эти комитеты и комиссии были упразднены и взамен их учреждена общая для всей области поземельная комиссия.

Благодаря деятельности этой комиссии, руководимой начальником Терской области генерал-ад'ютантом Лорис-Меликовым, а отчасти и тем данным, которые были собраны прежними комитетами и комиссиями, представилась уже возможность приступить к составлению подробных проектов поземельного надела и затем к осуществлению их".

Сословно-поземельная комиссия, через окружных начальников и своих членов, собирала на местах сведения о численности населения, о лицах, заслуживающих получить наделы на праве частной собственности, благодаря личным заслугам или заслугам отдельных членов фамилии в силу сословных привилегий и других оснований.

В 1871 году военно-народные управления Терской и Кубанской областей были преобразованы, сословно-поземельная же комиссия бы-

ла упразднена, при чем осталась часть ее под наименованием „сословной комиссии".

Деятельность сословно-поземельной комиссии охватила только плоскостную часть Терской области.

Крайнее малоземелье жителей нагорной полосы и связанный с ним рост недовольства широких крестьянских масс вызвали организацию новой комиссии, которая приступила к своим работам в 1906 году.

Приказом по Кавказскому военному округу от 18 апреля 1906 года главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, по соглашению с военным министром, образовал в Владикавказе комиссию для разрешения вопроса о землеустройстве населения нагорной полосы Терской области, под председательством юрисконсульта при военно-окружном совете военного округа дейст. стат. советника Абрамова, в составе 6 членов (т. н. „Абрамовская комиссия").

Согласно утвержденной главнокомандующим 9-го декабря 1905 года инструкции на обязанности комиссии возлагалось:

1) а) подробное исследование видов существующих в нагорной полосе Терской области и карачаевского народа Кубанской области землевладения и землепользования, их правовые, обычные и иные основания; б) выяснение того, какие существуют в названных выше местностях земельные споры и в) исследование степени земельного обеспечения населения находящимися в его пользовании земельными угодиями, а равно пригодность для такого обеспечения свободных земель и лесов.

2) Перечисленные в параграфе 1 исследования на местах производятся по программе, выработанной коллегиальным постановлением комиссии. Программа эта имела в виду исследование, главным образом, следующего: а) племенного состава и численности населения каждой народности; б) форм землевладения (подворная, общинная, смешанная и так называемые „родовые участки"); в) правовых, обычных и иных оснований, а также распоряжений и мероприятий правительства, определяющих эти формы землепользования; г) степени влияния топографических и климатических условий на формы землепользования; д) экономического положения населения и степени обеспеченности последнего существующим землепользованием; е) топографического положения степени доступности для населения близ лежащих свободных земель и лесов, распределения в них угодий и степени пригодности последних по местным условиям к тому или иному виду сельско-хозяйственного пользования и ж) количества и характера существующих земельных споров. Выработанная программа комиссии представлена была через окружной штаб на утверждение главнокомандующего.

На основании результатов исследований, изложенных в параграфах первом и втором, комиссия должна была составить проекты: а) положения о том, какие права должны быть признаны за сельскими (аульными) обществами, отдельными членами этих обществ, а также за частными лицами, не принадлежащими к составу последних, на находящиеся в их владении земли, б) положения о том, какие из существующих и могущих возникнуть при земельном устройстве споры подлежат отнесению к ведению общих судебных установлений и какие—разрешению общего присутствия областного правления и в) правил о производстве работ по земельному устройству, обеспечивающему население в земельном отношении, и о формальном отмежевании всех земельных владений нагорной полосы Терской области и в пределах земель карачаевского народа Кубанской области.

Комиссия приступила к работам в середине 1906 года.

Между тем, о земельном вопросе на Тереке говорили в первой Государственной думе члены ее от невойскового населения Терской области—А. Маслов и Т. Эльдарханов.

Туземцы, состоящие из чеченцев, кабардинцев, кумыков, ингушей и других, находятся у нас в ужасном состоянии,—заявил Маслов в заседании Государственной думы от 5/VII 1906 г. „Земельный вопрос у них самый острый. Вы представьте себе туземца, аборигена нашей Терской области, который имеет приблизительно половину, треть, пятую, десятую и т. д., все меньшую и меньшую часть десятины земли. Если вы спросите чеченца, сколько он имеет земли, он скажет, что у него земли столько, сколько помещается под его буркой, а цена земли, занимаемой лежащей коровой, такая же, как и цена коровы. Такое положение туземцев заставляет невольно подумать, каким образом они могут еще существовать“ (Стенографический отчет 1-й Госуд. думы. Том II-й, стр. 992).

Но оратор—член партии народной свободы (кадетов)—указал при этом, что „добывая политическую свободу, эта партия не может улучшить вообще материального положения всех жителей, потому что они и сами не признают себя истинными избранниками народа.“

Таким образом, Маслов, отмечая обострение земельного вопроса на Тереке, в связи с сосредоточением большого количества земель у казачества, не подчеркнул вместе с тем наличия в области крупных землевладельцев, кулаков (которые вряд ли „питались чрезвычайно ограниченно,“ „исключительно кукурузными лепешками, которые сами пекут“).

Мало того, Маслов откладывал разрешение аграрного вопроса до того момента, когда избрание истинных представителей народа произойдет на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Другой член первой Государственной думы Т. Эльдарханов в цитированной нами уже речи по поводу набора стражников из горцев, резко заявил, что „власти обездоливают кавказских горцев в отношении земли“ (заседание Думы от 23 июля 1906 года).

Первая Государственная дума была распущена.

В начале 1907 года состоялось избрание второй Думы. Усиление правительственных репрессий не могло не отразиться на ее составе.

Увеличилось количество реакционеров. Выросло и левое крыло. Крупный успех на выборах одержали социал-демократы.

II Дума заседала уже в совершенно другой политической обстановке, чем первая. „Если вокруг I Думы бурлило волнение крестьянства, давая основание рассчитывать на то, что народные массы могут выступить в защиту ее в случае разгона, то во время II Думы упадок революционного движения давал себя знать значительно сильней. Отчасти поэтому тактика кадетов, которые во II Думе спекулировали на массовом движении, иногда не стеснялись выступать на словах против правительства, была совершенно другой во II Думе; она вся выражалась в лозунге *„беречь Думу во что бы то ни стало“*. Во имя этого лозунга кадеты готовы были на какой угодно компромисс с правительством“. „Чем дольше жила II Дума, тем все в большей и большей степени удавалось большевикам привлекать на свою сторону крестьянские элементы и вообще левое крыло Думы против кадетов. Однако, эта тактика была затруднена тем, что *большинство социал-демократической фракции составляли меньшевики*, имевшие поддержку ЦК; они являлись сторонниками соглашения в первую голову с кадетами, с либеральной буржуазией, а не с крестьянством. Между прочим, даже в полном составе левое крыло II Думы не составляло абсолютного большинства. В решающие моменты жизни II Думы правокадетское большинство всегда подавляло левый блок.“[1])

Во II-ю Государственную думу по Терской области избраны были: от казачества М. А. Караулов (монархист), от остального населения Т. Эльдарханов (трудовик) и доктор Горбунов (социалист-революционер).

Во II-й Государственной думе Эльдарханов произнес речь по аграрному вопросу.

Ссылку на эту речь мы находим в труде В. И. Ленина„ Аграрная программа с.-д. в первой русской революции“: „Эльдарханов от имени своих избирателей—туземцев Терской области—ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса (32 зас., 16 (3) мая 1907 года, с. 78), а

---

[1]) Н. Н. Попов. Очерк истории ВКП (б). Вып. 1-й. Партиздат. 1932 г.

расхищает земли правительство, отбирая лучшую часть нагорной полосы, грабя земли кумыкского народа, заявляя претензию на недра земли". [1])

В речи, на которую ссылается В. И. Ленин, Эльдарханов заявил следующее:„ Из речей, раздававшихся справа, нетрудно сделать вывод, заключающийся в полном отрицании земельного голода крестьян и защите только имущих классов и их привилегированного положения. Я на этом взгляде не буду останавливаться. Левые фракции отрицают всякую частную собственность на землю и устанавливают принцип: вся земля без выкупа, без вознаграждения должна перейти к крестьянам. Такое отношение к земельному вопросу много говорит крестьянскому народу, но вопрос об оказании простой земельной помощи им отодвигается в туманную даль. Принципу, выставляемому ими, сочувствуют многие из членов Государственной думы, сочувствую и я, но одного сочувствия мало, нужно верить в возможность проведения в жизнь земельной реформы в таком широком масштабе. И едва ли я ошибусь, если скажу, что этой веры нет даже у тех, которые вносят этот принцип.

Между тем, безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им в их острой земельной нужде требует, чтобы мы не увлекались теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым при существующих условиях.

Я позволю себе сказать здесь несколько слов относительно тяжелого экономического положения моих избирателей, туземцев Терской области.

Вся область делится на две части: на плоскостную и на горную. В плоскостной части острую земельную нужду испытывают чеченцы и и ингуши, имеющие на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли, считая в том числе и неудобные. Но трудно себе представить более худшие условия, какие имеются на лицо в нагорной полосе области. Насколько велики пространства земли, годной для обработки в этой части области, можно судить по следующим данным: „на территории, занятой горскими обществами Нальчикского округа, другой земельной меры не существует, кроме следующих: „кулач"—2 - $2^1/_2$ арш.; „алк-узун"—длина ступни ноги; „таш-орун"—место под одним камнем, „черен-орун"—пахотное место, дающее одну копну хлеба, „чебен-орун"—место, дающее одну копну сена. Эти кусочки пахотной земли, чрезвычайными усилиями человека обращенные в культурную землю, недостаточны для прокормления населения. Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге полуголодное существование на

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., т. XI, изд. 3-е, стр. 482.

кукурузном или ячменном хлебе. Это при упорной работе круглый год, так как у туземцев в году всего два-три праздника. Единственное занятие, которое возможно здесь,—это скотоводство, но для этого нужен простор земли. Еще в 60-х годах главнокомандующий кавказской армией великий князь Михаил Николаевич обратил внимание на острую земельную нужду туземного населения в Терской области. Им был предпринят ряд мер к улучшению экономического положения их, но, к сожалению, все это не дало населению осязательных результатов, а, наоборот, впоследствии, в 80-х годах, территория туземцев подверглась уменьшению. Так, лучшая часть нагорной полосы области, занятая лесами и лесными полянами, отобрана под предлогом того, что туземцы неправильно пользуются лесами; далее, в 60-х годах, что видно из официальных документов, которые я имею, князья кумыкские добровольно уступили половину всей своей земли, прося правительство, чтобы другую половину укрепили за ними на правах собственности и выдали документы. Князьям и узденям документы на право собственности были выданы, что же касается другой части—о признании этого права собственности за крестьянами, то она и по сие время остается открытой, и местные власти, пользуясь разными предлогами и причинами, заселяют на их собственных кумыкских землях пришлый элемент, нисколько не стесняясь их правом на эти земли.

Тяжелое положение туземцев усугубляется разными штрафами, взимаемыми с населения за преступные деяния отдельных лиц, и тем обстоятельством, что горными пастбищами они могут пользоваться только три-четыре летних месяца, а затем они должны гнать скот на казачьи и частно-владельческие земли, арендуемые ими за неимоверно высокую цену.

Туземцы все время продолжают говорить о земельной нужде и не пропускают случаев приезда начальствующих лиц, но голос народа уподобляется „гласу вопиющего в пустыне".

Для полноты картины необходимо заметить следующее. В последнее время разные предприниматели в горах стали находить признаки ценных руд. У населения явилась надежда на безбедное существование в своих горных трущебах, но последовало быстрое разочарование. Правительство заявило свою претензию на эти недра земли, сказав: „земля вам принадлежит, но мы вам заплатим только за порчу поверхности, а недра и богатства, находящиеся внутри земли, принадлежат казне." Фактически землею владеют горцы-туземцы; никто у них этого права не оспаривает. Казалось бы, и вопрос о недрах решается сам собой. Но, во всяком случае, если этот вопрос и является спорным, то надо было бы выждать время, пока он выяснится.

И вот теперь, от имени моих избирателей-туземцев Терской области, я ходатайствую, чтобы расхищение этих природных богатств

было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса.

Ввиду того, что издание земельного закона затянется на долгое время, а нужда на местах так сильна, и чтобы хоть несколько скрасить их жизнь, необходимо вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены. Что же касается условий пользования землей, то мы должны и будем отстаивать принцип общинной собственности.

Я кончаю свое слово указанием на то, что живое дело аграрной реформы должно быть перенесено на места и отдано в руки местных земельных комитетов. Но для того, чтобы последние сыграли должную роль и разрешили бы аграрный вопрос во всей его широте и в духе принципов, которые будут установлены Государственной думой, необходимо предпослать этой реформе местное самоуправление и узаконить основные свободы."

Абрамовская комиссия закончила свои работы в конце 1908 года и 3-го февраля 1909 года представила печатные „Труды" начальнику Терской области.

Основные положения исследования комиссии сводились к следующему.

1) Топографические и климатические условия отдельных местностей нагорной полосы, в общем, мало отличаются друг от друга; высокие хребты с альпийской растительностью, глубокие ущелья с весьма ограниченными количествами земель, годных под культуру хлебных злаков, суровый и влажный климат наверху гор, умеренный и теплый внизу ущелий и долин—все это, в совокупности, за малым исключением, создало одинаковые формы землепользования, выразившиеся: первое,--в одинаковых способах ведения сельского хозяйства и, второе,—в подворном и общинном (смешанном) владении.

2) Владение землею на всем протяжении нагорной полосы за исключением крупного землевладения частных лиц в местностях, где существовал сословный строй, по искони сложившимся в каждом племени обычаям, заключает в себе все элементы права собственности, указанные в законах, т. е. владение, пользование и распоряжение, при чем последнее распространялось на земли общественные.

3) Такое право, основаниями которого послужили первоначальные заимки и захваты, выразилось в различных формах—соответственно различного отношения населения к земле: все угодья, как то: пашни, сады, огороды и некоторые покосы, требовавшие предварительных усиленных трудов горцев для обращения их в культурное состояние, становились собственностью отдельных лиц или двора,-подворное владение; другие же угодья—по свойству их эксплоатации не дробились, как то выгоны, пастбища и леса,—потому обращались в собственность и в разных частях нагорной полосы имеют свои особые

подразделения: общинное пользование, наподобие русской общины, и общее пользование отдельных фамилий и родов.

4) Все население нагорной полосы крайне мало обеспечено землею; степень обеспеченности колеблется в обществах и в отдельных селениях неодинаково, что можно видеть из статистических сведений и пояснительных к ним текстов.

Несмотря на то, что правительственная комиссия, под председательством Абрамова, установила крайнее малоземелье в нагорной полосе Терской области, в частности, в нагорной Ингушии,—администрация, тем не менее, ничего не предпринимала в отношении удовлетворения землей малоземельных и совсем безземельных крестьян (не все население нагорной полосы—как утверждает комиссия,—„крайне мало“ было обеспечено землей).

Дело о землеустройстве населения нагорной полосы переходило из одной инстанции в другую.

Под председательством помощника наместника по военной части в Тифлисе, с перерывами, в течении 1909, 1910 и 1911 г. г. работало междуведомственное совещание, в итоге деятельности которого появился законопроект о землеустройстве в нагорной полосе Терской области и в Карачае Кубанской области.

Законопроект направлен был в Петербург для обсуждения в междуведомственном совещании, а потом—в Государственной думе.

Весьма интересным документом является отношение начальника Терской области ген. Михеева на имя начальника штаба Кавказского военного округа. Документ этот относится к 1910 году и ярко рисует земельный кризис в крае: „Поземельный вопрос горцев земельной полосы Терской области, начало которого восходит к 60 годам прошлого века, протекает крайне медленно, тянется уже на протяжении полстолетия и до настоящего времени не имеет благоприятного исхода.

Горцы нагорной полосы в долгом ожидании своего земельного устройства с большой завистью взирают на своих единоплеменников-плоскостных туземцев, уже десятки лет устроенных в земельном отношении. Худо ли, хорошо ли это устройство, однако, они в сфере земельного быта живут спокойно, без всяких недоразумений, тогда как горцы нагорной полосы находятся в условиях постоянной тревоги, постоянного опасения за участь своих земель, что является результатом полной неопределенности отношения их к земле и земельной необеспеченности, а слишком большие оттяжки землеустройства, несмотря на постоянное ходатайство об этом горского населения, вселяют в нем недоверие к русской власти“. „На все ходатайства о землеустройстве, о наделении землею, о разрешении поземельных споров и т. п. горцы от администрации получали один стереотипный ответ: будет комиссия —и она разрешит все поземельные вопросы.

В 1905 году его сиятельству главнокомандующему благоугодно было учредить землеустроительную комиссию под председательством действительного статского советника Абрамова. Горское население воспрянуло духом, оно встретило учреждение комиссии с большим энтузиазмом, справедливо полагая, что, наконец, после полувекового ожидания, правительство пришло к нему на помощь, приступив к окончательному устройству его земельного быта; к сожалению, после окончания деятельности комиссии, разочарование горцев было полное.

Комиссия, подробно исследовав земельный вопрос на местах, обнародовала проекты: 1) о земельных правах горцев, 2) о направлении поземельных споров, 3) о размежевании владений и 4) об обеспечении горского населения землею.

Признание комиссией всех земель нагорной полосы казенными и постановление ее об отобрании земель у частных владельцев, в корне и радикально перестраивающие многовековый земельный быт, не только не внесли успокоения, но, наоборот, вызвали в народе жгучее возбуждение. Обилие прошений, ходатайств, докладных записок, протестов и т. п., поданых как в самую комиссию, так и на имя главнокомандующего, начальника окружного штаба и на мое имя, а равно депутатция от горцев Терской и Кубанской областей, лично просившая главнокомандующего об отмене постановлений комиссии, наглядно свидетельствуют о возбужденном состоянии умов горцев-общинников и частных землевладельцев.

Постановление комиссии по отношению частного землевладения явилось тем горючим материалом, который в глубине гор тлеет и, от времени до времени, вспыхивает в виде насильственного отбирания общинниками земель у частных владельцев или в виде ожесточенных споров между собой". „Горцы знают, что выработанные во Владикавказе проекты не окончательны и должны подвергнуться рассмотрению в Тифлисе. И действительно, особым совещанием, происходившим под председательством г. помощника наместника по военной части генерала от инфантерии Шатилова, проекты значительно изменены.

Постановление тифлисского совещания горскому населению неизвестно.

Вот эта то неизвестность усиливает возбуждение и тревогу горцев за свое земелыное благополучие".

„Озабоченный вопросом водворения спокойствия среди горцев, устранения причин, порождающих в умах их волнение, возбуждение и аграрные беспорядки и, отчасти, парализовать уголовные действия ингушей и других туземцев, я питаю уверенность, что достигнуть этого можно путем скорейшего разрешения поземельного вопроса нагорной полосы, обнимающей 1.309.600 дес. (12592 кв. в.) с населением в 187.193 души обоего пола.

О вышеизложенном прошу ваше превосходительство доложить его сиятельству главнокомандующему и сообщить мне о положении дел по землеустройству жителей нагорной полосы вверенной мне области, а, если возможно, и содействовать скорейшему разрешению этого вопроса чрезвычайной важности. Начальник Терской области и наказный атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Михеев" (Дело Горск. отд., 2-го стола, штаба Кавк. воен. округа, по описи № 6).

В 1914 году законопроект остановился в своем движении в одной из комиссий Государственной думы.

Десятилетиями тянувшиеся, при старом строе, попытки разрешить аграрный вопрос оказались безрезультатными. Вопрос этот решительно выдвинула Октябрьская революция, при чем к окончательному разрешению его приступлено было в 1920 году, после разгрома Добровольческой армии и восстановления власти Советов в крае.

Переходя к общему хозяйственному и культурному состоянию Ингушии в период между двумя революциями, мы должны отметить, что имеющиеся по этому вопросу материалы чрезвычайно скудны и по качеству своему оставляют желать лучшего. [1])

Архивы Назрановского округа и Терского областного статистического комитета,—откуда можно было бы почерпнуть ценные сведения по целому ряду интересующих нас вопросов и за многие годы (1905-1917),—погибли во время гражданской войны на Тереке.

Остаются для использования пока „Терские календари", на данных которых мы будем останавливаться в дальнейшем изложении (говорим „пока" потому, что еще не завершена работа по приведению в порядок Об'единенного горского исторического архива, в котором частично, быть может, встретятся материалы, проливающие свет на рассматриваемый вопрос).

Общая земельная площадь Назрановского округа определена была в 170. 937 га, при чем из них:

		% всей площади
118.326	удобной	69,9 уд.
30.264	леса	17,7 леса
22.347	неудобной	12,4 неуд.

Удобной земли на душу приходилось в 1910 г.—4 га (в 1915 г.—3,82 га), в то время как в Кизлярском отделе—9 га, в Пятигорском—12, 7 га, в Моздокском—7,1 га, в Сунженском—25,2 га.

---

[1]) Насколько цифры „Терских календарей" подозрительны,-об этом можно судить, напр., по таким „данным": по Назрановскому округу, в разделе „Скотоводство", неизменно значится 20 свиней в течение 1910, 1913, 1914 и 1915 годов.

Ставка начальника Назрановского округа находилась в поселке Назрань, начальника 1 участка округа—в Пседахе, 2-го—в Назрани 3-го—в Владикавказе.

В Назрани же находился горский словесный суд.

Население округа почти исключительно состояло из ингушей.

Рост численности ингушского народа виден из следующих данных:

1906 г.	1910 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
51.200	54.788	57.502	58.594	59.571

Основным занятием жителей являлось попрежнему сельское хозяйство.

Сведения о посеве и урожае хлебов приведены в нижеследующей таблице, в которой показаны: общая площадь запашек, абсолютные количества посеянных и собранных хлебов и относительное количество их, приходящееся на наличную душу населения и на га распаханной земли.

Годы	Распахано под посевы га	Посеяно		Собрано		На 1 га приход.	
		Тонн	Приход. на душу (кгр.)	Тонн	Приход. на душу (кгр.)	Посеян. хлебов (кгр.)	Собран. хлебов (кгр.)
1906	31192	2516,0	43,1	35422,2	682,8	79,7	1135,5
1908	30743	2056,2	30,1	34392,1	646,7	60,1	706,9
1910	39603	2716,8	45,1	52599,5	962,6	60,1	1323,5
1913	45997	4373,7	78,2	76998,6	1338,6	94,8	1669,4
1914	46408	3860,7	60,2	80037,7	1383,7	82,7	1717,6
1915	42003	3721,6	63,2	51540,7	875,3	88,7	1227,3

Площадь посева в связи с империалистической войной 1914 года стала сокращаться; то же мы наблюдаем и в отношении собранного урожая.

В Терской области преобладали яровые хлеба, при чем первое место среди них по занимаемой площади принадлежало кукурузе, употреблявшейся преимущественно как корм для скота и имевшей, кроме того, широкий сбыт в качестве технической культуры (для переработки в спирт, крахмал и пр.).

Плодородная почва плоскостной Ингушии долгое время выдерживала беспрерывные посевы кукурузы без чередования ее с другими культурами, без промежуточных годов отдыха и пара, но земля постепенно истощаясь, давала чаще всего низкие урожаи (средняя урожайность кукурузы за 1905-1914 гг.—10,7 цент., тогда как в 1931 г. —18 цент.).

В северной части Ингушии — с каштановыми и солонцеватыми почвами население начало вводить в севооборот озимую пшеницу и оставлять некоторую долю пашни под парами; в южных селениях с черноземными мягкими почвами единственным полевым хлебом осталась кукуруза, возделываемая чаще всего без отдыха.

В 1916 году соотношение полевых культур было таково:

Кукуруза	92,3
Подсолнух	6,1
Озимая пшеница	0,3
Просо	0,9
Картофель	0,3
Бахчи	0,1

Таким образом, Ингушия являлась кукурузным районом в течение многих лет. Что касается огородничества и бахчеводства, то первое имело тенденцию к росту, второе же играло совершенно незаметную роль в хозяйстве Ингушии.

Огороды столовых овощей и зелени представляли весьма прибыльную статью дохода, особенно в пригородных поселениях.

Заметно было развитие промышленного огородничества вообще и культуры картофеля в особенности.

Годы	Посеяно		Собрано		Приход. урожая на каждую душу (в кгр.)
	Картофеля и др. овощей		Картофеля и др. овощей		
	Тонн	На гек-х	Тонн	Урожай сам	
1906	109,1	189	916,6	8,4	13,8
1908	230,9	167	2521,2	10,9	41,5
1913	195,2	214	5821,8	29,0	96,8
1914	5,5	64	138,7	24,0	77,7

Как видно из приведенных данных, война резко ухудшила состояние огородничества в Ингушии, значительно сократив посев и сбор картофеля и др. овощей.

Цифровые данные о положении садоводства приведены в таблице:

Годы	Число фрукт. садов	Площадь фрукт. садов в га	Собрано		Продано		Всего продано на сумму (в руб.)
			Фрукт	Ягод	Фрукт	Ягод	
			В тоннах		В тоннах		
1906	92	88	19,4	3,2	10,9	—	1382
1908	73	59	10,6	—	4,5	—	388
1913	75	101	290,1	—	180,3	—	13850
1914	75	101	72,1	—	49,1	—	8050

Почвенные, климатические и пр. условия, в которых находится Ингушия, весьма способствуют развитию садоводства. Однако, в общем, оно не имело в экономике Ингушии важного значения. Сельское население, за небольшим исключением, занималось культурой плодовых деревьев в пределах своих домашних потребностей.

Количество фруктовых садов, площадь их и сумма оборота говорят нам о том, что садоводство имело здесь крайне незначительные размеры.

Скотоводство в Ингушии являлось наряду с земледелием важнейшей отраслью сельского хозяйства.

Состояние скотоводства по годам может быть иллюстрировано нижеприводимыми данными:

ГОДЫ	Лошадей, ослов и мулов	Крупн. рогат. ск. и телят	Овец и коз	Всех домашних животных приходится		
				Число	На 100 душ населения	На 100 га
1906	12782	46944	87010	146736	280,5	—
1908	13519	43663	83448	140630	263.9	82,3
1910	14052	38977	73607	126636	230,7	74,0
1913	19056	43199	120628	182883	319,1	107,0
1915	1394	36240	91327	142008	241,5	83

Если в отношении лошадей мы наблюдаем количественный рост их из года в год, то этого нельзя сказать о крупном рогатом скоте, овцах и козах. Численность последних резко колебалась то в сторону повышения, то понижения. Наконец, во время войны количество основных видов скота, сравнительно с 1913 годом, сильно сократилось.

В 1916 году, т. е. незадолго перед Февральской революцией, состояние скотоводства было таково:

	% скота	на 1 хоз-во
Лошадей	16,7	1,0
Кр. рогатого скота .	55,0	3,5
Овец и коз	28,3	1,8
Всего . .	100,0	

Массы ингушских хозяйств являлись, в общем, малоскотными. Конского молодняка они содержали меньше, чем требовалось для ремонта рабочих лошадей (3,9%). В составе рогатого скота 1,4% падал на волов, 56,9%—на коров, 32,1%—на телят, 9,6%—на молодняк; крупно-рогатого молодняка приходилось 16 голов на 100 коров,

овец—102 на сто коров, что говорит о слабом развитии овцеводства и молочном направлении крупно-рогатого скотоводства.

Земельная теснота служила тормозом на пути развертывания животноводства.

Молочное направление скотоводства сильнее всего схватило аулы, расположенные недалеко от г. Владикавказа.

Молочные продукты сбывались сюда в виде творога, сыра и особенно масла.

Птицеводство в Ингушии имело определенно рыночный характер; на владикавказский рынок доставлялись живая, битая птица и яйца.

Пчеловодством ингушские хозяйства занимались в самых ограниченных размерах. Об этом свидетельствуют цифры:

Годы	Число пасек	Число ульев	Собрано			
			Меду	Воску	Всего	На сумму (руб).
			Тонн			
1906	46	1933	5,3	1,2	6,5	3918
1908	51	2954	18,5	1.4	19,9	17819
1910	31	1999	4,3	0,7	5	2608
1913	34	568	2,6	0,4	3	1753
1915	28	312	2,5	0,2	2,7	1375

Результаты пчеловодства были ничтожны, а в годы войны они стали еще незначительнее.

Фабрично-заводская промышленность Ингушии не получила широкого развития: она состояла из нескольких кирпично-черепичных заводов, лесопилен и нескольких десятков водяных мельниц.[1])

Годы	Изв.	Кирп., череп. и гончарн.	Лесопилен.	Вод. мельниц	Всех	В них рабочих	Сумма произ-ва всех заводов (в руб.)	На душу м. п. приходится	
								Р.	К.
1906		6		111	117	135	11417		42
1908		7		76	33	91	1910		6
1910		7		85	92	137	21617		78
1913	1	14	2	50	67	109	28570		94
1914		14	4	60	78	113	25480		83

[1]) Г. К. Мартиросиан. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. Изд. Сев.-Кав. Инст. Краевед. Стр. 76. Владикавказ, 1924 г.

Обработка камней, глины, обработка дерева, мукомольное дело базировалось на местном сырье.

Спрос на кирпич и черепицу возрастал, тогда как предложение отставало.

Несмотря на увеличение количества кирпично-черепичных предприятий в Терской области, в крае постоянно ощущался кирпичный голод, в связи с чем неоднократно отмечались в местной печати неудовлетворительная выделка и вздувание цен на него владельцами кирпичных заводов.

Лесопильни, как и кирпично-черепичные заводы, представляли из себя мелкие предприятия с небольшим числом рабочих.

Наконец, заметное место в промышленности Ингушии занимали мельницы, перемалывавшие кукурузу, пшеницу, ячмень и обслуживавшие преимущественно местные нужды.

Промышленность Ингушии носила, в общем, мелкий, кустарный характер.

Однако, развитие ее, хотя и шло медленно, но с неуклонной тенденцией к росту.

Более быстрыми шагами шел по пути своего развития торговый капитал.

Вот, например, данные о росте его:

Годы	Торгующих (всех)	Торговые обороты		
		Сумма в рублях	На душу м. п.	
			Р.	К.
1906	282	105.143	3	83
1908	261	1.055.553	27	54
1910	247	1.096.377	37	62
1913	357	1.513.020	50	21
1914	331	1.863.473	60	97

Если мы возьмем сведения о торговле за 1909 г. хотя бы по нескольким селениям Ингушии, то получим такую картину:

Селения	Мелк. лав.	Мануф. лав.
Долаково	12	—
Кантышево	18	4
В. Ачалуки	10	2
Ср. Ачалуки	5	1

Н. Ачалуки	2	1
Сагопш	12	2
Пседах	7	6
Кескем	9	3
Сурхохи	4	2

Большим торговым пунктом в Ингушии являлся пос. Назрань. В 1909 г. в нем находились 2 паровые мельницы, 3 лесных склада, 12 мануфактурных лавок, 3 железо-скобяных магазина, 36 мельниц, 30 ссыпных хлебных амбаров, 5 хлебопекарен, 2 керосиновых бака и ряд других предприятий.

В официальных данных 1914 и 1915 годов числится ряд крупных торговцев-ингушей, обороты которых составляли свыше 10.000 рублей и не менее 20.000 рублей в год. Одни из них имели бакалейные, мануфактурные магазины, мясные лавки в Владикавказе, лесные склады в пос. Назрань, другие же занимались ссыпкой зерна, скупкой и продажей кукурузы в Назрани, на ст. Слепцовской и прочих пунктах области.

Обратимся теперь к бюджету Назрановского округа.

Доходная часть бюджета слагалась из следующих элементов:

Годы	От аренды общественных земель	От найма общ. зданий	Сбор за пастьбу скота, за потраву и порубки	За мельн. поставку кирп- чер. и др. завод.	С базара и ярмарок	Посаженной платы и др. сборы	Из др. источ.	ИТОГО
1906	1211	—	992	20	—	3689	58278	64190
1907	3326	—	730	20	—	4218	184535	197829
1908	4778	33	848	15	—	5926	135588	147188
1910	28789	—	3150	—	—	4272	162825	199036
1913	10342	—	1530	24	40	16417	147757	173110
1914	12407	—	6028	—	73	8476	304923	331907

Доходы, главным образом, получались от сбора подымной раскладки, которая в официальных таблицах значится под рубрикой „др. источники“.

Расходная часть распадалась: на содержание должностных лиц, на уплату казенных сборов (оброч. под., позем. налог и пр.), на содержание мечетей и духовенства и др. (см. таблицу ниже).

Таблица указывает на рост расходов по содержанию должностных лиц, на канцелярские принадлежности. на содержание земских троек, на содержание мечетей и духовенства (расходы на это в 1914 г. упали до 110 р. и вновь поднялись в 1914 г. до 310 р). В то же время расходы на школы увеличивались черепашьим шагом:

Годы	На содержан. должн. лиц	На канц. принадл., книги и газеты	На уплату казен. сборов (оброч., пад. и проч)	На постройку и ремонт общ. здания	На содержан. мечетей и духовенства	На школы	На содер. земск. троек	Др. расходы	Итого
1906	18577	1817	—	1574	100	2473	—	39282	63833
1907	21692	1411	—	1428	300	2357	—	163200	190388
1908	20436	1450	46557	1625	1832	3001	6140	67551	148592
1910	19533	1959	59063	—	319	4115	6928	110730	202023
1913	24301	2323	42613	7414	805	5655	7096	84260	174299
1914	24386	2716	56656	4827	110	9087	8338	223712	328586

В целом же расходы по округу возросли с 63833 руб. в 1906 г до 328586 р. в 1914 г.

Увеличение расходов по Назрановскому округу прежде всего ложилось мучительным бременем на плечи основной крестьянской массы, страдавшей от самых разнообразных поборов.

Отсюда и рост недоимок:

Годы	По госуд. позем. налогу с крестьян		По госуд. позем. налогу с частн. землевлад.		По оброчн. подати с горск. насел.		По воинск. налогу		Всего	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1907	—	—	440	96	23785	62	4971	26	29177	84
1910	1908	91	—	—	13100	92	1852	66	16862	43
1913	—	—	3031	49	29416	28	824	42	33272	19
1914	—	—	2758	63	52938	49	3625	48	59322	60

Земельный голод с увеличением населения усиливался.

Основные массы ингушского крестьянства еще более широко обращались к аренде земли у казачества и у ингушских землевладельцев.

К началу мировой войны существовал ряд хуторов на арендованных землях: 1) хут. Алкун, Сарали Опиева—30 дворов, 2500 дес.; 2) Мужич—100 дв., 1000 дес.; 3) Галашки—300 дв., 2500 дес.; 4) Датых—100 дв., 900 дес.; 5) хут. Сажогин—60 дв., 700 дес.; 6) Мершед—30 дв., 200 дес.; 7) три хутора Бережи—120 дв., 100 дес.; 8) два хутора Аршты—120 дв., 500 дес.; 9) два хутора Бомут—600 дв., 200 дес.; 10) Семиогоч—50 дв., 250 дес.; 11) Мергист—18 дв., 120 дес.; 12) Лергебени—10 дв., 70 дес.; 13) Гадаборш—40 дв., 200 дес.; 14 Кириллов—15 дв., 100 дес.

Росли арендные цены в связи с сокращением сдаваемой площади.

Экономическая зависимость от Тер. каз. войска и от своих землевладельцев углублялась.

Широкие крестьянские массы очутились в еще большей кабале у одних и других, а также у местных ростовщиков.

Нужда в кредите—пишет П. Ф. Степанов—в Назрановском, Грозненском и Хасав-юртовском округах назрела в гораздо большей степени, чем где либо в другом месте: „ростовщики (ростовщичество среди туземцев вообще, а здесь в особенности безнаказанно процветает и в своем развитии достигает иногда невероятных размеров), берущие за свои позаимствования 100—200 и более % %, поработили почти все население, которое у них находится в полной зависимости и во всем чутко прислушивается к их „авторитетному“ голосу. В последнее же время, благодаря соседству кредитных товариществ в русских селениях и деятельности чинов местной инспекции мелкого кредита, туземное население само начало проникаться идеей кредитных товариществ. В результате—от нескольких ингушских селений поступили в отделение банка ходатайства об открытии у них кредитных т-в. Из этих ходатайств удовлетворено 7, но пока функционируют только два т-ва: Гамурзиевское и Базоркинское. Действия свои упомянутые т-ва открыли с марта месяца 1911 года и операционный год закончили весьма удачно.“ [1])

Выдававшиеся товариществами своим членам ссуды получали самое разнообразное назначение, но, главным образом, шли на уплату за аренду земли и на покупку рабочего скота.

Правления и советы ингушских кредитных товариществ состояли преимущественно из офицеров, представителей кулачества, торговцев.

На почве беспросветной нужды совершалось скотокрадство как в Ингушии, так и вне ее, что видно из цифровых данных по Назрановскому округу:

Годы	Количество лошадей	Сумма		Колич. рог. скота	Сумма	
		Р.	К.		Р.	К
1907	19	5432	—	148	2717	—
1910	209	18472	—	134	6234	—
1913	124	9984	—	129	3291	—
1914	172	17435	—	120	2092	—

1) П. Ф. Степанов. Мелкий кредит в Терской области. Влад., 1912 г.

Тяжелое экономическое положение широких трудящихся масс и политический гнет, давивший Ингушию, служили социальной базой абречества—„явления классового, революционного". „Одним из самых славных, мужественных и незабвенных в истории Чечни представителей абреческой плеяды именно и был абрек-революционер Зелимхан." „В своем богатом багаже героических подвигов и абреческой деятельности Зелимхан имеет ряд успешных наступлений и организованных налетов на русские крепости. Не один полковник в Чечне пал жертвой его храбрых рук. И нигде в его истории вы не найдете поступков, совершенных против бедняков и вообще трудовых граждан любой национальности." [1])

Зелимхан пользовался широкой поддержкой как со стороны чеченской, так и ингушской бедноты.

Поэтому местная администрация в борьбе с грабежами и разбоями свои репрессивные меры самого сурового характера направляла и по отношению к тем ингушским массам крестьянства, которые оказывали активную помощь Зелимхану или же ограничивались непротивлением ему.

Убедившись в безрезультатности этих репрессивных мер, местная администрация прибегла к организации специальных временно-охотничьих отрядов в целях „возможно спешного искоренения краж, грабежей и разбоев в пределах Хасав-юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь и в сопредельных районах отдельными порочными лицами и целыми шайками из туземцев" (Из инструкции начальника Терской области Михеева).

Начальник одного из таких отрядов войсковой старшина Г. Вербицкий, которому предоставлены были неограниченные полномочия, обратился в 1909 г. с воззванием на арабском и русском языках:

„Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению". „Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь и к вам, воры и разбойники.

Об'являю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени (т. е. в 24 часа военно-полевым судом)".

В инструкции, данной отряду, Вербицкий рекомендовал стрелять в лоб абрека. Для этого „каждый стрелок должен пристреляться к своей винтовке и знать, куда именно нужно целиться, чтобы попасть

---

[1]) А. Автурханов. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1930 г.

в лоб противнику при всяком его положении". Вместе с тем,—говорилось в инструкции,—„разрешается попасть противнику не в середину лба, а, напр., в бровь, в висок, но следует твердо помнить, что всякое отклонение вниз и вверх поведет к промаху обязательно."

Инструктировав таким образом свой отряд, Вербицкий приступил к осуществлению программы действий.

Так, 14 апреля 1909 г. одна из частей его отряда выступила в Ингушию для поимки Зелимхана.

Отряд имел в виду ночью дойти до горы Барахчи, где предполагалось местонахождение Зелимхана, и на рассвете внезапно захватить его и других абреков.

Недалеко от хутора Цорх „христолюбивое воинство" порешило вдруг взять хутор на том основании, что присутствие Зелимхана здесь так же вероятно, как и в Барахчи.

Недолго думая, отряд, на рассвете, „с места в карьер бросился к хутору".

Из одной сакли раздались выстрелы.

Находившиеся в ней жители были убиты, а сакля подожжена.

Аул открыл стрельбу.

В это время несколько лошадей, напуганных стрельбой, вырвалось у коноводов и помчалось по Алкунской дороге.

Посланный за ними раз'езд попал в расстоянии одного километра под выстрел.

В перестрелке был убит один казак и два ранены.

Стрелявшие ингуши скрылись.

В мае Вербицкий предпринял новый поход к горе Барахчи, тщательно обыскал ее, но Зелимхана не нашел.

Тем не менее, начальник Терской области, основываясь на информации Вербицкого об „истреблении всей шайки абреков и их укрывателей", издал приказ по войску, который гласил: „Сердечно приветствую вас, дорогие терцы, с славным делом у хутора Цорх, Назрановского округа". „Спасибо вам, что не посрамили казачества и седой славы предков их".

О жителях же хуторов Цорх и Сарали-Опиева наместник Кавказа телеграфировал начальнику Терской области: „Согласно вашего ходатайства разрешаю: жителей хуторов Цорх и Сарали-Опиева расселить по местам приписки и, сверх того, постройки хутора Цорх уничтожить. Граф Воронцов-Дашков".

О выселении горцев подняла вопрос в конце 1909 г. владикавказская городская дума. „Нашлись гласные,—сообщала газета „Речь" от 3 декабря,—которые потребовали у начальника области поголовного выселения горцев в коренную Россию, где они „растворятся" и сде-

лаются безвредными. Генерал Михеев согласился даже на такую меру и сознался, что подобное ходатайство уже давно им возбуждено было, но потерпело фиаско, и на него последовал ответ, что горцев нужно „переселять", а не „выселять", а для этого нужно дать им землю и деньги. Однако, он обещал возобновить свое ходатайство и просить о переселении горцев на персидскую границу".

В 1909 г. начальник области распорядился выселить всех чеченцев-скотоводов, арендовавших издавна земли у казачества, с левой стороны Терека. Так как это распоряжение об'явлено было неожиданно, то чеченцы скотоводы оказались вынужденными распродать свой скот за бесценок.

Временно-охотничий отряд усиленно занимался обезоружением чеченцев и ингушей, при чем воины частенько обращали внимание и на ценные вещи мирного характера.

Войсковой старшина Вербицкий слишком большие надежды возлагал на свой военный талант.

Много бродила карательная экспедиция под его начальством по аулам Чечни и Ингушии, но безуспешно: грабежи и разбои не только не уменьшались, но даже увеличивались.

Мало того, жестокие действия карательной экспедиции, от которых пострадал не один аул, вызвали среди населения еще более глубокое возмущение, озлобление против царских опричников.

В последующие годы абречество усилилось.

С осени 1910 года в России начался постепенный под'ем стачечного движения в связи с промышленным под'емом страны с конца 1909 года, а вслед за ростом этого движения—политический под'ем.

В. И. Ленин писал в декабре 1910 года: „Пролетариат, отступавший—хотя и с большими перерывами—с 1905 по 1909 год, собирается силой и начинает переходить в наступление. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы." „Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции." [1])

В 1912 году на многих фабриках и заводах произошли забастовки, в целом ряде воинских частей (особенно в Балтийском и Черноморском флотах) вспыхнули волнения.

„Это было очень серьезным *напоминанием о смерти царскому правительству. Наличность солдатских и матросских волнений* ясно свидетельствовала о том, что политическое возбуждение, которым был охвачен рабочий класс, передается уже на *крестьянские массы*, ибо

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., изд. 2-е, XIV, стр. 392-393.

воинские части главным образом состояли из крестьян". „С каждым месяцем ширилось и развивалось *массовое экономическое и политическое рабочее движение*, связанное с ростом революционных и оппозиционных настроений среди примыкающих к рабочему классу демократических элементов". [1])

Забастовки имели место и на Тереке: на нефтяных промыслах и в других отраслях промышленности.

Так, напр., на нефтяных промыслах Челекено-Дагестанского нефтяного округа (в Кизлярском отделе Терской области), 9-го августа 1912 года забастовали рабочие, пред'явив ряд требований о немедленном увольнении старшего машиниста за грубое обращение с ними.

В забастовке приняли участие все рабочие предприятия—132 человека, при чем общее число потерянных рабочих дней составило—313 (дело № 34 Кавк. горн. округа).

Никакие преследования, никакие репрессии не могли ликвидировать абречество.

В 1910 году Зелимхан с группой абреков произвел, днем, экспроприацию кизлярского казначейства.

Группа состояла из чеченцев и ингушей. Ингушская сформирована была в Назрановском округе Соламбеком Гараводжевым (ингуш), чеченская—в окрестностях Грозного (сел. Большие Атаги) Аюбом Тимаевым.

В том же году был убит Аюб близ слободы Воздвиженской, а Соламбек Гараводжев повешен по приговору полевого суда.

Вербицкий, прозевавший экспроприацию кизлярского казначейства, отдан был под суд.

После неудачных походов отрядов Вербицкого в Ингушию отправлен был в сентябре 1910 года в Ассинское ущелье отряд во главе с начальником Назрановского округа кн. Андроникковым и ротмистром Донагуевым.

Отряд арестовал семью Зелимхана.

У выхода из ущелья, на неприступной скале, Зелимхан сделал засаду.

Первыми были убиты Андронников и саперный офицер, командир же сотни Дагестанского конного полка Донагуев был ранен.

Несмотря на численный перевес, отряд понес большие потери. Все офицеры выведены были из строя. Убито и ранено было несколько всадников полка.

Зелимхан и другие абреки, бывшие с ним, после стычки бесследно скрылись.

---

[1]) Н. Н. Попов. Очерк истории ВКП (б). I-й. 1932 г.

Специальный корреспондент газеты „Русское слово", командированный в Владикавказ для освещения в печати событий, сообщал следующее:

„Владикавказ, 23/IX. Сегодня в атаманском дворце собрались высшие чины областной администрации с одной стороны и представители всех сельских обществ ингушского народа—с другой.

Блестящие мундиры русских офицеров чередовались то с белыми чалмами и зелеными халатами муллы и седобородых стариков, то с разноцветными папахами и черкесками ингушей помоложе.

Среди явившихся ингушей много георгиевских кавалеров.

Начальник области генерал Михеев обратился к ингушам с речью.

—В лице вас— говорит генерал—я высказываю ингушскому народу наше общее негодование по поводу ваших беззаконной жизни и поведения, завершившихся ужасным случаем в Ассиновском ущельи.

Вы напали на русский военный отряд, вы пошли на зов Зелимхана, и никто из вас не попытался помочь русскому отряду.

Мне известно, что вы участвовали в шайке Зелимхана.

Мне известно, что уже после нападения на русские войска, всего три дня тому назад, Зелимхан был в ауле Пазрань и жители дали ему патронов.

Этого оставить безнаказанно нельзя.

Я приказываю вам в двухнедельный срок внести все повинности и недоимки. В противном случае, я взыщу с вас силою. Я теперь же лишаю вас права пользоваться казачьими землями.

Я ходатайствую перед наместником Кавказа о том, чтобы снести все хутора и аулы Ассинского ущелья, а жителей оттуда выселить, взыскав с них обеспечение семьям убитых.

Вы должны в двухнедельный срок доставить ко мне живым или мертвым Зелимхана и ингушей, бывших с ним в засаде. В противном случае, вас ждут страшные кары.

Я ходатайствую о лишении Назрановского округа выборных старшин. У вас будут старшины по назначению.

Вы, старшины, оказались недостойными старшинского звания.

Немедленно снять оружие и должностные знаки!

Генерал Михеев кончил говорить.

Старшины молча снимают должностные знаки и оружие и кладут на пол.

Некоторые просят о прощении, но безуспешно.

Владикавказ, 28,IX. Из достоверных источников мне сообщают, что ген. Михеев хлопочет о посылке в горы карательного отряда.

Солдаты займут все аулы Довольствие войск возложат на жителей.

Другой отряд будет тем временем искать Зелимхана.“ [1])

„Почетные“ граждане Ингушии, на которых обрушился гнев ген. Михеева, навлекли на себя несправедливые упреки в бездеятельности, в нежелании обнаружить и изловить абреков.

Что могли сделать в деле ликвидации абречества старшины, муллы, „седобородые старики“ при всех своих стараниях, при всех дружных усилиях всего административного механизма округа, если в течение многих лет вся терская областная администрация вела безуспешную борьбу с абреками и, в особенности, с Зелимханом Гушмазакаевым?

Свои угрозы начальник Терской области привел в исполнение: новая волна суровых репрессий прокатилась по Ингушии. Аулы Нелх и Ерш были снесены.

В связи с этим 58 членов Государственной думы 5 ноября 1910 г. пред'явили через Думу нижеприводимый запрос наместнику на Кавказе:

„1) Известно ли ему, что все меры, предпринимавшиеся со стороны терской администрации для преследования и поимки разбойничьей шайки абрека Зелимхана главным острием своим были направлены против мирного трудового населения и в большинстве случаев нарушали законные его интересы.

2) Что терская областная администрация, желая прикрыть полную свою несостоятельность в смысле успешной борьбы с оперирующей в горах шайкой Зелимхана в Ассинском ущельи 20 минувшего сентября месяца решила применить ко всему ингушскому народу ряд репрессивных мер, в корне подрывающих всякое представление о законности и выразившихся: а) в уничтожении двух аулов Нелх и Ерш; б) в предстоящем выселении в течение четырех месяцев из существующих уже несколько десятков лет хуторов на арендованных землях Терского казачьего войска нескольких тысяч душ населения, долженствующих, по приведении в исполнение этой меры, остаться без крова, пристанища и пропитания; в) в беззамедлительном, с применением экзекуционного порядка, взыскании 40000 руб. недоимок, накопившихся за целый ряд лет; г) в наложении на удовлетворение семей убитых и раненых чинов отряда ротмистра Даногуева контрибуции в размере 25 р. на каждый дом и д) в лишении ингушского народа предоставленного ему права выбора сельских старшин.

3) И если все это известно наместнику его императорского величества на Кавказе, то какие им приняты меры к ограждению законных интересов личной неприкосновенности и имущественных прав

---

[1]) Ник. Брио. Зелимхан. „Рус. слово“ от 29 сент. 1910 г., № 223.

мирного туземного населения, не причастного к разбоям и грабежам, чинимым шайкой Зелимхана.

Запрос просим признать срочным (две недели)".

Государственная дума не могла пойти дальше запросов.

Она не ставила, да и было бы бесполезно ставить в реакционной, в общем, по составу III Думе вопрос о той социально-экономической базе, на которой возникло и получило свое широкое развитие горское абречество, и о вытекающем отсюда следствии.

„Почетные люди" (старшины, муллы, офицерство и пр.) организовали в начале 1912 г. окружной с'езд для выработки мер борьбы с кражами, грабежами и разбоями. От каждого селения присутствовали на с'езде два представителя—старшина и мулла, в качестве же гостей участвовали другие „почетные" лица. С'езд,—как сообщала печать,[1])—нашел, что зло кроется прежде всего в взимании дорогого калыма при отдаче ингушами замуж своих дочерей и потому решил: 1) установить таксу на калым (выкуп) невесты девушки не более 105 руб., а вдовы не более 52 р. 50 к.; 2) жених и невеста, перед совершением венчального обряда, с двумя свидетелями и старшиной селения должны явиться к мулле и принять присягу в том, что они не нарушили воли народа относительно установленной суммы калыма. Затем калым вносится в книгу и только тогда муллой совершается обряд венчания.

Для искоренения обычая кровной мести с'езд составил список всех кровников среди ингушей и выработал условия для их примирения.

Разумеется, и с'езды—как и следовало ожидать—не внесли ничего нового в безуспешную борьбу с абречеством.

Не изменились и взаимоотношения между казаками-колонизаторами с одной стороны и трудящимися чечено-ингушами—с другой.

Антагонизм между ними углублялся.

Представители казачьего национализма продолжали усиленно травить чеченцев и ингушей.

Национальный антагонизм разжигал в печати известный казачий деятель—националист Г. А. Ткачев.

В 1910 голу он выступил с брошюрой: „Казаки и туземцы в Терской области (по поводу толков о казачьем многоземельи и забижении туземцев)".

Он же в следующем году выпустил в свет книгу: „Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области". Издана была эта почтенная „работа" Терским обществом любителей казачьей старины.

---

[1]) Газ. „Кубанский край", март 1912 г.

Основной смысл, характер этого произведения легко определить приведенными автором на обложке книжки словами Пушкина:

Не спи, казак,—во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Ткачев указывает в начале брошюры на необходимость „полного раскрытия совершающегося в Терской области“ в противовес совершенно неудовлетворительному, по его мнению, об'яснению грабежам и разбоям, данному в своем запросе 58-ю членами Государственной думы (запрос приведен нами выше).

Далее автор заявляет: „Прежде всего следует выбросить всякую мысль о каком либо намеренном угнетении русской государственностью туземных народностей“.

На вопрос: „что за народ чеченцы?“ он отвечает тенденциозно подобранными тенденциозными мнениями о них русских великодержавных писателей и генералов.

Ткачев решительно утверждает, что *причина грабежей и разбоев „кроется в самом характере ингушско-чеченского народа“* (стр. 7).

В другой своей книге „Гребенские, терские и кизлярские казаки“ (Владикавказ, 1911 г.), на первой странице, тот же автор поместил выдержку из всеподданнейшего отчета начальника Терской области за 1903 г. о состоянии области и резолюцию Николая II на этом отчете.

Начальник области писал: „На материальное благосостояние казаков Терского казачьего войска оказывает самое гибельное влияние соседство хищных горцев. Не говоря уже об отсутствии личной безопасности казака, принужденного работать в поле с оружием в руках, конокрадство и скотокрадство положительно разорят население, особенно Сунженского и Кизлярского отделов.“

Резолюция Николая II гласила:

„По моему мнению это соседство поддерживает в терских казаках старую удаль“.

Так царизм и представители казачьего национализма сваливали все беды на „хищный“ характер чеченцев и ингушей для того, чтобы отвести внимание широких масс от действительных социально-экономических и политических причин грабежей и разбоев, оправдать лозунг „согнуть в бараний рог горцев“ и поддержать в казачестве „старую удаль“.

Ткачев, в книжке „Ингуши и чеченцы“, писал в 1911 году:

—„Прекратилась ли война в Терской области? В русской истории значится, что в 1859 году, с падением Гуниба и взятием Шамиля, прекратилась война и настало мирное развитие на Восточном Кавка-

зе. Не есть ли это роковое недоразумение?“ „В самом деле, если у нас действительно мир, то почему весь край под ружьем, без оружия никто не пускается в путь, и приезжающие с сельскими продуктами в города казаки обвешены сплошь боевыми патронами.

В крае мир, а по полям рыщут шайки вооруженных людей, отбивают табуны лошадей и скота, исчезают бесследно.

В крае мир, а владельцы экономий отстреливаются с своими близкими от вооруженных нападений, ведут с осаждающими целые битвы (Карпушин, Мамонтов, Рудометкин, Саенко).

В крае мир, а разоряются хутора, нападают на станицы (Ильинская, Щедринская), пленяют людей и отпускают за выкуп.“

Ткачев констатировал непрекращающуюся войну в Терской области, но, будучи представителем казачьего национализма, не желал назвать вещи своими именами и цинично утверждал: причина войны-кровожадный характер чеченцев и ингушей.

Другой деятель из того же лагеря казак Г. А. Вертепов, в своей работе „Ингуши“[1]), констатировал полуголодное существование крестьянских масс, но тоже не хотел назвать вещи своими именами. Он говорил о „выдающейся умеренности ингушей в пище.“

Хроническое недоедание трудящихся масс, которое на языке Вертепова называется „умеренностью“ в пище, вело к вымиранию, к задержке прироста населения: по данным „Терских календарей“ прирост за десятилетие 1905-1915 годов выразился: казаков 21%, а ингушей 15%.

О социально-культурном состоянии Ингушии говорить не приходится: в Назрановском округе попрежнему не было ни одной лечебницы, ни одного врачебного пункта (что создавало благоприятную почву для знахарства), единственной же школой до 1910 г. являлась-назрановская.

Такова Ингушия в хозяйственном, социальном, политическом и культурном отношениях в период между двумя революциями.

Основным занятием населения, как мы видели, являлось сельское хозяйство, но недостаток земель в связи с увеличением населения вынуждал ингушей арендовать их у казачества; при этом арендные цены росли с каждым годом.

Антагонизм между казаками-колонизаторами и чечено-ингушскими крестьянскими массами по мэре обнищания последних усиливался и выражался в постоянных взаимных обидах, нападениях, кровавых столкновениях, в травле со стороны представителей казачьего национализма.

Грабежи, разбои, убийства получили широкое развитие с тех пор, как были основаны с политической целью на отобранных у че-

---

[1]) Тер сборн. Вып. II-й.

ченцев и ингушей землях станицы, отделившие горных ингушей от плоскостных, ингушей от чеченцев, чеченцев нагорной полосы от притеречных, с тех пор как усилились арендная кабала, всякого рода поборы, рост недоимок, разорение слабых хозяйств, политический гнет.

На этой социально-экономической почве развернулось революционное абречество, получившее свое наиболее яркое выражение в Зелимхане, Соланбеке, Аюбе и др. и вылившееся в формы: целого ряда серьезных нападений на государственные учреждения, пленений крупных русских овцеводов, землевладельцев, убийств представителей царской администрации, стычек с регулярными войсками.

Классовое расслоение в Ингушии в связи с капиталистическим развитием ее приняло еще более яркое очертание.

В крестьянстве процесс нейтрализации середнячества привел к увеличению кадров бедноты и кулачества.

Оформился, хотя и в слабой еще степени, промышленный капитал.

Значительное развитие получил торговый капитал (с особым слоем ростовщиков).

Классовая борьба в деревне выражалась в нанесении бедняками материального ущерба кулацким хозяйствам в форме, преимущественно, ското-и-конокрадства, поджога имущества, убийств, в оказании сельской буржуазией активного содействия местной администрации в отношении выявления и ареста „порочных лиц" и прочих мелких и больших услуг царским палачам.

В союзе с сельской буржуазией были офицеры и муллы.

Мировая война с ее реквизицией скота, инвентаря, хлеба и т. п сильно расшатала народное хозяйство Ингушии и вызвала углубление ненависти к царизму и рост революционизирования самых широких масс народа.

Наконец, Ингушия вступала в Февральскую революцию без агрономической помощи, без азбуки, без медицинской помощи, без удобных путей сообщения, окутанная властью адатов, влиянием мулл, пережитками родового строя.

VII

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Империалистическая война и Ингушия.—Свержение царизма.—Первые дни революции.—Комиссар Терской области от Временного правительства М. А. Караулов.—Совещание ингушской интеллигенции в г. Владикавказе.—Гражданские исполнительные комитеты и вопрос об участии в них горцев.—Ингушский с'езд и избрание руководящих органов Назрановского округа.— Приезд т. Н. Буачидзе. —Начало оформления Терской большевистской организации.—Демократизация Терского обл. гражд. исполнительного комитета и городских дум.—Советы рабочих депутатов.—Первый горский с'езд.—Политическая платформа с'езда об'единенных горцев Кавказа.—Комиссар Назрановского окр. и Назр. окр. комитет.—Позиция шейхов.—Ингушский погром 6-7 июля 1917 г.—Джабагиевы, шейхи, казачество и ингушские массы.—Ингушско-казачий фронт.—Руководящие ингушские буржуазно-демократические круги и основные массы крстьянства пред Октябрьской революцией.—Мобилизация сил революциии и контрреволюции и борьба за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Продолжительная империалистическая война не могла не отразиться на экономике страны.

Масса крестьянских хозяйств, „лишенная огромных кадров рабочей силы и живого инвентаря, подверглась разорению и пауперизации. Кулачество усилилось. Обострились классовые противоречия в деревне. Ряд отраслей промышленности, работавших на широкий потребительский рынок, свернулся. Зато сильно двинулись вперед отрасли промышленности, непосредственно обслуживавшие войну, в частности металлургия. Огромная эмиссия вызывала непрерывный рост дороговизны. Во всей системе капиталистической промышленности значительно усилились монополистические тенденции. С лета 1915 года начинает опять нарастать *массовое забастовочное движение*". „Положение правительства затрудняется *ростом недовольства буржуазии*, постепенно приходившей к убеждению в неспособности правительства защищать в этой войне интересы российской буржуазии. Власть правительства мало по малу расшатывается, постепенно клонится к падению, и в конце концов *мощный революционный взрыв в феврале* 1917 года сбрасывает царизм в пропасть". [1])

В. И. Ленин писал о Февральской революции: „Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 г. г. была бы невозможна столь быстрая, в

---

[1]) Н. Н. Попов. Очерк истории ВКП(б). Вып. 1-й.

смысле завершения ее *начального* этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу—и всему миру—*все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914 г. г.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты," раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых,—этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, революционеров,—этих „первых среди равных" *помещиков, владеющих миллионами* десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и *своего класса* „священной собственности". [1])

Восставшие рабочие массы столицы, совместно с армией, нанесли царизму последний, окончательный удар.

Монархия пала.

Пришедшие на помощь рабочим солдаты помогли осуществить на деле революционный союз пролетариата и крестьянства, в котором В. И. Ленин видел залог успеха революции еще в 1905 году.

Мировая война, как мы видели, сильно расшатала народное хозяйство Ингушии.

Достаточно напомнить несколько цифр, чтобы убедиться в этом.

Посевная площадь Ингушии в 1913 г. составляла 45997 га, а в 1916 г., по данным Всероссийской сельско-хозяйственной переписи,—24639 га; количество лошадей в 1913 г.—19056, в 1916 г.—10112; количество крупного рогатого скота в 1913 г.—43199 голов, в 1916 г.—35366 голов; овец и коз в 1913 г.—120628 гол., в 1916 г.—29163 гол.

Наряду с разорением основных масс крестьянства усиливалась сельская буржуазия, спекулировавшая на различных подрядах, поставках для армии.

Падение царизма широкими массами ингушского крестьянства, угнетенными при старом строе и разоренными продолжительной империалистической войной, встречено было с величайшей радостью.

В аулах Ингушии царило небывалое оживление. Все разговоры сосредоточены были вокруг революции, наступление которой так томительно долго ждали трудовые крестьянские массы.

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., изд. 2-е, т. XX, стр. 13-14.

Вскоре, однако, руководство над ними перешло к офицерству и националистически настроенной буржуазно-демократической интеллигенции.

Они то и стали в первые месяцы революции во главе политического руководства Ингушей.

Находившаяся в г. Владикавказе ингушская интеллигенция тотчас же после свержения царизма собралась в мечети. Присутствовавшие на совещании обменялись мнениями по вопросу об организации власти в Назрановском округе.

С падением самодержавия власть перешла к буржуазии.

Образовалось буржуазное Временное правительство. „До Февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть России была в руках одного старого класса, именно, крепостническо-дворянско-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым. После этой революции власть в руках другого, нового класса, именно буржуазии“ (В. И. Ленин).

Телеграмма об отречении Николая II-го и Михаила Романова отпечатана была в местной типографии после некоторой задержки начальником области. Телеграммы вышли в свет отдельным выпуском 4-го марта.

На следующий день, 5-го марта, „Терские Ведомости“ напечатали „Воззвание временного генерал-губернатора Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска к населению Терской области: Граждане! События, происшедшие в обеих столицах в период времени от 27/II по 3/III с. г. вам уже известны и опубликованы в телеграммах почтово-телеграфного агентства: всю полноту государственной власти принял на себя Временный исполнительный комитет Государственной думы. Сегодня опубликованы 2 акта: 1)—об отречении от престола его величества государя императора Николая Александровича и о передаче им верховной власти великому князю Михаилу Александровичу; 2)—о согласии великого князя Михаила Александровича принять на себя бремя верховной власти не иначе, как по воле „великого народа русского“. В том же акте, исходящем от его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, вы слышите призыв ко всем гражданам великой России подчиняться „Временному правительству Государственной думы, возникшему и обреченному всей полнотой власти впредь до того, как созванная в возможно кратчайший срок на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа“.

Послушный воле великого русского народа, осуществленной его представителем в лице Государственной думы и в соответствии с вышеприведенными высочайшими актами, обращаюсь ко всему насе-

лению Терской области с горячим призывом сохранить полное спокойствие в исторический момент, переживаемый дорогой родиной, памятуя, что только строгий порядок внутри страны и безостановочное нормальное течение жизни в ней населения и всех учреждений приведет великое отечество наше к столь желанной нам и близкой уже победе над внешними врагами.

Всецело подчиняясь власти нового правительства в лице Временного исполнительного комитета Государственной думы, призываю и предлагаю всем должностным лицам и подведомственным мне учреждениям Терской области, не покладая рук, энергично и беспрерывно продолжать свою работу в строгом соблюдении существующих законов и предуказаний Временного правительства Государственной думы.

Терскому казачьему войску, наказным атаманом коего имею счастье состоять, особо напоминаю опубликованное сего числа повеление верховного главнокомандующего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича о святом долге повиновения законным своим начальникам в ожидании из'явления воли русского народа, твердо веря, что более чем трехсотлетнее служение славного Терского казачества не за страх, а за совесть дорогой родине, является порукой в том, что и впредь не оскудеют его блестящие подвиги на защиту отечества от грозного и упорного внешнего врага. Ген.-лейтенант Флейшер."

Между тем, недовольство широких масс против представителя свергнутой власти в лице начальника Терской области, продолжавшего петь старые песни о „строгом порядке внутри страны", о „повиновении законным своим начальникам" и тому подобном,—росло все более и более, и 6-го марта Гражданский исполнительный комитет постановил арестовать Флейшера, его старшего помощника—Степанова и бывшего начальника жандармского управления—Гладышевского. Постановление это немедленно было приведено в исполнение. Функции же начальника области комитет возложил на уездного воинского начальника полковника И. А. Михайлова.

Из городов и аулов Терской области шли известия в Владикавказ о состоявшихся там манифестациях и митингах.

Гражданский исполнительный комитет назначил днем празднования свержения царизма—12-е марта.

На другой день, 13 марта, около 12 часов дня, в Владикавказ прибыл комиссар Терской области от Временного правительства, член Государственной думы, М. А. Караулов.

В лице Караулова мы видим активного проводника политики Временного правительства и защитника интересов дворянско-кулацкой части казачества.

14 марта открылся первый войсковой круг Терского казачьего войска.

Председателем его избран был Караулов.

Кардинальными вопросами, подлежавшими рассмотрению круга, —были: учреждение особого войскового хозяйственного правления и выборы атамана и членов хозяйственного правления.

После об'явления собрания открытым „от имени туземного населения" приветственную речь произнес Пензулаев.

По заслушании приветствий, круг перешел к рассмотрению вопроса об учреждении особого хозяйственного правления.

В результате прений круг постановил этот вопрос передать для детальной разработки в особую комиссию, состоящую из временного правления и 12 представителей от четырех отделов.

В Областной исполнительный комитет постановлено избрать по два представителя и по одному заместителю от каждого отдела.

Круг избрал: войсковым атаманом—М. А. Караулова (168 избир. гол., 2 неизб.); членами хозяйственного совета: Медяника Е. А. (171 избир., 10 неизб.), Абрамова В. (150 изб., 18 неизб.), горного инженера Борисова П. (124 изб., 42 неизб.), Черкасова (112 изб., 46 неизб.), горного инженера Белоусова (146 избир., 22 неизб.), агронома Еланского (128 избир., 37 неизб.).

В конце марта 1917 года, в Петрограде, состоялся с'езд представителей казачьих войск, на котором выработаны были основы союза названных войск.

Цель союза—об'единение всех казачьих войск для выяснения их общих интересов и проведения необходимых реформ.

Главнейшие задачи его: 1) укрепление нового государственного строя на началах декларации Временного правительства; 2) подготовка казачества к Всероссийскому учредительному собранию; 3) разработка норм и оснований, на которых должны быть построены будущие государственная и общественная жизнь казачьих войск; 4) разработка неотложных реформ, касающихся казачьих войск до созыва учредительного собрания.

По земельному вопросу и об отношении к войне с'езд вынес резолюции: война до победного конца, все земли казачьих войск, леса, недра и прочие угодья,—неот'емлемая и неприкосновенная их собственность. „Все частновладельческие земли (помещичьи, чиновничьи, офицерские участки и иные), выделенные из казачьих территорий, путем высочайших пожалований, наград и т. подобн., а также земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные, расположенные на войсковых территориях, должны быть возвращены в собственность каждого казачьего войска, на основе того

общего признака отчуждения таких земель в пользу трудящихся масс, который будет принят Всероссийским учредительным собранием.

Земли немецких колонистов, расположенные на территории казачьих войск, переходят в распоряжение этих войск, на основаниях, принятых Всероссийским учредительным собранием.

Каждое казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями самостоятельно и независимо.

Земли крестьянские, надельные, крестьянских товариществ и мелких собственников, расположенные на территории казачьих войск, должны остаться за их собственниками" („Терек" от 7 апреля 1917 года).

Руководящая группа казачества, представлявшая дворянско-кулацкие слои, стремилась, таким образом, к сохранению, на праве неотъемлемой и неприкосновенной собственности, всей земельной площади, принадлежавшей казачьим войскам до революции 1917 года.

Кроме того, эта же группа вела политику тесного контакта с руководящими в то время группами горских народов Северного Кавказа.

Из буржуазных организаций, оставшихся после Февральской революции и продолжавших свою работу, следует отметить городские думы.

6 марта владикавказская городская управа обратилась с следующим воззванием к населению: „Граждане терские казаки, ингуши и осетины! В трудное время великой войны, внутренней разрухи и голода дорогое отечество наше могуче выступило на путь великих реформ—переустройства всех сторон своей жизни.

Перед всеми гражданами России священная обязанность помочь всеми мерами этому великому национальному делу.

Владикавказ тесно окружен вашими станицами и селениями, он для всех вас является духовным и экономическим центром, в нашем самоуправлении казаки, осетины, ингуши дружно работают над благоустройством города.

Настало время нам так же поработать дружно над устройстовом хорошей жизни в наших станицах и селах.

Мы дышим воздухом одних великих гор и пьем воду одних и тех же горных рек. Сделаем же в этот великий исторический момент едиными и наши братские усилия к созданию лучшей жизни в нашем богатом природными дарами крае.

Столица Терского края обращается к вам с призывом не посрамить дивный наш край, где щедрые дары природы соединились с богатыми задатками духовных сил наших демократических народов.

Новое правительство даст нам силы искоренить позорное пятно разбоев и грабежей, братоубийственной вечной войны, оно водрузит на берегах Терека знамя разумной трудовой жизни свободного гражданина.

С первых дней войны доблестные терские казаки и горские полки добровольцев со славой проливают свою кровь рядом на полях величайших битв за благо единой великой России.

Будем высоко ценить эту совместную боевую работу, совместно рука об руку будем так же работать в новой битве над устройством лучшей жизни в крае.

По почину владикавказского городского самоуправления 5-го марта организовался Владикавказский городской гражданский исполнительный комитет Временного правительства для поддержания спокойствия в крае и для проведения в жизнь распоряжений нового правительства.

В состав комитета входят казаки, осетины, ингуши, представители горских народов и всех классов городского населения.

Помогите этому комитету каждый гражданин и каждая гражданка в его трудной и сложной задаче в предстоящей великой работе на благо дорогого отечества.

Владикавказский городской голова Г. Баев. 6 марта 1917 года".

Воззвание ставило целью успокоить революционно настроенные массы: оно призывало к сохранению спокойствия, к поддержке Гражданского исполнительного комитета, оно имело в виду стушевать классовое расслоение („мы дышим воздухом одних великих гор и пьем воду одних и тех же горных рек," „наши демократические народы" и т. п.).

Нужно заметить, что упоминание об участии ингушей в владикавказском городском самоуправлении не соответствует действительности, ибо ингуши совершенно не были представлены в предреволюционном составе думы.

В цензовой думе отсутствовало, конечно, и рабочее представительство.

В первые же дни революции возник вопрос о демократизации думского состава.

14-го апреля состоялось по этому вопросу совещание, в котором приняли участие представители Совета рабочих и солдатских депутатов, Областного исполнительного комитета и городской думы.

Совещание постановило обратиться к гражданам города с следующим воззванием:

„Граждане города Владикавказа!

Новые условия общественной жизни выдвинули необходимость немедленной демократизации цензового городского самоуправления. Временным правительством вырабатывается законное положение об избрании органов городского самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Так как подготовка к выборам займет значительное время, Совет солдатских и рабочих депутатов г. Владикавказа, признавая необходимым теперь же пополнить существующий состав владикавказской городской думы представителями демократических слоев населения города, по соглашению с Исполнительным гражданским комитетом и владикавказской городской думой, постановил: произвести дополнительные выборы гласных в городскую думу в числе, равном существующему ее составу, т. е. 60 человек, на нижеследующих основаниях:

1. Выборы в гласные будут произведены Советом солдатских и рабочих депутатов в помещении владикавказской городской думы 23-го апреля с. г., в 2 часа дня.

2. Все граждане г. Владикавказа могут выставлять свои кандидатуры через местные общественные организации: политические партии, профессиональные общества, кооперативные и другие общественные демократические организации.

3. Списки выставляемых кандидатов должны быть представлены владикавказскому Совету рабочих депутатов.

4. Лица, выставленные кандидатами в гласные, приглашаются для изложения своих взглядов на задачи городского самоуправления (муниципальная программа) в соединенное собрание Совета солдатских и рабочих депутатов („Терские ведомости", 1917 г., № 82).

По поводу демократизации думы газета „Терские ведомости" писала: „Все население города должно участвовать активно в строительстве своей жизни. Демократизация же городской думы, как временная мера, необходима теперь же потому, что она именно вольет в органы городского самоуправления живую, светлую воду, и эти учреждения не будут пугать своим дореволюционным, мутным видом. Новое должно быть новым" (№ 84 от 18/IV).

Много возражений со стороны гласных цензовиков встретил проект, по которому демократизацию думы предполагалось провести при активном участии Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако, большинство гласных решило войти в соглашение с Советом.

23-го апреля, в помещении городской думы, состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с членами городской думы; на собрании было избрано 60 новых гласных из представителей демократических элементов городского населения. В та-

ком расширенном составе предполагалось сохранить владикавказскую городскую думу до реорганизации ее на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Городские думы, по мере роста и укрепления Советов рабочих депутатов, теряли постепенно свое значение.

Февральская революция открыла возможность организации легальной работы профсоюзов и советов рабочих депутатов.

Они создаются во всех городах Кубани, Терека, на территории всего Северного Кавказа в первые же дни Февральской революции.

Деятельность Совета рабочих депутатов протекала в самых различных направлениях. Он рассматривал политические вопросы, профессиональные, продовольственные и многие другие.

Большинство мест в Советах рабочих депутатов на Тереке принадлежало в начале меньшевикам и эсэрам.

„Свержение самодержавия застало нашу партию ослабленной в организационном отношении, несмотря на огромное идейное влияние". „И февральская победа рабочих—революционное свержение царизма, переход войск на сторону борющегося народа—была блестящей победой большевизма". „Но репрессии, обрушившиеся на партию в течение всех лет войны, повальное уничтожение легальных организаций, закрытие всех легальных газет, особые преследования, связанные с той *пораженческой* позицией, которую партия занимала,—все это ставило партию в исключительно тяжелое положение" (Н. Н. Попов. Очерк истории ВКП (б).

Большевистская гвардия на Тереке, подвергшаяся в годы империалистической войны суровым репрессиям, с первых же дней Февральской революции начинает оформляться в отношении своего организационного укрепления и растет далее, завоевывая все новые и новые позиции среди рабочих и беднейшего крестьянства.

Бои в Советах между меньшевиками в союзе с эсэрами с одной стороны и большевиками с другой были обычным явлением и носили по временам весьма бурный характер.

Но с каждым днем влияние большевиков в Советах определенно росло.

Советы превращались в подлинные органы пролетарской политики.

В первые дни Февральской ревслюции, помимо городской думы и Совета рабочих депутатов, функционировали Терский областной и

Владикавказский гражданские исполнительные комитеты—организующие центры буржуазии, целиком осуществлявшие политику Временного правительства.

5-го марта состоялось чрезвычайное собрание городской думы по вопросу об избрании представителей от думы в местный Гражданский исполнительный комитет.

Об'явив собрание открытым, городской голова обратился к гласным со словом, в котором указал, что во исполнение предыдущего постановления думе предстоит избрать представителей в организуемый исполнительный комитет, и что в состав его намечены представители от некоторых общественных и профсоюзных организаций.

Представитель кабардинцев присяжный поверенный Б. Шаханов просит, чтобы в состав комитета вошли и представители от горцев области.

На этом же настаивают представители ингушей и кумыков.

Г. В. Баев находит, что загромождать комитет большим количеством членов не следует, что представителями от туземных племен могут быть избраны гласные из туземцев. Представительства просят и чины почтово-телеграфного ведомства, и члены профессионального союза банковских и конторских служащих.

Полковник Шнабель предлагает просить гарнизон избрать своих представителей.

Предложение поддерживается всей думой.

Б. Шаханов выступает с возражением Баеву. Он находит, что городской голова неправ, говоря, что туземцы-гласные будут представительствовать от всех туземцев. Гласные,—говорит он,—являются представителями известной группы цензовиков, а вообще туземное население—это нечто другое. Спокойствие города в сильной степени зависит от спокойствия туземцев.

С. Габиев произносит следующую речь: „За великую и обновленную Россию мы, туземцы, положим и душу свою. Если до сего времени не проявлялось это желание, то только лишь потому, что низверженное и подлое правительство считало нас пасынками. Однако, верить успокоению темных сил нельзя. Они притаились, как подколодные змеи, они тайно продолжают свое гнусное дело и туземцам это хорошо известно."

После перерыва открылось совещание комитета в составе представителей от ингушей, кабардинцев, Дагестана, Совета рабочих депутатов, думы, союза городов, военно-промышленного комитета, союза мелкого кредита, общества оптовых закупок.

В комитет вошли от ингушей Васан-Гирей Джабагиев, от кабардинцев Б. Шаханов, от Дагестана Саид Габиев.

Редакция газеты „Терские ведомости" заявила о своем переходе в распоряжение комитета.

Скоро возник вопрос о взаимоотношениях между комиссаром Терской области и Терским областным гражданским исполнительным комитетом.

Вопрос обсуждался в заседании комитета 13-го марта.

Караулов высказывает свой взгляд на взаимоотношения комиссара и Областного исполнительного комитета: все бюджетные дела проходят за скрепой комиссара, комитет представляет свои постановления комиссару, который без санкции комитета не предпринимает ничего, наоборот,—в случае возникновения разногласия,—комитет запрашивает центральную власть, комиссар же принимает меры к об'единению деятельности местных комитетов, при чем каждый комитет в своем районе действует автономно („Терск. ведом.," 1917 г., №59).

13-го апреля состоялось заседание, на котором рассматривался вопрос о демократизации, наряду с городской думой, и Терского областного гражданского исполнительного комитета.

Назначенное на 13-е апреля заседание Терского областного исполнительного комитета приняло к сведению выработанную Советом рабочих и солдатских депутатов резолюцию о пополнении комитета представителями демократии и декларацию его ближайшей деятельности.

В состав президиума комитета вошло семь лиц—представители рабочих, солдат, горцев и казаков.

Тайным голосованием председателем комитета оказался избранным соц.-рев. К. Б. Мамулов, товарищами его—Скрынников, Шаханов, Пензулаев и секретарями П. Караулов, сотник Васильев и солдат Попов.

Симон Такоев так характеризует Областной исполнительный комитет: „В нем находились почти все члены Центрального горского комитета—Чермоев и другие. Были и представители от Совета рабочих и солдатских депутатов, но их было мало, они не могли оказывать в комитете почти никакого влияния, так что Областной исполнительный комитет являлся ничем иным, как местом повторных заседаний казачьих и горских контрреволюционеров. Понятно отсюда, что между Областным исполнительным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов происходили постоянные трения и конфликты". [1])

---

[1]) Сим. Такоев. К истории рев. движ. на Тереке. „Изв. Осет. Н.-Иссл. Инст. Краеведения". Т. II, стр. 339.

В апреле 1917 г. в Грозном состоялся многолюдный с'езд представителей Чечни, на котором были избраны делегаты на 1-й горский с'езд и члены Чеченского национального совета.

Совет состоял из крупных чеченских буржуа, землевладельцев и духовенства. [1])

На состоявшемся 22 и 23 апреля с'езде представителей от ингушского народа были избраны: комиссаром Назрановского округа агроном М. Джабагиев, товарищем к нему инж.-техн. Х. Льянов, председателем Назрановского горского суда Г. Мальсагов, членами совета округа С. Альдиев, С. Базоркин (есаул) и И. Мислауров (прапорщик); кандидатами к ним: Ш. Куриев, И. Ужахов и Э. Пошев (поручик); членами Центрального комитета об'единенных горцев: ген. Т. Укуров, Гапур Ахриев и И. Мальсагов; в члены Областного гражданского исполнительного комитета: землемер Б. Джантемиров, И. Мальсагов, Г. Ахриев и Х. Арсамаков; в комиссары участков: 1-го—А. Бек-Бузаров, 2-го—С. Горчханов и 3-го—Х. Боров.

Выборами на с'езде руководила особая комиссия в составе князя Т. Алхазова, пом. прис. пов. Т. Пензулаева, част. пов. А. Канукова и студента М. Кундухова.

Делегатами на первый горский с'езд избраны были С. Альдиев, Б.-Г. Джабагиев, С. Темиев, Т. Укуров.

Организация горской буржуазии в отношении политического об'единения началась с марта 1917 г.—с момента первой горской конференции.

Конференция единогласно признала необходимым немедленное об'единение всех горских народов для участия в организации революционной власти.

На этой конференции избран был Временный центральный комитет Союза об'единенных горцев под председательством Б. Шаханова.

Основные задачи, которые на комитет возложила конференция, были следующие:

1. Представлять горские народы во всех случаях, когда в политической жизни края будут затрагиваться их интересы.

2. Защищать интересы и неприкосновенность отдельных народов против покушения на тот или иной народ со стороны других групп населения края.

3. Организация на местах выборной власти.

4. Созыв общегорского с'езда.

Во исполнение постановления первой горской конференции Временный центральный исполнительный комитет организовал 1-го мая, в Владикавказе, первый горский с'езд.

---

[1]) Х. Д. Ошаев. Начало революционного движения в Чечне.

1-го мая рабочий класс отметил день международного рабочего праздника демонстрациями, митингами, впервые не разгоняемыми полицией.

Шествия различных организаций с красными знаменами направлялись к месту парада.

„Терские ведомости“ писали: „Чувствуется настоящий праздник. Улыбки, веселый смех, пение, звуки духового оркестра, зурны и других туземных инструментов оглашают воздух.“

В этот день открылся с'езд.

Присутствовали около 300 делегатов и масса гостей.

Перед открытием с'езда кадием дагестанских кумыков прочитана была молитва.

За столом президиума—члены Временного центрального комитета об'единенных горцев.

С'езд открыл председатель Временного центрального исполнительного комитета Б. А. Шаханов, который произнес следующую речь:

„Братья горцы!

50 слишком лет тому назад тяжелый гнет царизма задавил свободу горцев Кавказа.

25 августа 1859-го года пал Гуниб. Наш незабвенный народный герой, имам Чечни и Дагестана, Шамиль был пленен и отвезен в Калугу кончать свою жизнь в условиях придирчивого жандармского режима.

5 лет спустя, 21-го мая 1864 года, на другом краю нашей горской родины—на Черноморском побережьи пал последний свободный черкесский аул Ахчинской.

Что затем настало—вы слишком хорошо знаете.

Попрание, вопреки торжественным обещаниям, когда то данным, не только политических, но и имущественных наших прав, об'явление земель, орошенных потом и кровью наших предков,—казенными, отдание нас на растерзание отбросам русского общества, нахлынувшим жадной стаей на наивных и доверчивых горцев, из которых одних, к счастью, ничтожное меньшинство, они развратили и обратили в своих приспешников и сотрудников, а других озлобили и замкнули в глухом протесте против всего, что имело на себе штемпель русского правительства.

И вдруг—чудо.

В марте 1917-го года русский пролетариат и русская революционная армия, в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, нас сковывавшие.

И вот мы на нашем горском с'езде, единственном в истории наших народов, с'езде, об'единяющем все горские племена от Черного

до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных, широко демократических началах.

В единении сила. В единении—нашем, внутреннем нашем единении и в единении с теми, кто освободил нас от гнета царизма—пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью."

Свободное государство,—продолжал оратор, — республика даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии. „Но пределы и характер этой автономии определяются учредительным собранием, и расширение этих границ до желательного для отдельных народностей предела дается не без борьбы с элементами, стремящимися к сохранению наибольшей власти за центральным правительством в ущерб окраинам.

Поэтому мы, горцы, должны явиться в учредительное собрание во всеоружии, как об'единенная мощная организация, для того, чтобы отстоять такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию".

С приветствием выступил комиссар Терской области Караулов:

— „Я приветствую вас, горцы, от имени Временного правительства, представителем которого я являюсь здесь и которое все свои силы направляет к проведению в жизнь завоеванной свободы. Я приветствую вас от имени войскового круга и желаю вам плодотворной работы в устройстве ваших дел (аплодисменты).

Мы, казаки, уже приступили к устройству своих дел и выразили искреннюю готовность к братскому с вами единению. Настала пора, когда и вы, горцы, имеете возможность устроить свою жизнь так, как вы сами этого хотите. Казаки уже не будут вмешиваться в ваши дела. Они решили теперь устраивать только свою судьбу, и я надеюсь, что в учредительном собрании мы, казаки, пойдем вместе с вами, горцами. Просматривая программу вашего с'езда, я видел, что она мне не чужда. Вы намечаете земельный вопрос. Старый, наболевший вопрос. Земли ваши, леса ваши, об'явленные казенными, теперь, конечно, должны принадлежать вам, как исконным собственникам. Духовный вопрос, об'явленный в программе с'езда, не безизвестен мне—он затрагивался мною в Государственной думе".

Политическая платформа и программа Союза об'единенных горцев Кавказа определенно выявилась из докладов и прений на с'езде.

С'езд установил ряд общих положений о Союзе.

Последний—указано было в положении—об'единяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен, является членом Кавказского мусульманского союза и имеет целью, в видах обеспечения

мирного сожительства всех народов Кавказа, защиту и укрепление завоеванных революцией свобод, проведение в жизнь демократических начал и защиту общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов.

Для защиты свободы горцы считают необходимым борьбу с внешним врагом, угрожающим завоеванной свободе, до достижения почетного мира без аннексий и контрибуций.

Отношение к Временному правительству: „Эти основные задачи момента вызывают необходимость поддержки демократизированного Временного правительства, являющегося до созыва учредительного собрания единственным носителем верховной власти в России в его стремлении осуществить возвещенную им в декларации от 6 марта 1917 года политическую программу, венцом коей является созыв учредительного собрания".

Реформы местного самоуправления, административного, духовного и судебного строя: „Не ожидая окончательной организации местного самоуправления через учредительное собрание и новый парламент, Союз горцев ставит своей ближайшей задачей разработку и проведение в жизнь нового духовного и административного управления на выборных началах, а также широкого земского самоуправления и реформы местного суда, разработку проектов норм или статута будущего автономно-федеративного устройства горцев Кавказа и их общественно-правовой жизни".

С'езд высказался за учреждение федеративной демократической республики.

На с'езде был избран Центральный комитет союза об'единенных горцев, куда от ингушей вошли: В.-Г. Джабагиев, первым кандидатом С. Альдиев и вторым кандидатом Темиев; кроме того, при комитете избран был духовный совет из 9 человек под председательством Нажмудина Гоцинского.

Этот с'езд „дал тон всему горскому движению, подняв зеленое знамя шариата. Муллы и шейхи Чечни и Дагестана дали волю своим страстям в течение десяти дней хода с'езда. Как разрешить такой то вопрос? „По шариату"—отвечает дружно хором с'езд, словно им управлял ловкий дирижер. Интеллигенция могла для вида голосовать против, воздерживаться, масса духовенства, присутствовавшая на с'езде, стояла за шариат, словно до с'езда уже все вопросы были предрешены и консультированы с аллахом". На с'езде этом „впервые продемонстрировали себя все силы революции и контрреволюции среди горских народов. После него каждая сторона зарубила себе на носу „урок" и начала готовиться к грядущим событиям, которые не заставили себя долго ждать. Было ясно, что группировок немного. Реакция об'единилась, выбросила шариатский флаг и чувствовала се-

бя твердо на ногах в то время, как социалистическая струя с'езда была еле заметна, едва себя оформливала и искала организационных форм, нащупывая точки споры". [1])

В сентябре того же 1917 года в Владикавказе состоялся 2-й общегорский с'езд, который принял конституцию.

Пункт 1-й конституции гласил, что горские народы образуют одну политическую единицу (Союз).

2. В границах Союза каждый народ получает внутреннюю автономию.

3. Для разрешения общих вопросов Союза образуются законодательные учреждения в виде палат: низшей,—воплощающей идею свободной нации и состоящей из депутатов, избираемых в числе одного на каждые 30 тысяч человек населения, и верхней палаты,—воплощающей идею единства и состоящей из представителей народов в числе двух от каждого.

4. Законодательные палаты выделяют из состава своих членов представителей исполнительной власти.

Таковы были основные статьи конституции, принятой на втором общегорском с'езде.

Итак, Союз горцев Северного Кавказа имел целью об'единение горских народов на основе национально-буржуазных лозунгов.

Главными руководителями Союза были кумыкские и кабардинские князья, нефтепромышленник Чермоев, дагестанские беки, коннозаводчики, духовные лица — шейхи и проч. эксплоататоры горских трудящихся масс.

18-20 мая 1917 г. в г. Владикавказе состоялся с'езд представителей населения Терской области, который принял „Положение о временном самоуправлении Терской области". Согласно этого положения Терский областной с'езд и Терский областной исполнительный комитет являлись высшими органами власти в области.

С'езд упразднил должность начальника Терской области, а права и обязанности его передал Областному исполнительному комитету и областному комиссару.

20 мая с'езд избрал Терский областной исполнительный комитет в составе председателя Пшемахо Коцева, товарищей председателя—князя Т. Алхазова и М. Караулова и членов: В.-Г. Джабагиева, М. Чермоева, Ибр. Чуликова, Б. Шаханова и др.

С'езд прошел под лозунгом—всемерная поддержка Временного правительства.

---

[1]) А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Даг. Гос. Изд. Махач-Кала, 1927 г.

Органами временного самоуправления Назрановского округа являлись: Назрановский окружной с'езд представителей населения, окружной гражданский комитет, окружной комиссар, сельский комитет выборных, сельский гражданский комитет.

Окружной с'езд составлялся из представителей всего населения округа, избранных на сельских сходах на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Окружной гражданский комитет проводил в жизнь, в пределах округа, директивы Временного правительства.

Все права и обязанности начальника округа и его помощника перешли к окружному гражданскому комитету, окружному комиссару и его товарищу.

К сельскому комитету выборных перешли все права бывших сельских сходов, а к сельскому гражданскому комитету—все права и обязанности бывших сельских правлений.

Участковые комиссары должны были следить „за порядком и общественным спокойствием в своих участках".

Выразителем настроения ингушской буржуазии, ее трубадуром был Васан-Гирей Джабагиев, агроном, бывший чиновник министерства земледелия.

Буржуазная интеллигенция раскололась на две группы. „С одной стороны, группа офицерская без определенного вождя (вернее, ею руководил тот, кто старше чином) и, с другой стороны, чиновничья группа с бр. Джабагиевыми во главе, питавшая вражду к первой группе из за власти". „Масса начала скептически относиться к революционному прошлому Джабагиева. В этот момент появилась целая серия „святых" (шейхов): Арсанов, Шамсудин-хаджи, Н. Гоцинский и множество других. Будучи сами темными фанатиками, эти „святые" всетаки инстинктивно чувствовали, с кем связаны их интересы. В своих бесчисленных гастролях они призывали народ об'единиться с казаками". И вот, Джабагиев, увидев, что масса постепенно охладевает к нему, присоединился к „святым". [1])

Джабагиевы, в стремлении удержать власть в своих руках, заключили союз с духовенством и даже примкнули к наиболее многочисленной секте Кунта-хаджинцев с тем, чтобы таким образом под знаменем шариата вести массы за собой.

Комиссар округа М. Джабагиев считал себя диктатором и свою административную деятельность не желал согласовывать с окружным комитетом.

---

[1]) Хейр-Хаев. Этапы революции в Ингушетии. Жур. „Горский вестник", 1924 г., № 2.

Одной из иллюстраций взаимоотношений между комиссаром округа и комитетом является следующая заметка „К с'езду в Назрани", напечатанная в газете „Терский вестник" от 2 июля 1917 г. (№ 50) за подписью „Ингуш": „Что сделано для обнищалого края за четыре месяца деятельности? Что может ответить на этот вопрос избранные комитет и комиссар?

Вы скажете:

1. Комиссар и комитет в контрах.

2. Комиссар не признает комитет, а комитет комиссара.

3. Комиссар телеграфирует и освобождает преступника за то, что он арестован комитетом.

4. Что резолюция комитета об аресте преступников отменяется резолюцией начальника округа.

5. Что комиссар подписывается, как председатель исполнительного комитета.

6. Что комиссар от имени комитета и народа дает телеграмму военной власти об избрании его племянника начальником милиции.

7. Ведет агитацию о передаче власти муллам.

8. Дал предписание участковым начальникам о назначении с'езда выборщиков в Назрани без ведома комитета.

9. Когда исполнительный комитет счел с'езд незаконным, то комиссар приказал не признавать постановления комитета законным".

„Вот, что сделано для ингушского народа за четыре месяца. Ингуши тринадцать дней, с 17-го по сие время, старались помирить комиссара и комитет, но избранники и слышать не хотят об этом: „война до победного конца". „Такова печальная действительность ингушского народа. Так работают наши избранники".

Между тем, общее политическое состояние края было накаленное.

Терская область представляла собой пороховой погреб, готовый взорваться каждую минуту.

Уходившие с Кавказского фронта, под влиянием большевизации, войска направлялись в это время частью по Военно-грузинской дороге в Владикавказ, частью тоже на север, но по железной дороге.

В июне 1917 года остановились в Владикавказе солдаты 21, 22, 23 и 24 стрелковых пехотных полков.

Контрреволюционные элементы для организации побоища нашли благоприятный для себя предлог.

Между владельцем гостиницы Ц. Дударовым и прапорщиком стрелкового пехотного полка произошел инцидент на почве наруше-

ния прапорщиком порядка пользования гостиницей. Прапорщик ударил Дударова по лицу, но был тотчас же убит владельцем гостиницы. Собравшаяся толпа солдат устроила над ним самосуд. В это время провокаторы быстро распустили по городу слух, что ингуши убивают жителей города.

Провокация удалась. Ингушей убивали на базаре, на улицах города, в домах, везде, где только можно было их найти. Побоище продолжалось в течение дня и ночи. По окончании погрома в покойницкую городской больницы доставлено было несколько десятков трупов убитых ингушей.

14 июля в Назрань выехала делегация представителей от Областного исполнительного комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, городской думы, Центрального комитета союза об'единенных горцев, ингушей и казаков.

В Назрани делегацию встретил весь поселок. Была отслужена панихида по убитым в Владикавказе 6—8 июля, по окончании которой представители выступали с речами.

В конце июля в пос. Назрань состоялся с'езд, на который прибыли, по приглашению М. Джабагиева, Шамсудин-хаджи, Дени-шейх Арсанов.

С'езд раскололся на две основные группировки: сторонников джабагиевщины и ее противников.

Последние указывали на то, что Джабагиевы и их сторонники постоянно выдвигают шариат, как универсальное средство для разрешения всех вопросов, исключительно в целях своей популярности, отлично сознавая, что это является шагом назад. Однако, Джабагиевы при активной поддержке духовенства провели с'езд под флагом торжества шариатской системы. Земельный же вопрос на с'езде был отодвинут на неопределенное время.

Ораторы духовенства и мюридов, Шамсудин-хаджи и Дени-шейх Арсанов, требовали немедленного проведения в жизнь шариата, настойчиво проводя мысль, что земельный и др. вопросы получат правильное разрешение только при шариате. В частности, шейх говорил, что с казачеством необходимо установить добрососедские отношения для борьбы с надвигающейся с севера опасностью в лице „мужичка" (большевика).

Вскоре после этого Джабагиевыми был созван с'езд в креп. Назрань для перевыборов комитета. В состав нового комитета вошли: Тагир-мулла, Тарко-хаджи, Сосланбек-хаджи-мулла.

Если в городе провокаторы организовали побоище ингушей, то в самой Ингушии образовался на продолжительное время ингуше-казачий фронт.

Ингушские трудящиеся крестьянские массы, искавшие в Февральской революции осуществления своих вековых чаяний—разрешения земельного вопроса и уничтожения казачьего клина, постепенно уходили из под влияния руководителей политической жизни Ингушии и переходили в открытую борьбу с казаками-колонизаторами, тогда как одновременно руководители последних, в свою очередь, тянули за собою казачьи массы на борьбу с ингушами и чеченцами.

28 июня 1917 г. с'езд делегатов от станиц Сунженского и Кизлярского отделов, по указке выше стоящих органов управления войском, постановил прервать сообщение „с туземцами", „ввиду усилившихся убийств, разбоев и грабежей вообще в области и в особенности в станицах по Сунже и Ассе"; нарушителей же этого постановления по истечении 7 дней со дня решения „считать как разбойников и поступать как с таковыми" (Постановление опубликовано в газ. „Терский вестник" от 4 июля 1917 г., № 51).

16-го июля, на соединенном заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, в присутствии комиссара области Михайлова, атамана Терского казачьего войска Караулова и других, был заслушан доклад Смирнова об ингушском с'езде в сел. Назрань. В своем докладе Смирнов указал, что постановление казаков Сунженского и Кизлярского отделов—прервать с горским населением всякие сношения, а всякого казака, нарушившего это постановление, считать разбойником, ставит население в затруднительное положение. Докладчик подчеркнул, что это постановление он считает переходом к активным действиям против горцев, в частности ингушей, которые, с своей стороны, заявили, что если казаки не отменят своего решения, то горцы вынуждены будут, вопреки желанию, принять надлежащие меры.

Караулову предложено было взять на себя инициативу в деле предотвращения назревшего конфликта, но предложение им было отвергнуто на том основании, что он не имеет права отменять постановлений собраний и с'ездов („Терск. вед.", № 63).

Для обсуждения создавшихся между ингушами и казаками взаимоотношений и был созван 5-8 августа об'единенный с'езд представителей ингушей, казаков Сунженского, Кизлярского отделов и иногородних тех же отделов.

С'езд протекал под председательством П. Коцева и с участием дежурного генерала при главнокомандующем подполк. Моисеева.

Ингушский проект мер борьбы с грабежами и разбоями—как сообщали газеты о ходе работ с'езда—указывал „на общие причины царящей в области анархии и предлагал сосредоточить борьбу с разбоями в руках Терского обл. исполнительного комитета".

М. Караулов считал, что причина лежит в провокации, в анархии и в безвластии, получающемся „в результате бесчисленности всяких комитетов, действующих в области. Поэтому необходима организация сильной единой власти в области, необходимо создание войскового правительства".

Некоторые члены ингушской делегации резко возражали против казачьего проекта.

Меры, предлагаемые казаками,—заявил Котиев—„применялись уже царским режимом и их несостоятельность доказана печальным опытом. Смешанные суды или, как их называли в народе, „смешные" суды развратили население. Пункт об учреждении капитала для возмещения расходов не только бьет по самолюбию горцев, но и несправедлив по существу.

Мурзабеков предложил учредить комитет безопасности, искоренить кровомщение, организовать сельские и станичные комитеты и т. п. вплоть до приведения вступающих в брак к присяге в том, что они не участвовали в воровствах и грабежах.

В.-Г. Джабагиев подошел к рассмотрению вопроса с общеправовой точки зрения.

В заключение с'езд вынес постановление, основные положения которого сводятся к следующему:

„Принять в отношении разбойников, грабителей, злонамеренных убийц и провокаторов шариатский суд, обязательный для туземцев, казаков и иногородних на территории Сунженского, Кизлярского отделов, Грозненского и Назрановского округов.

Убийц за кровную месть тоже предавать шариатскому суду.

Немедленно образовать при отделах капиталы, из которых удовлетворить потерпевших.

Смешанная комиссия составляется на каждый данный случай из уполномоченных от заинтересованных станиц и аулов по 2 с каждой стороны. Члены комиссии приводятся к присяге.

В случае обнаружения разбойников они предаются шариатскому суду и взыскиваются с них до третьего колена деньги, следуемые за все издержки по происшествию.

В случае доведения следов в станицу казаки не отвечают, когда же прибудут казачьи войсковые части и будут таковые стоять по станицам, то казаки за доведенные следы в станицу отвечают.

За убийство, поранения и ограбления ингушей казаками на их территории и по доказанности факта казаки отвечают и виновные предаются тоже шариатскому суду.

Примечание. За убийства же порочных лиц обе стороны не отвечают."

В конце августа контрреволюционная часть казачества совершенно прервала всякие сношения между плоскостными и горными ингушами. „Пользуясь тем, что станицы Фельдмаршальская, Сунженская, Воронцово-Дашковская и Тарская являлись полосой, разделявшей Ингушетию на две части—на плоскостную и горную, они закрыли все пути сообщения горцам с плоскостью и тем обрекли горцев на голодную смерть (в горах хлеб не растет)".

И не успела еще высохнуть на улицах Владикавказа кровь убитых и раненых, во время июльского погрома, ингушей, как в сентябре произошло кровопролитное столкновение между ингушскими массами и казачеством.

Хейр-Хаев так описывает этот бой: „Казаки станиц Карабулакской, Троицкой и Слепцовской, вооружившись с головы до пят, в один сентябрьский день, выехали в поле, где убирали кукурузу ингуши, и напали на них. Безоружные мужчины и женщины, выехавшие в поле на работу, спаслись бегством, а арбы и лошади их были уведены казаками.

В этот же день на другом конце, у преддверия гор, казаки станицы Сунженской, ныне сел. Ахки-юрт, совершили неслыханную жестокость: делегаты горских обществ сел. Мужич и Галашки, ехавшие со с'езда (из Владикавказа домой), были убиты и трупы их сожжены".

„Жители сел. Плиево в день совершения нападения на работающих в поле их односельчан 6 сентября 1917 года приблизились к станице Карабулакской вплотную и, окопавшись, открыли огонь по-ней. Казаки ответили тем же".

Завязался бой.

Власть же, „заварив кашу, сама не знала, как ее расхлебать.

Вместо об'единения казаков с горцами получилось обратное.

Караулов, когда его громовые телеграммы не возымели никакого действия, лично прибыл на поле военных действий и, сам руководя церемонией, стал мирить враждующих.

На третий день вражды, казалось, что казачьему атаману Караулову и Горскому исполкому Союза горцев удалось склонить обе стороны к миру, как вдруг одна из станиц—Фельдмаршальская, замыкающая вход в Ассиновское ущелье и в продолжение многих лет прерывавшая сношения горцев с плоскостными ингушами, запылала кровавым пожаром. Горцы, главным образом, из аулов Галашки и Мужич, делегаты коих были убиты перед тем казаками, бросились на станицу Фельдмаршальскую и после двухчасового боя сожгли ее до основания.

Это обстоятельство не испугало власть и она, энергично взявшись, добилась того, что казаки и ингуши согласились заключить мир.

С этой целью к 15 сентября был созван об'единенный с'езд казаков и ингушей в Владикавказе. Здесь, после долгих горячих речей и дебатов, было постановлено заключить „вечный мир", в обеспечение которого было выработано следующее: возместить убытки казакам сожженной станицы Фельдмаршальской, уничтожить корень вражды —грабежи и разбои, организовать смешанную охрану и много других пожеланий и проектов было высказано на с'езде.

Итак, мир был заключен и казаки, обнявшись и расцеловавшись с ингушами, раз'ехались по своим домам. Власть на этом успокоилась".

Взятие станицы Фельдмаршальской является одним из крупнейших событий в истории гражданской войны в Ингушии. Ингушские массы, убедившись в бессилии „вождей" разрешить наболевшие вопросы хозяйственно-политической жизни, сами приступили к уничтожению казачьего клина и возврату земель, ранее принадлежавших ингушам, но переданных царской властью казачеству с колонизационной целью.

В условиях Февральской ревслюции крупные и мелкие землевладельцы, князья, уздени, беки, нефтепромышленники, офицерство, националистически настроенная интеллигенция—все это поспешило возглавить с первых же дней революции политическое руководство массами на основе национально-буржуазных демократических принципов, под лозунгом самоопределения горцев в форме независимой Горской республики.

Таким образом, после свержения самодержавия у власти в Ингушии стали буржуазно-националистическая интеллегенция и офицерство, всемерно поддерживавшие не только Временное правительство и его органы на местах, но и державшие курс на союз с реакционными руководителями Терского казачьего войска.

Разрешение же давно наболевших вопросов—земельного, о ликвидации казачьего управления чечено-ингушскими массами, об участии последних в органах власти—откладывалось в бесконечность, а заключение союза с угнетавшими массы и при царизме казачьими верхами окончательно убедило широкие народные слои в измене чеченских и ингушских „верхов" трудящимся Чечни и Ингушии.

На многочисленных ингушских народных с'ездах, с первых же дней революции так часто созывавшихся в Ингушии, неоднократно поднимались те вопросы, о которых мы уже говорили выше.

Однако, Джабагиевы вкупе с духовенством и националистически настроенной кулацкой частью аулов всячески оттягивали разрешение давно назревших вопросов в неопределенную даль или, в лучшем случае, до учредительного собрания.

Наряду с отмеченными нами группами с первых же дней Февральской революции существовала революционная группа.

Эта группа вела свою работу под руководством Терской большевистской организации.

В Владикавказе, до конца сентября 1917 г., формально существовала об'единенная организация Российской соц.-демократической рабочей партии, фактически же борьба между большевиками и меньшевиками шла непрерывно, пока, наконец, не закончилась выделением первых в самостоятельную партию.

Влияние большевиков росло с каждым днем не только среди рабочих масс на Тереке, но и среди крестьянской бедноты и активных защитников ее интересов.

Корниловский мятеж вызвал заметный сдвиг в рабочих массах и отшатнул последние от меньшевиков и эсеров.

В ряды местного областного комитета РКП(б) вливаются все новые и новые потоки рабочих.

Руководящую роль в Терской большевистской организации играют т. т. С. Орджоникидзе, С. М. Киров, Н. Буачидзе, М. Орахелашвили, Я. Л. Маркус, Ю. Фигатнер, развернувшие огромную работу среди масс и неуклонно завоевывавшие позиции, которые прежде сохраняли за собой меньшевики и эсеры.

Число членов большевистских фракций и их роль в городских думах, в советах рабочих депутатов растет во всей области.

В октябре 1917 г. председателем Владикавказского совдепа избран был т. М. Орахелашвили (большевик).

Из состава буржуазно-националистической интеллигенции, примыкавшей к Джабагиевщине, выделилась затем и повела с последней активную борьбу оппозиционная группа.

Что же касается социалистической группы, то значительная часть ее, под влиянием растущего революционного под'ема масс и под влиянием партии большевиков, вошла (в 1917—1918 г. г.) в коммунистическую партию.

Рост революционной группы, насчитывавшей в начале небольшое количество лиц, неразрывно был связан с теми сдвигами, которые происходили среди ингушских трудящихся масс. На политике Джабагиевых и К⁰ они убеждались в том, что осуществление заветных чаяний масс—разрешение земельного вопроса, уничтожение казачьего клина и др.—отодвигалось в неизвестность, что „правители“ Ингушии тянут ее на союз с контрреволюционными элементами края, все туже и туже затягивая узел казачье-ингушских земельных и национальных отношений.

И в то время как контрреволюционная часть Терского казачества рассматривала революцию с точки зрения возможности окончательного „покорения“ Ингушии,—Джабагиевы и их соратники вели с поработителями нежный роман, полный трогательной дружбы.

Июльские события, постоянные казачье-ингушские столкновения, ингуше-казачий фронт были лучшим доказательством той контрреволюционной позиции, которую заняли „избранники“ ингушского народа.

Каждый крупный казачье-ингушский бой заканчивался торжественным заключением „вечного“ мира, а на другой день начиналась прежняя история, затем снова мир и т. д.

Между тем, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую спешно мобилизовало силы контрреволюции. Так, еще перед Октябрем учреждаются Терско-Дагестанское правительство, Юго-восточный союз, основной задачей которых является — остановить ход надвигавшейся пролетарской революции.

Джабагиевщина тянула Ингушию на блок с казачьей контрреволюцией, всячески пытаясь укрепить авторитет Терско-Дагестанского правительства. Сам В.-Г. Джабагиев вошел в состав последнего в качестве одного из министров (государственного контроля, затем финансов).

Между тем, мобилизация сил революции принимала все более широкие размеры.

После подавления корниловского мятежа рабочие массы теснее сплотились вокруг большевистских лозунгов: мир, земля, контроль над производством, разрешение национального вопроса.

Ряды Терской организации большевиков — авангарда рабочего класса на Тереке—растут, приобретая огромное влияние в политической жизни края и среди горской бедноты.

Раскол в местной организации РСДРП завершился выделением большевиков в самостоятельную партийную организацию в начале октября 1917 года.

Пролетарская революция надвигалась и контрреволюция собирала свои последние силы на борьбу с ней.

Во имя спасения капиталистической собственности, которой Октябрьская революция готовила сокрушительный удар,—Чермоевы, Джабагиевы, Коцевы, Капланов и им подобные заключили блок с казачьими реакционерами, всячески пытавшимися сохранить свои экономические и политические привилегии.

Ингушская действительность эпохи буржуазной революции лишний раз подтвердила всю правильность того положения, которое установлено было т. И. В. Сталиным в его статье „Октябрьский переворот и национальный вопрос“: „В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения.“ „Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция.“ „Право наций на самоопределение толковалось как право на-

циональной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования „свого" национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов. При этом упускалось из виду, что на смену царизма идет оголенный, лишенный маски империализм, что он, этот империализм, является более сильным и более опасным врагом национальностей, основой нового национального гнета." „Становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения „своей" национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами". [1])

Дальнейшие события только углубили все расширявшуюся пропасть между „верхами" и беднейшими массами чечено-ингушского крестьянства и повернули последние на путь активной поддержки пролетарской революции, на путь укрепления союза с рабочим классом, на путь борьбы за советскую власть.

---

[1] И. В. Сталин. Об Октябрьской революции, Сборник статей и речей. Партиздат. М. 1932 г.

VIII

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. И. Ленин о грозящей катастрофе.—Итоги управления Терским краем представителями Временного правительства на Тереке.—Свержение Временного правительства.—И. В. Сталин о внешней и внутренней обстановке Октябрьской революции.—Заседание Владикавказского сов. раб. депутатов 25 октября 1917 г. и принятие Советом большевистской резолюции об Октябрьском перевороте.—Мобилизация сил революции и мобилизация сил казачьей и горской контрреволюции.—Моздокский с'езд и ликвидация социалистическим блоком проекта казачьей фракции с'езда—санкционировать войну против чеченцев и ингушей.—Вторая сессия Терск. обл. народного с'езда в Пятигорске (февр. 1918 г.).—Задержка в прибытии ингушских делегатов на с'езд в связи с провокационной работой контрреволюционных сил.—Речи Н. Буачидзе, Ю. Пашковского.—Политическое состояние Тер. обл. (речь С. М. Кирова).—„Борьба за республику рабочих,солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев" (из резолюции, предложенной Кировым).—Прибытие ингушских делегатов на с'езд.—Речи Гапура Ахриева и А. Шерипова.—Вопросы национальный, земельный и о признании Советской власти.—Заявление ингушской делегации о признании трудящимися Чечни и Ингушии власти Совета народных комиссаров.—Признание подавляющим большинством голосов власти Советов (4 марта 1918 г.).—Избрание Тер. обл. народного совета, об'явление Терской народной республики и переезд с'езда в Владикавказ.—Провокационная работа контрреволюционеров и Ольгинско-базоркинское столкновение. - „Мир" на Сунже.—Декрет Совнаркома Тер. республики об организации власти.—Декрет по земельному вопросу.—Ингуше-казачья война.—3-я сессия народов Терека.—Убийство Ноя Буачидзе.—4-я сессия народов Терека.—Августовские события и роль ингушей в освобождении Владикавказа от контрреволюционных банд.—Разгром моздокской цитадели контрреволюции.—Обращение горского правительства к Турции и Германии.—Беседа Бутырина с Джабагиевым.—Ингушский народный с'езд и выступление на нем С. Орджоникидзе.—Поведение антисоветских элементов на с'езде.—5-ая, последняя, сессия Терского народного с'езда.—С. Орджоникидзе о героической роли трудящихся Ингушии в борьбе за власть Советов.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Падение Республики.

В марте 1917 г. у власти встало Временное правительство, а в середине сентября В. И. Ленин писал: „России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к мо-

нархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков. Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо". [1])

Таков был итог кратковременного хозяйничания Временного правительства, ускорившего темп развала страны. На Тереке—в результате деятельности проводников политики Временного правительства: Карауловых, Чермоевых, Джабагиевых, Коцевых и др.—в резкой степени обострились хозяйственный кризис, аграрный, национальный и рабочий вопросы.

Чечено-ингушские крестьянские массы ждали освобождения от политического гнета и разрешения наболевшего аграрного вопроса.

Цепи царизма пали, но аграрный вопрос местной властью и не ставился здесь на повестку дня.

Когда к только что прибывшему на Терек комиссару от Временного правительства Караулову в первые же дни революции посыпались отовсюду запросы о том, в какое время и как предполагается разрешить вопрос о земле, то он опубликовал такое об'явление: „К населению Терской области. В виду массовых обращений ко мне с ходатайством по урегулированию земельного вопроса, а в частности о наделении землею неимущих ее, сообщаю, что земельный вопрос может быть решен только Государственною думою в законодательном порядке. Комиссар исполнительного комитета Государственной думы М. А. Караулов" („Терск. вед.", 1917 г., № 62).

Различные виды местной власти: Центральный комитет Союза горцев Северного Кавказа, Войсковое правительство Терского казачьего войска, Горское правительство (преобразов. из Центрального комитета, и др.)—все они совершенно не пользовались доверием населения. Об'ясняется это тем, что чеченцы и ингуши, как и казачьи массы, отрицательно относились к единению „верхушек" их с „верхушками" казачества, ибо последние поняли свободу, как средство для окончательного разрешения вопроса о взаимоотношениях с горцами в положительном для себя смысле, чеченцы же и ингуши видели в революции возможность освободиться, наконец, от национального угнетения и вернуть свои земли, которые продолжали занимать казаки.

25 октября буржуазное Временное правительство было свергнуто революционным пролетариатом при поддержке крестьянской бедноты и большинства солдат.

Власть перешла к Советам.

„Три обстоятельства внешнего порядка — читаем мы в статье И. В. Сталина „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов"—определили ту сравнительную легкость, с какой удалось проле-

---

[1]) В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч., т. XIV, II ч.

тарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное орудие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, в виду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но, кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активную поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплины, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьян-

скими „бунтами" класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла расчитывать в своей борьбе с контрреволюцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внеш их и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции". [1])

Октябрьская революция на Тереке,—говорит В. Кононенко,—„осложненная провокационно-племенной травлей горских национальностей, казачье-иногородним антагонизмом, малочисленностью пролетариата, интервенционистскими вылазками турок и англичан, естественно, затянулась по сравнению с революцией в центре". [2]).

25 октября было созвано чрезвычайное собрание членов Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов.

С речью выступил Ной Буачидзе (большевик), который сказал: выступление большевиков есть „результат здравого революционного инстинкта„. Большевики не фантазеры. Революции грозит опасность не с их стороны, а со стороны правых.

М. Орахелашвили (большевик) закончил свою речь словами: „Да здравствует восстание, направленное к народному благу!".

На баллотировку были поставлены две резолюции: большевистская и меньшевистская.

Меньшевистская резолюция гласила: „Об'единенные социалистические партии никогда не шли в хвосте пролетарского движения. Учитывая истинное положение страны внутри и во вне, отдавая себе ясный отчет в реальном соотношении сил, собрание полагает, что настоящий политический момент, когда Российская Республика вплотную подошла к учредительному собранию, наша первейшая задача—устранить все, что может помешать революционному народу выявить свою волю. Выступление части петроградского пролетариата, вне всякого сомнения, вызовет контрреволюционное движение во всей стране и приведет к гражданской войне, в крови которой погибнут все завоевания русской революции. Считая очередной насущной задачей—построить единый фронт революционной демократии против

---

[1]) И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. ГИЗ, 1929 г., стр. 156—157

[2]) В. Кононенко. Предисловие к брошюре В. М. Белого: „Г. Г. Кнджиевский". Пятигорск, 1929 г.

готовящихся ежечасно выступить организующихся сил контрреволюции, черпающей свою уверенность в нашем раз'единении и слабости,—собрание призывает революционную демократию сомкнуть свой фронт и об'единиться вокруг организации. Мы призываем революционный народ стать стальной шитиной и громко, на весь мир, крикнуть нестареющий международный клич: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! „В борьбе обретут все право свое".

„Заслушав тревожные известия—говорилось в большевистской резолюции,—о восстании в Петрограде и завоевании власти революционной демократией и, обсудив на основании этих коротких односторонних сообщений, положение, в которое может стать Россия при развитии решительной борьбы за власть,—соединенное заседание всех революционных, политических и профорганизаций г. Владикавказа считает, что вся политика Временного правительства была направлена до сих пор во вред интересам народа, стонущего под нестерпимым бременем четырехлетней бойни, ведущейся во имя интересов противонародной империалистической буржуазии,—народа, стоящего перед лицом голода, полного развала народно-хозяйственной жизни, народа отчаявшегося, не имеющего уверенности даже в созыве учредительного собрания, против которого контрреволюционная буржуазия ведет явный поход.

Ввиду этого собрание считает, что восстание пролетарских, солдатских и крестьянских масс назревало и зреет, как ответ организовавшейся контрреволюции и, потому, не имея точной картины происходящего в Петрограде, собрание шлет свой привет поднявшим знамя восстания за попираемые права революционной России.

С ними сочувствие владикавказской революционной демократии, которая должна принять немедленно действительные меры против возможных контрреволюционных выступлений на местах".

Большинством голосов принята была резолюция большевиков.

Это была крупная победа большевиков в Владикавказском совете рабочих депутатов.

Отношение же руководящих кругов Терского казачества к Октябрьскому перевороту весьма выпукло выражено было в передовице газеты „Вперед" (орган Терского войска, 1917 г., 29 октября, № 115): „Настал психологический момент, когда разрушительная стихия русской революции, свойственная, впрочем, не только русской, но и всякой другой революции, стала лицом к лицу с конечным выводом, вытекающим из ее развития—с анархией, возведенной в принцип жизни, ибо большевистское восстание, отметающее все государственные тенденции, провозглашающее диктатуру черни (беднейшего пролетариата и земельных батраков) декретировало анархию, как нормальную форму жизни".

Статья заканчивается призывом к казачеству: „К тебе, казачество, обращаются теперь с последней надеждой взоры страдающей родины. Скорей организуй свою мощь! Организуй вокруг себя все оставшееся здоровым в России и выступай против темных сил!“

Терская организация большевиков к этому времени успела уже завоевать позиции в Советах рабочих и солдатских депутатов, в городских думах, в профессиональных союзах и вела дальнейшую борьбу за доведение демократической революции до конца и за переход к социалистической революции.

Всевозможные местные общественные, „правительственные“, партийные организации не замедлили об'явить протест против захвата власти большевиками.

В частности комитет партии социалистов-революционеров принял 25 октября 1917 г. резкую резолюцию, осуждающую выступление большевиков, а на заседании Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов от 27 октября эсеры же заявили об отозвании своих представителей из органов Совета в связи с провалом эсеро-меньшевистской резолюции, направленной против большевиков.

Положение на Тереке в период Октября одна из активных партийных работниц Е. Полякова рисует так: „Терская область бурлила и кипела. Приехавший Киров информировал большевиков о положении дел в Петрограде и о настроении по пути. Казачьи станицы спешно вооружались. Офицерство шныряло везде“. „Шла бешеная травля, и то тут, то там снова вспыхивали стычки ингушей с казаками. Реакцией использовался каждый удобный момент и случай для провокации“. Владикавказский городской совет, „все еще не взявший власти в свои руки, приобретал все больший авторитет и популярность среди трудящихся. В городе фактически было двоевластие, никто из рабочих и жителей окраин не признавал городскую думу за власть. Все шли в Совет. Областной же городской комитет никакой власти из себя не представлял“. [1])

Надвигавшимся волнам пролетарской революции реакционные казачье-горские деятели всячески пытались противопоставить различные плотины.

Союз горцев и руководящие круги казачьих войск Юго-востока, как мы уже отметили, создали единый фронт: Центральный комитет союза горцев и войсковое правительство Терского казачьего войска организовали 1 октября Терско-Дагестанское правительство (во главе с князем Каплановым и с участием В.-Г. Джабагиева, Кочева, Чермоева, Караулова, ген. Голощапова и др.), а 20 октября, в Владикавказе, „представители“ Терского, Кубанского, Донского, Астра-

---

[1]) Е. Полякова. Партийная работа в 1917 г. в Владикавказе. Сборник „Октябрь в Владикавказе“. 1927 г.

ханского казачьих войск, калмыцкого народа и Союза горцев заключили и подписали договор, по которому учрежден был „Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей".

В состав Юго-восточного союза вошли: „Войско Донское, войско Кубанское, войско Терское и войско Астраханское, примкнувший к войску Астраханскому калмыцкий народ и об'единенные в особый Союз горцев Кавказа следующие горские и степные народы: г) все народы Дагестана (аварцы, даргинцы, лаки, они же кази-кумухи, кюринцы, кумыки, табасаранцы и иные (Закатальского округа) лезгины); б) все горские народы Терского края (кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, кумыки и салатавцы); в) все горские народы Кубанского края (карачаевцы, абазинцы, черкесы, ногайцы и иные); г) степные народы Терского края (ногайцы, караногайцы); д) степные народы Ставропольской губернии (ногайцы и туркмены).

Договор о Союзе был подписан в Владикавказе 20 октября 1917 г., а декларация опубликована 28 ноября того же года. „Развал центральной государственной власти—гласила декларация—и быстро развивающаяся анархия привели к тому, что жизнь нашей великой страны, как единого целого, остановилась. Предоставленные самим себе, отдельные области и народы перед лицом надвигающихся хозяйственно-экономических и политических потрясений, вынуждены были организовать свою собственную власть на началах самоуправления. Разразившаяся борьба политических партий угрожала гибелью самобытным особенностям вольных общин казачества, горцев и степных народов Юго-востока России, на которых исторически строилась их духовная и хозяйственная жизнь.

Поэтому казаки, горцы и степные народы юго-восточных областей взяли всю полноту власти в свои руки и передали ее своим правительствам, избранным всенародным голосованием, а для защиты общих интересов образовали Союз во главе с об'единенным правительством".

Союз ставил себе целью:

1) достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членов Союза отдельными ее штатами;

2) всемерную поддержку других народов и областей, стремящихся к устройству государства Российского на федеративных началах и установление с ними связи и соглашений;

3) стремление к образованию твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на все живые силы национальностей и территории страны и свободной от давления безответственных организаций;

4) содействие центральной государственной власти в борьбе с внешним врагом и заключение достойного мира на основах самоопределения народов, в установлении в стране правопорядка и в борьбе с анархией и контрреволюцией;

5) гарантию полной самостоятельности и независимости членов Союза в отношении их внутренней жизни;

6) содействие членам Союза в подготовке и реорганизации внутренней жизни их, как штатов будущей Российской федерации;

7) защиту прав членов Союза: политических, земельных, культурно-экономических и национальных, а также урегулирование земельных отношений между членами Союза;

8) согласование и об'единение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории Союза и т. д.

Присоединение Ингушии к контрреволюционному Юго-восточному союзу и Терско-Дагестанскому правительству было делом рук известного нам уже В.-Г. Джабагиева, получившего в правительстве портфель главноуправляющего по ведомству государственного контроля, а затем финансов.

И вот, в то время как чеченские и ингушские массы ждали уничтожения казачьего гнета над ними, „представители" их передали судьбу этих масс казачьим реакционерам, являвшимся, как известно, ярыми противниками возвращения отнятых у горцев земель, противниками национального освобождения.

Что же касается казачества, то в конце октября 1917-го года „представители" восьми станиц Сунженского отдела: Карабулакской, Троицкой, Слепцовской, Нестеровской, Фельдмаршальской, Ассиновской, Михайловской и Самашкинской в своем воззвании к станичникам писали: „В данное время из официальных сведений нам известно, что по каким то причинам, нам неизвестным, образован Союз юго-восточных народов, в который вошли все народы Кавказа, в том числе ингуши и чеченцы, давнишние наши враги, с которыми, согласно договора союза, мы должны жить за едино, по братски, но мы, представители станиц Сунженской линии, на это не согласны и против этого"... („Терск. вед.", 1917 г., № 147).

30-го октября газеты сообщали, что Караулов заявил Войсковому правительству о сложении с себя полномочий войскового атамана, мотивируя свой шаг недоверием, выраженным восемью станицами Сунженской линии, как результат его мирной политики между горцами и казаками („Терск. вед.", № 151).

Таким образом, блок Исполнительного комитета с Войсковым правительством (в лице Караулова) вызвал недовольство как в казачьих реакционных кругах, так и горских массах.

Чтобы дополнить картину общего положения края до января 1918 года, надо указать еще два обстоятельства: это возвращение с фронта горских воинских частей и погромы отступающей Кавказской армии.

С фронта вернулась так называемая „дикая" дивизия—туземный корпус, состоявший из кабардинского, черкесского, двух осетинских конных полков и пешей бригады, ингушского, чеченского, татарского и двух дагестанских конных полков.

Нужно заметить, что „дикая" дивизия вовлечена была в мятеж, возглавлявшийся генералом Корниловым, но, благодаря агитации революционных горцев, живших в это время в Петрограде, в горских войсках появилось определенное расслоение. „Нижние чины" корпуса,—говорит Казбек Бутаев—обманутые авантюрой князей Багратионов, Голицыных и т. д., побратавшись с солдатами на пути, начали понимать, что руководство начальников ведет их к преступлению. Поход на Петроград раскрыл им глаза и с тех пор массы горцев в этих полках определенно начали симпатизировать „левым", т. е. большевикам". „С таким настроением полки вернулись на Кавказ задолго до Октябрьской революции и разместились на Северном Кавказе. И здесь среди полков шла неустанная борьба за и против революции. Комитеты полков гнули налево, к революции, генералы, вроде принца Каджара и Половцева с полковниками и всем офицерством спасали положение старорежимной палочной дисциплиной. Но надежд на „дикую" уже было мало". [1])

Демобилизованная же Кавказская армия, благодаря провокации контрреволюционеров, открывала, по пути, боевые действия против горцев. Происходили кровопролитные столкновения.

Демобилизованные солдаты 13 декабря на ст. Прохладной убили войскового атамана Терского казачьего войска М. А. Караулова.

Министр Медяник (казак) взят был в плен ингушами и убит.

Край представлял собой непрерывный фронт.

Железная дорога во многих местах была разобрана.

Офицеры разогнали Владикавказский совет рабочих и солдатских депутатов, арестовав Орахелашвили, Ноя Буачидзе, представителей Осетинского национального совета Цомака Гадиева и С. Мамсурова.

Власть горского правительства к январю 1918 г. распространялась, по словам К. Бутаева, только на Александровский проспект и Московскую улицу г. Владикавказа.

Чечня, Ингушия с одной стороны и казачество—с другой представляли собой сплошной военный фронт.

---

[1]) К. Бутаев. Борьба горцев за революцию. Влад-з, 1922 г.

Чеченский национальный совет во главе с Ахметханом Мутушевым и Ингушский национальный совет во главе с Васан-Гиреем Джабагиевым тщетно пытались остановить железный ход революции.

Вооруженная масса собирала свои силы и готовилась к решительным боям.

Всюду горели костры гражданской борьбы.

4 января 1918 г. пять ингушей, ехавшие из Владикавказа, недалеко от слободки Шалдон были расстреляны взводом казачьего полка, направлявшимся из Сунжи.

Городские жители—ингуши, собравшиеся на тревогу, завязали перестрелку, продолжавшуюся до поздней ночи.

Семь дней, непрерывно днем и ночью, шла перестрелка между ингушами и казачьими частями.

Правительство, главным образом, горская половина его, „в ночь под 9 января вывезло все вооружение, имевшееся в распоряжении „дикой" дивизии, бросило город и выехало в Базоркино. „Убийство казаками горцев 4 января было явлением не случайным. Это было обдуманный политический акт для того, чтобы вызвать ингушей на открытые военные действия. Ареной для этих действий казачьими верхами был избран Владикавказ. Но так как ингуши сразу заняли город, где в их распоряжении очутилась масса оружия, то казаки, как и во многих предыдущих случаях, и здесь ошиблись в своих расчетах, а поэтому они воздержались от выполнения своего плана и ждали дня, когда ингуши оставят город.

10 января, вслед за правительством, выехали из города и ингуши в связи с распространившимися слухами о готовящемся нападении казаков на Плиево.

Таким образом, город оказался в руках казаков.

С занятием города они совершенно отрезали горную Ингушетию от плоскостной и тем лишили последнюю, в случае войны, помощи со стороны горцев.

После того, как ими были укреплены все выходы из гор, они решили открыть военные действия.

Утром, 11 января, на рассвете, казаки всей Сунженской линии ворвались в сел. Плиево, расположенное в 3-х верстах от ст. Карабулакской. Я уже отметил ранее, что ингуши с первых дней революции стали энергично вооружаться и к описываемому моменту были вооружены с головы до ног.

Как только казаки ворвались в селение, из станицы для пущей важности был дан залп и открыт орудийный огонь.

Ингуши, не особенно доверяя казакам, спали чутким сном.

Взбешенные таким предательством, плиевцы схватились за оружие и завязался отчаянный, чуть ли не рукопашный бой, в результате которого к восходу солнца казаки с большими потерями были загнаны обратно в Карабулак.

Разбуженная орудийной канонадой Ингушетия, как всегда в подобных случаях, поспешила на помощь, и к 10 часам утра два враждующих противника, окопавшись, обстреливали друг друга.

Так установился на долгие дни фронт, кольцом окруживший всю Ингушетию". [1])

И вот, вожди Терской контрреволюции решили санкционировать организованную войну казачества против чеченцев и ингушей на областном с'езде в Моздоке, открывшемся 25-го января 1918 года.

На с'езд прибыло свыше 300 делегатов; присутствовали представители всех социалистических партий, а также представители трудовых слоев горских народов. Бряцали на с'езде оружием и представители казачьего кулачества и офицерства.

Отсутствовали только делегаты от ингушей и чеченцев, так как Моздокский военно-революционный комитет не пригласил их на с'езд, основываясь на том, что казачество находилось в состоянии войны с этими народами.

На самом с'езде выяснилось, что он созван с тем, чтобы добиться одобрения в наступлении казаков на ингушей и чеченцев и вовлечения в эту войну остальных горских народов края. Дело доходило до того, что организованная инициаторами с'езда армия требовала от последнего издания приказа о наступлении на Ингушию и Чечню.

Однако,—большевики, керменисты, меньшевики, эсеры, организовав по инициативе большевистской фракции с'езда (Ноя Буачидзе, С. Кирова, Ю. Фигатнера и др.) социалистический блок, разбили планы казачьей фракции с'езда.

Организация блока явилась следствием необходимости мобилизации всей демократии в противовес мобилизации реакционных сил с'езда.

В первую очередь с'езд обсудил директиву Моздокского военно-революционного комитета о наступлении на чеченцев и ингушей.

Социалистический же блок внес предложение—отменить этот приказ комитета.

Это предложение с'ездом было принято (хотя и незначительным большинством).

---

[1]) Хейр-Хаев. Этапы революции в Ингушетии. „Горск. вестник", 1924 г., № 2

Но земельный вопрос и вопрос о признании власти Совета народных комиссаров, поставленные блоком на рассмотрение, были сняты под усиленным давлением реакционной части с'езда.

Резолюция же по текущему моменту, внесенная блоком, с'ездом была принята.

„Обсудив вопрос в заседании 28-го января по текущему политическому моменту в Терской области,—гласила резолюция—с'езд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контрреволюционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны, сделать все к тому, чтобы углубить ее и расширить. Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности и, главным образом, в организации сельского населения без различия национальностей. Вместе с тем, безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революционный момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, об'единения всех элементов страны, борющихся за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту республику можно успешно побеждать контрреволюцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых моментом революционной демократии, необходимо прежде всего создать орган власти, способный об'единять демократию Терской области и явиться авторитетным в низах масс населения без различия сословий и национальностей. Такая власть может быть создана только на общеобластном демократическом с'езде рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский край".

И блок постановил назначить новый с'езд с участием всех горских народов, в том числе ингушей и чеченцев.

Социалистический блок командировал в Ингушию т. т. Палаванашвили и Сахарова для организации выборов делегатов на Пятигорский с'езд и для др. важнейших работ политического характера.

Вторая сессия Терского областного народного с'езда открылась 16-го февраля 1918 года в гор. Пятигорске.

К 20-му февраля на с'езд прибыло 530 депутатов: от Моздокского отдела: казаков 29, иногородних 24, осетин 1, кабардинцев 2 и калмыков 3, всего 59 человек; от Пятигорского отдела: казаков 25, кабардинцев 5, иногородних 34, всего 64 ч.; от Сунженского отдела: казаков 35 с решающим и 8 с совещательным голосом, иногородних 9

с решающим и 2 с совещательным голосом, всего 54; от Кизлярского отдела: казаков 26, из них один с совещательным голосом и иногородних 13, всего 39; от Нальчикского округа: горцев 1, осетин 7, кабардинцев с решающим 72 и совещательным голосом 8, балкарцев с решающим 14 и совещательным голосом 4 и иногородних с решающим 19 и совещательным голосом 6, всего 131; от Владикавказского округа: осетин 30 и иногородних 4, всего 34; от Грозненского отдела—из слободы Воздвиженской 2; от Хасав-юртовского округа 2 с совещательным голосом, русских с решающим 5 и совещательным голосом 3, немцев 2, всего 12; из гор. Владикавказа: всего 22, из них с решающим голосом 17 и совещательным 5; из Кисловодска—18, из них с решающим голосом 12 и совещательным 6, из Грозного—25 с решающим голосом; из Моздока с решающим голосом 3; от Краевого центра: с решающим голосом 3; от Совета Всероссийского с'езда крестьянских депутатов с решающим голосом 1; от 2-й Терской батареи—1, от гор. Кизляра—3, от гор. Георгиевска 17, с решающим голосом 13 и совещательным 4, от гор. Пятигорска 26, с решающим 21 и совещательным 5.

В день открытия с'езда председатель Терского народного совета Ю. Пашковский огласил телеграмму следующего содержания:

„Ингушский народ приветствует трудовые народы всех национальностей, населяющих Терскую область.

Братья труженники!

Мы, трудовой народ Ингушетии, с вами вместе должны излечить те болезни, которыми страдали мы все.

Наглая контрреволюционная черная рука не дала возможности с вами вместе приехать в день открытия с'езда. Но мы с вами и приедем к вам.

Члены Совета от ингушского народа Котиев, Сокалов и Ахриев".

Оглашенная телеграмма вызвала бурю аплодисментов.

Раздается возглас:

— Да здравствует ингушский народ!

Новый взрыв аплодисментов.

20 февраля с'ездом получена была телеграмма: „Ингушский национальный совет просит довести до сведения с'езда, что ингушские делегаты задержались по независящим обстоятельствам, ввиду провокационных убийств и насилия над ингушами в Владикавказе. Совет принимает спешно меры к сбору снова делегатов. Делегаты выедут двадцатого. Совет приветствует с'езд и желает ему плодотворных работ. Председатель В. Джабагиев, член народного совета Сахаров".

От Терского областного народного совета приветственную речь произнес Ной Буачидзе.

„Вам, товарищи,—сказал он—всем ясно, что самые главные, самые трудные препятствия, какие стояли на нашем пути, сломлены уже на Моздокском с'езде. Это именно то, что кому то угодно было искусственно нас раз'единить, натравливать друг на друга. На Моздокском с'езде мы, представители трудового населения, достигли единения, мы убедились в том, что трудовые народы всего края, охваченного пожаром, протягивают друг другу братские руки. Было ясно, что разрешения всех наболевших вопросов о земле, рабочий вопрос, национальный и другие,—можно достигнуть только мирным путем, путем единения самих народов.

Главное препятствие было изжито нами на первом с'езде. Других положительных сторон того с'езда я не буду указывать. Скажу только, что мы узнали своих друзей и врагов.

Задачи настоящего с'езда гораздо более сложные, ибо все уже видели, что враги народа испугались и стараются всячески сорвать наш с'езд, помешать ему. Вы, наверное, знаете или узнаете потом, какие препятствия ставились нашей мирной делегации во время переговоров с чеченцами и ингушами, чтобы удержать их от посылки своих представителей сюда, чтобы не дать им возможности протянуть нам братскую руку. Но могучие руки народов отбросят эти препятствия так же, как отбросили они их во всей России".

18-го февраля с докладом о деятельности Терского народного совета выступил председатель последнего Пашковский: „Деятельность Терского народного совета была кратковременна. 15 дней было в его распоряжении, в то время как работы ему предстояло много. И только приступив к работе, Народный совет воочию убедился, какая колоссальная разруха охватила весь край".

Останавливаясь на политическом положении края, Пашковский указал, что главным достижением социалистического блока на Моздокском с'езде было постановление об отмене военных действий и сохранении мира. „Члены Совета каждый день выезжали для этого в тот или иной район, откуда приходили тревожные вести. Так, были посланы лица в район Муртазово, Нальчика, на Сунжу и в другие места, и таким путем удавалось предотвращать огонь, много возможностей возникновения пожара". „В области гражданской войны может быть можно было сделать и больше, но наши силы были исчерпаны".

Далее Пашковский отметил, что огромным препятствием в деятельности народного совета было двоевластие в области. Несмотря на то, что на Моздокском с'езде воля народов была выражена определенно,—Терско-Дагестанское правительство всячески мешало На-

родному совету во всех отраслях его работ. „Опираясь, главным образом, на силы военного союза, Терско-Дагестанское правительство занимает Владикавказ, где сосредоточены все организации областного характера. И Народный совет видел, что или надо силою оружия заставить этих самодержцев сложить свои полномочия или дождаться 2-й сессии областного народного с'езда, и если бы не краткость срока, то, может быть, Народный совет и выполнил бы до конца волю народа и заставил бы, силою оружия, самодержцев подчиниться органу народной власти".

Яркую картину состояния области за год нарисовал в своей речи т. С. М. Киров (ныне член Политбюро ВКП(б), встреченный с'ездом бурными аплодисментами: „Товарищи и граждане! Если на первой сессии Народного с'езда в Моздоке мы говорили о том, что общероссийские условия жизни и условия жизни Терской области проходят под знаком борьбы трудового народа, то вторая сессия с'езда проходит под знаком таких событий, которые должны возбудить в нас последнюю силу и волю к борьбе за осуществление наших надежд. На нашем внешнем фронте произошли события, перед лицом которых мы должны признать, что все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится республика трудовых масс.

На нашем западном фронте началось наступление германских полчищ. Этому наступлению предшествовал длительный период мирных переговоров, на которых я не хочу останавливаться, но которые закончились тем, что германский империализм наотрез отказался признать формулу революционного мира без аннексий, т. е. без захватов, и контрибуций, на основе самоопределения народов". „Есть один документ, в действительности которого вряд ли можно сомневаться: он говорит, что на согласие народных комиссаров на занятие части русской территории германские империалисты ответили, что они не воюют с русским народом, но что вопли со всех концов России о помощи заставляют их итти против советской власти. Вот каковы задачи германского наступления по словам германцев.

При таких условиях все возможное в центральной России сугубо угрожает Терской области.

Поэтому, если на Моздокском с'езде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить наши силы для еще большего торжества этого лозунга.

Говорят, что нам необходимо расширить базу нашей опоры. Но это верное, на первый взгляд, утверждение может быть опасным для дела революции в Терской области. Будем говорить откровенно: революционный год прошел, в сущности, для Терской области мимо.

Если Терская область и улавливала до последнего времени что-либо из великой российской революции, то больше грязной пены революционных волн, чем ее здорового содержания. Достаточно сказать, что после каждого переворота к нам сюда попадали все те элементы, какие выбрасывались из центральной России. Достаточен пример того генерала, который слишком увлекся душением революции и, после июльских дней, очутился здесь не рядовым лицом, а желанным гостем—ему было поручено формирование национальных полков (голос: Половцев!).

В то время, как в центральной России господствовала власть Советов, здесь царила крупная земельная буржуазия. Так, например, у нас еще существует Терско-Дагестанское правительство, которое считает себя живым. У нас только теперь начинают сплачиваться силы революционной демократии. Только 25 января, почти год после начала революции, демократия Терской области могла встретиться без посредников и заявить твердо, смело и определенно, что она собралась не для слов, а для революционного творчества. И если это так, то лозунг защиты республики крестьян, рабочих, казаков и горцев должен приобрести для нас еще большее значение. Надо понять, что внешнее наступление таит в себе грозную опасность потому, что оно будет встречено не без ответа внутри России. Ибо, если у настоящих революционеров сейчас болеют души и они собирают все силы для борьбы с внешним настроением, то есть элементы, которые постараются внутри России создать условия, благоприятные для взрыва.

Вы все помните, что первым словом, какое нам пришлось услышать на Моздокском с'езде, было слово война. Нам указывали на необходимость начать борьбу с теми племенами, которые создали себе такую бурную славу. Нам говорили о необходимости ударить по этим племенам так, чтобы покончить не только с абречеством, но, как говорили некоторые горячие головы, с обоими племенами. Я хочу верить, что это говорилось только в пылу страстей. Но, к сожалению, полученные вчера известия говорят о новых продолжающихся вспышках гражданской войны.

Надо сказать откровенно, что за 12 месяцев революции были испробованы все способы устроения жизни в Терской области. И ни один из этих способов не дал положительных результатов. Мы достигли только того, что одною ногою висим над пропастью.

Не надо думать, что мы могли бы своими силами потушить пожар и справиться с Терскою областью. Все те, которые выступали вчера с решительными заявлениями, я думаю, что в них говорит не разум, а голос политических страстей. Если бы они выслушали внимательно нашу мирную делегацию, которая вела переговоры с ин-

гушами, они бы поняли, что между нами и ингушской демократией уже есть связующие нити. Надо только продолжить их, и мы без оружия дошли бы до разрешения всех вопросов.

Я, может быть, слишком подозрителен, но обратите внимание на следующее. После 25-го января в области наступило успокоение. И вдруг 15-го числа, в день открытия с'езда, именно 15—16-го, на Сунже начались бои.

После Моздокского с'езда в Владикавказе бывали ингуши и с ними ничего не случалось. Но стоило только открыться второй сессии Народного с'езда, как в Владикавказе убито три ингуша. Это были не делегаты, а только сопровождавшие их. Тот, кто знает бытовые и нравственные устои туземных народов, тот понимает, на что было расчитано это грубое убийство. И что бы было, если бы убитыми оказались делегаты!

Черная рука работает, чтобы сорвать Народный с'езд, сорвать дело единения трудящихся.

Также она работает и в Чечне.

И не только шовинисты стоят поперек революции, но стоят и те, кто еще недавно считали себя поборниками революции.

Только вчера вы слышали телеграмму из Нальчика о том, что Окружной комитет не признает народной власти и заявляет о поддержке Терско-Дагестанского правительства в созыве им Учредительного собрания.

Все это зовет нас, товарищи, к об'единению, ибо, я утверждаю, что если мы не сумеем укрепиться на фундаменте единения сил трудовых народов, то наша революция в Терской области будет сорвана, будет сорван наш путь ликвидации мирным путем всех недоразумений и столкновений".

В заключение с'езд принимает резолюцию, предложенную С. М. Кировым: „Вторая сессия Терского народного с'езда, заслушав доклад о текущем моменте в Терской области, находит: чрезвычайная угроза революции, исходящая от империалистического Запада, не замедлит отразиться и на жизни Терской области. Революция в России вообще и в Терской области в частности находится в опасности—и отсюда встают чрезвычайные задачи перед Терской демократией, об'единенной на с'езде.

Задачи эти усугубляются особенно тем, что Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и гражданской войны.

Единственным выходом из создавшегося у нас, в Терской области, положения является путь, указанный на Моздокском с'езде, т. е. об'единение всей революционной демократии без различия

национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев.

Это положение должно быть руководящим при всех дальнейших шагах революционной демократии, как то: при организации местной власти и пр. и создании ответственных органов в области".

В это время с'ездом из Владикавказа получена была телеграмма о том, что самооборона Моложанской слободки обезоружила 40 человек из офицерской сотни и отобрала у них патроны, 60 винтовок, пулемет и автомобиль. В телеграмме сообщалось также о том, что полковники Кибиров и Беликов категорически потребовали обезоружения самообороны, в особенности окраин города, и что они пред'явили городскому самоуправлению ультиматум: если город не обезоружит самооборону, то они сделают это сами с помощью силы извне.

С'езд, обсудив создавшееся в Владикавказе положение, постановил послать Ингушскому и Осетинскому национальным советам, городскому самоуправлению, комиссариату самообороны телеграмму с протестом против действий полковников Кибирова и Беликова и указанием на нежелательность дальнейшего существования офицерской сотни. „Привод силы извне—гласила телеграмма—для обезоружения слободок, является провокационным актом, который вторгнет город в анархию гражданской войны".

23-го февраля на с'езд прибыла ингушская делегация во главе с Гапуром Ахриевым, Ю. Албогачиевым, М. Алиевым, Бексултаном Костоевым и З. Тутаевым.

Кроме того, в состав делегации входили: Ш. Арчаков, Ю. Гегиев, М. Дарсигов, Т. Кортоев, Бобуч Костоев, Э. Маматиев, Э. Хамчиев, Б. Чаплоев, М. Экажев, Х. Яндиев.

Делегация, с участием т. т. Палавандашвили и Сахарова, выехала из Назрани в сел. Долаково, где остановилась у Хакяша и Магомет-Гирея Дахкильговых. Вечером в Долаково был созван сход, на котором делегаты говорили о текущем моменте, о Пятигорском с'езде и его задачах. Сход единодушно выразил пожелание предоставить свою охрану для сопровождения делегации.

На другой день делегация под охраной долаковской сотни, возглавляемой начальником последней Хакяшем Дахкильговым, прибыла на ст. Беслан.

Ввиду отсутствия среди делегатов представителя горной Ингушии Гапура Ахриева, находившегося в это время в Владикавказе и не имевшего возможности примкнуть к общей делегации,—Палавандашвили лично выехал на паровозе в город и через несколько часов возвратился в Беслан вместе с т. Ахриевым.

Здесь группа офицеров, пользуясь стоянкой делегации, всячески отговаривала ее не ехать в Пятигорск. Под влиянием этого часть делегатов заколебалась.

Тогда возглавлявшие делегацию заявили, что если есть колеблющиеся, то они могут возвратиться домой, но что сами они, несмотря на многочисленные препятствия, будут в Пятигорске.

Делегация тронулась в путь в полном составе.

От'ехав от ст. Беслан на полкилометра, поезд остановился.

Это нагонял делегацию Асланбек Шерипов.

Он пробрался из Чечни в сел. Сурхохи, а отсюда, в сопровождении всадников ингушской сотни, мчался к поезду делегации.

Не доезжая ст. Прохладной, поезд остановился. Тут контрреволюционная банда казаков пыталась расправиться с делегацией, но последней удалось ликвидировать эту попытку банды.

На ст. Минеральные воды поезд задержался на полтора часа, так как произошло тоже самое, что и на ст. Прохладная.

В Пятигорске, на вокзале, с'езд в целом встретил делегацию.

На другой день, на с'езде, делегацию приветствовали: С. Такоев, С. Киров, Сомов, Трамов (кабардинец), Белячков (от имени казаков Сунженских станиц), К. Бутаев (от имени осетинской фракции), Поморцев (от имени казачьей фракции), Ситников (от имени Курской слободки Владикавказа).

—От имени социалистического блока—сказал в своей речи С. М. Киров—приветствую вас, сыны страдающей семьи,—демократии Терской области.

Социалистический блок ни одной минуты не сомневался в том, что дело демократии Терской области будет горячо поддержано как ингушским, так и чеченским народами.

Социалистический блок твердо верит, что представители ингушей и чеченцев скажут вместе с нами, что ни бек, ни князь и не уздень не дадут нам избавления, его добьемся только мы сами своими собственными руками.

Мы знаем, что наши враги теперь мобилизуют все силы, ибо теперь для них настает смертельная минута опасности, они видят, что мы вышли на торную и верную дорогу строительства нашей новой жизни.

Социалистический блок верит, что здесь мы найдем спасение для всех нас и избежим страшной участи захлебнуться в потоках человеческой крови.

Мы знаем, что наши враги усилятся и от того, что делается сейчас на внешнем фронте русской революции. Мы со скрежетом зубовным претерпеваем те страшные муки, когда в самое сердце русской

революции вонзился страшный меч германских империалистов. Наши враги с нескрываемой радостью смотрят на совершающееся на внешнем фронте нашей революции.

Но мы знаем, что раз наша семья стала полной, то ни бури извне, ни ветры, поднимающиеся внутри, нам не страшны, они не сломят воли об'единенной Терской демократии.

Социалистический блок надеется, что теперь наш народный с'езд не раз'едется до тех пор, пока не будут разрешены все вопросы, стоящие перед нами.

Итак, приветствую новую силу, которая влилась в нашу семью. Мы с верой, надеждой и твердостью пойдем по тому пути, на который демократия Терской области вступила в Моздоке (Шумные аплодисменты).

С ответной речью на приветствия со стороны ингушских делегатов выступил Гапур Ахриев, появление которого на трибуне с'ездом встречено было дружными аплодисментами.

— Если при царском режиме—говорил Ахриев,—находились в тяжелом положении все живущие в России, то одним из наиболее угнетаемых были, безусловно, ингуши. Страшный пресс давил нас и в земельном и в правовом и всяком ином отношении. И после революции все то, что было достоянием населения в центральной России, у нас было роскошью. В то время, как земля перешла в руки трудящихся, ингуши попрежнему не имели ее. При таких условиях народ мог погибнуть, но, благодаря своей стойкости, он не погиб. Народ долго взывал и кричал о помощи и, наконец, он пришел сюда, чтобы протянуть братскую руку (Аплодисменты). Если во всей России уже проведена социализация земли, то ингуши узнали о социализации земли только после Моздокского с'езда. Если лозунг революции: „об'единяйтесь трудящиеся!" давно воспринят в России, то мы здесь об этом услышали только из уст делегатов Моздокского с'езда.

У нас было много организаций, но народные низы их не знали. Темные силы помешали им войти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

У нас много темных элементов, которые мешали трудовой демократии Ингушетии встать на ноги. Всюду говорили, что ингуши разбойники и абреки, никуда не пускали их, всячески отгораживаясь от них. И когда демократия Терской области громко сказала, что не все ингуши абреки и разбойники, то ингушская трудовая демократия бросилась сюда. Цепкие руки темных сил держали нас, меня самого три раза на пути к вокзалу уговаривали не ехать, говорили, что с'езд распущен, что там никого нет и т. д. Только благодаря уси-

лиям делегации Моздокского с'езда товарищей Палавандашвили, Сахарова и других,—ингушские делегаты смогли выехать на с'езд.

Мы можем сказать, что среди ингушского народа революция началась только теперь, и мы верим, что соединенными силами всей Терской демократии мы сумеем с честью выйти из создавшегося положения. Среди ингушей вы найдете самую крепкую и мощную поддержку даже реальными силами. И если будет нужно, то ингушский народ не пожалеет крови своей для того, чтобы осуществить общее желание трудового народа—скорее разрешить вопрос о земельной нужде.

Еще раз приветствую с'езд и выражаю горячее пожелание плодотворных результатов тех сложных работ, ради которых мы собрались сюда (Громкие аплодисменты).

Представитель Чеченского национального совета Асланбек Шерипов в своей речи сказал:

— Я рад приветствовать свободный с'езд свободных народов Терской области от имени чеченского народа (Шумные и продолжительные аплодисменты). Приехав в Пятигорск, наблюдая за настроениями депутатов, за их речами, мы вынесли впечатление, что наш приезд вместе с ингушами был встречен с братской приветливостью. В ответ на это я должен сказать, что положение в Терской области сейчас таково, что не приехать на этот с'езд чеченцы и ингуши не могли.

Вы знаете, что во времена самодержавия всем было тяжело, но настоящими пасынками императорской России были чеченцы и ингуши. Вместе с социальным гнетом они терпели и гнет национальный. И вполне понятно поэтому, что после революции их желание и требования пошли по линии национальной. Но когда оба эти народа подошли к разрешению социальных вопросов, то они увидели, что помимо национального об'единения есть еще международное, социалистическое. Действительное международное об'единение в Терской области началось недавно, и это начало было положено Терской демократией на Моздокском с'езде (Аплодисменты).

Оратор, указав на провокационную работу контрреволюции в Чечне, выразил надежду, что демократия Терской области сумеет разрешить все наболевшие вопросы жизни края.

Основными вопросами на с'езде были: текущий политический момент в Терской области, организация власти, национальный, земельный, признание власти Совета народных комиссаров.

По поводу организации власти т. С. М. Киров заявил, что сперва надо разрешить вопрос о местной власти, а затем, в конце работ с'езда, поставить вопрос о признании власти Совета народных комиссаров. „После того, как вы на практике испробуете твердость

вашего решения, признание власти народных комиссаров будет гораздо внушительнее. Вы должны начать действовать по советской программе, которой вы аплодировали. Вы должны показать всей области, как вы понимаете признание советской власти. Это предложение я делаю от имени социалистического блока и от имени большевиков".

В ответ на это А. Шерипов сказал: „От имени ингушской фракции и как представитель Чеченского национального совета я считаю, что заявление т. Кирова совершенно справедливо. Если мы признаем власть народных комиссаров, то мы делаем это, я надеюсь, не из одних политических соображений, а для того, чтобы дома проводить или осуществлять эти лозунги. Историческая несправедливость, что ингушскому и чеченскому народам, которые боролись за свою независимость, остались голые скалы, а нашим изменникам—тучные, богатые земли, должна быть уничтожена. Мы считаем, что сперва надо решить земельный вопрос, который должен быть пробным камнем твердости и непреклонности ваших желаний действовать по советской программе, которую выдвинула сама жизнь" (Аплодисменты).

По докладу Д. З. Корнева о национальном вопросе с'езд принял следующую резолюцию:

„В основу практического разрешения национального вопроса 2-я сессия Терского областного народного с'езда кладет формулу—самоопределение народов—данную великой российской революцией в совершенно реальной постановке всем угнетенным племенам и народам.

Но с'езд считает необходимым отметить, что национальный гнет всегда вызывал, рано или поздно, повышенную национальную возбудимость, болезненное развитие национального чувства—и это последнее обстоятельство бывало во все периоды человеческой истории сильнейшим орудием в руках господствующих классов для борьбы с растущей международной солидарностью трудящихся масс.

На печальном примере народов Терской области с'езд видит, что в этот исторический момент решительной схватки труда и капитала, под знамя национального освобождения торопятся стать в первую очередь представители местной крупной земельной буржуазии и все те элементы, в искренней честности намерений которых народы имеют полное основание сомневаться.

Под видом национального освобождения, под видом единства и солидарности национальных интересов, эти элементы пользуются формулой самоопределения народов для того, чтобы затушить стихию классовой борьбы и сохранить за собою, в рамках национального хозяйства, все те имущественные права, какие до сих пор обеспечивал им старый строй. Движение к национальной свободе, совершен-

но естественное и законное, под работой опытных рук врагов народа превращается в националистическую вражду, вместо солидарности сеет рознь между демократией соседних народов, дает обильные всходы кровавых шовинистических семян.

Историческая почва Кавказа, знавшая до сих пор все ужасы национального гнета, является чрезвычайно благоприятной для такого стравливания народов и гибели революционных завоеваний в пламени их взаимной вражды. Поэтому с'езд категорически заявляет, что национальное освобождение является одним из этапов в борьбе трудящихся масс за общее освобождение. Формула великой российской революции—самоопределение народов—ясно и твердо указывая, что каждой национальности предоставляется не только право, но и реальная возможность ведать в полном об'еме своими собственными национальными делами, в то же время говорит, что националные интересы для каждого класса-иные, и что пути, по которым идет каждый класс, стремясь осуществить эти интересы, также иные.

Не отрицание национальных интересов, но ясное и твердое указание, что национальное движение, как и всякое другое, должно подчиняться высшему критерию—классовой борьбе. Вот точка зрения великой российской революции на разрешение национального вопроса, вот точка зрения 2-й сессии Терского областного народного с'езда на этот вопрос".

Положение Терской области в Российской республике.

1) С'езд полагает, что междунациональные отношения, как и все вообще важнейшие культурно-экономические вопросы Терск. обл., могут найти наиболее справедливое и наиболее согласованное с заветами российск. революции разрешение только лишь при условии установления организованного единства всей России и, в частности, Кавказа. Но, исходя из фактических обстоятельств текущего момента необходимо признать, что Терская область является временно составной единицей Российской федерации.

2) Как составная часть Российской федерации, Терская область является союзом народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых в управлении областью выражается в пропорциональном представительстве в составе единого об'единенного органа областной власти.

Форма союза.

3) Принципиально высказываясь за организацию всех народов в персональную форму национально-культурной автономии, с'езд, считаясь с историческими условиями жизни народов Терской области, их географическим распределением и условиями текущего момента,

признает единственно целесообразным в настоящее время форму территориального союза народов: 1) чеченского; 2) русского населения: Терское казачество и иногородние; 3) осетинского; 4) кабардинского; 5) ингушского; 6) балкарского; 7) караногайского; 8) кумыкского и др.

4) Органы национального самоуправления совпадают с органами местного самоуправления.

Права меньшинств.

5) Национально-культурные права меньшинств, проживающих в пределах территорий каждого национального самоуправления, ограждаются предоставлением им права на национально-персональную автономию (как союзу личностей, принадлежащих к одной нации), с правом внутреннего обложения.

6) В органах территориально-национального самоуправления меньшинствам обеспечивается представительство, пропорционально количеству членов каждого меньшинства.

7) Принадлежность каждого гражданина к той или иной нации определяется его собственным заявлением.

Границы территорий.

8) Границы территорий каждого национального самоуправления не являются постоянно зафиксированными и должны определяться размером земельных угодий, находящихся в фактическом пользовании данного народа или племени после проведения коренной земельной реформы.

9) Города и местечки, в которых преобладает смешанный состав населения, могут быть выделены в особые самоуправляющиеся единицы.

Язык, школа и суд.

10) Об'является полное равноправие языков всех, без исключения, национальностей в школе, суде, администрации, телеграфных сношениях, на публичных собраниях и вообще повсеместно в общественной жизни.

11) Каждому народу предоставляется право организовывать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и правам, не противоречащим основным принципам законов Российской республики.

Органы национального самоуправления.

12) Органы национального самоуправления, как центральные (трудовые народные советы), так и местные, избираются на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, с предоставлением права отозвания избирателям.

Председатель. Проект положения по разрешению национального вопроса ставится на баллотировку в целом.

Результат баллотировки: проект принят большинством всех против одного, при трех воздержавшихся (Шумные и продолжительные аплодисменты).

Обсудив земельный вопрос, с'езд принял основной закон о социализации земли, для проведения в жизнь которого наметил ряд мероприятий переходного характера:

1. Все казенные, удельные, монастырские, церковные и нетрудовые частновладельческие земли с инвентарем живым и мертвым и земли сельско-хозяйственного значения, имеющиеся во владении городов, слобод, общин, обществ, племен, народов, войска, но ими по тем или иным причинам необрабатываемые,—переходят немедленно в распоряжение земельных советов.

Примечание 1. Все тонкорунное овцеводство, находящееся ныне в пределах Терской области, сохраняется и переходит в полное распоряжение Терского областного земельного совета на учет и под контроль; совету предоставляется право из'ятия в нужных случаях из ведения владельцев овцеводных хозяйств. Для выпаса тонкорунных овец предоставляются только земли, непригодные для хлебопашества и по усмотрению областного земельного совета.

Примечание II. Все нетрудовые виноградники и фруктовые сады также поступают в распоряжение земельных советов.

2. Все недра, воды и леса в Терской области переходят немедленно в распоряжение областного земельного совета.

3. Сдача земель в аренду отныне воспрещается. Арендная плата за сданные уже земли отменяется, и те из арендаторов, которые обрабатывают их личным трудом, остаются на тех землях впредь до общего разрешения земельного вопроса в области. Земли же нетрудовых арендаторов поступают в распоряжение земельных советов.

Примечание. Отмена арендной платы не должна находиться в противоречии с статьей основного закона, устанавливающей земельную ренту.

4. Земельные советы (сельские, хуторские, станичные, районные, аульные, отдельские, окружные и областной) немедленно распределяют все поступающие в их распоряжение земли на справедливых и трудовых началах как в своем районе, так и совместно с сосецними районами, строго следуя издаваемым инструкциям и основному закону. Кроме того, советы разрешают все споры, возникшие на почве применения этого постановления, а также и в отношении бывших арендных, бегендных и т. п. земель.

5. С'езд поручает Терскому областному земельному совету немедленно приступить к выполнению всего плана справедливого распределения земель Терской области между трудящимися по принципу социализации земли, а также и урегулировать вопрос о выходе стад овец на зимовки из Дагестанской обл. и Тифлисской губ. в пределы Терской области и из Терской области в Кутаисскую и др. губернии.

6. Предлагается Народному совету принять срочные меры к улучшению путей сообщения и поднятию сельского хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности.

Вопрос о признании власти Совета народных комиссаров рассматривался на с'езде 4 марта, но представители национальных фракций с'езда определенно уже высказались об этом в заседании от 27 февраля.

А. Шерипов (представитель революционной Чечни) сказал: „Теперь у нас определенное течение—землю должны получить трудящиеся на ней, без различия племен и религий. Главный вопрос для нас—земельный, а Совет народных комиссаров решает его именно так, как мы хотим. И не только на бумаге, но на деле, мы думаем, декреты Совета народных комиссаров не встретят возражений и препятствий среди чеченского народа" (Громкие аплодисменты).

„Лозунги,—заявил Гапур Ахриев (представитель революционной Ингушии),—выдвинутые Российской революцией, в том числе лозунг о земле,—давнишние чаяния ингушского народа (Аплодисменты).

Все сказанное здесь представителем чеченского народа относится и к нам, ибо мы представляем, в сущности, один народ. *Все правительства, которые были у нас до сих пор, потеряли всякое доверие в глазах ингушского народа. Вывести нас из создавшегося положения может, очевидно, только признание власти Совета народных комиссаров*" (Аплодисменты). „У нас же есть реальная сила, которая поддержит всех, кто идет на защиту завоеваний революции" (Громкие аплодисменты).

Затем с заявлением о признании советской власти выступили М. Экажев (Ингушия), Борукаев (Осетия), Ахохов (Кабарда и Балкария), представитель военной фракции, Остапенко—представитель железнодорожников.

Голосование вопроса о признании власти Совета народных комиссаров происходило 4 марта. Оно дало следующий результат: за признание власти 220, против 22, воздерживается от голосования 44.

Собрание бурно аплодирует.

Вносится предложение отметить часы и минуты исторического решения с'езда.

Власть Совета народных комиссаров признана Терским народным с'ездом 4 марта 1918 г., в 11 ч. 35 мин. дня.

С'езд отправил телеграмму В. И. Ленину: „Председателю Совета народных комиссаров товарищу Ленину. Терский областной демократический с'езд народов 4 сего марта постановил признать власть Совета народных комиссаров и поручил президиуму с'езда приветствовать Совет. Председатель с'езда Такоев. Секретарь Ратнер. Пятигорск,4 марта 1918 года".

Таким образом, если обсуждение вопроса о признании власти Совета народных комиссаров повлекло за собою распад социалистического блока (меньшевики и эсеры были против признания), то фракция большевиков, руководившая Октябрьскими боями на Тереке, представители рабочих и трудящихся масс горских народов определенно высказались за власть Советов.

Избрав Терский областной народный совет в составе 60 человек из представителей всех фракций с'езда и об'явив Терскую Республику, с'езд перенес затем свои занятия в Владикавказ с тем, чтобы ликвидировать, наконец, Терско-Дагестанское и Горское правительства.

По переезде народного с'езда из Пятигорска в Владикавказ Горское правительство об'явило населению о сложении с себя власти и передаче ее окружным национальным советам.

В то время, как руководители Терской Республики принимали все меры к мирному разрешению наболевших в крае вопросов,— контрреволюционные элементы всячески старались разрушить эту трудную работу, прибегая к провокации, к натравливанию одних горцев на других.

„После первой активной борьбы—попытки недопустить переезд Пятигорского с'езда в Владикавказ,—эти элементы разбрелись по всем округам с определенной задачей, спровоцировав народ, вызвать гражданскую войну и здесь, в мутной воде, половить рыбку.

Надо заметить, что они с большим мастерством выполнили свою задачу".

В момент, когда переехавший в Владикавказ с'езд приступил к нормальной работе, 10 марта, между сел. Ольгинским и сел. Базоркино открылись военные действия.

Вновь загорелась Терская область пожаром гражданской войны.

Контрреволюция торжествовала—работа ее увенчалась успехом. „Сейчас же на тревогу выехали из Владикавказа члены с'езда, но

масса была до такой степени спровоцирована, что один из членов примирительной делегации (балкарец), прибывший убедить враждующие стороны прекратить братоубийственную резню, был убит. А в это время горел осетинский аул. Ни убийство делегата, ни сожженный аул не смутили коммунистов-руководителей с'езда и они энергично, рискуя жизнью, взялись за дело примирения и через неделю им удалось помирить спровоцированные массы". [1])

20 марта, во время заседания ольгинско-базоркинских мирных делегаций, прибыли делегаты от казаков и ингушей Сунженской линии по 10 человек от каждой стороны. Они сообщили о том, что на Сунженской линии между казаками и ингушами заключен мир, а условия мирного договора они привезли с собой для утверждения их Терским народным советом.

После обмена мнениями выработаны были следующие условия мира:

1. Принципиально против всеобщего разоружения ингуши не возражают. Они считают только, что оружие необходимо им для защиты завоеваний революции, и что если Тер. обл. народный совет гарантирует ингушскому народу свободу, то он готов сложить оружие наравне с другими народами области.

2. Ингуши согласны выполнить условия соглашения 5-8 августа прошлого года.

3. При всяких ограблениях обе стороны, в случае законно доведенных следов грабителей до селения или станицы, возмещают все убытки с надбавкою 10%.

4. Если будет убит невинно или казак или ингуш, то виновная сторона платит 40000 руб. Но если кто либо будет убит во время воровства или грабежа, то это не должно вызывать никаких претензий. Обстоятельства всякого убийства и грабежа должна выяснять смешанная комиссия.

5. За нападение организованными массами ответственность несет та или другая сторона перед всеми народами Терской области и Областным народным советом.

6. Все споры, могущие произойти между казаками и ингушами, должны разбираться Терским областным советом.

7. Вопрос об охране границ решено предоставить на усмотрение Терского народного совета.

8. Вопрос о снятии охраны и окопной службы предоставить также на усмотрение Терского народного совета.

9. Для окончательного утверждения условий мирного договора представители обоих сторон, в числе 10 человек от каждой, должны выехать 23 марта в Владикавказ, в Терский областной народный совет.

---

[1]) Хейр-Хаев. Этапы революции в Ингушетии. „Горск. вестник", 1924 г., № 2.

10. До окончательного утверждения Терским народным советом условий мира об'является перемирие, и обе стороны обязуются с 20 марта прекратить стрельбу.[1])

В этом договоре обращает на себя внимание первый пункт, в котором определенно говорится о том, что ингушам оружие необходимо для защиты завоеваний революции.

Однако, договоры в эпоху гражданской войны, как известно, никакой силы не имели, и вскоре на Сунже, после кратковременной передышки, вновь разгорелась война.

После второй сессии Терского народного с'езда нельзя было сомневаться в том, что новой властью в лице Терского народного совета и Совета народных комиссаров взят будет революционный курс, а удовлетворение экономических нужд горской бедноты стоять на первом месте.

Терский край об'явлен был частью РСФСР.

Народный с'езд избрал Терский народный совет, а последний, в свою очередь, выделил из своей среды Совет народных комиссаров.

5-го апреля 1918 года Совнарком издал декрет об организации власти в крае. Основные положения управления областью утверждены были народным с'ездом 3 марта 1918 г.

Согласно § 5-го декрета, народная власть края имела целью охранять революционный правопорядок, поддерживать спокойствие и гражданский порядок края, защищать свободу и права трудовых масс и содействовать дальнейшему освобождению трудящихся от гнета класса эксплоататоров.

Верховной властью являлся Терский народный с'езд, а в промежутке между с'ездами—Терский народный совет.

В состав ингушской фракции Терского областного народного совета входили: С. Альдиев, Г. Агриев, И. Базоркин, С. Караджев, П. Мальсагов, М. Саутиев и З. Тутаев.

Чеченская фракция состояла из Я. Арсанова, А. Гайсумова, Х. Хамзатова, Р. Шерипова, Т. Эльдарханова.

Для непосредственного управления краем существовал Терский совет народных комиссаров, который, в своей деятельности, должен был руководствоваться директивами, преподанными Терским народным советом.

Совнарком состоял из нескольких ведомств: 1) местного самоуправления; 2) суда; 3) торговли и промышленности; 4) финансов; 5) труда; 6) военных дел; 7) народного просвещения; 8) земледелия;

---

[1]) Газ. „Народная власть", 7 апр. (25 марта) 1918 г.

9) продовольствия; 10) государственного контроля; 11) национальных дел; 12) путей сообщения.[1])

В отделе или округе главными органами общественного хозяйства и управления были окружные или отдельские трудовые народные с'езды и органы, ими уполномоченные: трудовой народный совет и исполнительный комитет.

Все постановления отдельских или окружных исполнительных комитетов в копиях представлялись для сведения Терскому народному совету, который имел право требовать об'яснения от окружного или отдельского народного совета по тем или иным постановлениям.

Дела местного общественного хозяйства и управления на сельской территории подлежали ведению сельского народного самоуправления.

25 марта 1918 года Совнарком опубликовал декрет № 51 по земельному отделу. „Правительство народных комиссаров Терского края—говорилось в декрете—извещает трудовое население области, что им приступлено к разрешению земельного вопроса в спешном порядке, на основах, возвещенных революцией".

Состоявшаяся в мае 1918 г. в Грозном третья сессия народов Терека успела поставить на обсуждение лишь один земельный вопрос.

Из прений выяснилось, что меньшевики и эсеры оказались в оппозиции по этому вопросу, а это означало окончательный развал социалистического блока и коалицию их с казачьей делегацией. В результате горячих споров на с'езде земельный вопрос разрешен не был, но факт постановки его в такую плоскость, несомненно, знаменовал углубление революции. „Кроме бурных прений по земельному вопросу и охарактеризованных нами результатов их, 3-й с'езд ничего сделать не мог, так как должен был, наскоро избрав Народный совет, прекратить свою работу из за начала новых столкновений казаков с рабочими. Внушительные силы бело-казаков начали окружать город".[2])

Горные же ингуши 5 июня 1918 г. произвели нападение на станицу Тарскую, а казаки сожгли до тла аул Бартабос; спровоцированный находившийся в Владикавказе красноармейский полк потребовал наступления, совместно с казаками, на ингушей.

Буачидзе и Бутырин прибыли в полк.

Во время речи Буачидзе был убит выстрелом.

Между тем, 18 июня в Моздоке самочинно собрался с'езд казаков и иногородних.

---

[1]) Ведомство государственного контроля возглавлял Г. Ахриев; он же потом возглавлял ведомство по национальным делам; комиссаром путей сообщения был инж. И. Базоркин.

[2]) И. Борисенко. Советские республики на Сев. Кавказе в 1918 г. Изд. „Сев. Кавказ." 1930 г.

С'езд постановил не признавать советской власти.

На с'езде было избрано казачье-крестьянское правительство во главе с меньшевиком инж. Георгием Бичераховым.

Моздок прдолжал быть центром контрреволюционных сил.

Отсюда открыта была борьба на два фронта: против 11 красной армии, которая противодействовала натиску добровольческой армии, и против горцев Терской Республики.

23 июля в Владикавказе открылась 4-я сессия Терского народного с'езда.

Председатель Совнаркома Ю. Пашковский так охарактеризовал общее состояние Республики:

„Все трудовое население крестьян и рабочих находится в опасности. Всему населению области грозит анархия. Опасность грозит не только извне, но и внутри. Совет народных комиссаров призывает вас, избранников народа, к об'единению всех ваших сил для творческой работы по укреплению революционных завоеваний и защиты самой революции. От вас всех потребуется усиленная, вдумчивая и созидательная работа по тем явлениям, которые переживает Терская область. Быть может, придется отказаться от многого и пожертвовать кое чем каждому".

Несмотря на попытки меньшевиков и эсеров снять с повестки дня вопрос о текущем моменте на том основании, что на с'езде отсутствуют представители моздокского правительства,—с'езд все же заслушал доклад по этому вопросу и принял следующую резолюцию:

„4-й с'езд народов Терской области, в целях скорейшего прекращения кровопролитной братоубийственной бойни, возникшей между трудовым казачеством, вовлеченным в эту бойню преступными элементами, постановил: предложить казачеству немедленно очистить линию железной дороги и передать ее в ведение как центральной, так и областной власти.

Предложить казачеству 25-го июля выслать своих делегатов от Кизлярского, Моздокского и Пятигорского отделов на 4-й с'езд народов для разрешения всех вопросов, стоящих на повестке дня с'езда.

С'езд, совместно с представителями центральной власти тов. Шляпниковым и чрезвычайным комиссаром юга России тов. Орджоникидзе, а также Терским областным совнаркомом, гарантирует казачеству, что ни одна часть, ни один бронированный поезд войск Терской Республики не будет двинут вперед, также ни одна казачья станица, не проявляющая враждебных действий, не будет разоружена. С'езд, вместе с тем, заявляет, что отказ от этого предложения

с'езда, всю тяжесть вины за продолжение бойни возлагает на тех, кто отказывается от исполнения этого предписания с'езда". [1])

И хотя с казаками и было заключено перемирие, но не надолго: в ночь с 4 на 5 августа в Владикавказ ворвались банды полк. Соколова и полк. Беликова.

Восстание станиц Сунженской, Тарской и Воронцово-Дашковской и хут. Тарского руководилось полк. Рощупкиным.

5-го августа, около 4 часов утра, граждане Владикавказа были разбужены учащенной стрельбой, происходившей в районах трамвайного моста, штаба красной армии и в направлении Владимирской слободки.

В этот же день, с раннего утра, по городу уже патрулировали казачьи раз'езды, доходившие до улицы Льва Толстого.

В городе началась паника.

Жители Владимирской слободки, выбежав на улицу, узнали, что стрельба происходила между казаками и красноармейцами, стоявшими по углам Владимирской, Михайловской, Надтеречной и Ардонской улиц. На углу Инвалидной и Михайловской улиц стояло несколько казачьих подвод с снарядами и пулеметами. Вышедшая из казарм красной армии (б. апшеронских казарм) группа красноармейцев перешла в наступление и вынудила казаков с подводами отступить за город, оставив на месте двух лошадей и девять казаков.

Кермениcты, засевшие в школе прапорщиков, также открыли обстрел казаков, вышедших за город.

Стрельба продолжалась около семи часов.

6-го августа отрядом казаков занят был нижний этаж помещения Совета рабочих депутатов. Между казаками и красноармейцами произошел жаркий бой. Бросались ручные бомбы. В результате казаки, прорвавшись через цепь красноармейцев, оставили здание Совета, потеряв убитыми 15, ранеными двух человек.

6 августа, в сел. Базоркино, состоялся многолюдный чрезвычайный с'езд трудящихся Ингушии, который единодушно высказался за решительную борьбу с контрреволюционными бандами, поставивши-ми себе цель—свержение советской власти.

С'езд, в связи с создавшимся положением в Терской Республике, постановил избрать тройку для дальнейшего руководства гражданскими и военными делами Ингушии в составе Б.-Г. Джабагиева (по гражданской части), М. Саутиева (по военной части) и Чопанова Исаак-муллы (по шариатским делам).

С этого момента до отступления советских войск в Грузию (февраль 1919 г.) главнокомандующим всеми вооруженными силами Ингушии являлся М. Саутиев.

---

[1]) Газ. „Правда", 1918 г., № 248.

По окончании с'езда, продолжавшегося всего лишь три часа, быстро организовались партизанские отряды.

К вечеру сформировано было уже более 1000 всадников.

Каждому аулу намечен был боевой участок.

По распоряжению главнокомандующего прервана связь между станицами и городом.

На другой день ингуши взяли станицу Воронцово-Дашковскую, при чем жители последней бежали в ст. Сунженскую.

Отступивший в горную Ингушию 4-го августа, утром, Совнарком Терской Республики прибыл в сел. Базоркино.

Тройка, по согласовании с т. Орджоникидзе, сделала предложение осажденным станицам,—сдать оружие и, во исполнение воли 3-го грозненского с'езда,—дать обязательство выселиться и возвратить таким образом ингушам их землю.

Станицы отклонили эти предложения.

Между тем, масса бойцов из всех аулов росла.

На третий день осады ингушский штаб переехал на хут. Яндиево.

Огнестрельные припасы приобретались на средства, отпущенные по распоряжению т. Орджоникидзе.

Довольствие предоставляли бойцам аулы.

Со стороны селения Базоркино, 6-го августа, через Шалдон, в город вошли ингуши и соединились с красноармейцами. Вместе с последними ингуши повели наступление по Лорис-Меликовской улице и Александровскому проспекту и дошли до Грозненской улицы.

7-го августа Советом народных комиссаров было выпущено следующее постановление:

„Ввиду чрезвычайных событий, происходящих в городе Владикавказе, Совет народных комиссаров постановил:

1) Всю полноту власти в гор. Владикавказе передать исключительно Совету народных комиссаров с участием представителей всех фракций народов Терской области.

2) Немедленно вывести из города все войсковые части, вошедшие туда 5-го и 6-го августа без приказа власти.

3) Немедленно освободить всех арестованных красноармейцев, самооборонщиков и, особенно, делегатов с'езда и членов Совдепа.

4) Со времени об'явления сего приказа функции власти местного самоуправления и Совдепа, как органов управления, временно приостанавливаются и переходят непосредственно Совету комиссаров Терской области, для каковой цели выделяется временный чрезвычайный комиссариат по делам города Владикавказа в следующем составе: вр. чрезвычайный комиссар т. Ю. Пашковский, помощники: Маркус, Бутягин, Дигуров.

Члены комиссии—представитель ингушской фракции т. Мурзабеков, представитель казачье-крестьянской фракции т. Блохин, представитель осетинской фракции т. Баев, представитель рабоче-крестьянской-красноармейской фракции тов. Мордовцев, представитель рабоче-крестьянской демократической фракции т. Кожаный.

При комиссии состоят: от Владикавказского совдепа Камалов, от городского самоуправления В. И. Кот, от Совета самообороны председатель Бигаев".

К полковнику Соколову прибыла делегация от Совнаркома, которая предложила выработать совместно условия перемирия, при чем делегация предложила ему вывести свои войска из города. Обе стороны пришли к заключению, что город не должен служить ареной борьбы. Полк. Соколов заявил делегации, что он пришел в Владикавказ выполнить возложенную на него Казачье-крестьянским советом задачу, и что ни на какие уступки не пойдет.

И полк. Соколов продолжал с своими бандами бесчинствовать в городе: расстрелам и грабежам не было, казалось, предела.

Между тем, по всем прилегающим к Совдепу улицам шли ожесточенные бои.

Много убитых и раненых.

Ингуши вместе с красноармейцами заняли базар.

Командующим советскими войсками Мартыновым была отправлена телефонограмма городскому самоуправлению, исполнительному комитету Совета самообороны, начальнику милиции и сотням Верхне-осетинской и Владимирской слободок:

„Наш приказ по городу: не стрелять из окон и не чинить препятствий к передвижению военных патрулей вами не исполняется, почему нельзя восстановить порядка в городе; ввиду этого обстоятельства требуем немедленно добровольного разоружения и сдачи оружия в военный отдел". „В противном случае я вынужден буду силою штыков провести в жизнь настоящее требование. Ответственность за последствия с себя слагаю. Срок для ответа предоставляю до 12 часов ночи 7 августа. Председатель Совдепа и временно командующий всеми революционными вооруженными силами города Мартынов".

11-го августа на помощь отряду А. Гегечкори и верным большевикам рабочим слободок прибыла ингушская часть, сформированная из партизанских сотен, находившихся в районе хут. Яндиево, в общем резерве ингушских вооруженных сил, осаждавших станицы.

Согласно приказа т. Саутиева отряд, рано утром, прибыл на северную окраину правобережной части города, где стояли главные силы красногвардейцев, вытесненных белыми.

К вечеру, после ряда жестоких, кровопролитных уличных боев,

белых отбросили к чугунному мосту (через р. Терек), а к утру следующего дня в правобережной части города банд уже не было.

Наконец, после двух недель борьбы, новым мощным натиском красноармейцев, рабочих завода „Алагир“ и железнодорожных мастерских, боевых отрядов рабочих Курской и Молоканской слободок, ингушей, осетинской революционной партии „Кермен“ и грузинского отряда, руководимых большевистским командованием во главе с т. Орджоникидзе,--белые были разгромлены и совершенно удалены из города.

Совет народных комиссаров опубликовал следующее об'явление: „К населению города Владикавказа. Г р а ж д а н е! Мирная жизнь города прервана бандами полковника Соколова, ночью, внезапно напавшими на город в то время, как заседал Народный с'езд. В течении одиннадцати дней население переживало все ужасы гражданской войны на улицах города. Темные инстинкты грабительских банд бушевали все эти трагические дни, и то, что было пощажено снарядами и огнем, предавалось расхищению и разграблению. Самый город в некоторых местах превращен в груду развалин. Целью преступного нападения на столицу Терской Республики было стремление низвергнуть власть, поставленную трудовыми народами Терской земли. Трудовой демократии области нанесено величайшее оскорбление, и на насилие над органами ее воли она принуждена была ответить применением всех вооруженных сил, находящихся в ее распоряжении.

Безумная авантюра, затеянная Казачье-крестьянским моздокским советом кончилась позорным бегством из города посланных им под руководством полковника Соколова банд. Советскую власть грудью своей отстояли геройские ряды немногочисленной Терской красной армии, рабочие Курской и Молоканской слободок, боевые отряды грузин, ингушей и осетинской революционной партии Кермен.

Пролившаяся братская кровь об'единила все трудовые народы в стремлении отстоять Советскую Республику от контрреволюционных нападений, откуда бы они не исходили.

Восстание против советской власти в городе подавлено, но еще не окончательно ликвидировано. Вспышки его догорают на Верхне-осетинской и Владимирской слободках и в окрестностях города. Велики еще подвиги, которые надлежит совершить мужественным борцам советской революционной армии, и те жертвы, которые потребуются от граждан для защиты Республики.

Благоговейно преклоняясь перед памятью павших борцов за свободу трудовых народов Терской земли, Совет народных комиссаров приступает к налаживанию мирной жизни в городе и призывает городское население к полному успокоению и к переходу к нормальному порядку городской жизни.

Все меры по борьбе с грабежами, мародерством и контрреволюцией принимаются чрезвычайным революционным штабом, действующим по полномочию Совета народных комиссаров.

Всю полноту власти в городе Владикавказе Совет народных комиссаров временно сосредоточивает в своих руках и все функции городского самоуправления приостанавливает.

Ввиду этого Совет народных комиссаров постановляет:

1) Городская дума распускается.

2) Самооборона центральной части города, Верхне-осетинской и Владимирской слободок, запятнавшая себя участием в преступной авантюре Соколова, равно как и Совет самообороны,—распускается.

3) Городская милиция подчиняется чрезвычайному революционному штабу.

4) Все меры по водворению спокойствия и охранению личной и имущественной безопасности принимаются чрезвычайным революционным штабом, все распоряжения которого гражданами должны выполняться строго и неукоснительно под угрозой самых суровых наказаний революционного времени.

5) Все служащие городской управы, равно как и члены ее, должны выполнять свои обязанности впредь до особого распоряжения.

6) Все правительственные, общественные и частные учреждения и предприятия должны немедленно открыться и служащие их должны приступить к выполнению своих обычных обязанностей.

7) Всякое уклонение от выполнения своих обязанностей служащими правительственных и общественных учреждений и нежелание возобновить деятельность своих предприятий и учреждений частными владельцами будет рассматриваться как саботаж и виновные понесут ответственность по законам революционного времени.

Председатель Совета народных комиссаров Ю. Пашковский.

Комиссары: Я. Маркус, Я. Бутырин, И. Элердов".

О роли ингушей в августовских боях полк. Беликов в своих записках пишет: „Итак, появились ингуши; пришли новые силы их; сведения эти поступают со всего фронта. Ингуши с огромным запасом патронов, с пулеметами, с бомбометами, пушками, с бронепоездом. Обстановка явно... невыгодная". [1]).

„Ингуши пришли на помощь, осадили город с юга и выгнали казаков и осетинские банды (офицерство и хулиганье) из города. Город не был сдан, хотя в городе они хозяйничали вдоволь". [2])

Отступив к станице Архонской, банды полк. Соколова и Беликова образовали там фронт против Владикавказа.

---

1) Дз. Гатуев. Августовское восстание (Мемуары полк. Беликова). Журн. „Революц. Восток". 1929 г., № 6, стр. 204.

2) Казбек Бутаев. Борьба горцев за революцию. Влад—з, 1922 г., стр. 21.

Пашковский, Долобко, Хейфец, Анна Блюменталь и Тюленев, попавшие в станицу Змейскую, были расстреляны полк. Кибировым.

Контрреволюционные действия Бичерахова еще не были парализованы, и из Пятигорска на Моздок двинуты были два кабардинских полка кременистов под командой Сосланбека Тавасиева и шариатская сотня имени Катханова, состоявшая из мулл и эфенди. „Шариатская колонна—пишет К. Бутаев—в течение двух недель ликвидировала терскую контрреволюцию, освободила Моздок. Главные деятели моздокской контрреволюции с Бичераховым во главе ушли в Пятигорск к другому Бичерахову (Лазарю)—английскому наймиту, которого в это время турки уже выкурили из Баку в Петровск. Генерал Мистулов застрелился. Полковник Кибиров умер. А Владикавказский фронт, видя такой исход своего положения, ликвидировался тоже под напором масс. Руководители: полковники Хабаев, Соколов, Беликов и офицерство спаслись бегством через Алагирское ущелье, по Военно-осетинской дороге, в Грузию. Так было ликвидировано первое восстание, первый шквал контрреволюции на Северном Кавказе“ (Борьба горцев за революцию. Владикавказ, 1922 г.).

Но над горцами Северного Кавказа нависла новая опасность.

Горское правительство во главе с Джабагиевым, Коцевым и прочими установило тесную связь с германскими майорами из немецкого посольства с тем, чтобы двинуть германские силы на Терскую Республику.

Тифлисские источники передавали о несомненном участии в этой авантюре официальных представителей германского командования.

После падения Баку, когда турки направились в Дагестан, а немцы начали укрепляться на Военно-грузинской дороге, Совнарком Терской Республики, обеспокоенный этим, отправил в Тифлис делегацию в составе Бутырина и Андреева.

6 октября, в заседании Терского областного народного совета, Бутырин поделился своими впечатлениями о переговорах с представителями Горского правительства.

„Я говорил с Джабагиевым и Коцевым,—сообщил Бутырин.—Они развили программу. Мы, мол, представители маленьких народов всегда смотрим на то, что мы не можем вести титаническую борьбу с кем бы то ни было, поэтому мы стремимся к тому, чтобы сохранить хоть что нибудь от завоеваний русской революции. Единственным языком может быть у нас только русский язык, ибо у нас нет даже своей азбуки. Но дело в том, что турки одерживают успех за успехом, поэтому они неизбежно придут на Северный Кавказ. Но так как приход одних турок вызовет нежелательные порядки, необходимо призвать немцев, как более культурную нацию.

Существует другая опасность,—говорили они,—это то, что на Северном Кавказе усиливается движение Алексеева, у которого 75000-ая армия, насчитывающая 15000 офицеров. Согласно заявления представителя Алексеева в Тифлисе ген. Шатилова, они намерены установить здесь „русский порядочек", что не выгоднее немецкого.

Иногороднее население должно, по их мнению, помочь создать делегацию и совместно с казаками сделать невозможным приход сюда Алексеева. Для этого, однако, необходимо убрать флаг большевизма, надо порвать с Советской Россией, ибо у Алексеева есть определенная цель—поход на Москву, а раз здесь не будет большевиков, Алексеев едва ли придет в Терскую область".

На это Бутырин заметил, что независимость горских народов, о которой мечтал Джабагиев, неприемлема для руководящих терских работников коммунистической партии не только по соображениям принципиального характера, но и потому, что она, кроме порабощения, ничего не даст горцам, ибо немцы и турки появятся ради своих экономических интересов, что, разумеется, связано и с давлением на власть. „Я указал—говорил в своем докладе Бутырин,—на пример Грузии. Однако, Джабагиева этот пример не убедил.

Указывал также на Алексеева, который расстреливает меньшевиков и эсеров, вошел в конфликт с правительством Быча из за того, что Быч хочет созвать раду и выбрать атамана, а Алексеев назначил атаманом ген. Ляхова. Кубань устала и хочет мира, а Алексеев ей ставит новые задачи—собирание Руси. И, наконец, на предложение кубанского правительства покинуть Кубань Алексеев ответил, что он пришел на правах завоевателя и уйдет, когда найдет это нужным".

„На другой день—продолжал Бутырин—я и Андреев получили приглашение на беседу. Были опять Джабагиев В. и Коцев. За это время случились радикальные перемены. Болгария заключила мир, в Германии кризис кабинета и пр. Кроме того, власти, узнавшие обо всем этом несколькими днями раньше, приступили к эвакуации войск. Через Тифлис из Александрополя и Елисаветполя начали проходить в Батум один за другим турецкие эшелоны, за ними последовали немецкие, высадившиеся войска вновь погрузились и т. д.

И наш разговор резко изменился. О турках ничего, ничего и о немцах. Весь разговор—о горской федерации. Я указал вновь, что против об'единения горцев никто, ничего не имеет, но с одним условием—орган власти должен создаться так, чтобы не раз'единять демократию".[1])

Но Джабагиев и его единомышленники продолжали ориентироваться на империалистов разных мастей.

---

[1]) Газ. „Народная власть", 1918 г., № 128.

Ряд официальных документов, ряд фактов указывают нам, что Горское правительство обращалось не только к германскому командованию, но и к турецкому и английскому.

На первом с'езде представителей трудящихся масс горских народов Терской Республики (под председательством Ахмеда Цаликова при секретаре А. Тахо-Годи), представитель Дагестана Саид Габиев говорил: „Шаги Горского правительства—это авантюра. Я буду краток. Я хочу только вспомнить один случай из вчерашнего заседания горских фракций. Меня упрекнули, отчего я в Дагестане не провел советскую власть. Я должен сказать, что в течение шести месяцев мы, кучка дагестанских социалистов, гордо держали знамя социализма в Дагестане. Мы разбили и имама, и турок, и офицерство, сорганизовав два дагестанских полка—пеший и конный, да еще имея в помощь в виде небольших астраханских отрядов. Мы сражались на четыре фронта, и ни одна из этих четырех внутренних сил не могла разбить нас. Но нас разбили: казак Бичерахов и англичане.

Народы Дагестана более, чем народы Терской Республики жаждут и понимают советскую власть, ибо они знают, что ротмистр Чермоев и Горское правительство не несут на своих штыках ничего иного, кроме рабства".

Но если кулачество пыталось обратить ингушские трудовые массы в рабство, то сами массы, как мы видели, твердо стояли на советских позициях, вели решительную борьбу с контрреволюцией.

Председатаель Совнаркома Терской Республики Ф. Булле, в своей речи 6 октября 1918 г., заявил:

„До сего времени Ингушия не сошла с пути активной поддержки народной власти и закрепления завоеваний Октябрьской революции".

12 октября в Назрани открылся ингушский народный с'езд.

На с'езд прибыли чрезвычайный комиссар юга России С. Орджоникидзе, Палавандашвили и Бутырин.

„Много лиц в Тифлисе,—сказал С. Орджоникидзе—которые именуют себя вашими представителями. Они зовут сюда немцев и турок для восстановления порядка. Я тогда же говорил, что спасение у самого народа, и что никакая посторонняя сила не восстановит порядка помимо этого народа. Теперь скажите, кто прав из нас: они, эти представители, или мы. Обратитесь к фактам и они скажут правду. Месяц тому назад здесь, под этим деревом, вы громко заявили мне, что ингушский народ с нами (Крики: „И теперь говорим—мы с вами до последнего человека!"). Мы знаем и верим в это. Мы знаем и то, что в Сурхохи приезжал Шукуби. Мы знаем также и то, как ингуши отказали ему в приеме. После всего этого все те, кто теперь разоча-

ровались в могуществе немцев и турок, теперь появились среди нас и хотят свое счастье строить на нашей крови. Они провокацией хотят еще раз залить нашу область кровью. Они распускают слухи о том, что большевики хотят вместе с казаками и осетинами напасть на вас. Знайте, что они провокаторы и ваши враги. Не верьте им! Они не хотят, чтобы мы с вами шли бок о бок, они знают, что в единении нашем никто нас не может победить".

Нужно заметить, что во время речи С. Орджоникидзе всадники бывшего ингушского конного полка, явившись на с'езд, вели себя вызывающе.

Во время перерыва представители полка обратились к С. Орджоникидзе и Бутырину с требованием возместить убытки, понесенные полком в мировой войне и в январьских событиях 1918 г. в Владикавказе.

С. Орджоникидзе представителям полка на это ответил: „Когда я сегодня ехал сюда с т. Бутыриным, мне в Владикавказе сказали, что собирается ваш полк сегодня и хочет устроить нам неприятность. Мне предлагали взять охрану. Но мы ответили, что бывшего ингушского полка не боимся, как не боялись и войск Николая. Мы приехали сюда без всякой охраны. Здесь, когда мы говорили на с'езде, вы устроили музыку и пляску. Вы стреляли, не жалея патронов". „Ваш полк был организован Николаем Николаевичем, а за него мы не отвечаем. Они вас гоняли на бойню. Вы тогда дрались не за бедный народ, а за полковников и генералов".[1])

Участники с'езда, грозя всадникам расправою за оскорбление Орджоникидзе, предложили им немедленно разойтись.

Полк удалился, а представители его в тот же день извинились перед С. Орджоникидзе.

Вопрос о горской реакции в лице Горского правительства вновь встал на пятом, последнем, с'езде трудовых народов Терской Республики в ноябре 1918 г.

Непосредственной причиной созыва этого с'езда—читаем в передовице „Народной власти"—помимо разыгрывающихся в области событий, послужила новая угроза, которая за последнее время приняла реальные очертания со стороны Дагестана в связи с изменившейся мировой кон'юнктурой. „Реальная политика теперь уже горской реакции, несомой авантюристским „правительством" Чермоева, сулит области потрясения не меньших результатов, чем преступная попытка реставрации старого строя казачьих и осетинских полковников и генералов". [2]).

Накануне 5-й сессии Терского народного с'езда состоялся первый с'езд представителей трудовых горских народов Терской Республики.

---

[1]) „Народная власть", 1918 г., № 134.
[2]) „Нар. вл.", 1918 г., № 166.

Интерес с'езда—гласит отчет о нем—„сосредоточивался, главным образом, на тех же проклятых вопросах об ориентациях. Приближающиеся с востока, запада и юга опасности заставили горцев еще раз подтвердить свою преданность Советской России". „Эта ревнивая преданность Советской России, эта единственная возможная для трудовых народов „ориентация"—прошла красной чертой в речах всех ораторов".

Чеченская фракция с'езда, обсудив действия Горского правительства, заявила, что она постановила всемерно поддерживать советскую власть, дающую землю и волю трудовому народу. „Чеченский трудовой народ и его красная армия присягнули на верность советской власти и этой присяге останутся верны до конца". [1]).

Ингушская фракция единогласно присоединилась к резолюции, предложенной чеченцами.

28 ноября 1918 г., в Владикавказе, открылась 5-я сессия с'езда трудовых народов Терской Республики.

— „Волею рабочих, крестьян и трудовых народов Терской Республики—сказал председатель Совнаркома Ф. Булле—пятую сессию с'езда об'являю открытой (Оркестр играет „Интернационал". Делегаты встают).

Под знаком борьбы за мир и братство трудовых народов Терской Республики шел четвертый с'езд. Но пока мы на четвертом с'езде говорили о мире и братстве, враги народа точили мечи и заряжали ружья, и когда мы протянули им руку, в нашу грудь был вонзен меч. С'езд был разогнан, и на улицах Владикавказа полилась братская кровь.

Но волею трудового народа враг был изгнан из города и вновь собравшийся с'езд наделил исключительными полномочиями орган областной исполнительной власти, работа которого проходила в то время, когда вся область была разделена фронтами, железом и кровью. Но теперь все мы, и казаки, и ингуши, и чеченцы собрались сюда, чтобы творить новую жизнь.

Победа совершена, но не закреплена. На востоке и западе нависли тяжелые тучи, с юга доносится змеиный шопот. И мы не почием на лаврах. Мы будем стремиться к тому, чтобы притти к окончательному закреплению советской власти, власти трудовых народов.

Вот этот вопрос и явится главным в программе ваших работ".

Весьма обстоятельный анализ политического состояния края дал в своей речи чрезвычайный комиссар юга России т. С. Орджоникидзе, встреченный с'ездом бурными аплодисментами.

---

1) „Нар. власть", 1918 г., № 167.

Приводим эту речь целиком, ввиду ее иключительного интереса:

— „Три месяца тому назад здесь я, только что приехавший, приветствовал 4-й с'езд трудовых народов. И теперь от имени Центрального совета народных комиссаров я приветствую все трудящиеся массы Терской области (Аплодисменты).

Я отвлекусь немного и поделюсь теми минутами, которые мы переживали здесь в течение этих трех месяцев. В тот момент, когда открывался 4-й с'езд, среди нас не было представителей трудового казачества.

В тот момент предатель Бичерахов втягивал трудовые казачьи массы в братоубийственную войну под видом борьбы с красноармейцами и большевиками. Все наши попытки как нибудь вырвать эти массы из под влияния этого предателя не увенчались успехом. Обращаясь тогда к тем, кто представлял на с'езде казаков, я говорил: от имени центральной советской власти я прошу и требую, чтобы вы были мостиком между нами и этими введенными в заблуждение казаками. Чем ответили они нам—всем известно. Но теперь, после трехмесячной борьбы, мы не можем сказать, что среди нас нет трудового казачества. Здесь, на этих вот скамьях, сидят подлинные представители трудового казачества (Шумные аплодисменты).

Здесь сидят не агенты Бичерахова, а представители тех героев казаков, которые, вместе с красной армией нашей, вместе с горскими народами подняли войну против бичераховских банд (Аплодисменты).

В ответ на всю мелкую злобу наших врагов я говорил, что трудовое казачество пойдет с нами, и теперь я имею право с гордостью сказать, что трудовое казачество всей области с нами (Аплодисменты).

Командир шариатской ударной колонны—тоже казак.

После трехмесячной борьбы контрреволюция раздавлена, и Бичерахов не находит места, куда бы он мог укрыться, потому что казаки сознали, что им незачем вести войну.

Победа наша создалась силой сознания трудовых казаков, что их власть—власть всех трудовых масс. Да, контрреволюция раздавлена и расшиблена, но победа далась нам нелегко.

Я помню момент перед концом 4-го с'езда, когда мы висели на волоске. Это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту советской власти (Гром аплодисментов).

Период неизвестности дальнейших судеб—и только ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь.

Если среди осетин, за исключением беззаветно преданных революции керменистов, наблюдалось тогда колебание, если даже на

8-м своем с'езде они об'явили нам войну, то теперь вся Осетия, за исключением продажных предателей в офицерских погонах, на нашей стороне (Аплодисменты).

Если Большая Кабарда стонала под игом Серебрякова, то теперь мы с радостью можем сказать, что Большая Кабарда—вся советская.

Если Малая Кабарда иногда поддавалась влиянию своих князей, то теперь, в результате энергии М. Кабарды, эти князья частью разбиты и спасаются в горах, частью сидят у нас (Аплодисменты).

Но перед нами новая опасность и не от казачьего Бичерахова, а от Бичерахова чеченского и ингушского. Был у ингушского народа председатель Народного совета Джабагиев, который вместе с Чермоевым, которого изгнал из своей среды чеченский народ, переселился в Тифлис и там создает „Горское правительство". Они двигаются с остатками разгромленных турецких банд на Чечню из Петровска. Чермоев, этот предатель чеченского народа, идет для того, чтобы вернуть свои нефтяные промыслы, это тот самый капиталист, против которого ведет борьбу Россия. Джабагиев с присущим негодяю предательством выступал с нами, рассчитывая на то, что в взаимной борьбе большевиков с казаками первые обессилят и он придет блестящим министром с турецкими бандами, но история перехитрила Джабагиева. Турция разбита так, что не может даже править у себя, а советская власть здесь сильна, как никогда (Аплодисменты).

Казаки поняли, что советская власть предоставляет в их руки всю власть. Когда Фальчиковы говорили якобы устами казаков,—они были предателями, агентами Бичерахова, которому передавали все что здесь делалось, теперь же здесь сидят казаки, которые брали Самашкинскую и Слепцовскую (Аплодисменты).

Указывая на опасность Чермоева, я должен обратиться исключительно к чеченцам, ибо не может вступить Чермоев на нашу землю, если на то не будет воли чеченского народа. Я хотел бы со всею откровенностью нарисовать картину, которую ожидает чеченский народ, если он поддастся авантюре Чермоева. Советская власть крепнет, контрреволюция расколочена и бежит. Другой контрреволюции, кроме казачьей, на Северном Кавказе не было. Надвигаются Чермоев и Джабагиев . . . и перед горскими народами тяжелая задача—они должны громко заявить, что Чермоевы не могут появиться здесь!

В противном случае чеченский народ, лучшие представители которого шли и идут с нами, будет спровоцирован и погублен. Кто не понимает этого и делает другое дело—предатель тот, и это надо хорошо раз'яснить чеченской массе. Я наблюдал, когда ездил в Грозный, и видел, что чеченская масса за Чермоевым не пойдет, но среди ее есть Бичераховы, есть Валаевы, которые лезут к нему, кото-

рые тянут его сюда. Они ведь ничего не теряют. На чеченских представителях лежит величайшая задача: необходимо раз'яснить массе, чтобы она не поддавалась провокациям.

Мы не являемся ни властью чеченцев, ни ингушей, ни русских или грузин, мы власть труда и бедноты без различия веры и национальности. Мы с гордостью можем констатировать, что весь мусульманский мир, весь Восток обращается не к Англии, не к Франции, а к Советской России, в Москву (Гром аплодисментов).

Радио нам передает, что Индия шлет привет Российской Социалистической Республике и выражает надежду, что огромный мусульманский мир и все народы Востока будут освобождены Советской Россией, ибо Советская Россия никаких иных целей не преследует, кроме освобождения угнетенных масс (Шумные аплодисменты).

Казачья контрреволюция разбита, Бичерахов удрал, но место его занял Чермоев. Валаев удрал, но его заменил Джабагиев. Перед вами, горцы, стоит задача: защищать советскую власть от Чермоева с такою же решимостью, с какою вы бились против Бичерахова. Пусть ни один из вас не поддается на удочку.

Нас часто называют босяками. Да, мы не капиталисты, мы бедняки и идем к вам не для того, чтобы набивать карманы; наша работа здесь показала, кто мы такие.

Тот ужас, который был в области, он уничтожен, но он может возобновиться, разгромлены будут аулы и станицы, прольются реки крови, если только будет допущена авантюра Чермоева. От вас, горцы, зависит допустить или нет Чермоева. Если казакам было трудно, ибо у них было сильное и сплоченное офицерство, державшее их в руках, у вас этого нет и о трудности говорить вы не можете. Дело за вами.

Кончая свою речь, я хочу воскликнуть вместе с вами: да здравствует Советская Социалистическая Россия!" (Долгие аплодисменты).

Выступивший на следующий день в заседании с'езда председатель Совнаркома Терской Республики Ф. Булле тоже подчеркнул героическую роль трудящихся Ингушии в борьбе за советскую власть: „Необходимо отметить здесь жизнь одного из районов Терской области, населенного небольшим, но героическим народом—Ингушетии.

Когда на прошлом с'езде говорили о хозяйственной и политической жизни этого народа, когда говорили о грабежах и разбоях на территории Ингушетии, то никто иной как мы заявили, что все это связано с экономической и культурной жизнью этого народа, что этот народ находится еще в стадии накопления своих духовных сил.

И когда перед Терской народной властью стал вопрос о дальнейшем существовании ее, о том, быть или не быть ей на террито-

рии Терской области, то никто иной, как ингушский народ в этот период стал решительно и без оглядки на сторону советской власти и своим вмешательством предрешил исход героической борьбы".

Говоря о важнейшем для Ингушии вопросе—земельном, Ф. Булле заметил, что ингуши с оружием в руках разрешили его, ибо не могло считаться нормальным положение, при котором часть ингушского народа была отрезана землями станиц Тарской, Сунженской и Ахки-юртовской. И „никто, я думаю, не станет упрекать ингушский народ в том, что он в минуту смертельной опасности для народной власти силой оружия разрешил его". „Должен указать, что до сих пор земельный вопрос не мог быть разрешен в полной мере, ввиду отсутствия у власти реальных сил. Но теперь справедливое распределение земли должно быть проведено (Аплодисменты).

Если здесь говорят, как о земельных запасах, о казачьих землях, то я должен отметить, что и среди горцев есть лица, которые, не считаясь помещиками, в то же время являются обладателями довольно обширных пространств земли.

Я полагаю, что справедливое разрешение земельного вопроса затронет и этих богачей, и это будет приветствуемо, ибо без этого закон о социализации земли останется мертвой буквой, а мы знаем только одну справедливость—в пользу неимущих и безземельных" (Аплодисменты).

О классовом расслоении и классовой борьбе в Чечне говорил А. Шерипов:

— „Нам не приходится говорить о единой Чечне, но о Чечне трудовой и той Чечне, которая построена на всяческих ориентациях и спекуляциях". „В силу экономической и культурной отсталости, в силу различных влияний—чермоевщины, бичераховщины, деникинщины, в силу косности чеченского народа нам, может быть, придется выдержать грозную борьбу и в этом крае".

Принятая с'ездом резолюция горских фракций по аграрному вопросу гласила:

1. Создание в кратчайший срок органов по разрешению аграрного вопроса на местах.

2. Открыть в спешном порядке областному комиссариату земледелия широкий кредит как на содержание земельных органов, так равно и операционные расходы по подготовке и проведению в жизнь социализации земли.

3. В целях срочного и планомерного разрешения аграрного вопроса признать настоятельно необходимым образование специального землеустроительного органа при областном земельном отделе для разработки законопроектов и составления плана землеустроительных работ.

4. Для распределения области на хозяйственные полосы, согласно закона о социализации земли, и для установления потребительно-трудовых норм необходимо произвести статистико-экономическое обследование области и почвенное обследование.

5. Параллельно с разрешением земельной проблемы, необходимо немедленно же приступить к организации ряда мелиоративно-агрикультурных мероприятий, опытных полей, племенных рассадников и др. научных учреждений по поднятию производительности сельскохозяйственного промысла и полной утилизации свободного фонда земель до окончательного его распределения.

6. Открыть особый кредит по ведомству земледелия для субсидирования вновь организуемых трудовых хозяйств и их ассоциаций (коммун, товариществ, артелей, кооперативов и т. д.) на основе п. д. ст. 11 осн. зак. о социализации земли.

7. Немедленно приступить к страхованию трудовых хозяйств от всяких стихийных бедствий (согласно ст. 16 осн. зак. о соц. земли).

8. Проведение, в ближайшее время, в жизнь страхования трудовых земледельцев (ст. 14 зак. о соц.).

9. Принять все меры к обязательной и фактической отмене аренды земель, имеющей место в Терской Республике до настоящего момента.

10. Принимая во внимание, что сельско-хозяйственный инвентарь у земледельческого населения области совершенно износился и пришел в полную негодность, а также не имея возможности получить таковой в ближайшее время извне, необходимо приступить в спешном порядке к созданию во всех округах и отделах сети слесарно-ремонтных мастерских для ремонта сельскохозяйственных машин, орудий и пр. инвентаря, необходимого в трудсвом хозяйстве.

11. Принять все меры к расширению деятельности завода „Дарьял“ для производства и починки сельско-хозяйственных машин, орудий и их отдельных частей.

12. Подтверждая волю всех предыдущих с'ездов, 5-й с'езд трудовых народов Терской Республики находит безотлагательным и крайне спешным приступить к уничтожению черезполосицы и установлению границ между отдельными племенами путем переселения, согласно закона о социализации земли.

13. Пятый с'езд трудовых народов Терской Республики, считая самым важным и жгучим вопросом в Терской Республике вопрос земельный и подтверждая волю предыдущих с'ездов, считает также проведение земельной реформы первой и основной задачей Областного народного совета и Совета народных комиссаров Терской Республики.

Вместе с тем, пятая сессия с'езда трудовых народов Терской Республики, провозгласив свою полную солидарность с российским пролетариатом в его беспощадной борьбе с угнетателями народных масс, заявила, что трудовые горцы и трудовые казаки, совместно с рабочими и красноармейцами, об'единенные и спаянные кровью, пролитой вместе в борьбе с казачьей контрреволюцией Бичераховых, предостерегают горских авантюристов Чермоевых, Джабагиевых и Коцевых, затеявших горскую контрреволюцию, от безумного и гибельного для бедных трудовых горских народов политического шарлатанства, и что народы эти сокрушат Горское правительство, несущее рабство и стремящееся отнять у горцев землю, и установить ханство на горбах горских и казачьих землеробов, как сокрушили моздокское правительство.

Путь, пройденный Горским правительством, оказался таким: когда силами Бичерахова и имама Гоцинского советская власть была свергнута в Дагестане, то туда, в г. Темир-Хан-Шуру, поспешили из Тифлиса переехать сейчас же с отрядом турок члены Горского правительства. Они занялись организацией военных сил, при чем с этой целью вербовали офицерство. На словах клялись бороться с реакционной добровольческой армией, на деле никаких шагов не предпринимали в отношении борьбы с Деникиным.

Тогда дагестанские коммунисты решили свергнуть правительство, но были арестованы последним и, по настоянию военного министра ген. Халилова, были переданы в руки добровольцев, которые их, в числе 14 человек, расстреляли.

Партия большевиков в героической борьбе за диктатуру пролетариата потеряла ряд выдающихся своих деятелей.

Но их места занимали новые силы, которые так же отважно шли под знаменем пролетарской революции на защиту Советов.

Октябрьскими боями на Северном Кавказе, в частности в горских областях, непосредственно руководил Центральный комитет партии большевиков во главе с В. И. Лениным и Кавказский краевой комитет.

Огромную, исключительную работу по организации и руководству революционной борьбой против белых провел на Северном Кавказе уполномоченный ЦК партии, чрезвычайный комиссар юга России т. С. Орджоникидзе.

Из виднейших работников партии большевиков на Тереке нужно отметить т. т. С. М. Кирова, Ноя Буачидзе, М. Орахелашвили, Я. Л. Маркуса, Ю. Фигатнера, Ф. Булле, Анджиевского, Ф. Махарадзе, З. Палавандашвили, Назаретяна, В. Будагова, А. Гегечкори, И. Элердова, Н. Гикало, Бутырина, Е. Полякову, Носовых Н. и А., Анисимова, Иоанисиани Г.

В Ингушии основное ядро большевистской партии составляли: Ю. Албогачиев, М. Алиев, Х. Альмурзиев, М. Банхаев, А. Гойгов, А. Горчханов, И. Зязиков, Б. Костоев, Д. Мартазанов, З. Тутаев, Э. Чабиев.

Чеченская беднота имела такого выдающегося организатора борьбы за советскую власть, как Асланбек Шерипов.

Установив диктатуру пролетариата, партия разрешила целый ряд кардинальных вопросов—рабочий, земельный, национальный, хозяйственного и культурного строительства, хотя—нужно заметить—некоторые решения носили еще на себе отпечаток процесса перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Однако, окончательное и полное разрешение этих вопросов отодвинулось до разгрома деникинщины и восстановления и укрепления советской власти на Северном Кавказе.

Зловещие черные тучи контрреволюции надвинулись с севера к берегам бурного Терека.

Терская Советская Социалистическая Республика пала под напором превосходящих сил добровольческой армии.

Кулацко-купеческая часть Ингушии, ведшая непрерывную борьбу с советской властью, незамедлила, с занятием территории белыми, стать в лагерь деникинцев.

„Чеченцы!—говорил в своем обращении в ноябре 1918 г. Асланбек Шерипов.—Вы хвалились тем, что у вас не было и нет князей. Неправильно. Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не нашими трудами живут они? И вместе с шейхами всегда шли и взаимно поддерживали их купцы, подрядчики, спекулянты и мародеры. А купцы и помещики поддерживают шейхов и мулл, потому что шейхи и муллы помогают им притеснять бедняков и драть с них кожу".

Классовая борьба в Чечне и Ингушии вступала в полосу дальнейшего развития и обострения.

Чеченская и ингушская парторганизации ушли в подполье и вели под руководством ЦК ВКП(б) и Кавказского Краевого Комитета активную работу по сплочению трудящихся масс для борьбы с контрреволюцией.

ДЕНИКИНЩИНА, БОРЬБА С НЕЙ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.—ГОРСКАЯ С. С. РЕСПУБЛИКА

И. В. Сталин о географическом размежевании между революцией и контрреволюцией.—Контрреволюционная деятельность „независимого" Горского правительства.—Мобилизация сил контрреволюции.—Занятие добровольческой армией территории Сев. Кавказа.—Упорное сопротивление трудящихся Ингуши белым.—Бои под Долаково и Кантышево.—Взятие белыми Владикавказа.—Ультиматум добровольцев Ингушии.—Восстание в Назрани.—Новое разорение ингушских аулов добровольцами.—Бои под Экажево и Сурхохи.—Очередная контрибуция.—Протест Союзного меджлиса горских народов Кавказа против зверств добровольии.—Политика деникинщины в области рабочего, земельного и национального вопросов.—Требования большого войск. круга Тер. каз. войска к ингушам о возмещении последними убытков, понесенных казачеством в годы революции.—Травля чеченцев и ингушей.—Руссификация.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Сентябрьский назрановский „народный" с'езд.—Решение с'езда об обложении ингушей особым целевым налогом.—Северо-Кавказское эмирство (Узун-Хаджи).—Терские красные повстанческие войска.—Бой под слоб. Воздвиженской и гибель А. Шерипова (1919).—Растущее влияние большевиков, красного повстанческого движения и закат эмирства.—Подпольная революционная работа в Ингушии.—Состав ингушского Ревкома и его деятельность.—Усиление борьбы против доброармии.—Воздвиженское сражение (янв. 1920 г.).—Предательство Дышнинского.—Укрепление связи Инг. ревкома с революц. пролетариатом Владикавказа и Грозного.—Последние, решительные бои.—Разгром деникинщины и факторы, обусловившие этот разгром.—Тов. И. В. Сталин о героической роли угнетенных народов в гражданской войне.—Учреждение Ингушского партийного оргбюро.—С'езд трудовых масс горских народов.—Выступление на с'езде т. т. И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе.—2-я Терская обл. партконференция.—Письмо В. И. Ленина коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и Горской Республики.—Учредительный с'езд советов Г. С. С. Р.—Выступление т. С. М. Кирова.—Ликвидация казачьего клина.—2-я Горская обл. конференция РКП(б) о политическом положении ГССР и ближайших задачах Республики.—IV с'езд советов Гор. С.С. Республики (дек. 1923 г.).—Ингушия перед выделением из состава ГССР.

Гражданская борьба стала разгораться все более и более после Октябрьской революции, утвердившей диктатуру пролетариата.

Еще в начале Октябрьского переворота—говорит т. И. В. Сталин—наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее премышленными и культурно-политическими центрами (Москва и Петроград), с сднородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом, южная

и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны,—превратились в базу контрреволюции.

Нетрудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил России нет ничего неестественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?

Разве не ясно, что никакого другого „географического распределения" и не могло быть?" [1])

Конец 1917-го и весь 1918-й годы прошли под знаком роста революционных сил и организации, собирания сил контрреволюции.

4-го октября 1918 г. (н. ст.) Кубань уже была занята белыми, а к концу января 1919 г. на всем Юго-востоке (за исключением Дагестана, куда добровольцы проникли в апреле) господствовали, там и сям, отряды армии генерала Деникина.

Над горцами Северного Кавказа вновь нависла опасность.

Какую же позицию заняло „независимое" Горское правительство?

„К Октябрю 1917 г.—пишет А. Тахо-Годи—стало ясно, что политика эта была не случайной, а определенной политической линией руководящих верхов Горского Союза, заинтересованных в сохранении своих привилегий и собственности от покушений революции". „Массы жили сами по себе и правительство изображало полководцев без армий. Ближайшее будущее подтвердило это положение". „И в то время, как свободная делегация в составе председателя горского парламента и членов правительства неделями позорно домогается аудиенции у добровольческих генералов для выяснения вопросов и не получает ее,—горские массы, предоставленные самим себе, обманываемые миллионами обещаний и связанные правительством, все же организовывают сами сопротивление доброармии, ослабляемое, конечно, всем поведением и влиянием Горского правительства". „Если ко всему этому добавить всю политику Горского правительства, направленную к отрыву от советской власти на Тереке горских масс Кабарды, Осетии, Ингушетии и Чечни обещаниями, что в случае раз-

[1]) И. В. Сталин. К военному положению на юге России. Газ. „Правда", № 293, от 28 дек. 1919 г.

рыва их с большевиками они станут вольными гражданами национального горского государства—будет ясно, кто разложил сопротивление этих масс добровольческой армии, кто подготовил себе же поражение".[1])

Опираясь на материальную поддержку Антанты, на зажиточную часть казачества и ее верхи, добровольческая армия уничтожила на своем пути все завоевания революции и заняла территорию горских народов Северного Кавказа с тем, чтобы пройти ее огнем и мечем.

Но горские трудящиеся массы оказали упорное, ожесточенное сопротивление добровольческой армии.

Ответственный руководитель Каспийско-Кавказского фронта (ноябрь 1918 г.—апрель 1919 г.) М. С. Свечников, характеризуя населе ие Северного Кавказа в политическом отношении к 15 декабря 1918 г., пишет, что ингуши „являлись большими приверженцами советской власти".[2])

Героическая борьба трудящейся массы ингушского крестьянства против „завоевателей и покорителей" Кавказа, несших на своих штыках восстановление царской России и угнетение горцев-трудящихся показала, что эта приверженность массы к советской власти не только не поколебалась в течение периода деникинщины, но, наоборот, крепла с каждым днем в связи с добровольческой политикой железа и крови.

Первое серьезное сопротивление белогвардейцам ингуши оказали в боях под Долаково и Кантышево.

Д. Шоипов так передает этот момент.

Утром, 4 января 1919 г., добровольцы взяли станцию Беслан и тем самым прервали железнодорожное сообщение с Грозным и ингушской территорией.

Заняв ст. Беслан, они повели наступление на ст. Назрань с трех сторон: по магистрали железной дороги Беслан-Назрань, справа от полотна—к селению Базоркино и слева от полотна—к селениям Долаково и Кантышево.

Командный состав передовых частей наступавшей добровольческой армии пред'явил ингушам ультиматум—пропустить войска через Ингушию на Владикавказ и Грузию.

Долаковцы и кантышевцы отказались выполнить это требование.

Завязалась жестокая борьба.

На помощь ингушам прибыли красноармейцы и части владикавказской пехотной школы.

„Звонко отзывается мерзлая земля под копытами лошадей. Тянется длинная лента пехотных стрелков, в середине громыхает с

---

[1]) А. Тахо-Годи. На путях к „независимости".– Махач-Кала, 1930 г.

[2]) М. Свечников. Борьба Красной армии на Сев. Кавказе. Штаб РККА. Госуд. воен. изд-во, 1926 г.

разрядными ящиками одна „трехдюймовка“, за ней конный эскадрон каваллерийского полка.

Слева на гребне возвышенности —своеобразной, естественной границе с плоскостью—молчат одинокие ингуши с конями. Это связь между Долаково и Базоркино, где находится штаб, откуда передают боевые приказания.

Пути три, четыре часа.

Вот впереди уже виднеется Кантышево, с большими садами. Навстречу выходят старики, женщины, дети, они с удивлением и радостью присматриваются к русским рядам отряда.

Почти рядом начинается и Долаково. Их отделяет только кладбище и небольшой луг.

Долаково устраивает торжественную встречу отряду.

Почетный старик, окруженный коренными жителями, выносит хлеб-соль и говорит о своей убежденности в несомненной победе над врагом.

Отряд бодро проходит по узеньким улицам селения, останавливается в центре, около мечети. Все немного утомлены.

Ингуши уже приготовили еду и ночлег. Отряд быстро и незаметно тает. Его разобрали по домам, по два, по три человека.

Поехали осматривать позицию. Трехугольником вырытые окопы.

В окопах ингуши.

Окопы углубляют, делают ниши, предохраняющие от шрапнельного огня.

Встречают улыбками привета.

На бруствере окопа еще не снята прежняя деревянная изгородь кладбища. Она вся изрешетена пулями—следы нового неудачного наступления добровольцев на Долаково.

Ингуши показывают на убитых добровольческих лошадей, валяющихся от окопов шагах в трехстах“.

„Выбирают артиллерийскую позицию, но ее, повидимому, придется выбрать левее селения. Там имеются выемки, удобные для пушек, здесь слишком открытое место. Ингуши продолжают рассказывать о подробностях прошлого боя: где наступали добровольцы, сколько их было, какие потери понесли в этом бою, как храбро дрались ингуши, как два раза дело доходило до кинжалов и шашек, кто из знакомых убит, ранен.

Выбирают позицию и для пулеметов.

Этих „швейных машин“ у ингушей достаточно, а специалистов мало.

Лопатой намечают два „гнезда“ для пулеметного взвода. Здесь необходимо углубить окоп. Здесь утолщить бруствер, здесь подсыпать „стрелковую ступеньку“. Работы много.

Ингуши слушают внимательно.

В глазах—заранее исполненное приказание".

Ночью, в маленькой комнате,—совещание штаба.

Днем бой возобновляется.

Особенно жестокому обстрелу подвергается долаковское кладбище.

„По кладбищенским окопам ведется огонь всех родов оружия до бомбометов включительно.

Тем временем левый фланг добровольцев сбил нашу конную группу и постепенно охватывает Долаково справа. Уже далеко сзади Кантышево чернеются лошади казаков с коноводами, а сами казаки впереди „в цепи".

„Из Долаково гонят скот, увозят добро. Теперь добровольческие артиллеристы занялись усиленным обстрелом этого обоза с женщинами и детьми, гуртов скота.

Пока обоз достигал Кантышево, много убитых и раненых женщин и детей валялось на повозках и фургонах.

Само Долаково обстреливается уже фронтовым ружейным огнем.

Вдали видно, как, нерешительно ползя с Назрани, выходит бронепоезд и завязывает артиллерийскую перестрелку с добровольцами. Но помощь бронепоезда для нас несущественна. Казаки переносят на броневик огонь только одного орудия, а остальные продолжают обстреливать долаковские окопы.

Страшно за правый фланг.

Страшно за исход боя без всякого запаса патронов.

Вечер.

Стрельба не стихает.

Лишь артиллерия уже не может вести меткого нападения.

Вдруг со стороны Назрановской дороги появляется колонна конницы.

Кто это? Поддержка. Откуда?

Кабардинцы с базоркинского фронта. Они сразу правильно оценили обстановку боя и, смело вытягиваясь в длинную цепь, несутся на зарвавшихся казаков.

Приободрились и долаковцы; у кого еще остались незначительный запас патронов и лошадь еще не падающая от усталости,—тот понесся помогать кабардинцам.

Бой принял другой оборот.

Кризис миновал. Казаки не выдержали натиска и начали отступление по фронту на сел. Зильги.

Уже ничего не видно. В штабе радостные лица, благодарности кабардинцам.

Ночь проходит почти спокойно.

Только с кладбища иногда доносятся выстрелы—там перестрелка с казачьим сторожевым охранением.

Недолгое спокойствие". [1])

6 февраля 1919 г. С. Орджоникидзе отправил В. И. Ленину телеграмму следующего содержания: „Бои вокруг города Владикавказа и Ингушетии продолжаются 7-й день... Красная армия, Курская и Моложанская слободки героически отражают натиск казачьих контрреволюционных банд.

На с'езде вооруженного ингушского народа по моему предложению провозглашена независимая Горская Советская Республика.

Чечня поднялась и совместно с нашими красноармейцами в районе Грозного отражает противника. Сунженские казаки под командой тов. Дьякова твердо держатся за советскую власть, громя артеллерией контрреволюционные станицы.

Ждем вашей помощи для окончательного сокрушения контрреволюции на Северном Кавказе. Орджоникидзе" (Газ „Народная власть" от 8 февраля 1919 г.)

В боях с контрреволюционными частями под Долаково, Кантышево и Базоркино было совершено много самоотверженных, геройских подвигов как целыми ингушскими отрядами, так и отдельными лицами.

Пластунский батальон, до двух тысяч человек, наступавший из Кабарды со стороны Исламово на Кескем, Пседах и Сагопш,—был совершенно разгромлен ингушами: убито до 860 белогвардейцев, взято несколько орудий и обоз.

Однако, после девятидневного упорного сопротивления фронт Долаково-Кантышево-Базоркино дрогнул под напором более многочисленного, хорошо вооруженного и организованного противника.

Долаково и Кантышево погибли в дыму пожара и превращены были в руины.

Сел. Базоркино было разорено.

Главнокомандующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края ген. Ляхов (тот самый, который расправлялся с революцией на Тереке в 1905—7 г. г.) в закрытом заседании войскового круга Терского казачьего войска 23 февраля 1919 г. так характеризовал сопротивление Ингушии добровольцам: „Когда проходили Ингушетию, то в селении Сагопш ингуши заявили черкесской конной дивизии: „Мы вас не пропустим, пока не получим разрешения национального совета". Начальник черкесской дивизии замялся, пропустил время и батальон был смят. Думая, что его задача пройти на Моздок, он обошел Ингушетию и двинулся на Грозный через станицу Слепцовскую.

---

[1]) Д. Шоипов. Бой у Долаково (Из воспоминаний). „Вольный горец". 1920 г., №№ 19 и 20.

Таким образом, данная ему задача осталась невыполненной через Ингушетию он не прошел, народ этот не подчинился.

Сопротивление ингушей упорное и прямо непонятное. При четырех пулях четвертую противник пускает в висок. С ними есть офицеры, красноармейцы, матросы, муллы.

Благодаря ошибке, которая допущена была сначала, не удалось сломить ингушей в Малой Кабарде.

Были собраны новые силы—3-й Волгский полк. К этому времени дан был приказ—смести селения Долаково, Кантышево и Базоркино. В данный момент селение Долаково сметено с лица земли". [1])

В закрытом вечернем заседании 1 марта Ляхов сказал: „По Чечне все время снуют пропагандисты-ингуши".

Сопротивление Ингушии задержало занятие Владикавказа белыми.

Владикавказ был взят ген. Шкуро 12 февраля 1919 г. (по нов стилю).

Некоторые красные войсковые части отступили по Военно-грузинской дороге в Грузию, другие—в горную Ингушию.

В горную же Ингушию ушли Орджоникидзе, Булле, Фигатнер, Ф. Махарадзе, Элердов, Назаретян, Бутырин и др. руководители советской власти на Тереке.

На фоне пожаров вырисовывались виселицы, устроенные по приказу Шкуро в людных местах города.

Озверелые банды белых жестоко расправились с захваченными ими большевиками и даже с подозреваемыми в принадлежности к коммунистической партии; они же закопали в быв. кадетском корпусе, во дворе и вблизи, вне его, около 17 тысяч красных бойцов, больных сыпным тифом.

Чеченская беднота оказала сильное сопротивление ген. Шатилову, но под давлением неприятеля отряд Н. Гикало вынужден был отступить в горную Чечню, где и продержался в течение более года (до прихода красной армии на Терек в 1920 г.), ведя успешную борьбу на два фронта: против шариатской монархии Узун-Хаджи и против добровольцев.

В Чечне сожжено 22 аула.

Весь февраль и март добровольцы производили в Ингушии, а в особенности в сел. Базоркино, взыскание контрибуции, отбирая у населения деньги, реквизируя у него скот, хлеб, мертвый с.-х. инвентарь.

Кроме того, добровольческое командование пред'явило ингушам требование—дать три конных полка на своих лошадях, с своей ам-

---

[1]) Отчет о закрытых заседаниях войск. круга Тер. каз. войска 1-го созыва. 1919 г. Горский вопрос. Не подлежит оглашению.

муницией: два полка для отправки на фронт, один для несения внутренней службы.

Однако, ингушские массы, не желая подчиниться требованию добровольческой армии, всячески оттягивали срок выполнения ее приказа, хотя добровольцы и угрожали новым нападением на аулы Ингушии.

Наконец, последним сроком отправки на фронт первого ингушского эшелона был назначен июль 1919 г.

В связи с этим, в крепости Назрань, советом мулл был устроен с'езд.

Муллы разбились на два лагеря: одни были за выполнение приказа добровольческого командования, другие против дачи полков.

Во время работы с'езда группа офицеров, захватив на ст. Назрань нескольких долаковцев, против воли последних, посадила их в вагон для отправки на фронт.

Часть с'езда, узнав об этом, быстро прибыла на станцию и тотчас же освободила захваченных деникинцами ингушей.

В стычке убит был один из офицеров-ингушей, а двое из них арестованы.

Правитель Ингушии ген. С. Мальсагов за непринятие решительных мер по ликвидации назрановского восстания был уволен с своего поста.

Добровольцы воспользовались происшедшим в Назрани для нового разорения ингушских аулов.

Перейдя реку Камбилеевку, они, при поддержке артиллерии и броневого поезда, повели наступление на сел. Насыр-корт.

Селение выбросило белый флаг, но безуспешно.

Начался бой, результат которого определили подоспевшие экажевцы и сурхохинцы. „С их прибытием ингуши перешли в наступление и, опрокинув противника, погнали казаков к железной дороге. Если бы не помощь бронированного поезда, отряд добровольцев оказался бы совершенно уничтоженным. На этом закончились военные операции первого дня.

На другой день, с утра, отряд противника, но усиленный, повел в том же направлении наступление.

Насыр-корт выбросил белый флаг.

Наступающие части добровольческой армии остановились и пред'явили ультиматум, согласно которого в обеспечение того, что полки ингушами будут выставлены, народ дает властям доброармии заложников из почетных стариков и мулл.

Имея против своих сел открытые жерла орудий и линию пулеметов, ингуши дали заложников в течение тех двух часов, которые

им были предоставлены, как срок для выполнения ультиматума. Казалось, что мир установлен.

Но добровольческие части, получив заложников, двинулись в направлении к сел. Экажево. Экажевцы, пораженные этим движением и еще более той канонадой, какая была открыта по селению, выбросили несколько белых флагов. Но это не имело никакого результата. Канонада продолжалась.

Экажевцы взялись за оружие.

На помощь к ним пришли сурхохинцы, прискакали горцы.

Завязался ожесточенный кровопролитный бой.

Обливаясь кровью в неравной борьбе, отражая удары штыков кинжалами, ингуши защищались два дня. Положение обороняющихся особенно осложнилось и ухудшилось после того, как ударили новые, свежие добровольческие части с тыла—со стороны станиц Нестеровской и Фельдмаршальской.

Но два дня боя с многочисленным и хорошо вооруженным противником надломили силы экажевцев и сурхохинцев.

И на другой день, к вечеру, Экажево и Сурхохи были оставлены своими защитниками, отошедшими к Галашкам.

Когда затихла стрельба и рассеялся дым пороха,—горизонт озарило пламя пожара.

Добровольцы, ворвавшись в селения, приступили к грабежу (последний, как известно, являлся постоянным спутником доброармии).

Девять дней продолжался грабеж и дымился пожар.

Нагруженные всяким добром арбы и телеги в течение девяти дней тянулись лентой от Экажево и Сурхохи в направлении к Сунженской линии. В это время ни один ингуш, за исключением находящихся на службе в доброармии, не подпускался близко. Не давали возможности ни убрать и похоронить убитых, ни полоть кукурузу.

Наконец, на десятый день отряд снялся и ушел в Назрань, пограбив и побесчинствовав по дороге.

После этого грабительского пира и занятий по пусканию „красного петуха“ остался несожженным в Сурхохи только один дом, а в Экажево около десятка.

Жертвы, понесенные ингушами, исчисляются: убитыми в Сурхохи—97 мужчин, 4 женщины, 2 мальчика и 2 девочки, в Экажево—40 мужчин; ранеными в Сурхохи—16 мужчин, в Экажево—свыше 20 человек. Кроме того, на полях, во время работы, было убито 9 женщин, 7 мужчин и несколько детей“.[1])

---

[1]) М. В Ингушетии. Газ. „Вольный горец“, 1920 г., № 1.

На ингушей вновь наложена была контрибуция под тем предлогом, что все плоскостные аулы помогали жителям Сурхохи и Экажево в их борьбе с добровольческой армией.

По произведенному подсчету с базоркинцев, напр., взыскано было по этой контрибуции:

На снаряжение 100 ч. всадников (по 10000 р. на каждого)	1.000.000 р.
Контрибуция николаевками	350.000 „
Кукурузы 24000 пудов по 30 р. пуд	720.000 „
Баранов 1200 голов по 300 р.	360.000 „
Коров 240 голов по 400 р.	96.000 „
Лошадей 108 голов по 2000 р.	216.000 „
Винтовки 450 шт. по 800 р.	360.000 „
Патроны для винтовки 85000 по 3 р.	255.000 „
Револьверов 96 шт. по 500 р.	48.000 „
Седел 48 шт. по 300 р.	14.400 „
Хомутов 48 шт. по 150 р.	7.200 „
Патроны для револьв. 1000 шт. по 5 р.	5.000 „
Всего	3.931.600 р.

Сообщая эти, да леко неполные, данные корреспондент пишет: Это по пониженным, сравнительно с рыночными, ценам на те предметы, которые забрали добровольцы. Можно представить себе, как тяжело должна была лечь эта контрибуция на базоркинцев, и без того разоренных добровольцами".[1])

Союзный меджлис горских народов Кавказа, в связи с белогвардейскими зверствами и грабежами на горской территории Северного Кавказа, подал в сентябре 1919 г. английскому полковнику Гаскелю протест, в котором, между прочим, отмечал следующее:

„Союзный меджлис горцев Кавказа обращает ваше внимание, как представителя держав Антанты, на крайне тяжелое положение, переживаемое населением Горской республики, вследствие насильственного вторжения в пределы республики добровольческой армии.

Судьба народов Горской республики является яркой иллюстрацией того, как в действительности разрешают национальную проблему малых народов России те круги общества, которые группируются вокруг генералов Деникина и Колчака.

Союзный меджлис горских народов считает долгом заявить, что „единая неделимая Россия" восстанавливается этими кругами на пепелищах аулов и костях погибающих горцев.

Железом и кровью прошла добровольческая армия по территории горских народов, оставляя после себя пепел аулов, убийства, грабежи, виселицы, изнасилованных женщин, осквернённые мечети.

---

1) Абдубакир Гарсиев. В Ингушетии. Газ. „Вольный горец", 1920 г., № 9.

Под угрозой повешения и расстрела все честные труженики в горской среде, работавшие под знаменем национального преуспеяния и возрождения, должны были покинуть пределы родины. Вместо них во главе горских народов поставлены реакционные генералы эпохи царизма".

„На-днях были стерты с лица земли два наиболее цветущих ингушских селения Экажевское и Сурхохи, не говоря уже о тридцати аулах Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, подвергшихся разгрому при вторжении добровольческой армии в пределы республики.

Мы протестуем также против беспримерных реквизиций и поборов, обращающих более состоятельных горцев в бедняков, а бедняков в нищих.

О характере этих поборов можно судить по следующим данным. На жителей Ингушетии, например, наложена следующая контрибуция—с каждого дыма: деньгами 2000 р., по одной крупной скотине (стоимость от 3-х до 4 тысяч рублей), 4 барана (средняя стоимость одного барана 800 р.), 25 пудов кукурузы (пуд стоит 40 рублей), по одной 3-х-линейной винтовке (стоимость 1000-1300 р.), к каждой винтовке по 200 патронов (стоимость 750-1000 р.), по одному револьверу системы Ноган (стоимость 1000-1200 р.), к каждому револьверу 50 штук патронов (стоимость 500-1000 р.), с трех дымов: по одной строевой верховой лошади со всеми принадлежностями (стоимость 12-15000 р.). На некоторые аулы, как, например, Насыр-корт контрибуция была наложена в двойном размере.

В таком же положении оказались и аулы Большой и Малой Кабарды, части Осетии, Чечни и Дагестана. Кроме того, с кабардинцев взыскано в пользу кабардинских князей с каждого дыма от 11 до 12 тысяч рублей. Помимо вышеуказанных сумм, горские народы должны были снарядить за свой счет полки для добровольческой армии. Ввиду бедности мобилизуемых всадников горских полков, каждое сельское общество вынуждено было выдавать пособие на снаряжение от 10 до 30 тысяч рублей в зависимости от материального благополучия общества. В общем, если произвести детальный подсчет, контрибуция, наложенная на горские народы, выразится в миллиардах рублей.

В настоящее время проводится новое формирование частей из горцев для добровольческой армии, не говоря уже о необходимости пополнения находящихся на фронте полков. Меджлис полагает, что эти меры доброармии среди горских народов есть ничто иное, как проведение под благовидным предлогом заранее обдуманного плана физического истребления горских народов".

Далее, меджлис отмечает, что горские народы восстают и, в заключительной части протеста, указывает на необходимость принятия ряда мер:

„1) Очищение территории Горской республики от добровармии с установлением временной демаркационной линии, по крайней мере, по среднему и нижнему течению реки Терека и притоку реки Терека Малке впредь до окончательного разрешения вопроса о границах Горской республики на парижской мирной конференции.

2) Скорейшее назначение международной следственной комиссии над действиями доброармии на территории горских народов.

3) Немедленное прекращение дальнейших насильственных наборов горцев в войсковые части доброармии.

4) Немедленное прекращение среди горского населения реквизиций и поборов". [1]).

Так, обращаясь к „великим державам", взывал к справедливости Союзный меджлис горских народов Кавказа.

Но, разумеется, наивно было ожидать осуществления начал справедливости от Антанты, которая сама в союзе с добровольческой армией творила ужасы, столь ярко описанные в „Протесте", в общем, кстати сказать, носящем националистический характер.

Тщетны были эти обращения к „великим державам".

Добровольческая армия продолжала свое гнусное дело.

Рабочий, земельный и национальный вопросы стояли во всей своей остроте.

Политика Деникина по отношению к рабочему классу выразилась в арестах, расстрелах рабочих деятелей и в разгоне рабочих организаций

В земельном вопросе Деникин проводил политику защиты помещичьих интересов.

Он отменил закон Временного правительства от 12 июля 1917 г. об ограничении земельных сделок, отменил и монополию на хлеб.

У крестьянства отобрана была помещичья земля.

Третий пункт земельной программы Деникина гласил: „Сохранение за собственниками их прав на землю. При этом, в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев, и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно

---

[1]) „Вольный горец" от 22 сент. 1920 г., № 2.

за плату. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах незыблемой собственности.“ [1])

Но этого мало—говорит Н. Л. Янчевский.—„Деникин пожелал возвратить помещикам „издержки революции“. Оч издает закон, по которому земледелец, по каким либо причинам засеявший землю помещика, должен отдать последнему одну треть урожая 1919 г., а если владельца нет, то хлеб отдается местному начальству. Благодарные помещики не остались в долгу перед добровольческой армией. Так, с'езд херсонских помещиков постановил об отчуждении десятой части каждой земельной собственности в распоряжение Деникина. Землевладельцы Донского округа созывают с'езд с целью добиться отмены закона, изданного Донским войсковым кругом Между прочим, в Ставропольской губернии помещик Юрьев отказался сдать в аренду крестьянам села Владимировского 3000 десятин земли, назначив высокую арендную плату. Особым совещанием был составлен законопроект, по которому у землевладельцев остается более 75% всей площади единоличного владения.

Само собой разумеется, свою земельную политику Деникин мог проводить лишь при помощи карательных экспедиций. Юг России запылал крестьянскими восстаниями“. [2])

Земельный вопрос в Ингушии оказался в том же положении, как и при царизме. Земли казачьих станиц, исторически принадлежавшие ингушам и занятые ими в период советской власти на Тереке, вновь были переданы казачеству с требованием—уплатить убытки, связанные с выселением станиц в 1918 г.

Перед нами приказ по Терскому казачьему войску (июль 1919 г.) следующего содержания:

„Большой войсковой круг Терского казачьего войска первого созыва (второй половины сессии) 1919 г., заслушав доклад Сунженской фракции о пред'явлении Ингушетии ряда требований, протоколом 6 июня с. г. № 40, постановил:

1) Имущество движимое: скот, земледельческие орудия и прочее, похищенное ингушами при выселении из станиц, должно быть по принадлежности возвращено.

2) Взыскать все убытки, понесенные казаками при выселении из станиц Фельдмаршальской, Ахки-юртовской (Воронцово-Дашковской), Терской, Сунженской, хутора Тарского, станицы Кохановской и Ильинской, а равно взыскать за оставленные в прошлом, 1918, году посевы озимые, яровые и фрукты по средней оценке настоящего времени, руководствуясь сведениями, определенными советской и

---

[1]) Ген. Деникин о земельном вопросе. Об'явление.

[2]) Н. Л Янчевский. Гражданская борьба на Сев. Кавказе. Т. II-й. Ростов н/Д., 1927 г.

станичными комиссиями, образованными по вопросу о срочном переселении станиц.

3) Взыскать все убытки, понесенные от ингушей и чеченцев жителями станиц от краж и грабежей за время с 1914 г.

4) Посевы, произведенные ингушами на станичных юртовых наделах, должны поступить безвозмездно в пользу потерпевших казаков.

5) Взыскать с ингушей и чеченцев за каждого ими убитого казака или казачку по 15 тысяч рублей за время с 9 июля 1914 г. по 1919 г.

6) Подтвердить требование о выдаче всех пленных казаков, казачек, заместителя войскового атамана есаула Медяника и бывших с ним делегатов: Захаренко, Старченко, Белого и Ивана Вертепова. Если же пленные убиты, то потребовать выдачи их трупов и обеспечения сирот и вдов в размере, определенном Малым войсковым кругом.

7) Подтвердить требование о выдаче войсковых регалий, святынь и войскового имущества, захваченного как из станицы Сунженской, так и из г. Владикавказа.

8) В комиссии, намеченной распоряжением главнокомандующего вооруженными силами юга России для разбора взаимных жалоб кавказских народностей, выработать действительные мероприятия, которые обеспечивали бы мирное население от грабежей, разбоев и насилия.

9. Поручить войсковому атаману принять все меры к проведению в жизнь вышеприведенных мероприятий через командование добровольческой армии."[1])

Таким образом, ингуши оказались не только под гнетом добро-армии, систематически взыскивавшей с них контрибуции, но и вновь под гнетом реакционных руководителей казачества, еще с своей стороны принимавших меры к ограблению ингушских масс „через командование добровольческой армии".

На страницах владикавказской и пятигорской периодической печати снова появились старые песни, слышанные нами ранее,—литературные выступления с отрицательной характеристикой чеченцев и ингушей Г. Ткачева и ему подобных, давно уже, как нам известно, занимавшихся травлей их.

Что касается национальной политики ген. Деникина, то в этом отношении она повторяла путь, пройденный царизмом.

Приведенный нами ряд фактов красноречиво свидетельствует о сохранившемся и в деникинские дни старом генеральском лозунге—„согнуть в бараний рог горцев".

---

[1]) Подлинник этого приказа имеется в архивохранилище Орджоник. отд. Сев.-Кав. Краев. Арх. Бюро.

Руссификация края нашла себе благоприятную почву для расцвета.

Так, пункт 3-й „Положения“ об управлении областями, занимаемыми добровольческой армией, гласил, что „особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности.

4. Первенствующая церковь в сих областях есть церковь русская, православная, возглавляемая святейшим патриархом московским и всея России. Прочие признанные церкви и религиозные общества пользуются полной свободой и находятся под покровительством закона.

5. Государственным языком является русский. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается в пределах, указанных законом.

6. Государственным флагом служит национальный русский флаг 3-х-цветный (бело-сине-красный).“[1])

Политика деникинщины во всех областях государственной жизни углубила ненависть против нее широких горских трудящихся масс.

И даже такой определенный противник советской власти, как Тембботов, автор статьи „Революция и ингуши“, и тот вынужден был признаться в росте недовольства масс деникинщиной и росте сочувственного отношения к советской власти.

„За все время существования добровольческой власти,—пишет он,—в Ингушетии не было ни одного светлого дня для народа. Народ находился в угнетенном и подавленном состоянии. Власть только и занималась вопросом о ловле дезертиров, да требовала пополнения полков. Ненависть народа к добровольческому режиму была беспредельна. Возврата большевиков ингуши ждали с нетерпением, как манну небесную, даже при совершении намазов, при молитвах, они молили аллаха о скорейшем приходе большевиков, как своих избавителей.“[2])

Не так настроено было офицерство и кулачество.

И то и другое группировалось вокруг различных представителей добровольческой армии, обслуживая ее в борьбе с основными массами крестьянства.

Яркой иллюстрацией классовой борьбы в ингушской деревне может служить корреспонденция Муссаева в „Вольном горце“.

Автор корреспонденции указывает, что генералы, управлявшие Терско-Дагестанским краем, всячески стремились изолировать воз-

---

[1]) А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. III., стр. 267-69. Цитир. по Н. Л Янчевскому—„Гражданская борьба на Сев. Кавк“., т. II., стр. 101-102.

[2]) Тембогов. Советская власть на Тереке. Революция и ингуши. „Вольный горец“, 1920 г., № 66.

можное революционное влияние ингушей на соседние горские народы. Так, например, правитель Кабарды издал приказ сечь всех тех, кто будет задержан вблизи ингушской границы.

В селениях Ингушии *полновластно царили старшины „из среды тех, кого рядовые ингуши называют изменниками, предателями своего народа. Эти старшины, навербованные из офицеров престарелого возраста и спекулянтов, окружены целым сонмом всяких агентов, явных и тайных, которые ведут наблюдение за всеми действиями наиболее „неблагонадежных“ в политическом смысле элементов ингушского аула и пытаются проникнуть даже и узнать все движения народной мысли“.*

Старшины *„не церемонятся с имущественным благосостоянием ингушей“.*

Интересные подробности передает Муссаев о сентябрьском назрановском „народном“ с'езде. „Ингушский народ был „представлен“ на этом с'езде поставленными свыше старшинами, приставами и сворой спекулянтов, тесно связавших обязанности администрации с своекорыстной задачей „зашибить деньгу“ на спекуляции“.

Основным вопросом на с'езде являлся вопрос о неполучении ингушской белогвардейщиной „соответственного жалованья“ от добровольческой армии.

Руководители с'езда внесли предложение (предварительно согласованное с главноначальствующим Терско-Дагестанского края)—обложить ингушей особым целевым налогом с тем, чтобы собранные таким образом средства предназначены были на содержание ингушской администрации. „По докладу предполагалось обложить каждую лошадь—30 рублями, скотину—10 рублями, барана—5 рублями, фруктовый сад одной тысячью рублей, огород—600 руб. Конечно, доклад был утвержден, ибо с'езд состоял именно из тех, кто должен получать содержание, но до сего времени его не получал от доброармии. Разве трудно поднять руку при голосовании того, чтобы взять известную сумму из народного кармана для уплаты себе жалованья.“

В заключение автор отмечает, что в тот момент, когда ингушская белогвардейщина разыгрывала фарсы вроде указанного с'езда —фарсы, „дорого стоющие народной массе“,—на последнюю, вдобавок, сыпались целые серии различных поборов—уплата контрибуции доброармии, возмещение убытков казачеству в связи с переселением станиц в 1918 г., возмещение убытков помещикам, в дореволюционное время благодушествовавшим в своих хуторах, расположенных на берегах Терека на плодороднейшем черноземе.[1])

---

[1]) Муссаев. Трагедия Ингушетии. Газ. „Вольный горец“, 1920 г., № 4.

Вот еще одна иллюстрация смычки ингушского офицерства и кулачества с деникинскими генералами: „24 сентября, в полдень—сообщает „Кавказская газета“ (орган Освага)—поезд ген. Эрдели подошел к ст. Назрань. Для встречи главноначальствующего собрались правитель Ингушетии, окруженный представителями народа, и государственная стража Ингушетии.

В речи представителя народа были высказаны прежде всего чувства радости по случаю посещения главноначальствующим этой, считавшейся до сего, опальной земли. Затем указывалось, что ингушский народ переживает тяжелую душевную тревогу, боясь, что за проступки отдельных ингушей, которые не могут быть поставлены в вину всему народу, понесет кару весь этот народ. Говорилось, что единственной причиной совершенных ингушами ошибок было отсутствие твердой власти, доверчивость малокультурных людей разным заманчивым обещаниям и тяжелые земельные затруднения.

В ответной речи ген. Эрдели сказал, что те, кто пошли против добрармии, будь это отдельные лица или целые селения, они пощады и прощения ждать не могут, слишком велик грех их перед Россией, но те, кто не виноват или искупил свою вину чистосердечным раскаянием, те могут быть совершенно спокойны и продолжать свою мирную трудовую жизнь, зная, что закон и власть на их стороне.

Там же, в Назрани, был представитель чеченского народа, который и просил пожалеть Чечню, не губить аулов, но получил от ген. Эрдели ответ, аналогичный вышеизложенному.

Высокому гостю было предложено откушать хлеба-соли, многолюдный обед прошел очень оживленно, хозяева проявили не только широкое гостеприимство, но настроение присутствующих дошло до экстаза: было все, что сопровождает обычно самые торжественные пиршества восточных народов,—и национальные пляски, и песни, и несмолкаемая стрельба, за которую правитель Ингушетии неукоснительно накладывал штраф, правда, потом сложенный по просьбе ген. Эрдели. Был соблюден даже старинный восточный обычай: когда главнокомандующий залюбовался красавцем-конем, потрепал его по шее и поцеловал, то этот конь тотчас же, не взирая на энергичные протесты ген. Эрдели, был подведен ему в подарок На прощанье главноначальствующему было поднесено оружие.

Только что сформированная государственная стража представилась в блестящем виде.“[1])

Так чеченские и ингушские кулаки, офицеры, нефтяники, барановоды, шейхи, муллы, именуемые в корресподенции „представителями народа“, в союзе с белогвардейцами вели борьбу с чечено-

---

[1]) „Кавк. газета“, 1919 г., № 10.

ингушскими трудящимися массами, которые, по мнению „верхов", „доверились разным заманчивым обещаниям".

Чечено-ингушская беднота не пошла за своими эксплоататорами. Трудящиеся Чечни и Ингушии шли в Красную армию, в многочисленные красно-партизанские отряды, об'единенные под общим командованием члена Кавказского краевого комитета партии—Н. Гикало, державшего также связь с командованием XI армии, с Дагестанским комитетом партии, в частности с т. Б. Шеболдаевым, который не раз давал ценные указания о расстановке борющихся сил и об отношении к различного рода агентам турецкого султана, течениям, группировкам, к шариатской монархии, а также и по многим другим вопросам текущего политического момента.

В то же время знамя шариата—пишет А. Авторханов—вербует все новых приверженцев. „Огромная масса мюридов, которых в одной только Чечне было до 70000 чел., стекается под это знамя. В июне 1919 г. выброшенный могучей революционной волной в Дагестане на берег шариатских изысканий, шейх Узун-Хаджи в сопровождении своих мюридов прибыл в Чечню, слободу Ведено. К нему стекаются отряды мюридов из Чечни, Ингушетии, Кабарды, Дагестана. Его поддерживают муссаватисты и грузинские меньшевики.

Движение Узун-Хаджи получило общекавказский цвет, а слобода Ведено превратилась в резиденцию националистской религиозно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Узун-Хаджи об'явил войну добровольческой армии и приступил к организации своих гражданских и военных сил."[1])

В сентябре 1919 г. бывший царский пристав Иналук Арсанукаев, чеченец из дышнинского рода, прибыв в слободу Ведено к Узун-Хаджи, представил ему от турецкого султана мандат (в подлинности которого можно сомневаться), где был дан совет горцам—организовать Северо-Кавказское эмирство под протекторатом турецкого султана Вахиддина VI-го.

После принципиального решения Узун-Хаджи и Арсанукаева—установить шариатскую монархию,—Арсанукаев назначен был великим визирем (председателем совета министров).

Сам Узун-Хаджи именовался имамом, „его величеством эмиром Северо-Кавказского эмирства Узун-Хаири-Хаджи-Ханом."

По поручению эмира „великий визирь" Арсанукаев составил кабинет министров.

Вот, что мы читаем в циркулярном извещении Арсанукаева-Дышнинского о политической платформе Узун-Хаджи: „Министрам, командующим армиями, военным губернаторам, градоначальнику врем.

---

1) А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни.

ставки Ведено и другим должностным лицам Северо-Кавказского эмирства.

Даю вам знать, что высочайшим указом его величества эмира Северного Кавказа, как известно, я был назначен великим визирем с поручением мне составления кабинета министров. Кроме того, мне передано его величеством, верховным вождем, и главное командование войсками С.-К. эмирства.

Кабинет министров мною составлен следующим образом:

1. Министр двора его величества генерал-майор Каим-Хаджи.

2. Министр иностранных дел военно-юридической академии ротмистр князь Магомет-Киамиль-Хан (он же Иналук) Арсанукаев-Дышнинский.

3. Министр продовольствия, торговли и промышленности Магомет Хамхоев.

4. Министр земледелия и государственных имуществ Билал Шамилев.

5. Министр военный генерал-майор Шит Истамулов.

6. Министр путей сообщения, почт и телеграфа Куси Байгиреев.

7. Министр внутренних дел генерал-майор Хабала Бесленеев.

8. Портфель министра юстиции временно остается за мной.

9. Портфель министра народного просвещения временно остается за мной.

10. Портфель министра вакуфных дел и имуществ остается временно за мной.

По главному командованию мною приступлено к реорганизации армии по примеру благоустроенных держав.

О состоявшемся акте правительства, в виде составления названного кабинета, мною будет дано знать своевременно соседним державам, с просьбой о признании Северо-Кавказского эмирства самостоятельной шариатской монархией во главе с эмиром Узун-Хаири-Хаджи-Ханом, но под протекторатом халифа мусульманского мира его величества оттоманского императора Магомета-Вахиддина VI-го.

За сим, с божьей волей, я буду добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы бы не признали халифа—значит, отрицание пророка Магомета, отрицание последнего—это значит отрицание бога.

Итак, мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии. Всякий пришелец наш гость, которого мы, в силу нашей религии и традиции, и так любим и уважаем, но всякое вмешательство в наше правое дело посторонних лиц, еще не реабилитировавших себя за прошлое перед народом, мы не можем принять.

Мы не можем протянуть руки людям, изгнанным из собственного отечества. Мы не можем подать руки людям, не признающим ничего святого. Мы не можем отступить от шариатской монархии. Мы не можем допустить в нашу среду лиц, не испытанных его величеством эмиром нашим Узун-Хаири-Хаджи-Ханом. Мы избегаем повторения эпопеи мифической Горской республики.

Об изложенном об'явить народонаселению и подведомственным вам должностным лицам для неуклонного исполнения и сведения.

Великий визирь и главнокомандующий войсками военно-юридической академии ротмистр Дышнинский.

Правитель канцелярии (подпись)". [1])

Боровшийся с добровольческой армией ингушский отряд Хизыра Орцханова числился одно время в составе войск эмирства, а сам Орцханов назначен был даже Узуном-Хаджи главнокомандующим мусульманскими вооруженными силами Северного Кавказа.

В состав правительства эмирства входили, наряду с другими горцами, и чеченцы и ингуши—представители крупных землевладельцев, кулачества, буржуазии и духовенства, которые, учитывая религиозный фанатизм населения, выдвинули программу создания шариатской монархии под протекторатом турецкого султана.

Эмирство заняло позицию как против добровольческой армии (мнимую оппозицию), так и против красных повстанческих войск, ставкой которых являлась слобода Шатой.

Между тем, В.-Г. Джабагиев, находившийся в это время в Тифлисе, большие надежды возлагал на Узуна-Хаджи. В своем письме к Алихану Кантемиру, адресованном на „сел. Кулар или Леваши", он пишет: „Тифлис, 13 октября 1919 г., утро. Дорогой Алихан! Письмо Ваше получил 13 октября вечером. Письмо Ною Виссарионовичу передал сегодня же. Все, о чем Вы просите в письме, постараюсь выполнить и при том возможно скорее. Если нет, то сообщу дополнительно.

Приехал Гайдар Бамматов и на-днях выезжает в Дагестан, к вам. Следует его включить во всякую организацию власти, какая бы не была создана на месте. Особенно в Дагестане он весьма нужный человек и такой ярый горшист, каких у нас, к сожалению, мало.

Очень приятно, что Али-Хаджи созвал с'езд. Интересно теперь, в каком направлении пойдут работы с'езда и будет ли создано правительство.

Здесь сферы продолжают на нас сердиться, что мы медлим с об'явлением правительства и, вероятно, скоро предложат меджлису покинуть Тифлис, так как на грузин сыплются обвинения, что они нас поддерживают. Сегодня будет в газетах официально об'явлено,

---

[1]) Архив Сев.-Кав. Краев. Истпарта, дело № 5, учетн. карт. № 132, алф. Д.

что меджлис во главе с президиумом выехал на фронт, и что в Тифлисе осталсь лишь несколько представителей меджлиса для ликвидации дел. Вот каково положение. Следовательно, давайте скорее правительство. Гайдар тоже настаивает на об'явлении правительства.

Капитан Тасуй выехал.

Ради бога, установите связь с Узун-Хаджи, единство действий и единство командования (главного штаба).

Представители союзников—даже Франции—очень интересуются движением в горах и, повидимому, попытаются так или иначе вмешаться в дело. В какой форме и в каком направлении—неизвестно.

Генерал Деникин, по нашим сведениям, сосредоточивает силы в Грозном для удара против Чечни. Всякие наступательные действия в Дагестане, повидимому, будут Добровольческой армией *временно* приостановлены. Это мое только предположение на основании газетных сведений из лагеря деникинцев. Кулак будет сосредоточен ранее против Узун-Хаджи и только после него возьмутся за Дагестан. Поэтому, чтобы помочь Узуну-Хаджи, а также и для того, чтобы воспользоваться слабостью врага на дагестанском фронте—необходимо повести энергичное наступление против Дербента, Шуры и Петровска. Однако, Вам там виднее. Но уверенно можно сказать, что первый удар будет против Узуна-Хаджи.

От Узуна-Хаджи следующие новости: отряд в Ведено прибыл около 23 сентября и глава отряда назначен главнокомандующим. Вся плоскость признала уже власть Узун-Хаджи. Некоторые аулы, как Шали Урус-Мартан, Бердыкель и др., пробовали сопротивляться и сохранить нейтралитет. Но Узун оказался энергичнее. Он обстрелял артиллерийским огнем Бердыкель (8-10 верст от Грозного), также и Урус-Мартан, а в Шали повесил аульного кадия, а четырех других мулл посадил в кутузку. Отряды партизанские Узуна-Хаджи проникают в надтеречную Чечню (расположенную за линией сунженских станиц к северу) и далее к Кизляру, где сожгли партизаны половину станицы Александрийской.

В одном из последних столкновений (около 2-3 октября) в районе Гудермеса разгромлен сводный отряд казаков, при чем захвачено много оружия. Ранее того разбиты два отряда в Воздвиженке и Шали, при этом в Воздвиженке взято 25 пулеметов и более 100 человек пленных, в том числе 4 офицера.

Кажется, я Вам все написал.

Теперь, когда я уже знаю, что происходит в Левашах с'езд, я буду с величайшим нетерпением ждать об'явления правительства.

Поклон всем.

Ваш Васан-Гирей".[1])

---

[1]) Архив Орджоник. отд. Сев.-Кав. Краев. Арх. Упр.

Таким образом, В.-Г Джабагиев, как видно из этого письма, продолжал ориентироваться на реакционные слои горцев, мечтая с помощью их дать горским народам национальное освобождение.

Однако, политика горских контрреволюционеров показала трудящимся Чечни и Ингушии, что действительное национальное освобождение могла дать только советская власть, руководимая большевистской партией.

А. Шерипов и Н. Гикало, оставаясь противниками Узун-Хаджи, использовали, тем не менее, шариатское движение в борьбе с деникинщиной.

„Ввиду того, что борьба с белыми являлась общей задачей, приходилось с чрезвычайной чуткостью и осторожностью взвешивать все события.

Здесь же, в слободе Шатой, гонимые с плоскости группировались основные массы красноармейцев. Но не настало еще время к их организации. Религиозный угар затемнял умы горцев.

К августу сл. Ведено уже настолько окрепла, что стала готовиться к активной борьбе с добровольцами. 29 августа под сл. Воздвиженской белые были разбиты, при чем было захвачено 117 пленных и 9 офицеров. Но горская беднота потеряла своего вождя—Асланбек был ранен и через несколько дней умер. Это был тяжелый удар по революционному движению.

Торжествуя победу, Узун-Хаджи, в знак своей непримиримости в борьбе с „кадетами“, приказал повесить всех пленных офицеров. Этот акт являлся как бы символом всей сущности нового движения.

Тело Асланбека отправили в сел. Шатой. Там беднота похоронила своего вождя, но клялась на его могиле мстить за его смерть.

Борьба обострилась, требовала все большего и большего напряжения. Необходимо было использовать все силы. В этой напряженной атмосфере т. Гикало приступает к организации отряда.

В сл. Воздвиженку из Шатоя приходят 12 красноармейцев, не вооруженных.

Весть об отряде быстро разнеслась по окрестным аулам и разбросанные красноармейцы стали стекаться в сл. Воздвиженку. Через несколько дней собралось до 70 человек—20 вооруженных и 1 пулемет, наследство Асланбека.

Появление организованного и дисциплинированного отряда, хотя и малочисленного, производит колоссальное впечатление среди горцев. Он явился организующей ячейкой в общей массе бедноты“. „Подняв надежды одних, отряд, вместе с тем, унял опасения других. Влияние отряда, его осторожная, продуманная агитация была слишком опасна для святости Узун-Хаджи и для помыслов и желаний мулл, помещиков, авантюристов и пр., и пр.“ „Осторожно держал

себя отряд по отношению к святой особе Узун-Хаджи и медленно закреплял за собою позиции". [1]).

Растущее влияние большевиков среди чечено-ингушских масс, предательские по отношению к красным повстанцам действия Дышинского, обременение „подданных империи" всевозможными материальными тяготами с расплатой за получаемые от населения блага выпускавшимися собственными, ничем не обеспеченными, денежными знаками,—все это ускорило закат Северо-Кавказского эмирства.

Эмирские войска—пишет А. Костерин—„приходя в Ведено, оставливались по окрестным аулам, пользуясь горским гостеприимством. Войска получали эмирские деньги, закупали на них скот, хлеб и отправляли к себе на родину. Таким образом, окружающие аулы отдавали свое имущество, получая взамен негодные бумажки. А этих бумажек ежедневно выпускали до 500 тыс. руб.

В связи с резким ухудшением экономического положения веденцы первые откачнулись от святого старика. Целый ряд повинностей уже не исполняется с тем рвением, как раньше. Слабела активная поддержка имама. Это настроение, развал отражался на пришлых войсках. Ушли ингуши, кабардинцы перекочевали в сл. Шатой. Тавлинцы, наиболее надежная сила, разлагались". [2])

Так из под знамени Узун-Хаджи уходили горские массы под красное знамя повстанческих войск.

Редели ряды мюридов газавата, росли ряды мюридов революции.

Усиленно работала в области революционизирования масс учрежденная еще в 1918 году „Северо-Кавказская Горская организация РКП(б)", куда входили партийцы осетины, чеченцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы и др.

29 сентября 1918 г., в сел. Гамурзиевском, состоялось пленарное заседание инициативной группы ингушской организации коммунистов, представителей осетинской революционной организации „Кермен" и членов Краевого комитета коммунистической партии.

На собрании были намечены основы организационной работы и плана партийной пропаганды в Ингушии. [3]).

Распавшаяся в первые дни добровольии, об'единенная Северо-Кавказская горская организация РКП(б) скоро начала вновь укрепляться. „Со всех концов—пишет один из активных работников организации Казбек Бутаев—собирались товарищи в Тифлис и там организовали свой подпольный Горский Комитет РКП. Этот комитет

---

[1]) А. Костерин. 1919—1920 г. г. в горах Кавказа. Владик., 1921 г.

[2]) Там же.

[3]) Газ. „Народная власть", 1918 г., № 123.

сделался руководящим центром для всех подпольных организаций на Северном Кавказе. Позже комитет слился с Терским областным комитетом, об'единившись со всеми товарищами, работающими в Терской области."

„Группами и в одиночку были отправлены на Северный Кавказ все работники, и там, среди горцев, закипела работа. Часть работников шла к Гикало в Чечню. Часть шла в Дагестан, где уже массы подняли знамя восстания". [1])

К осени 1919 года комитет решил поднять восстание горцев Северного Кавказа против белых. „Он распределил силы по отдельным областям, снабжал местные организации бойцами, средствами и оружием. Уже в октябре 1919 года Краевой комитет перебросил всех горцев-коммунистов на Северный Кавказ для организации восстания. Соединившись здесь с местными работниками, влившись в состав местных партизанских отрядов, они повели лихорадочную работу по подготовке горских масс к восстанию и по проведению самого восстания.

Большую работу партийного руководства осуществлял тов. Шеболдаев, бывший комиссар Кизлярского фронта." [2]).

Основное руководящее подпольное революционное ядро в Ингушии состояло из Ю. Албогачиева, М. Алиева, Х. Альмурзиева, М. Банхаева, Г. Ахриева, А. Гойгова, Э. Гулиева, С. Дудаева, Н. Зязикова, Б. Костоева, И. Мальсагова, Д. Мартазанова, З. Тутаева, Э. Чабиева и З. Яндиева.

„Наша подпольная работа подвергалась преследованию—пишет Э. Чабиев. Для поимки нас высылались специальные отряды, которые производили облаву и обыски, но наша связь с трудовым населением давала нам возможность всегда узнавать о том, когда белые отряды двигались для нашей поимки. И эти облавы не удавались". „Устанавливается связь с т. Гикало. Собираются красноармейцы, разбредшиеся по горам. Организованы мелкие повстанческие отряды под общим командованием т. Гулиева.

Для связи с Красной армией и получения оттуда указаний посылается в Астрахань партизан Яндиев Заама. Заама привез указания и деньги.

Из Грузии приезжает для подпольной работы в Ингушетии т. Ф. Тасуй, из Чечни едет т. Мордовцев, из Астрахани—Остапенко.

Растут партизанские отряды.

Ширится партизанское движение". [3])

---

[1]) Казбек Бутаев. Борьба горцев за революцию. Владикавказ., 1922 г.

[2]) Н. Г. Буркин. Октябрьская рев. и гражд. война в горск. областях Сев. Кавказа. Ростов н/Д. 1933 г.

[3]) Э. Чабиев. Вереница дней минувших. „Власть труда", 1930 г., № 70.

Гикало имел постоянную связь с Кавказским краевым комитетом РКП(б), с XI армией и с Дагестанской партийной организацией.

В начале 1920 г. организован был штаб Терских красных повстанческих войск с подчинением ему всех действовавших в Терской области отрядов.

Начальником Штаба был назначен представитель XI армии Султан Дудаев (ингуш), начальником оперативного отдела—А. Костерин, политического—Носов, секретарем—А. Попов.

В Чечне, в Ингушии, в Осетии, в Кабарде существовали Ревкомы, которые поддерживали постоянную связь с штабом Гикало и подчинялись ему.

Командиром ингушских красных повстанческих отрядов был Гулиев; оперировал и отряд Х. Орцханова.

Под прикрытием отрядов Хизыра Орцханова—пишет Н. Л. Янчевский—отступили в Ингушию члены Северо-Кавказского комитета РКП(б), которые затем ушли в Закавказье. „В течение всего периода деникинщины Орцханов вел с Деникиным партизанскую борьбу, укрывая в горах красноармейцев. Грузинское правительство пыталось использовать это движение в своих целях для создания Горской республики и даже снабдило Орцханова оружием (200 винтовок, патроны и пр.). Узун-Хаджи, в свою очередь, формально подчинил себе отряд Орцханова, назначил его „главнокомандующим вооруженными силами Северного Кавказа". Однако, и в Ингушетии руководство борьбой перешло в руки РКП(б). Во главе штаба Орцханова находился т. Сотников, имевший связь с Краевым Комитетом РКП и т. Гикало." [1])

Ингушский ревком, как видно из нижеприводимого документа, состоял из следующих подпольных работников Ингушии:

Командующий Терской обл.
группой красных повстанческих войск

Ингушскому Ревкому

8 марта 1920 г., № 128
Слоб. Шатой

На основании распоряжения Кавказского краевого комитета настоящим извещаем вас, что Ревком составлен из следующих товарищей: Ахриева, Костоева, Албогачиева, Зязикова и Гойгова.

Всем советским работникам предлагается указания и директивы по работе получать от Ревкома нового состава.

Товарищи, получившие те или иные средства от Советской власти, обязаны немедленно передать их в распоряжение Ревкома.

Командующий группой Гикало. Секретарь штаба (подпись). [1])

В целях установления общности действий и концентрирования революционных сил на Тереке оперативным отделом Терского штаба

[1]) Н. Л. Янчевский. Гражд. борьба на Сев. Кавказе, т. II, стр. 138.

[2]) Из дел Штаба Тер. обл. группы красных повст. войск (Архив историко-рев. отдела Инг. обл. научного музея).

красных повстанческих войск предложена была Ингушскому ревкому к руководству следующая инструкция:

А. Связь.

1) Ревком ингушский должен связать Штаб через свое посредство К.К.К. немедленно с ревкомами Кабарды, Осетии, революционными организациями Владикавказа и других городов.

2) Регулярная связь с вышеупомянутыми организациями ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должна порываться.

3) Ревком Ингушетии высылает курьера с докладами в Штаб не менее одного раза в неделю.

В. Агентурно-разведывательная часть.

1) Ревком Ингушетии должен посредством агентов доставлять в Штаб следующие сзедения из лагеря добровольцев:

а) количество войск, наименование войсковых частей, вооружение таковых в г. Владикавказе;

в) расположение войсковых частей в районах, прилегающих к Ингушетии;

с) передвижение войсковых частей по линиям: Владикавказ—Грозный, Владикавказ—Беслан—Прохладная—Грозный—Беслан--Прохладная;

д) точно устанавливать количество перебрасываемых войск, маршрут, цели переброски и пр.

2) Сообщать о настроении населения в г. Владикавказе.

3) Приток беженцев и отлив по Военно-грузинской дороге.

4) Получать точные сведения о фронтах гражданской войны.

С. Оперативная часть.

1) Ревком Ингушетии, имея в своем распоряжении красные партизанские части, должен делать налеты на окраины Владикавказа, на железную дорогу, на Военно-грузинскую дорогу, всячески разрушая тыл доброармии и сея панику.

2) Более широких оперативных действий не должны предпринимать без ведома Штаба красных повстанческих войск Терской группы.

Вышеперечисленные задачи Ревком ингушский должен неукоснительно проводить в жизнь.

Копию данного отношения для исполнения препроводить ревкомам Кабарды и Осетии.

Ком.

Нач. опер. отдела.

По политическим, организационным и другим вопросам революционной борьбы Ингушский ревком имел непосредственный контакт с Штабом Гикало через специально делегированных лиц.

Вот, напр., один из документов, иллюстрирующих эту живую связь, а также организационную работу Штаба красных повстанческих войск и Ингушского ревкома:

„10 февраля 1920 г. № 38. В Ингушский ревком.

Письмо Ваше получил и делегат Ваш тов. Тутаев прибыл. Основные задачи Вы себе так и представляете, как это было намечено в Кавк. краев. комитете и Штабе Терской группы. Как инструкцию, пересылаю Вам отношения Политотдела и Оперативного отдела Штаба. По вопросу организации Красной армии заявляю: зачисленные бойцы в ряды Красной армии (мусульмане) должны приводиться к присяге на шестимесячный срок с некоторыми обязательствами, редакцию коих Вам вышлем. Создание Красной армии должно базироваться на следующих основных отношениях:

а) полное подчинение командному составу назначенных комитетов (о самозванстве и выборности не может быть и речи);

в) уплата жалованья по восстановлении советской власти в Терской области;

с) отдельные воинские части Красной армии должны при штабе ингушской Красной армии иметь людей для связи;

д) командующий ингушской Красной армией должен на местах организации частей по спискам проверить количество налицо бойцов.

Дальнейшие указания по вопросу Красной армии и формирования ее вышлет Вам административный отдел Штаба. О политическом положении и настроениях в Чечне передаст Вам т. Тутаев лично и подробно.

С товарищеским приветом Н. Гикало.“ [1])

Красные повстанческие войска, под руководством РКП(б), вели совместно с национальными красными частями героическую борьбу с добровольческой армией, разваливая тыл доброволии, нанося ей серьезные удары в ожесточенных боях.

Одной из важнейших битв 1920 года нужно считать Воздвиженское сражение.

Начальник оперативного отдела Штаба Терской областной группы красных повстанческих войск А. Костерин так передает подробности этого боя.

31 января 1920 г., рано утром, крупные конные добровольческие части ворвались в слободу Воздвиженку, но после небольшой перестрелки они бежали, оставив несколько человек убитыми и один пулемет.

Вслед за этой первой атакой добровольцы двинули на слободу значительные пехотные части, окружившие красный повстанческий отряд.

---

[1]) Из архива Штаба Тер. группы красн. повст. войск (Ист.-рев. отдел Инг. научн. музея).

Бой продолжался восемь часов.

Добровольцами пущена была в ход артиллерия.

Красный повстанческий отряд обратился за помощью к Дышнинскому, находившемуся в 6 верстах от слободы Воздвиженки—в сел. Дуба-юрт с войсками эмирства.

Дышнинский заявил, что „когда надо будет, он даст приказ о выступлении; сейчас же он еще не знает, кто с кем ведет бой.

Чеченцы Ноома Тукаев и Махмуд Хамзатов догадались, что Дышнинский просто предатель и желает гибели отряда. Они повели агитацию среди войск Дышнинского и среди почетных стариков сел. Дуба-юрт. Войска заволновались и потребовали выступления на фронт. Долго пытался Дышнинский сдерживать волнения, но все же был вынужден дать приказ о выступлении.

Но повел он войска круговым путем, при чем на мосту через Аргун целый час служил молебен...

А в это время в сл. Воздвиженке отряд стойко сдерживал атаки противника. Белые цепи подошли почти вплотную к красным окопам. Горсточка бойцов не отходила ни на шаг. Уже ручные бомбы рвались среди наступающих. С минуты на минуту ожидалась рукопашная схватка, в которой погибли бы все партизаны...

Группа узун-хаджинцев совместно с шатоевцами не выполнила приказа Дышнинского. Пока служили молебен, они ударили в тыл добровольцам.

Дорога очистилась и отряд, расстреливая последние патроны, стал отходить в горы.

Доброармия понесла в этом бою крупные потери—выбыло из строя до 1000 человек.

Страшные потери, отчаянное сопротивление красных парализовали добровольцев. Они зажгли сл. Воздвиженку, в панике отступили в город, не решаясь преследовать отряд.

Отряд потерял 27 чел. убитыми и 30 ч. ранеными. Среди убитых был Султан Дудаев, ингуш, начальник Штаба группы, стойкий, выдержанный коммунист. С его смертью отряд понес крупную потерю.

Штаб группы отошел в сл. Шатой. Туда же отошел и Дышнинский.

Две враждебные силы сошлись. Под влиянием стойкости отряда, раненых и наряду с этим предательское поведение Дышнинского взволновали чеченцев. Для них было ясно, что они вновь стали жертвой предателя, авантюриста.“ [1])

Отряд красноармейцев и революционная часть чеченцев арестовали Дышнинского и разоружили войска эмирства.

Об этом в конце февраля 1920 г. сообщал Н. Гикало Дагестанскому комитету РКП(б): „В Терской области при наличии стихийного

[1]) А. Костерин. Цит. соч.

революционного настроения горцев существовали и работали партийные и советские организации, отдельные партийные товарищи, которые между собой не были связаны, не было контакта и единой тактики. Теперь иное: каждая народность (Ингушетия, Кабарда, Осетия) имеет ревкомы, созданные Кавказским краевым комитетом, которые об'единяют революционный элемент своей народности. Эти ревкомы, в свою очередь, об'единены Штабом Терской группы красных повстанческих войск, командующим коей, согласно постановления К.К.К., я состою. Сообщаю для сведения, что узун-хаджинское влияние с каждым днем падает и рушится. Отрядом красноармейцев с помощью революционной части чеченцев горных в сл. Шатой 6 февраля 1920 г. эмирское воинство было разоружено. Отобраны пулеметы, орудия. Великий визирь „кн. Дышнинский" арестован и предан шариатскому суду. Факт разоружения—это факт торжества нашего влияния в Чечне". [1])

Отмечая рост революционного влияния красного отряда, А. Авторханов указывает, что основная масса чеченского и ингушского крестьянства „глубоко разочаровалась в блеске и цвете шариатской монархии не потому, что перестала верить религии и аллаху, а потому, что убедилась в продажности шейхов и мулл и их бессилии для решительной борьбы с белыми". [2]).

Руководимые Штабом Терской обл. группы красных повстанческих войск и ревкомами, трудящиеся массы горского крестьянства организовывались для последнего и решительного боя с добровольческой армией.

Ингушский ревком,—как сообщает Костерин,—организовал почти во всех селах Ингушии комитеты из сторонников советской власти. Эти комитеты вели усиленную пропаганду идей советизации, агитацию против эмирства, а также вели агитацию в пользу самого тесного об'единения со всеми трудовыми элементами Терского края.

Ревком установил связь с революционным пролетариатом Владикавказа и Грозного.

Красные партизанские отряды увеличивались в Чечне и Ингушии с каждым днем.

В середине марта 1920 г. один из ингушских отрядов направлен был Штабом на соединение с Красной армией. Отряд удачно прорвался около Моздока и соединился с красными бойцами.

17 марта началось наступление по всему фронту, а ночью того же числа конные части Штаба заняли г. Грозный.

22 марта занят был Владикавказ. Белые, почуявшие свою гибель, отступали еще за две недели до занятия города.

---

[1]) Из дел Н. Гикало, хранящихся в ист.-рев. отделе Инг. научного музея.
[2]) А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни.

„И только благодаря тому,—писал В. И. Ленин,—что партия была на страже, и что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии об'единял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,—только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить" (Соч., т. XXV, изд. 3., стр. 96).

„Именно благодаря тому,—говорит Ем. Ярославский,--что массы крестьянства помогли пролетариату, все попытки империалистов, все попытки белогвардейцев возродить разгромленные белые армии для новых наступлений против советской страны потерпели крушение. Белая армия близко подходила к Москве, до Орла, угрожала Туле, прорвалась к Царицыну, Козлову, Тамбову. Белая армия подходила (под командой ген. Юденича) к Ленинграду, к Ораниенбауму, захватила форт „Красную горку". В 1919 г. белые подходили к Гатчине и Луге, поддерживаемые английскими империалистами при помощи английских судов. До Ленинграда оставалось им всего 25 верст. Уже рассылались телеграммы о взятии Ленинграда. День 21 октября 1919 г. явился переломным днем. Красная армия, в которую влились рабочие Ленинграда, нанесли решительный удар армии Юденича". „Большую роль сыграла в окончании гражданской войны красная советская конница, созданная в борьбе против Деникина и Врангеля".

„Следует иметь в виду, что наша партия также вела большую подпольную работу в тылу противника. Почти во всех крупных областях были созданы подпольные организации партии большевиков, в которых работали отважные и смелые товарищи." „Благодаря политической работе, которую вела партия в Красной армии и, благодаря организационным мероприятиям и тому, что рабочий класс и крестьянство отдавали свои силы и средства Красной армии, была ликвидирована и деникинщина . В мае 1920 г. оставался еще, однако, на юге барон Врангель, который с помощью французских и английских капиталистов организовал новое наступление на советскую страну".

Но и Врангелю в середине ноября 1920 г. пришлось спасаться бегством на судах.

Польский поход и разгром Врангеля „заканчивают фактически период гражданской войны. Вскоре мы заканчиваем военную борьбу в Туркестане и в других областях, где еще оставались белогвардейские гнезда. Это не значит, что совершенно прекращается борьба. Отдельные попытки организовать интервенции мы имеем и гораздо

позднее (атаман Семенов, барон Унгерн на востоке, авантюра ген. Пепеляева в 1923—24 годах и т. п.). Однако, главный противник разгромлен. Мы заключили первые мирные договоры с Эстонией, Латвией, Польшей и другими странами; мы получили возможность непосредственных сношений с Западной Европой; военная и экономическая блокада и интервенция были опрокинуты об'единенной энергией пролетариата и крестьянских масс нашей страны под руководством коммунистической партии. Военная задача отходит на задний план. Выступают более конкретные трудовые задачи хозяйственного строительства". [1])

В своей статье „К военному положению на юге" (цитирована нами ваше) И. В. Сталин, говоря о причинах поражения южной контрреволюции, отмечает следующее: непрочность тыла контрреволюционных войск, окраинное положение контрреволюции, улучшение дела резервов и пополнений на советском южном фронте, улучшение дела снабжения, наплыв на фронт коммунистов—рабочих из Петрограда, Москвы, Твери, Иваново-Вознесенска, вошедших в южные полки и совершенно преобразивших последние, налажение аппаратов управления, совершенно расстроенных раньше набегами Мамонтова, умелое применение командованием южного фронта системы фланговых ударов при наступлении, методичность самого наступления. „Для успеха войск,—пишет он,—действующих в эпоху ожесточенной гражданской войны, абсолютно необходимо единство, спаянность той живой людской среды, элементами которой питаются и соками которой поддерживают себя эти войска, при чем единство это может быть национальным (особенно в начале гражданской войны), или классовым (особенно при развитии гражданской войны). Без такого единства немыслимы длительные военные успехи. Но в том то и дело, что окраина России (восточная и южная) не представляют и не могут представлять для войск Деникина и Колчака ни в национальном, ни в классовом отношении даже того минимума единства живой среды, без которого (как я говорил выше) невозможна серьезная победа.

В самом деле, какое *национальное* единство может быть между национальными стремлениями татар, башкир, киргиз (на востоке), калмыков, чеченцев, ингушей, украинцев (на юге), с одной стороны, и истинно-русскими самодержавными управлениями Колчака—Деникина, с другой стороны?

Или еще: какое *классовое* единство может быть между привилегированным казачеством Урала, Оренбурга, Дона, Кубани, с одной стороны, и всем остальным населением окраин, не исключая русских „иногородних", искони угнетаемых и эксплоатируемых соседними казаками?

---

[1]) Ем. Ярославский. Краткие очерки по истории РКП(б), 2-я ч. ГИЗ, 1929 г., стр. 156—161.

Разве не ясно, что войска, составленные из таких разнородных элементов, неминуемо должны распасться при первом серьезном ударе со стороны советских армий, что каждый такой удар неминуемо должен усиливать тягу неказачьих элементов окраин России к советскому правительству, в корне отрицающему великодержавные вожделения и охотно идущему навстречу их национальным стремлениям".

Роль угнетенных народов в гражданской войне подчеркнул И. В. Сталин в своей речи на XII с'езде РКП(б).

Он указал, что если бы не сочувствие их,—„мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения и угнетенные народы вынуждены были итти к нам в об'ятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот, что решило судьбу этих генералов, вот сумма фактов, которые заложены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. Этого забывать нельзя". [1])

В напряженной, упорной, героической борьбе с деникинщиной-под руководством пролетариата страны и его авангарда партии большевиков—выдающееся место занимают трудящиеся массы Ингушии, Чечни, Осетии, Кабарды и других горских народов.

Разгром контрреволюции дал возможность Стране советов приступить к осуществлению задач хозяйственного и культурного строительства.

IX-й с'езд РКП(б) (апрель 1920 г.) и был посвящен, главным образом, вопросам восстановления народного хозяйства страны, а X и XII с'езды уделили большое внимание и задачам ленинской национальной политики.

В двадцатых числах марта 1920 г. учрежден был Терский областной ревком во главе с В. Квиркелия.

В апреле того же года за его подписью издан был приказ Терского областного организационого бюро РКП(б) о роспуске существовавших до этого партийных, подпольных и т. п. организаций и о назначении местных оргбюро для руководства партийной работой на местах.

В Ингушское организационое бюро были включены: председателем—А. Горчханов, заместителем председателя — А. Яндырханов, секретарем—Мажид Банхаев. [2])

---

[1]) Из речи И. В. Сталина по национальному вопросу на XII с'езде РКП(б).— Стенограф. отчет, 1923 г., стр. 445.

[2]) Газ. „Коммунист" от 27 апр 1920 г., № 16.

В ноябре 1920 г. состоялся с'езд народов Терека. На с'езде выступили наркомнац т. И. В. Сталин и т. С. Орджоникидзе.

— С'езд подробно обсудил вопрос о предстоящем учреждении Горской Социалистической Советской Республики.

— „С первых же дней правления советской власти,—сказал в своей речи С. Орджоникидзе—наша коммунистическая партия ставила своей задачей раскрепощение угнетенных народов всего мира. Это цель ее с самого начала, и советская власть знала, что наша партия не выявит здесь своей миссии, если она не даст горцам самоуправления и не возвратит им их земли".

От имени горцев с приветствием выступил Т. Эльдарханов:

— „Надежды осуществились. Прошел царский режим и на смену явилась другая власть—власть трудящихся, которая призвала нас к свободному труду, к свободному творчеству.

Свободные горцы, отстававшие в своей культуре, получили теперь полную возможность совершенно свободно проявить себя, ибо с нами РСФСР.

Здесь, в этот исторический момент, мы действительно почувствовали себя свободными.

Да здравствует центр, даровавший нам ту свободу, за которую мы боролись со времени Шамиля!

Да здравствует непобедимая Красная армия, защищающая интересы рабочих и крестьян России!

Да здравствует Горская Советская Республика!"

На вопросах, связанных с учреждением нового автономного образования, детально остановился народный комиссар по национальным делам И. В. Сталин.

— „Первый вопрос—это вопрос о территориальных границах Горской Советской Республики. Границы Республики, в общем, определяются: с севера Тереком, а в остальных направлениях—границами земель народностей Терской области: чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин, балкарцев, карачаевцев, включая иногородних и казачьи станицы по сю сторону Терека. Это составит территорию автономной Горской Республики.

Что касается детальных очертаний границ, то они должны быть определены комиссией из представителей Горской Республики и смежных губерний.

Второй вопрос: где будет центр Горской автономной республики и войдут ли в состав республики города Грозный и Владикавказ?

Я отвечаю, что войдут. Столицей республика может назначить любой город. Я лично думаю, что таким центром должен быть Владикавказ, как центр, связанный со всеми народностями Терской области.

Третий вопрос—это о пределах самой автономии.

Автономия Горской Республики является политической и, конечно, советской.

Это автономия типа Башкиристана, Киргизстана, Татарии. Это значит, что во главе Горской Советской Республики будет Центральный исполнительный комитет, избранный на с'езде советов. Центральный исполнительный комитет выделит Совет нородных комиссаров с непосредственной связью с Москвой.

Финансироваться будет Республика из общих средств Федеративной Республики. Народные комиссариаты, ведающие делами хозяйства и военный, будут непосредственно связаны с соответствующими комиссариатами центра. Остальные комиссариаты: юстиции, земледелия, внудел, просвещения и пр. будут подчинены ЦИК-у Горской Советской Республики, связанному с Всероссийским ЦИК'ом. Внешняя торговля и иностранные дела будут целиком в руках центральной власти.

Дальше идет вопрос о времени проведения в жизнь автономии.

Для того, чтобы выработать подробные правила или, говоря по ученому, „конституцию" Республики, необходимо, чтобы были избраны представители по одному от каждой народности, которые могли бы вместе с представителями правительства в Москве выработать конституцию автономной Горской Республики.

Я имею предложить вам на этом с'езде избрать по одному представителю от чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и тех станиц, которые входят в автономную Горскую Республику,—всего семь представителей.

Выборы должны быть в порядке конституции, т. е. право выбора в советы предоставляется только трудящимся. Советы должны быть трудовыми. У нас, в России, считают, что кто не трудится, тот не ест. Вы должны заявить, что кто не трудится, тот не выбирает. Это основа советской автономии. В этом разница между буржуазной и советской автономией.

Следующий вопрос—об армии.

Армия должна быть безусловно общей, ибо своей маленькой армией Горская Республика не сможет отстоять свободу, ничего не сумеет противопоставить войскам, субсидируемым Антантой.

Заканчивая речь, я хотел бы оттенить то основное, что может дать вам, горцам, автономия—это уменье управлять собой.

Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь—это их отсталость, их невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре. Вот почему в своей автономной Республике вы должны начать прежде всего с устройства школ и культурно-просветительных учреждений.

Та автономия, о которой здесь говорится, понимается так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт. В этом смысле—автономия.

Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах—в этом цель автономии".

С'езд по докладу И. В. Сталина принял следующую резолюцию:

„С'езд народов Терской области, заслушав декларацию наркомнац—тов. Сталина о даровании трудовым массам Терека автономной Советской Горской Республики, преисполнен чувством восторга перед этим великим актом социальной справедливости по отношению к народам Терека, глубоко чувствуя, что эта автономия еще более скрепит узы братства, связывающие трудовые массы Терской области и Советской России. Клянемся от имени горской бедноты и всего трудового населения области до последней капли крови бороться за советскую власть, за красное знамя и за великие идеалы социальной революции.

Долой международную контрреволюцию и ее агентов на Северном Кавказе!

Да здравствует автономная Советская Горская Республика!

Да здравствует великая Советская Россия, которая в момент торжества над внешним врагом проявляет так ярко свои братские чувства по отношению к горскому народу!

Да здравствует нерушимый навеки союз народов Терской области и рабоче-крестьянской России!" [1])

Да здравствует мировая революция и освобождение всех угнетенных народов от ига империалистов!

Период от ноябрьского с'езда народов Терской области до апреля 1921 г.—был периодом укрепления диктатуры пролетариата на Тереке и подготвки к учреждению Горской Социалистической Республики.

2-я Терская областная партийная конференция, состоявшаяся в феврале 1921 г., обсудила социально-экономическое положение области накануне образования Горской Республики.

Докладчик С. Такоев отметил, что диктатура пролетариата на Северном Кавказе должна быть направлена по линии экономической политики в общегосударственном масштабе, что об'явление Горской Республики не есть отделение от общей семьи социалистических советских республик России, и что автономия дается для того, чтобы облегчить проведение советского строительства на почве классового расслоения среди горских народностей.

Содокладчик Казбек Бутаев указал, что в горском крестьянстве вырисовывается три основные группы: 1) безземельная беднота, ко-

---

[1]) Газ. „Коммунист", 1920 г., № 190.

торая об'единилась и продает свою рабочую силу; 2) среднее крестьянство, обеспеченное достаточно землей и пользующееся наемным трудом; 3) зажиточное крестьянство, характерной особенностью которого является владение землей и от земледелия переход к торгашеству, а затем превращение в спекулятивную массу.

14 апреля 1921 г. В. И. Ленин обратился с следующим письмом к коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и Горской Республики:

„Горячо приветствуя советские республики Кавказа, я позволяю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазном строе.

Но как ни важен мир между рабочими и крестьянами Кавказа, но еще важнее удержать и развить советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но выполнимая.

Всего важнее для ее разрешения, чтобы коммунисты Кавказа поняли своеобразие своей республики в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий.

Советская республика в России не нашла поддержки, когда она годы и годы боролась против враждебных нашествий Антанты и ее блокады. Советские республики Кавказа имели в небольшой мере военную поддержку РСФСР. Это коренное отличие.

Со стороны Антанты не приходится бояться сейчас ни нашествия, ни военной поддержки белогвардейцев Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана и горских. Антанта „обожглась“ и это заставит ее некоторое время быть настороже.

Кавказские республики—страны еще более крестьянские, чем Россия.

Экономически Россия была, и в значительной мере останется, отрезанной от передовых капиталистических стран, пока сможет наладить „сожительство и товарообмен“ с капиталистическим Западом быстро и легко.

Это—не все различия. Но и указанных различий достаточно, чтобы понять необходимость иной тактики. Больше мягкости, осторожности и уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и, особенно, к крестьянству.

Использовать экономически капиталистический Запад, политику концессий и товарообмен с заграницей. Нефть, марганец, уголь—таков далеко неполный перечень туземных коренных богатств. Есть полная возможность политику концессий и товарообмен с Западом развернуть очень широко. Надо это сделать широко, изобретая твердо, умело, осмотрительно.

Использовать это необходимо в частности для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции. Всеми силами развить, использовать товарообмен с Италией, Америкой и другими странами. Развить производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало.

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму—вот, что возможно и необходимо для республики Кавказа в отличие от РСФСР. Вот, что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики.

Мы пробивали первую брешь в мировом капитализме. Брешь пробита. Мы отстаивали себя, в тяжелой, мучительной, крутой войне против белых и черных меньшевиков, поддержанных Антантой и ее блокадой. Вам, товарищи-коммунисты Кавказа, не надо пробивать брешь. Надо только добиваться нового использования, выгодного для вас, международной обстановки.

В 1921 г. Европа и весь мир—уже не те, что были в 1917—18 г. Не копировать нашу тактику, а самостоятельно обдумывать причины и следствия и все своеобразие условий и итоги—вот наша задача. Принять у себя не букву, а дух, смысл—урок опыта 1917 г. и 1918 г. Экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической заграницей и не скупиться. Пусть десятки тысяч пудов ценнейших наших минеральных продуктов достанутся им. Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы по электрификации и орошению. Орошение важнее всего—оно пересоздаст край, возродит его, укрепит переход к социализму. В. Ленин". (Опубликовано в кн. „Ленин о национальном вопросе". Изд. „Красная Новь", 1924 г.).

Это письмо явилось руководящим указанием основного направления деятельности горской коммунистической организации.

16 апреля 1921 г. открылся в Владикавказе учредительный с'езд советов Горской Социалистической Советской Республики.

С приветствием от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Комитета РКП(б) выступил С. М. Киров:

—„Много раз в прошлом, под этой кровлей, слетались горные орлы с суровых, холодных ущелий, но никогда, товарищи горцы, не было такой надежды на обеспечение вашего свободного полета, как обеспечение сейчас во всех границах огромной советской страны". „Каждый день существования вашей Республики, каждый шаг вашей работы по укреплению советской формы жизни трудового народа, помните, будет самым горячим отзвуком служить там, в пределах Ближнего и Дальнего Востока". „Каждая светлая точка, каждая свет-

лая звездочка, которую удастся создать на этих суровых снежных вершинах, будет видна не только в убогих ущельях, но она будет видна и далеко на Востоке.

Вы должны на практике быть предвестниками новой жизни многомиллионной массы и ваши надежды, которые будут иметь место здесь, на собрании,—они будут являться надеждами миллионов людей на этом огромном Востоке.

Заканчивая, я должен провозгласить:

Да здравствует молодая, нарождающаяся Горская Республика, как авангард грядущей на огромном Востоке гигантской Восточной Советской Республики!"

Обстоятельно и красочно охарактеризовав в речи по текущему моменту внутреннее и международное положение РСФСР, С. М. Киров в заключительной части своего доклада сказал:

—„Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, созидается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надежный путь и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и несомненно победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он не устал, но хочет жить и радоваться. Он идет к счастью и ничто не ввергнет его в анархию.

Этот народ первый вышел на путь великой борьбы и первый придет в царство социализма" (Продолжительные аплодисменты, перешедшие в овацию, покрыли слова тов. Кирова). [1])

С докладом по национальному вопросу выступил Казбек Бутаев.

Остановившись на национальном вопросе при царизме, в эпоху Временного правительства и после Октябрьской революции, оратор заметил: „Советская власть не даст самоопределяться капиталистам, а только трудящиеся могут говорить о самоопределении. В Советской Республике каждый народ в соответствии со своими обычаями и условиями выявляет свою волю". „Теперь надо подойти к вопросу о том, как организуется наша Республика". „Должен быть избран Горский Центральный Исполнительный Комитет. Этот Комитет выделит Совет народных комиссаров по разным отраслям управления.

Если будут организованы красные горские войска, то они будут подчинены общему советскому штабу.

В отношении экономическом мы должны иметь общий план, все распоряжения идут из центра в Совет народных комиссаров, а он уже проводит их в жизнь, согласно местным условиям.

---

[1]) „Коммунист", 1921 г., № 313.

Всеми средствами все отделы снабжаются из центра, при распределении продуктов местное население удовлетворяется в первую очередь.

Горская Республика делится на 6 округов со своими исполкомами. Города Владикавказ и Грозный выделяются в самостоятельные единицы. В случае нарушения конституции Совнаркомом или другим кем либо, окружные исполкомы могут аппелировать в ВЦИК". [1])

Ингушия входила в состав Горской Республики как Назрановский округ.

Одним из важнейших пунктов повестки дня с'езда был земельный вопрос.

Постановлением В.Ц.И.К. от 27 января 1921 г. создана была комиссия, под председательством члена ВЦИК Невского, для рассмотрения вопроса о наделении землей малоземельных горцев и о выселении казачьих станиц.

Комиссия Невского решила приостановить выселение казаков.

Это обстоятельство, а также и состав комиссии (по мнению Невского в нее должны были войти: председатель и по два представителя от горского и казачьего населения) вызвали недовольство среди горцев, ибо при голосованиях по столь острому вопросу, каковым являлся в то время земельный, представители казаков, которых насчитывалось менее, чем горцев, имели одинаковое число голосов с представителями горских народов. Впоследствии, по предложению Невского, комиссия была пополнена по одному представителю от казаков и горцев. Однако, это нисколько не изменило положения вещей, так как соотношение сторон сохранилось прежнее.

Если к этому прибавить тенденциозное отношение Невского к делу,—выразившееся в посещении только казачьих станиц для ознакомления лишь с их экономическим положением,—станет понятным отрицательное отношение горцев к указанной земельной комиссии.

Определенно по земельному вопросу и о развитии сельского хозяйства высказался учредительный с'езд Горской Соц. Сов. Республики.

22 апреля с'езд принял следующую резолюцию:

а) для разрешения вопиющей нужды безземельных горцев—срочное, планомерное выселение казачьих станиц за пределы ГССР;

б) скорейшее проведение уравнительного землепользования;

в) уничтожение чересполосицы;

г) принятие самых срочных мер к расширению площади землепользования горцев и к поднятию производительности сельского хозяйства, для чего необходимо приступить к распределению земель как между округами, так и внутри округов, на основе уравнительно-

---

[1]) „Коммунист", 1921 г., № 312.

го землепользования в духе положения о социалистическом землеустройстве РСФСР;

д) уничтожение чересполосицы внутри площадей, занимаемых народностями ГССР;

е) срочное выделение горских земель и отвод площадей для развития показательных советских хозяйств, культурных полей и т. д.;

ж) создание показательных совхозов и вменение в обязанность коллективному хозяйству проводить в жизнь их основные задачи производительности и улучшения культуры;

з) открытие сельско-хозяйственных школ;

и) организация скотоводства на коллективных началах;

к) развитие животноводства;

л) вменить в обязанность Горцику и Наркомзему ГССР, в порядке временного землепользования, в спешном порядке, урегулировать земельные отношения между округами и народностями, входящими в состав ГССР, на уравнительных началах, руководствуясь при этом статистическими и прочими данными;

м) поручить Наркомзему ГССР принять самые решительные меры к заселению выселенных станиц Сунженской линии—чеченскими безземельными трудовыми массами, оказав в этом деле полную и всемерную помощь чеченскому исполкому;

н) обратное вселение уже выселенных казачьих станиц признать недопустимым;

о) так как центральная власть недостаточно об'ективно информирована об истинном положении земельного вопроса в ГССР,—считать необходимым информировать центр путем посылки особой делегации в Москву.

Результатом разрешения земельного вопроса в Чечне и Ингушии было расширение земельной площади, что и дало возможность большинству жителей нагорной части переселиться на плоскость.

Окончательное оформление закрепления за трудящимися Чечни и Ингушии земель бывших станиц Сунженского и Кизлярского отделов проведено было приказом от 25 марта 1922 г. Горского Центрального Исполнительного Комитета.

Приказ гласит: „Во исполнение пожеланий и на основании резолюции 2-го с'езда советов Горской Социалистической Республики о закреплении в законодательном порядке за чеченской и ингушской беднотой и середнячеством пользования землями, усадьбами и строениями выселенных станиц казачьего населения в Горреспублике, дабы, с одной стороны, трудящиеся горцы—землеробы были уверенны в том, что земель этих со всеми садами, строениями и усадьбами у них никто не отнимает и на эти земли не возвратится бывшее казачье и иное население, а с другой, в целях правильного хозяйственного строительства, спокойного и свободного применения максимума

труда к земле, требующей, при условии хлебных недородов последнего времени, возможно большей и старательнсй запашки и засева, Горский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Все земли нижепоименованных бывших станиц Сунженского и Кизлярского отделов, включая и дополнительные к ним наделы в пределах Горреспублики, с усадебными местами, садами и строениями на этих землях, а именно станиц: Сунженской, Ахки-юртовской (Воронцово-Дашковская), Тарской с хутором Тарским, части земель станиц Фельдмаршальской, Михайловской, Самашкинской, Романовской (Закан-юрт), Ермоловской (Алхан-юрт), Кахановской, равно состоящей в Грозненском округе б. слободы Воздвиженской—обратить в государственный земельный фонд.

2. Земли с дополнительными наделами в пределах Горреспублики, с усадьбами, садами и строениями быв. станиц Сунженской, Ахки-юртовской (Воронцово-Дашковская), Тарской, хутора Тарского и быв. станицы Фельдмаршальской, поступившие в пользование трудящихся ингушей, закрепить за этими трудящимися.

3. Земли, с дополнительными наделами в пределах Горреспублики, с усадьбами, садами и строениями быв. станиц Михайловской, Самашкинской, Романовской (Закан-юрт), Ермоловской (Алхан-юрт), Кахановской и б. слободы Воздвиженской, поступившие в пользование чеченского народа, закрепить за этими трудящимися.

4. Поименованные в предыдущих пунктах земли, с дополнительными к ним наделами, усадебными местами, садами и строениями возврату прежнему их населению не подлежат.

5. Лица, тем или иным путем, словами или действием, поселяющие среди ингушских и чеченских трудовых масс недоверие к устойчивости их пользования вышеозначенными землями и распространяющие слухи о возможности обратного поселения на них прежнего казачьего и другого населения, являются провокаторами и врагами советской власти, подлежат выявлению всеми законными способами с представлением их местным властям для предания суду по всей строгости законов революционного времени.

6. Обязать Горнаркомзем провести в срочном порядке все необходимые технические мероприятия для точного и правильного оформления вышеозначенного землепользования."

1-я сесия Горского Центрального Исполнительного Комитета избрала президиум в составе: председателя Эльдарханова Т. Э., заместителя председателя Зязикова И. Б., секретаря Гацолаева А. Ф., членов —Калмыкова Б. Э., Алиева У. Д., Такоева С. А., Носова Н. Ф., Рогачева Г.

Президиум приступил к исполнению своих обязанностей 26 апреля 1921 г.

Согласно постановления той же сессии назначен был Совет народных комиссаров Горской Социалистической Советской Республики:

председатель-Такоев С. А., наркомвнудел-Зязиков И. Б., наркомюст-Станский И. Ф., наркомзем Датиев И. М., наркомфин- Гацолаев А Д., предсовнархоза-В. М. Кесаев, наркомсобес-Носов Н. Ф., наркомтруд-Калибердин, врем. исп. должн. наркомпрода - Ивенский, военком-Смирнов А. С.

2-я Горская областная конференция РКП (август 1921 г.) отметила, что „живую силу пролетариата, его классовую спайку и диктатуру в форме советской власти возможно укрепить при условии полного продовольственного снабжения пролетариата. Поэтому первой и категорической необходимой задачей партии в настоящий момент является создание хлебного фонда, который должен быть реализован 100%-ным выполнением продналога и товарообмена". „Устойчивость политического положения и крепость советской власти и коммунистическое влияние в Горреспублике обеспечивается, с одной стороны, экономически-устойчивым (независимым) положением Горреспублики, с другой-сохранением государственно-организационной формы Горреспублики в целом."

Конференция на основе решений X с'езда РКП (б) поставила для осуществления в ближайшие годы ряд задач:

1) а) развить и укрепить у себя (в ГССР) советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить, развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионального, технического характера на родном языке для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения.

2) В соответствии с единым хозяйственным планом РСФСР признать первоочередной задачей в области хозяйственного строительства развитие производительных сил в ГССР путем:

а) насаждения промышленности по принципу „фабрики—к источникам сырья",

б) укрепления мелкой промышленности в ГССР,

с) организации кустарной промышленности кустарно-артельного типа—производительные единицы,

д) путем интенсивных лесо-разработок для удовлетворения своих нужд и топливного голода РСФСР,

е) укрепления старой и развития новой сети шоссейных и железных дооог,

ж) особое место в области хозяйственного строительства должно занимать больничное и школьное дело,

з) для развития производительных сил необходимо вовлекать трудящиеся массы в коллективный труд для осуществления хозяйственного строительства,

и) для успеха последнего необходимо сосредоточить на территории ГССР все технические, медицинские и другие культурные силы горцев, а равно и квалифицированных рабочих, разбросанных в настоящее время по всей РСФСР.

3) Для обеспечения натурального обмена города с деревней и для планомерного осуществления государственного налога—развитие сети кооперации".

В декабре 1923 г. состоялся IV с'езд советов Горской Социалистической Советской Республики.

Основными вопросами на с'езде были—упрощение и укрепление совaппарата, районирование, земельный вопрос, просвещение, финансы, транспорт, дополнения к уголовному кодексу соответственно местным бытовым условиям.

В докладе А. И. Горчханова об упрощении органов власти подчеркивалась необходимость дешевого и близкого к массам государственного аппарата; особенное внимание обращено было на укрепление работниками и средствами окружных исполкомов.

Назрановский округ разделен был на три района:

Пседахинский	с центром	в сел.	Пседах,
Назрановский	„	„	„	Назрань,
Галашкинский	„	„	„	Аки-юрт.

Состав сельсоветов по партийности и грамотности выражен в следующих цифровых данных: Назрановский район—52%, Пседахинский—42% и Галашкинский—44% грамотных. Общее число грамотных членов сельсоветов всего Назрановского округа—48% (из числа избранных) и по партийности—19%.

Наркомзем И. Мальсагов подробно остановился в своем докладе на земельном вопросе, на землеустроительных работах, на агропомощи, на мероприятиях по улучшению животноводства, на организации птицеводного и пчеловодного хозяйств, на деятельности отдела защиты растений, на состоянии и перспективах сельского хозяйства, на лесном хозяйстве Республики.

Несмотря на крайне затруднительные материальные условия Горской Республики, в области землеустройства и создания условий для развития сельского хозяйства было, в общем, проведено в жизнь много важнейших мероприятий, хотя отдельные округа (напр., Назрановский), сильно пострадавшие во время гражданской войны, требовали более широких работ по восстановлению народного хозяйства.

Деятельность Наркомпроса проводилась в полном соответствии с теми принципами, которые положены Октябрьской революцией в основу просветительного дела вообще.

В 1914 году,—докладывал на с'езде народный комиссар просвещения З. Мальсагов,—„в той части Терской области, которую теперь занимает Горская Республика, всех учреждений, которые мы теперь причислили к соцвосу, было 139. В 1921 году, который характеризуется общей стихийной культурной работой по всей федерации, количество учреждений соцвоса доходит до 172. Следующий, 1922, год представляет нам картину резкого снижения учреждений и мы имеем только 92 учреждения типа соцвоса и только в этом году мы подходим к твердому бюджету. Но этот предшествовавший год был годом переломным и в силу этого характера переломности, само собою ясно, не может быть определенности, точности. Теперь мы видим увеличение сети наших школ. Мы имеем на всей территории Горской Республики 112 учреждений соцвоса--эта цифра составляет свыше 80% цифры довоенной. По местностям эти школы распределяются следующим образом: в городе имеется 28 школ 1-й и 2-й ступени, в Назрановском округе—12, в Сунженском—10, в Осетинском округе—62. Несмотря на то, что эта сеть захватывает только очень ограниченное количество детей школьного возраста, мы всетаки должны признать, что прошлый год характеризуется очень крупными достижениями.

Количество детей школьного возраста по всей Горской Республике превышает 76 тысяч: в городе 15 тысяч, в Осетии 75 т., в Сунженском округе—11 т., в Ингушетии до 15 тысяч [1]).

Но цифры грамотности оставались еще крайне низкими: в Осетинском округе 15%, в Сунженском 30%, в Ингушском 3%.

Наркомпрос провел подготовительную работу к национализации горской школы—это было крупным достижением Республики.

С отчетом Горцика и Совнаркома о политическом и экономическом положении Горской Республики выступил С. Мамсуров.

Горского родового быта в экономике нет,—заметил докладчик,—„остаются только изживаемые пережитки родовых отношений при условии общей отсталости горцев, представляющих значительные затруднения и требующих специальных подходов к работе, обеспечивающих и успех частных задач и особенно укрепляющие преодоление этих пережитков; наростающая борьба горских масс со всеми пережитками; наростающие искания горцами новых организационных, культурных и хозяйственных форм при наличии накопления необходимого минимума соответствующих навыков; наличие накопления некоторого минимума материальных и культурных, общественных ценностей; относительно достаточное количество соответствующих местных работников не только обязывает, но и обеспечивает возможность прове-

[1]) IV Горский С'езд Советов. Стенограф. отчет. Изд. ГЦИК. Влад—з, 1924г.

дения в горской деревне всех тех хозяйственных, организационных и культурных мероприятий, кои приведут горскую массу к скорейшему выходу на уровень общего развития советской власти.

Горская коммунистическая организация в данный момент является единственной в горской деревне организованной политической и культурной силой, способной руководить массами (и это массами осознано). Имея в руках такую двигательную силу, как власть, вооруженную марксизмом, накопленным опытом и твердым желанием советского подвига в массах,—эта организация сможет повести отсталых трудящихся горцев важнейшим и кратчайшим путем к осуществлению этой задачи.

Теперь перейдем к проделанной работе. Отчетный год начался выделением Чечни и Грозного, а, следовательно, лишением тех 3% нефтяного отчисления и других доходов от нефтяной промышленности, без которых мы, при нашем бедном местном бюджете, при переходе на местные средства, конечно, сразу оказались более чем в критическом положении. После лишения этого 3%—ного отчисления, а также доходов по промысловому, уравнительному и попудному сборам с нефтяных промыслов, на коих, в общем, держались 3/4 нашего бюджета, у нас оказалась большая дыра, которая ничем не могла быть заполнена. Постановление СТО о замене нефтяного отчисления нам денежной дотацией было осуществлено тоже в крайне ничтожном размере: вместо 450.000 р. зол., минимально необходимых,—только 83.000 р., и то с большими усилиями".

„В Ингушетии создалось настроение за выделение".

„Затем начинается то же настроение и в Владикавказском округе".

В годы существования ГССР не был еще окончательно ликвидирован бандитизм, в основе которого лежала одна из форм классовой борьбы антисоветских элементов с диктатурой пролетариата.

Активную работу в борьбе с бандитизмом провел М. Ханиев, о чем и было отмечено в докладе С. Мамсурова (Стен. отчет).

25 декабря 1923 г., на заседании 1-й сессии Центрального Исполнительного Комитета, избран был президиум ЦИК'а ГССР в составе: И. Б. Зязикова (председателя ЦИК'а), М. Г. Авсарагова (заместителя), Г. Г. Дзилихова (ответ. секретаря), С. Д. Мамсурова и А.И. Борухина (членов президиума).

Совет народных комиссаров сконструирован был из следующих лиц: С. Д. Мамсуров (председатель СНК), Н. И. Дзедзиев (зам. пред. СНК), К. К. Борукаев (наркомфин), М. М. Кирисенко (нарком С. О.), А. И. Горчханов (нарком РКИ), М. Г. Авсарагов (нач. ЦАУ), И. Мальсагов (наркомзем), П. Ф. Душкин (наркомтруд), К. И. Тогузов (наркомюст), З. Мальсагов (наркомпрос), А. И. Тотиев (наркомздрав),

С. С. Шевелев (военком), Уланов (зав. статуправлением), Н. И. Дзедзиев (зав. управл. местного хозяйства).

Представителями в Совет национальностей избраны были Мальсагов, Дзедзиев, К. Бутаев, Зязиков и Рамонов.

Горская Социалистическая Советская Республика существовала до августа 1924г.

В деревне Горской Республики крестьянство распадается на бедноту, середняков („отчасти собственников, отчасти тружеников", не пользующихся наемным трудом) и кулаков.

„Своеобразие происходящего в деревне расслоения—отметил в резолюции XIII с'езд партии, состоявшийся в мае 1924 г.—заключается в том, что основным элементом до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудия накопления и эксплоатации маломощных элементов".

Однако, целый ряд мероприятий советской власти (развитие кооперации, государственной торговли и кредита, классовая налоговая политика, трудовое законодательство и пр.) ограничил возможность закабаления основной массы деревни кулацкой верхушкой и привел к росту и укреплению середняцкой группы и „вымыванию" бедняцкой.

Классовая борьба шла на всех участках социалистического строительства.

В период пребывания Чечни и Ингушии в составе Горской С. С. Республики ликвидирован был клин из казачьих станиц, и земли,—отобранные у чеченцев и ингушей деникинщиной и переданные Терскому казачьему войску,—возвращены были чеченцам и ингушам.

Кроме того, начаты были работы по восстановлению народного хозяйства и культурному строительству.

X

ИНГУШСКАЯ АВТО НОМНАЯ ОБЛАСТЬ

Образование Ингушской Автономной Области.—Первый с'езд Советов.—Партия и ВЛКСМ.—Советское строительство.—Социалистическое строительство Чечни и Ингушии.— Индустриализация.—Социалистическая реконструкция сельского хозяйства.—Алханчуртский канал.—Культурное строительство. — Здравоохранение.— Дорожное строительство.—Под'ем материального благосостояния трудящихся.— Классовая борьба.—Достижения советской Чечни и Ингушии—результат правильного проведения генеральной линии партии.—Об'единение Чечни и Ингушии в Чечено-Ингушскую Автономную Область, как новая победа ленинской национальной политики.

Чечня выделилась из состава Горской С. С. Республики в автономную область—в 1922 г., а Ингушия—7 июля 1924 г.

Первый с'езд Советов Ингушской Автономной Области состоялся в январе 1925 г.

За время деятельности Ингоблревкома предприняты были первые шаги по организации областной милиции, института сельских исполнителей, по ремонту и пуску в ход полученных от управления местного хозяйства б. Горской Республики промышленных предприятий: госкожзавода, лесопильного завода, мыловаренного завода, двух крупных мельниц, известкового горна, крахмально-паточного и винокуренного заводов. Начаты были первые работы по восстановлению сельского хозяйства, по землеустройству, по сельско-хозяйственной мелиорации, по организации ветеринарных участков, лесного хозяйства, культурного строительства, по устройству суда.

С'езд в своей резолюции отметил наступивший перелом в сельском хозяйстве в сторону его под'ема и признал „срочность и исключительное значение для области всех агрикультурных мероприятий, требующих усиленной, своевременной материально-финансовой поддержки со стороны центральных и местных госаппаратов."

В резолюции по докладу отдела местного хозяйства с'езд подчеркнул необходимость обратить серьезное внимание на изучение и использование естественных богатств Области.

По вопросу о бюджете с'езд указал на необходимость выявления всех доходных возможностей отделов и предприятий. Областному Исполкому с'езд поручил „произвести распределение всех предпри-

ятий и прочих доходных статей между Областью и округами для создания опорной базы при построении местных бюджетов на будущий год."

С'езд принял предложение о дальнейшем расширении лечебной сети с охватом удаленных от медицинских участков селений и о энергичной борьбе с социальными болезнями.

Одним из важнейших решений с'езда является постановление его о переводе делопроизводства на ингушский язык: „Ввиду чрезвычайно слабого распространения русского языка среди ингушского населения и возникающих отсюда препятствий к развитию советской, политической и культурно-хозяйственной работы, признать безусловно необходимым перевод всего делопроизводства внутри области на ингушский язык. Поручить избранному Исполкому немедленно приступить к подготовительным работам в этом направлении. Обратить серьезное внимание на дальнейшее развитие и углубление работы по национализации просветительных учреждений—отдела народного образования, а также на развитие национального издательского дела".

Весьма ослабленные в экономическом отношении в годы мировой войны, глубоко разоренные затем, в период гражданской борьбы, трудящиеся Чечни и Ингушии напрягали все свои усилия к восстановлению народного хозяйства, к социалистической реконструкции его, к культурному строительству.

„Первейшей задачей пролетарской революции является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех областях общественной и хозяйственной жизни"—так гласила резолюция X-го с'езда РКП(б).

Октябрьская революция освободила трудящиеся массы в национальных районах от капиталистического гнета и создала все необходимые условия для ликвидации национального неравенства, хозяйственного и культурного расцвета отсталых народов.

В итоге неуклонного осуществления ленинской национальной политики Ингушия и Чечня достигли огромных успехов на всех участках хозяйственного, советского, культурного строительства.

Эти успехи завоеваны чеченскими и ингушскими трудящимися массами под руководством партийной организации.

„При диктатуре пролетариата в нашей стране партия пролетариата является руководящим центром социалистического строительства и степень приобщения разных национальностей к коммунистической партии говорит о степени их участия в руководящих звеньях диктатуры пролетариата". [1])

Рост ингушской нацпарторганизации выражается в следующих данных: в 1921 г. в Ингушии насчитывалось 199 коммунистов, что

---

[1]) Национальная политика ВКП(б). Изд. Ком. Академии.

составляло всего 0,33 процента ко всему населению, на 1 июля 1931 г. парторганизация имела 1306 коммунистов—1,60% ко всему населению, из них коммунистов-ингушей на 1/VII-1931 г.-932 чел., т. е. 71, 4% по отношению к общему числу членов парторганизации.

Вместе с количественным ростом наблюдается и улучшение социального состава нацпарторганизации:

	Всего коммун.	Рабочие		В т. ч. бат. и с.-х. рабочие		Крестьяне		В т. ч. колх.		Остальные	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1/VII 1930 г.	910	134	15	25	2,7	307	33,8	105	34,2	466	51,2
1/VII 1931 г.	1306	253	19,4	52	4	425	32,5	289	63	619	48,1

На 1 декабря 1933 г. в состав ингушской областной партийной организации входило 1502 чел., из коих членов 822, 680 кандидатов. Если ингушей-партийцев в 1930 г. было 604 чел., то на 1 декабря 1933 г. их уже насчитывалось 1108 чел. Выросли рабочая и крестьянско-колхозная прослойки-первая до 362 чел., вторая до 1076 чел.

В 1924 г. в чеченской организации было всего 27 членов и 13 кандидатов, в 1925 г. 54 члена и 170 кандидатов, в 1926 г.—198 членов и 434 кандидата, в 1927г.—308 чл., 311 кандидатов. На 1 января 1933 г. чеченцев насчитывалось в организации уже 3621 чел. (22, 6% всей парторганизации). Заметно выросло количество чеченок в составе партийной организации.

Наряду с количественным ростом улучшался ее качественный состав. Об этом можно судить по данной таблице (данные относятся к об'единенной чеченской и грозненской парторганизации).

Годы	Рабочих		Крестьян		Служащих		Всего
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	
1929	3687	70	655	12,2	907	17,8	5249
1930	5326	75,9	876	12,5	818	11,6	7020
1931	7625	78,1	1336	13,7	798	8,2	9759
1932	11898	79,3	2300	15,3	812	5,4	15010
1933	12467	78,4	2896	18,2	538	3,4	15901

Растет удельный вес рабочих в организации, растет последняя за счет выросшего актива чеченской бедноты и колхозников, уменьшается прослойка служащих.

Рост партийной организации „особенно усиливается в годы индустриализации, в годы широкого размаха социалистического строительства. Актив вырабатывается и выковывается в результате большой массовой работы, в результате проведения массовых политических кампаний, в результате ожесточенной классовой борьбы и побед на хозяйственном фронте.“[1])

Парторганизации вели решительную борьбу с правым оппортунизмом, как главной опасностью, и „левыми“ загибами, с контрреволюционным троцкизмом.

Показателем роста революционного массового союза молодежи является развитие комсомольской организации. На 1 марта 1928 г. членов ВЛКСМ было 1175, на 1 января 1932 г.—2500. Работая под непосредственным руководством партии, ингушская организация ВЛКСМ принимает активное участие в хозяйственном, советском и культурном строительстве Области.

В области советского строительства необходимо отметить, что укрепление материально-финансовой базы сельсоветов, расширение их прав и обязанностей создали условия, при которых советы стали ближе к организации и руководству хозяйственно-культурной жизни села.

В результате проведения организационно-массовой работы рост активности трудящихся масс выразился в повышенной явке на отчетные и перевыборные собрания. Если на выборах 1929 г. участвовало 47,86% всех избирателей, то в 1931 г.—70%, женщин же приняло участие в 1929 г.—17, 95%, а в 1931 г.—30%.

В Чечне в избирательную кампанию 1925-26 г. принимало участие в выборах 40% населения, в 1927-28 г. эта цифра поднимается до 42%, в 1931 г. до 64%. Растет участие женщин в выборах сельсовета: с 5% в 1925-26 г. до 41% в 1931 г.

Новые формы массовой работы советов в области социалистического переустройства сельского хозяйства выражаются в участии колхозной массы крестьянства в сельско-хозяйственных производственных совещаниях, в институте агро-зоо-ветуполномоченных и в разрешении важнейших хозяйственных задач.

Эти совещания и агроуполномоченные выполнили большую работу по подготовке к проведению посевных кампаний, в особенности в части расширения посевных площадей, распределения посевного материала, своевременной подготовки (ремонт) сельско-хозяйственного инвентаря, внедрения агроминимума и т. д., и т. д.

Оживляется деятельность секций при аульских советах, укрепляются районные исполнительные комитеты.

Говоря о советском строительстве, нельзя не упомянуть корени-

---

1) 10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д. 1933 г.

зации аппарата. Еще на XII с'езде партии т. Сталиным дано было определенное содержание понятия коренизации: „Для того, чтобы советская власть стала и для национального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и межнациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности."

Проведен ряд мероприятий по приближению государственного аппарата к трудящимся слоям населения и вовлечению их в управление, по оживлению деятельности низовых звеньев советского аппарата и укреплению их наиболее активными, классово выдержанными работниками.

Широко развертывается система курсов подготовки и переподготовки работников, отделы Облисполкома с каждым годом пополняются новыми работниками из среды чеченцев и ингушей.

Ближайшей задачей всех органов советской власти является значительно большее усиление этой работы по коренизации сверху до низу. Подготовка работников через сеть специальных курсов, увеличение охвата трудового населения школой, ликвидация неграмотности, подготовка кадров в техникумах, рабфаках, вузах, выдвижение в аппарат рабочих, колхозников—все это содействует быстрому заполнению аппарата людьми, знающими язык, быт и культуру чеченцев и ингушей и обеспечению перевода делопроизводства на родной язык.

Огромные достижения имеют Чечня и Ингушия в отношении индустриализации.

Тов. Сталин говорил в своем докладе на XII с'езде: „Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках,—а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья,—необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности" (Стеногр. отчет XII с'езда).

В связи с этим партия в целях ликвидации фактического, экономического неравенства между ранее господствовавшей и угнетенными нациями поставила перед собой задачу экономического и культурного подтягивания отсталых национальных районов до уровня передовых промышленных областей Союза.

Усиленными темпами развивалась промышленность Ингушии и Чечни в первой пятилетке.

Ведущей отраслью народного хозяйства является здесь грозненская нефтяная промышленность.

В дореволюционное время она, однако, ни в какой мере не была связана и не стимулировала общий экономический под'ем хозяйства Чечни и Ингушии, которые на протяжении столетий представляли собой отсталый сельскохозяйственный район.

В настоящее же время грозненская нефтяная промышленность, имея всесоюзное значение, играет огромную роль в экономике Области—увеличивает кадры национального пролетариата—авангарда колхозной деревни, укрепляет экономическую базу коллективизации.

За годы пятилетки была завершена коренная реконструкция нефтяной промышленности на основах передовой техники, что, наряду с высшими формами социалистического труда—социалистическим соревнованием и ударничеством, обеспечило выполнение пятилетки этой промышленности в два с половиной года.

Вместе с тем, Область получила возможность создать и развить у себя целый ряд других отраслей промышленности: полиграфическую, пищевую, керамическую, механическую, по обработке дерева и пр. (Чечня).

Ингушия,—в которой в дореволюционный период почти не было промышленных предприятий более или менее крупных размеров—в итоге первой пятилетки имеет 14 промышленных предприятий.

При разделе Горской С. С. Республики Ингушской Автономной Области передано было 17 производственных единиц, из которых 14 представляли собой предприятия районного значения кустарного типа и 3 (винокуренный, кожевенный и крахмальный заводы)—цензового характера, при чем общее состояние этих предприятий было весьма плачевным (изношенность сооружений и оборудования на 70%, крупная задолженность, отсутствие оборотных средств, низкая производительность труда).

Руководящие органы Области направили свои усилия прежде всего на восстановление промышленности, а затем, с 1927 г., на расширение и реконструкцию существующих предприятий и организацию новых производств (с 1926 по 1931 год включительно построено 11 новых промышленных предприятий, из которых 3—краевого значения: мельница Союзхлеба, Мужичинский лесозавод и Назрановский кирпичный завод).

Ингушская Автономная Область имеет в настоящее время 17 промпредприятий: в г. Орджоникидзе—известковый, кожевенный, крахмальный и лесопильный заводы, мельницу, типографию; кирпичные заводы—в поселке Назрань, в сел. Базоркино, сел. Насыр-корт, кровельных сланцев—в сел. Ларс, лесозаводы—в сел. Шолхи и Бомут, ремонтно—механические мастерские в пос. Назрань, винокуренный в.

4-х километрах от г. Орджоникидзе, мощную мельницу для перемола кукурузы по канадскому способу в пос. Назрань, Ачалукские минеральные воды в сел. Ачалуки.

Кроме того, построен консервный завод в сел. Базоркино, заканчивается строительство завода стеклотары, начато строительство керамического завода канализационных труб в г. Орджоникидзе.

Хотя в общем балансе народного хозяйства Области валовая продукция сельского хозяйства занимает доминирующее место, но роль промышленности в экономике Ингушии неуклонно усиливается.

Удельный вес промышленности в общем балансе народного хозяйства Области повышается с каждым годом. Это видно из следующих данных (в тыс. руб.):

	1928/29 г. (Вал. прод.)		1932 г. (Вал. прод.)	
Сельское хоз-во	9819,2	75,7%	11647,5	54,9%
Промышленность крупная .	2219,6	17,1 „	5332,6	25,1 „
Кустарная промышленность .	932	7,2 „	4224,0	20 „
	12970,8		21204,1	

Важнейшим моментом работы на предприятиях является применение таких форм труда, как соцсоревнование и ударничество.

Вместе с ростом промышленности растет и количество рабочих из среды чеченцев и ингушей.

Дальнейшее развитие индустриализации строится на базе электрификации и эксплоатации местных сырьевых ресурсов: нефти, продукции сельского и лесного хозяйства, горных полезных ископаемых и пр., развитие других видов промышленности, зависимых от привозимого сырья и материалов, основывается на росте уже существующих, вполне окрепших промышленных об'ектов. Капитальные затраты предусматриваются на продолжение геолого-разведочных работ.

„Обеспечение развития народного хозяйства—гласит резолюция XVI с'езда ВКП(б)—выдвигает необходимость придать такие темпы геолого—разведочному делу, которые должны значительно опередить темпы развития промышленности с целью заблаговременной подготовки минеральнаго сырья. Для этого необходимо сделать решительный перелом в геолого-разведочных работах и полностью обеспечить это дело материальной базой, пересмотрев в этом направлении пятилетку геолого-разведочного дела."

Основными об'ектами разведочных работ в Ингушии приняты: нефть,медные, серебро-свинцовые и полиметаллические руды (цинк, свинец, медь и пр.), поваренная соль, известняки, глины.

Кроме цензовых промышленных предприятий в Чечне и Ингушии имеется кустарная промышленность, которая получила свое развитие после об'единения значительной части кустарей в кооперативно-промысловые артели, входящие в союз кустарно—промысловой кооперации.

Кустарная промышленность в Области базируется на наличных местных сырьевых ресурсах (стройматериалы, лесная и деревообрабатывающая, лесохимическая).

Область достигла значительных результатов и на фронте социалистической реконструкции сельского хозяйства.

„Если хозяйство Ингушетии—говорил председатель Исполнительного комитета Ингушской Автономной Области т. А. Горчханов на V-м с'езде советов—вышло из эпохи царской власти в жалком, примитивном состоянии, при наличии большой безинвентарности у крестьян, при полном отсутствии каких бы то ни было агротехнических мероприятий, при невыносимо тяжелой земельной необеспеченности населения, разбросанного, в силу указанных причин, на мелкие, почти карликовые хозяйства, экономическая мощность коих граничила, в основном, с полным нищенством. то в период развернутого социалистического наступления по всему фронту оно (сельское хозяйство Ингушетии) на основе растущей под ним машинной базы и целого комплекса реконструктивных мероприятий, проводимых советской властью на селе, совершенно изменило свою социально-экономическую природу и решительно переходит на рельсы крупного коллективного хозяйства.

Характерной особенностью истекшего периода является значительный рост удельного веса социалистического сектора в Области, увеличенне посевных площадей, рост валовой продукции всего сельского хозяйства, при одновременном улучшении культурно-материального уровня колхозников и батрацко-бедняцко-середняцких масс аула.

Беспринципные предсказания право-„левацких“ оппортунистов целиком и полностью опровергнуты бурным ростом социалистического строительства Области.

Растут и крепнут колхозные ряды, организуются новые МТС и совхозы, основная, бедняцко-середняцкая масса аула поняла преимущества и выгоды коллективного хозяйства.“

Территория Чечни и Ингушии после ликвидации клина из казачьих станиц возросла. Так, Ингушия имела до революции земельную площадь в 204932 га, в настоящее время она имеет 321691 га (увеличение на 36%).

Динамика же посевной площади в Ингушии по годам рисует нам большие сдвиги и в этом отношении:

1913 г.	55.715 га
1920 „	26.562 „
1925 „	45.760 „
1928 „	57.620 „
1930 „	62.435 „
1931 „	67.203 „
1932 „	71.484 „
1933 „	83.558 „

Таким образом, посевная площадь 1932 г. превысила довоенную на 31,1 проц.

Вместе с ростом всей посевной площади мы имеем рост посевных площадей всего социалистического сектора: в 1931 г. площадь пссевов этого сектора составляла до 30% от общей площади посевов Ингушии, в 1932 г. свыше 50%.

Годы	Ед. сектор	Колхозы	Совхозы	% соц сек. ко всей пос. площади
	(В Г А)			
1928	—	—	120	6
1929	60504	2236,5	150	7,4
1930	56623	5532	280	9,1
1931	60849	14844	7216	30,0
1932	36030	32947	7400	55,9

В Чечне мы также имеем рост посевных площадей социалистического сектора:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Вся посев. площ. в тыс. га . . .	206900	312310	287160	348080
В том числе в совхозах	—	52470	51750	78460
В том числе в колхозах	12430	29550	103670	139810

Господствующей культурой в полеводстве является кукуруза, имеющая огромное значение в качестве сырья для промышленности и корма для развития животноводства.

Вместе с тем, однако, удельный вес кукурузы снизился в 1931 г. до 77%, в 1933 г. до 72%, несмотря на значительный рост (свыше 10 т. га) общей посевной площади в 1931 и 1932 г. г. по сравнению с 1930 г.

Одновременно значительно увеличился размер площади под техническими и огородными культурами, а также под сеянными травами.

Благодаря широкому внедрению агротехники, повысилась урожайность. Если средний урожай кукурузы (1905—1914 г. г.) составлял 10 цент. с га, то в 1930 г.—11, 1 ц. с га, а в 1933 г.—13,5 ц. с га.

В то время как при капиталистическом строе чечено—ингушская деревня пользовалась при полевых работах лишь прадедовскими деревянными плугами и волокушами,—теперь на полях Чечни и Ингушии мы видим сеялки, молотилки, тракторы, тракторные плуги, комбайны и другие виды сложных сельско-хозяйственных машин.

Развитие сельского хозяйства Ингушии и Чечни сделало за последнее время крупные успехи. Октябрьская революция дала трудящимся массам чеченцев и ингушей не только национальное и социально—экономическое освобождение, но и открыла путь перестройки сельского хозяйства по типу высоко—интенсивного хозяйства, строящегося на базе не единоличного труда, при наличи которого нельзя добиться выхода из нищеты и кулацкой кабалы, а на основе перевода мелкотоварных малопродуктивных бедняцко—середняцких хозяйств на рельсы колхозного строительства.

Начало этого ~~строи~~тельства в Ингушии относится к 1928 году, когда организовано было 34 товарищества по совместной обработке земли, 3 машинных товарищества и 3 товарищества посевщиков, об'единявших 507 хозяйств или 3,2% общего числа их. [1])

К августу же 1933 года уровень коллективизации достиг в Ингушии—40,5 и в Чечне—32,4% коллективизированных хозяйств.

Этот рост коллективизации определенно говорит о том, что трудящиеся массы чечено-ингушской деревни бесповоротно и твердо стали на путь колхозов.

Создание мощной машинной базы, улучшение семенного материала и целый ряд других мероприятий, направленных на развитие полеводства, увеличили удельный вес колхозов и совхозов в валовой продукции сельского хозяйства настолько, что к концу первой пятилетки основную массу товарного хлеба дали уже колхозы и совхозы.

---

1) Г. К. Мартиросиан. Колхозное строительство в ингушской деревне. Изд. Инг. Н.—Иссл. Института.

Вот, напр., итоги хлебозаготовок по Чечне за период с 1928 по 1932 г. включительно:

Годы	Всего заготовлено в тоннах	В том числе колхозы	В том числе совхозы	В том числе единолич-ники	В том числе кул.-заж. хоз-ва
1928	18578	272	—	—	18306
1929	23621	1323	—	13732	8566
1930	23027	3154	—	16994	3379
1931	76692	21818	27836	24726	2312
1932	67359	23319	11220	21370	1450

Машинно-тракторные станции произвели действительную революцию в Чечне и Ингушии, выразившуюся в интенсификации колхозного производства, в его организационно—хозяйственном укреплении, чем особенно способствовали учрежденные в МТС и совхозах политические отделы.

В 1932 году в Ингушии существовали две МТС в составе 54 тракторов, а на полях Чечни работали 6 машинно—тракторных станций с 145 машинами.

Наряду с земледелием в сельском хозяйстве Области играет большую роль животноводство, хотя не во всех районах удельный вес его можно считать одинаковым. В некоторых районах оно является даже доминирующей отраслью, как, напр., в высокогорном.

О динамике животноводства в Ингушии можно судить по данным за время с 1913 по 1933 г.:

Годы	Лошади	Крупный рог. скот	Мелкий	Всего
1913	19056	48189	120628	182883
1920	13807	26490	22362	62659
1926	21580	52590	60690	134860
1928	22400	77600	100400	200560
1929	24300	82800	107100	214200
1930	23200	55400	52100	130700
1931	19748	31679	23065	86032
1932	17589	20669	16865	66474
1933	13645	23152	23170	59967

Как показывают приведенные данные, в 1929 г. общее количество поголовья возросло на 17 % по сравнению с 1913 годом.

Кроме того, „этот рост идет, главным образом, за счет крупного рогатого скота и лошадей при одновременном сокращении поголовья овец. Это обстоятельство говорит об интенсификации животноводства Области, так как по мере сокращения естественных кормовых угодий (сенокосов и выгонов, идущих под распашку), роль более интенсивных отраслей, в данном случае крупного рогатого скота, повышается.

Овцеводство в этом случае из плоскости постепенно перебирается в горную часть, где оно, в силу топографии этой полосы, не имеет себе конкурента, а потому должно играть большую роль, рентабельно используя имеющиеся здесь ценные высокогорные альпийские и суб'альпийские пастбища". „Развернутое социалистическое наступление по всему фронту естественно вызвало яростное сопротивление кулака, который попытался использовать наиболее слабые участки нашей работы". [1])

Кулачество, используя левоопортунистические извращения политики партии при проведении коллективизации, вело среди крестьян усиленную агитацию за хищнический убой скота.

Однако, принятые партией меры не только не приостановили разбазаривания скота, но и создали благоприятные условия для социалистического преобразования животноводства, в итоге которого Область будет иметь количественный и качественный под'ем его и рост продуктивности стада.

Предварительные данные отдельных районов и колхозов о распределении урожая 1933 года говорят о крупном росте доходности колхозов и показывают, как в результате правильно проведенных хозяйственных мероприятий, решительной борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов претворяется в жизнь лозунг т. И. В. Сталина о том, чтобы сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Вместе с колхозами совхозы представляют собой основное содержание социалистического сектора сельского хозяйства.

Организация первых совхозов в Чечне и в Ингушии относится к 1930 году.

В дальнейшем совхозы растут.

В Ингушии организованы следующие совхозы: лубяных культур (осваивает 8000 га), овцеводческий (расчитан на 30000 голов овец, в настоящее время 5000 голов), пчеловодный, птицеводческий, огородный—для обеспечения сырьем консервной фабрики в сел. Базоркино.

---

[1]) А. А. Мальсагов. Сельское хозяйство Ингушетии и пути его социалистической реконструкции. Гор. Орджоникидзе, 1933 г.

Чечня имеет зерносовхоз (58820 га земли, тракторный парк в 115 машин), два хлопкосовхоза (с общей земельной площадью в 24453 га и парк в 94 трактора), совхозы Консервтреста (2347 га земли), овощные совхозы (4898 га, 11 тракторов), овцеводческий (8733 гол., 17706 га земли), птицеводческий (14577 голов, 850 га), совхоз Шелкотреста (1875 га земли, тракторный парк в 8 машин и тутовые плантации на 200 гектар).

Засушливая, безводная Алханчуртская долина,—в течение многих лет являвшаяся бесплодной пустыней, несмотря на хорошие, в общем, почвенные условия,—стала об'ектом крупнейших мелиоративных работ, новым мощным участком социалистического сельского хозяйства. Осенью 1928 года началось прорытие главного канала. В итоге Алханчуртская водохозяйственная система обводнит 210 тыс. га, оросит сельско-хозяйственные земли площадью в 20.900 га., даст на сбросе у селения Н. Ачалуки районную гидроэлектрическую станцию мощностью в 35.000 клв. час., удовлетворит водой ряд промышленных предприятий, колхозов и совхозов, даст водопроводы ряду населенных пунктов.

Общая стоимость сооружения канала—10.340.000 рублей.

Таким образом, указание,—данное Лениным в письме к коммунистам Кавказа о проведении оросительных работ в крае,—к концу первой пятилетки оказалось уже в основном выполненным: ингушская парторганизация добилась к XV годовщине Октября пуска воды по долине, начиная от сел. Базоркино и кончая сел. Сагопш.

Вместе с хозяйственным развитием Ингушии бытсро растут профессиональные организации.

Рост активизации всей массы членов профсоюзов на борьбу за выполнение промфинплина, переброска ряда бригад и союзных работников в отстающие предприятия на продолжительное время для руководства общественно—массовой работой дают свои практические разультаты.

Профессиональные союзы повернулись лицом и к реконструкции сельского хозяйства: ими посылаются на различные хозяйственно-политические кампании на селе бригады и для подготовки к посевным кампаниям—ремонтные и агитационные бригады.

Профсоюзы шефствуют над целым рядом колхозов и аулов, оказывая им практическую помощь при проведении хозяйственно-политических кампаний.

Не менее ярки показатели достижений в отношении культурного строительства. Ингушия до революции была почти поголовно неграмотной (в 1920 г. грамотность ингушей составляла 3%).

В течение десятилетий Ингушия при царском строе имела лишь одну назрановскую горскую школу, да и та поставлена была неудовлетворительно.

Теперь с каждым годом растет количество учащихся в начальных школах:

Годы	Мальчиков	Девочек	ВСЕГО
1930	6052	748	6800
1931	6518	1150	7658
1932	7261	2659	9920
1933	8126	3946	12072

Для поголовного охвата детей проведена за последние три года организация отдельных школ и групп по всем населенным пунктам за исключением мелких поселений высокогорной полосы.

Если в первые годы существования советской власти в Ингушии учителя насчитывались единицами, то в 1933 г. их было уже 288 чел. (хотя это количество еще далеко недостаточно для обслуживания имеющихся школ).

Рост бюджета Наробраза характеризуется следующими данными:

1931 г.	1.178.800 р.,	в том числе школьное строит-во	101.500 р.
1932 „	1.442.100 „	„ „ „ „ „	138.000 „
1933 „	1.968.200 „	„ „ „ „ „	210.000 „

В целом ряде сел выстроены специальные школьные здания.

В основном всеобщее начальное обучение детей по Ингушии проведено за исключением части девочек, что, в значительной степени, об'ясняется тем противодействием в этом отношении, которое оказывают школе кулацко-муллъские элементы.

Школы полностью обеспечены стабильными учебниками, изданными Ингушским издательством.

При царском строе чеченцы по грамотности занимали 37 место За полвека господства русского самодержавия в Чечне были открыты всего лишь три школы, в которых обучались, главным образом, дети чеченских кулаков и мулл, а школы в Ведено, Шатое и Воздвиженке предназначены были для детей отставных солдат; чеченская же школа, открытая в Грозном в 1872 г., готовила лишь переводчиков.

Арабские духовные школы—медрессе—охватывали около двух тысяч учащихся, воспитывавшихся в обстановке религиозного дурмана.

К Октябрьской революции Чечня пришла с такими показателями: умели читать и писать на арабском языке 1,9% населения, на

русском языке 0,8%. Из общего количества населения 291 тыс. чел.-грамотных на родном языке было 2309, неграмотных 284023 чел.

За период с 1924 по 1932 г. советская Чечня ликвидировала неграмотность среди 69333 чел. взрослого населения. Сейчас, на пороге второй пятилетки, в Чечне осталось не больше 70 тыс. неграмотных, около 80% которых уже вовлечены в ликпункты.

До 1927 г. в ликпунктах не обучалось ни одной женщины-горянки, сейчас жа Чечня имеет 2410 грамотных горянок.

Еще в 1922-23 г. в Чечне было всего три школы с 75 учащимися и 6 детдомов школьного типа, в которых воспитывалось 162 чел. К концу же первой пятилетки в Чечне было 240 школ первой ступени, которые охватывали 35 тыс. школьников (не считая г. Грозного), что составляет 70% общего количества детей в Области.

Наряду с школами первой и второй ступени Область имеет рабфаки, учебно-педагогический комбинат, пединститут, сельскохозяйственные школы, совпартшколу, индустриальный техникум, ряд курсовых мероприятий по подготовке кадров. Растет количество ингушей, обучающихся в других техникумах, на рабфаках, ФЗУ, в сельскохозяйственных и педагогических институтах, в краевых и центральных вуз'ах, растет число аспирантов, высококвалифицированных научных работников.

Учреждениями, ведущими научно-исследовательскую работу являются: нефтеинститут, комплексные научно-исследовательские институты, научные музеи, литературные общества.

Растет национальная художественная литература, национальная печать.

Значительные достижения имеет и политпросветработа: развертывается сеть изб-читален, клубов, библиотек, детплощадок, проводится кинофикация и радиофикация.

Количественно и качественно выросла национальная печать.

В 1923 году организовано издание газеты „Сердало" („Свет"), выходящей на латинизированном алфавите. В Чечне, кроме областной газеты „Серло", издается еще ряд районных газет на чеченском языке. Тираж областной газеты „Грозненский рабочий" (выходит на русском языке) вырос с 8000 экземпляров в 1925 г. до 25000—к концу первой пятилетки; наряду с указанными газетами имеется также низовая рабочая и колхозная печать.

Большая работа проводится по изданию и переводу на родной язык общественно-политической, агрономической, колхозной, учебной, научно-популярной, художественной, краеведческой литературы.

В Грозном открыт чеченский театр, ставящий пьесы чеченских и ингушских писателей.

На 1-ой Сев.-Кав. краевой горской олимпиаде чеченские и ингушские работники искусства—писатели, артисты, художники, музыканты, танцоры—одержали ряд крупных побед.

Значительны успехи и в отношении расширения лечебной помощи.

Если при царизме последняя совершенно отсутствовала, то в настоящий момент Чечня и Ингушия имеют больницы, поликлиники при них, зубоврачебные кабинеты, врачебно-амбулаторные участки, фельдшерские пункты, медпункты первой помощи, учреждения по борьбе с соцболезнями (малярстанции, тубпункты, венпункты), консультации смешанного типа (детские и женские), постоянные и летние детские ясли.

Вместе с ростом материального и культурного уровня жизни трудящихся Области этот рост медицинской сети обеспечил понижение смертности и заболеваний.

Аулы, оторванные друг от друга бездорожьем, отсутствием телефонной связи,—покрываются почтово-телеграфной, телефонной, радио сетью.

Но бездорожье до последнего времени сильно отражается на хозяйственном благосостоянии села. Работы по улучшению дорожной сети тоже начаты.

Успешное и скорейшее строительство социализма тесно связано с массовым участием в нем женщин.

„Это начатое советской властью дело можно будет двинуть вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено“ (В. И. Ленин).

Одними из форм систематической работы среди чеченок и ингушек были делегатские собрания, общеженские собрания и собрания общественниц; собрания приурочены были преимущественно к хозяйственно-политическим кампаниям.

Все шире вовлекается женщина в кооперацию.

Широкое вступление женщин в колхозы, организация сельско-хозяйственных кружков, кружков по шелководству, специальных женских мастерских (трикотажных, ковровых и др., кружков кройки и шитья при клубах), выдвижение на работу в областных и низовых органах власти, в кооперации, увеличение охвата женщин школой, борьба с бытовыми преступлениями, устройство яслей, детплощадок, консультаций—все это ведет к экономическому раскрепощению женщины и освобождает ее от цепей быта прошлого.

Энергично борясь за улучшение материального благосостояния трудящихся, партия и на этом участке работы добилась больших успехов.

Увеличился средний заработок рабочего, улучшилось снабжение рабочих продуктами питания и промтоварами.

Растет жилищно-бытовое строительство. „От дореволюционного времени Грозный получил 314 т. кв. метров жилой площади. Это были в подавляющем большинстве мелкие одноэтажные дома, грязные, серые рабочие казармы, рабочие поселения полупоходного типа.

Загляните теперь в рабочие районы. Их совсем не узнать! На месте старых казарм и полуразвалившихся домишек выросли прекрасные, светлые рабочие поселки со светлыми двух'этажными домами, европейской планировкой улиц, покрытых асфальтом, со всеми необходимыми постройками, кооперативными ларьками, амбулаториями, клубами. На Новых промыслах за эти годы выстроено два больших рабочих городка на несколько тысяч населения, заканчивается постройка третьего. На Старых промыслах выстроено три городка.

За период с 1923 по 1932 одной Грознефтью в Грозном построено 113.000 кв. метров жилой площади и восстановлено 97.000 кв. метров старой площади. Общие затраты на это составили свыше 20 миллионов рублей.“ [1])

Советская власть, разрешив по-ленински аграрный вопрос, создала благоприятные условия для высокого под'ема материального положения трудящихся чеченцев и ингушей. Пролетарская помощь и руководство грозненских рабочих помогли бедняку-чеченцу стать на путь коллективного социалистического земледелия. Крупнейшую роль здесь сыграли и играют машинно-тракторные станции, с организацией которых поля увидели сложные сельскохозяйственные машины, обеспечивающие быстроту и высокое качество обработки земли. [2])

Ингушей насчитывалось в 1903 г.—57.280 чел., а в 1916 г.—54.231 чел., тогда как в 1933 г. эта цифра поднялась до 82000 чел.

В 1897 г. в Чечне было 261.300 чел., в том числе 245800 в аулах. В 1932 г. Чечня имела 398800 чел. населения, из них 383000 в деревне. „Разве это не свидетельствует о правильности ленинской национальной политики, создавшей условия для роста чеченского населения, обреченного на вымирание русскими капиталистами? Разве эти цифры не говорят о росте материального благосостояния широких трудящихся масс?“ („10 лет Советской Чечни“).

Таковы далеко неполные показатели хозяйственного и культурного под'ема, достигнутого за годы существования в Чечне и Ингушии советской власти.

В горах Чечни и Ингушии, где „носились лишь туманы, да цари-орлы,“ где еще не так давно был мрак бескультурья,—теперь, среди живописных ущелий и лесов, загораются одни за другими огни индустриализации и электрификации, открываются школы, воздвигаются высокогорные климатические станции.

---

1) „10 лет Советской Чечни“.
2) Там же.

Возможность перехода—под руководством и с помощью передового промышленного пролетариата СССР—отсталых национальных районов к социализму, минуя стадию капитализма, перехода, на который указывали Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин,—практически доказана в широчайших исторических масштабах и, в частности, на примере Чечни и Ингушии.

Успехи социалистического строительства и развернутое социалистическое наступление по всему фронту вызвали бешенное сопротивление классовых врагов, всячески использующих реакционные религиозно-бытовые пережитки, пережитки патриархально - родового уклада для противодействия стройке социализма.

История Чечни и Ингушии со времени возникновения классов, как мы это видели, есть история борьбы классов.

Эта непрерывная борьба принимала в различные эпохи истории Ингушии различные формы.

В условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту классовые враги советской власти—вели и продолжают еще вести ожесточенную атаку против социалистической стройки в Чечне и Ингушии.

Они ведут агитацию среди крестьянских масс против вступления их в колхозы, за истребление и разбазаривание скота, они проникают в советские и кооперативные учреждения и организации, в колхозы с тем, чтобы развалить их, они поджигают имущество коллективных хозяйств и активных колхозников, они совершают террористические акты по отношению к общественным работникам, проводящим на селе директивы партии и советской власти, они организуют саботаж сева и хлебозаготовок, ведут борьбу против всех культурных начинаний советской власти (латинизированного алфавита, ликвидации неграмотности, больниц и др. видов культурного строительства).

Но несмотря на яростное сопротивление кулацко-муллъских элементов, советские Чечня и Ингушия достигли огромных успехов в деле строительства социализма.

Эти успехи завоеваны чечено-ингушскими трудящимися массами—в горниле классовых битв—при руководстве ленинской большевистской партии, в борьбе со всякого рода уклонами от генеральной линии партии и ленинской национальной политики.

Хозяйственный и культурный рост обеих родственных автономных областей создал возможность об'единения Чечни и Ингушии в Чечено-Ингушскую Автономную Область.

Постановлением Краевого Исполнительного Комитета, состоявшимся в декабре 1933 года, вопрос об об'единении решен в положительном смысле.

Что такое нация?

На этот вопрос И. В. Сталин дает следующий ответ: „Нация— это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом, само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией". „Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию".[1])

Можно ли с точки зрения определения „нации", данного т. Сталиным, считать чеченцев и ингушей единой нацией?

На этот вопрос можно дать лишь положительный ответ, ибо мы имеем здесь налицо все те признаки, которые, по определению т. Сталина, составляют понятие „нации".

Возьмем один из указанных т. Сталиным признаков—язык.

Общеизвестно, что чеченцы и ингуши говорят на одном языке.

Акад. Н. Я. Марр к срединной ветви горских народов относит чеченские языки: нахчийский (чеченский), ингушский, цово-тушинский, майстинский.

Это единство чеченского и ингушского языков не раз служило основанием для постановки и обсуждения вопроса об об'единении издательской работы, об установлении общего письменного языка, о едином литературном языке.

В июле 1928 г. в Владикавказе состоялась чечено-ингушская конференция по унификации алфавитов, а в декабре 1930 г. на конференции по языковому строительству, происходившей в г. Грозном, принят был целый ряд решений об об'единении чеченского и ингушского алфавитов, терминологической работы и др. мероприятий по культурному строительству. В январе 1932 г. вопрос о едином чечено-ингушском литературном языке обсуждался на ингушской областной партийной конференции. В мае 1933 г. бюро Ингобкома ВКП(б) снова вынесло постановления по вопросам языкового строительства—об учреждении межобластного чечено-ингушского комитета нового алфавита, о согласовании плана изданий чеченского и ингушского национальных издательств.

Самое характерное в под'еме Ингушии—говорил секретарь Ингобкома ВКП(б) т. Маурер на VII-й Северо-Кавказской краевой партконференции—„это возросшая политическая активность трудящихся масс, проверенная в борьбе за хлеб, за организационно-хозяйственное

---

[1]) И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сб. „Марксизм и национальная проблема".

укрепление колхозов, в решительной борьбе с кулацкими и муллъскими элементами и в деле окончательной ликвидации остатков бандитизма. Остатки родовых отношений, которые еще недавно мешали росту классового сознания батрацко-бедняцких масс, ломаются под напором трудящихся масс, руководимых нашей парторганизацией.

Перед нашей Областью стоят большие хозяйственные задачи, как строительство Алханчуртского канала, дальнейшее форсирование и рост лесной промышленности, использование нефтяных богатств, при чем необходимо указать, что Датыхский нефтяной район Ингушетии, после Горно-Чеченского района, является одним из самых перспективных районов Грознефти и, наконец, горная проблема и социалистическая реконструкция животноводства.

Наша партконференция обсудила и разрешила один чрезвычайно важный для обеих областей принципиальный вопрос о едином литературном языке для Чечни и Ингушетии, исходя при этом из задач быстрейшего форсирования темпов культурного строительства, при чем необходимо подчеркнуть, что этот единый язык существует в жизни и общении между чеченцами и ингушами. Из этого решения вытекает целый ряд важнейших культурно-организационных мероприятий, как то: перевод VI-томника Ленина, сочинений тов. Сталина, единый пединститут, общие курсовые мероприятия по выращиванию национальных кадров, создание и дальнейшее развитие национальной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, одновременно с этим разрешая и ускоряя вопрос о полной коренизации аппаратов. Вместо того, чтобы общими усилиями создавать единый литературный язык и обогащать его на базе социалистического строительства и роста политической активности масс, мы теряли много времени и сил на искусственное создание „своего“ языка, засоряя его непонятными для масс арабскими и турецкими словами. В процессе разрешения этих вопросов попытаются поднять головы националистические элементы и носители великодержавного шовинизма; парторганизации обязаны дать решительный отпор этим попыткам“.

Секретарь Чеченского обл. комитета ВКП(б) тов. Кариб, в своей речи на той же конференции, отметил хозяйственно-культурный рост Чечни в результате правильного осуществления ленинской национальной политики: „Здесь т. Маурер внес ценное предложение по хозяйственно-культурному строительству в Чеченской и Ингушской областях. Он совершенно правильно отметил политические задачи, которые дают возможность Чечне, Ингушетии об'единенными усилиями быстрее поднять их в ряды передовых районов края. Правильное осуществление ленинской национальной политики в крае дает прекрасные результаты“. [1])

[1]) Газ. „Молот“ от 29 января 1932 г., № 3178.

В территориальном отношении Чечня и Ингушия также представляет единое целое.

В хозяйственной деятельности чеченцев и ингушей мы тоже наблюдаем общие черты.

Обращаясь к последнему признаку нации—психическому складу, проявляющемуся в сбщности культуры, нельзя и здесь не отметить общие черты: памятники материальной и духовной культуры свидетельствуют об общности культуры чеченцев и ингушей.

Таким образом, чеченцы и ингуши, по существу, являются единой нацией.

Но как же раз'единена была она на два потока, на два русла?

Ответ на этот вопрос легко найти, обратившись к приведенным нами уже многим данным истории.

Царская власть, придерживаясь принципа: „разделяй и властвуй", натравливала одни народы на другие, единые народы расщепляла на части, чтобы обессилить нации угнетенные в их борьбе против царизма.

Об этом, как мы видели, определенно пишет царский историк Бутков.

Учитывая общность, существующую между чеченцами и ингушами, царизм всячески старался раз'единить их, озлобив друг против друга, натравив друг на друга, и тем самым обессилить народ.

Однако, несмотря на политику „разделяй и властвуй," широкие народные массы Чечни и Ингушии выступали совместно против военно-феодальных колонизаторов.

Соединенное участие Чечни и Ингушии в движении Шамиля и др. движениях подтверждается целым рядом свидетельств того времени.

Завоевание Кавказа превратило Ингушию и Чечню в колонию царской России.

Царская власть, имея в виду, что Чечня и Ингушия представляла собою весьма значительную и грозную силу, незамедлила раз'единить горных ингушей от плоскостных, горных чеченцев от плоскостных, чеченцев от ингушей—путем образования клина из казачьих станиц на местах выселенных колонизаторами чечено-ингушских аулов.

Аграрный вопрос—острейшее безземелье, испытываемое бедностой и середнячеством Чечни и Ингушии,—был одним из решающих вопросов, вокруг которого развертывались классовые бои трудящихся Чечни и Ингушии против социальных условий, против колониального режима.

Быстро росло массовое аграрное движение, особенно в 1905-1907 годах.

Чечено-ингушские трудящиеся массы самовольно вспахивали казенные, причтовые, частновладельческие земли, гнали свой скот

на пастьбу на казачьи угодья, сжигали имения крупных землевладельцев, рубили леса казенные и частные, открывали военные действия против казаков-колонизаторов.

В ответ на это царская администрация применяла жестокие репрессии.

Революционное абречество, еще шире развернувшееся затем, в эпоху реакции, и возглавлявшееся Зелимханом, своей базой имело не только Чечню, но и Ингушию. Выдающийся вождь абречества находил твердую поддержку и среди ингушских трудящихся масс. Ряд ингушских аулов, принявших участие в движении Зелимхана, сравнены были с землей.

Если до свержения царизма мы видели об'единенные выступления Чечни и Ингушии, то после этого чечено-ингушская история течет еще более тесным, нераздельным могучим потоком.

Трудящиеся чечено-ингушские массы об'единенно выступают в борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, в борьбе за Октябрь, в борьбе с деникинщиной.

Отсюда легко понять, почему, напр., на Моздокском с'езде, состоявшемся в январе 1918 года, представлены были все горские народности за исключением чеченцев и ингушей.

Получив действительное национальное и социальное освобождение, чечено-ингушские трудящиеся массы приступили под руководством ленинского ЦК ВКП(б) к ликвидации хозяйственной и культурной отсталости, к хозяйственному и культурному строительству.

Можно ли было в первые годы существования власти советов ставить вопрос об об'единении Чечни и Ингушии в единую автономную область?

Необходимо было прежде всего провести огромную работу, как в области хозяйственного, советского строительства, так и культурного строительства Чечни и Ингушии.

В итоге же первой пятилетки мы имеем крупный рост на всех участках строительства социализма в обеих советских автономиях.

Достаточно указать, что Алханчуртский канал, Грознефть, электростанции и др. важнейшие сооружения и предприятия, рост колхозного и совхозного строительства выходят за пределы Чечни или Ингушии, составляя общий хозяйственный организм.

Эти победы на экономическом, культурном и др. фронтах привели чеченцев и ингушей, представляющих, в сущности, одну нацию,—к об'единению в Чечено-Ингушскую Автономную Область и к еще большему усилению руководящей роли пролетариата грозненских нефтяных промыслов, создающего авангард чечено-ингушской колхозной деревни—национальный пролетариат—и укрепляющего экономическую базу коллективизации.

Об'единение Чечни и Ингушии в Чечено-Ингушскую Автономную Область есть новая, большая победа советской национальной политики, осуществляемой в Союзе Советов ленинским ЦК партии во главе с т. И. В. Сталиным.

Чечено-Ингушская Автономная Область вместе со всем Советским Союзом идет вперед и выше, к новым победам социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Родовой строй, его разложение и зачатки феодализма. 4

Географическое положение и природные условия Ингушии.—Источники изучения истории Ингушии.—Ингуши (Ghalghaj).—Распространение названия племенной группы родов Галгаче на всю народность и причина этого.—Ингуши—древнейшие обитатели Кавказа.—Родовой строй.—Обычное право.—Религия.—Разложение родового строя.—Возникновение классов.—Классовая борьба в эпоху феодальных отношений.—Зарождение торгового капитала.—Ингушия и Грузия.—Ингушия и Кабарда.—Переселение ингушей с гор на плоскость и общественно-экономические последствия освоения равнины.

Колониальное завоевание Ингушии царской Россией и национально-освободительная борьба ингушей. 42

Кавказ в сфере русской политики.—Социально-экономические мотивы завоевания Кавказа.—Учреждение в 1744 г. миссии „по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство".—Вступление в подданство России (1769).—Походы царских войск в горную Ингушию и национально-освободительная борьба ингушей.—Карательная экспедиция полковника Кека (1783 г.). Разжигание междуплеменной вражды.—Договор шести ингушских фамилий с Россией (1810 г.).—Принятие старшинами кистин русского подданства (1811 г.).—Тяжелое экономическое положение ингушских масс к началу XIX ст.—Кавказская война.—Новые походы в горы.—Шамиль.—Социальные корни движения Шамиля и три периода в военной истории его.—Насаждение царизмом земельных собственников и привлечение их на русскую административную службу.—Устройство крупных аулов (šaharaš jaxkar) и Назрановское восстание 1858 г.—Поражение движения Шамиля.—Казачья колонизация.—Переселение чеченцев и ингушей в Турцию.—Абречество

Капиталистическое развитие Ингушии во второй половине XIX века. 89

В. И. Ленин о Кавказе в пореформенную эпоху.—Втягивание русским капитализмом Северного Кавказа в мировое товарное обращение.—Сельское хозяйство Ингушии и рост товарности его.—Кустарная промышленность.—Разложение крестьянства.—Рост абречества.—Нечаевец А.-Г. Долгиев.—Проведение железных дорог, рост городов, устройство ярмарок и развитие торгового капитала.—Классовое расслоение в Ингушии в конце XIX в. и начале XX вв.

Социально-экономические предпосылки революции 1905 года. 102

Ингушия в составе казачьей административной единицы.—Политика руссификации.—Многообразные повинности, податной пресс и платежные силы населения.—Бездорожье.—Одна школа на Ингушию.—Отсутствие медицинской и продовольственной помощи.—Аграрный вопрос.—Казачий клин и его экономические и политические последствия.—Глубокий земельный кризис.—Аренда у Терского войска и у „частных собственников сельских обществ".—Отобрание лесов в казну.—Обнищание трудовых крестьянских масс.—Классовое расслоение.

Революция 1905 года. 119

Рост рабочего движения с 90 г.г. XIX ст.—Большевистская фракция РСДРП—военная организация пролетариата.—Массовое революционное движение в России.—Фабрично-заводская промышленность и положение рабочего класса на Тереке.—Терско-Дагестанский Союз РСДРП.—Революционное движение на Тереке.—Движущие силы и формы революционной борьбы в Ингушии.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Массовое столкновение ингушей с казаками у станицы Карабулакской.—Экзекуции над сел. Долаково и Кантышево.—Ограничение права въезда ингушей в Владикавказ.—Наступление реакции.—Военное положение.—Выборы в 1 Государственную Думу.—Сражение между ингушами и казаками у сел. Яндырского 28 мая 1906 г.—Петиция в 1 Государственную. Думу.—Провокационная работа царской администрации и Ольгинско-Базоркинское столкновение.—Набор стражников из горцев для содействия подавлению революционного движения в России и протесты против этого.—Закат революции.—Значение революции 1905 г.

Между двумя революциями. 144

Выделение Ингушии из Сунженского отдела и учреждение Назрановского округа.—Комиссии по рассмотрению аграрного вопроса.—Земельный вопрос на Тереке в I и II Госуд. Думе.—Завершение работ Абрамовской земельной комиссии (1908) и основные положения исследования комиссии.—Междуведомственные совещания, комиссии и действительность.—Территория, административное устройство, население Ингушии.—Посевы и урожаи хлебов.—Огородничество, бахчеводство, садоводство.—Низкая земледельческая техника.—Животноводство.—Фабрично-заводская промышленность.—Развитие торгового капитала.—Бюджет Назрановского округа.—Рост недоимок.—Крестьянские массы в кабале у казачества, землевладельцев и ростовщиков ингушей.—Беспросветная нужда, политическое угнетение масс и рост абречества.—Зелимхан, Соламбек Гаразоджев и др. абреки.—Охотничьи отряды для борьбы с абречеством.—Безуспешная борьба с абречеством.—Под'ем стачечного движения и политич. под'ем в России (1910).—„К новой борьбе, навстречу новой революции".—Увеличение числа забастовок.—Усиление абречества.—Разгром Зелимханом царского отряда в Ассиновском ущелье.—Зелимхан и Ингушия.—Разрушение царской администрацией инг. аулов Нелх и Ерш.—В связи с этим запрос Гос. Думы наместнику на Кавказе.—Съезд „почетных людей" Ингу-

шии по борьбе с кражами, грабежами и разбоями.—Углубление антагонизма между казачеством с одной стороны и чеченцами и ингушами с другой.—Травля чеченцев и ингушей казачьими деятелями.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Без земли, без азбуки, без агрономической и медицинской помощи, без дорог.

Февральская революция. 173

Империалистическая война и Ингушия.—Свержение царизма.—Первые дни революции.—Комиссар Терской области от Временного правительства М. А. Караулов.—Совещание ингушской интеллигенции в г. Владикавказе.—Гражданские исполнительные комитеты и вопрос об участии в них горцев.—Ингушский с'езд и избрание руководящих органов Назрановского округа.—Приезд т. Н. Буачидзе.—Начало оформления Терской большевистской организации.—Демократизация Терского обл. гражд. исполнительного комитета и городских дум.—Советы рабочих депутатов.—Первый горский с'езд.—Политическая платформа с'езда об'единенных горцев Кавказа.—Комиссар Назрановского окр и Назр. окр. комитет.—Позиция шейхов.—Ингушский погром 6-7 июля 1917 г.—Джабагиевы, шейхи, казачество и ингушские массы.—Ингушско-казачий фронт.—Руководящие ингушские буржуазно-демократические круги и основные массы крестьянства пред Октябрьской революцией.—Мобилизация сил революции и контрреволюции и борьба за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Октябрьская революция. 193

В. И. Ленин о грозящей катастрофе.—Итоги управления Терским краем представителями Временного правительства на Тереке.—Свержение Временного правительства.—И. В. Сталин о внешней и внутренней обстановке Октябрьской революции.—Заседание Владикавказского сов. раб. депутатов 25 октября 1917 г. и принятие Советом большевистской резолюции об Октябрьском перевороте.—Мобилизация сил революции и мобилизация сил казачьей и горской контрреволюции.—Моздокский с'езд и ликвидация социалистическим блоком проекта казачьей фракции с'езда—санкционировать войну против чеченцев и ингушей—Вторая сессия Терск. обл. народного с'езда в Пятигорске (февр. 1918 г.).—Задержка в прибытии ингушских делегатов на с'езд в связи с провокационной работой контрреволюционных сил.—Речи Н. Буачидзе, Ю. Пашковского.—Политическое состояние Тер. обл. (речь С. М. Кирова).—„Борьба за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев" (из резолюции, предложенной Кировым).—Прибытие ингушских делегатов на с'езд.—Речи Гапура Ахриева и А. Шерипова—Вопросы национальный, земельный и о признании Советской власти.—Заявление ингушской делегации о признании трудящимися Чечни и Ингушии власти Совета народных комиссаров—Признание подавляющим большинством голосов власти Советов (4 марта 1918 г.).—Избрание Тер. обл. народного совета, об'явление Терской народной республики и переезд с'езда в Владикавказ.—Провокационная работа контрреволюционеров и Ольгинско-ба-

зоркинское столкновение.—„Мир“ на Сунже.—Декрет Совнаркома Тер. республики об организации власти.—Декрет по земельному вопросу.—Ингуше-казачья война.—3-я сессия народов Терека.—Убийство Ноя Буачидзе.—4-я сессия народов Терека.—Августовские события и роль ингушей в освобождении Владикавказа от контрреволюционных банд.—Разгром моздокской цитадели контрреволюции.—Обращение Горского правительства к Турции и Германии.—Беседа Бутырина с Джабагиевым.—Ингушский народный с'езд и выступление на нем С. Орджоникидзе.—Поведение антисоветских элементов на с'езде.—5-ая, последняя, сессия Терского народного с'езда.—С. Орджоникидзе о героической роли трудящихся Ингушии в борьбе за власть Советов.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Падение Республики

Деникинщина, борьба с ней и восстановление Советской власти.—Горская С. С. Республика. 247

И. В. Сталин о географическом размежевании между революцией и контрреволюцией.—Контрреволюционная деятельность „независимого“ Горского правительства.—Мобилизация сил контрреволюции.—Занятие добровольческой армией территории Сев. Кавказа.—Упорное сопротивление трудящихся Ингушии белым.—Бои под Долаково и Кантышево.—Взятие белыми Владикавказа.—Ультиматум добровольцев Ингушии.—Восстание в Назрани.—Новое разорение ингушских аулов добровольцами.—Бои под Экажево и Сурхохи.—Очередная контрибуция.—Протест Союзного меджлиса горских народов Кавказа против зверств добровольии.—Политика деникинщины в области рабочего, земельного и национального вопросов.—Требования большого войск. круга Тер. каз. войска к ингушам о возмещении последними убытков, понесенных казачеством в годы революции.—Травля чеченцев и ингушей.—Руссификация.—Классовая борьба в ингушской деревне.—Сентябрьский назрановский „народный“ с'езд.—Решение с'езда об обложении ингушей особым целевым налогом.—Северо-Кавказское эмирство (Узун-Хаджи).—Терские красные повстанческие войска.—Бой под слоб. Воздвиженской и гибель А. Шерипова (1919).—Растущее влияние большевиков, красного повстанческого движения и закат эмирства.—Подпольная революционная работа в Ингущии.—Состав ингушского Ревкома и его деятельность.—Усиление борьбы против доброармии.—Воздвиженское сражение (янв. 1920 г.)—Предательство Дышнинского.—Укрепление связи Инг. ревкома с революц. пролетариатом Владикавказа и Грозного.—Последние решительные бои.—Разгром деникинщины и факторы, обусловившие этот разгром.—Тов. И. В. Сталин о героической роли угнетенных народов в гражданской войне.—Учреждение Ингушского партийного оргбюро.—С'езд трудовых масс горских народов.—Выступление на с'езде И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе.—2-я Терская обл. партконференция.—Письмо В. И. Ленина коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и Горской Республики.—Учредительный с'езд советов Г. С. С.Р.—Выступление т. С. М. Кирова.—Ликвидация казачьего клина.—2-я Горская обл. конференция РКП(б) о политическом положении ГССР

и ближайших задачах Республики.—IV с'езд советов Гор. С. С. Республики (дек. 1923 г.).—Ингушия перед выделением из состава ГССР.

Ингушская Автономная Область. 293

Образование Ингушской Автономной Области.—Первый с'езд Советов.—Партия и ВЛКСМ.—Советское строительство.—Социалистическое строительство Чечни и Ингушии.—Индустриализация.—Социалистическая реконструкция сельского хозяйства.—Алханчуртский канал.—Культурное строительство.—Здравоохранение.—Дорожное строительство.—Под'ем материального благосостояния трудящихся.—Классовая борьба.—Достижения советской Чечни и Ингушии—результат правильного проведения генеральной линии партии.—Об'единение Чечни и Ингушии в Чечено-Ингушскую Автономную Область, как новая победа ленинской национальной политики.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Естественные богатства Ингушии.—Перев. на инг. яз.—Изд. Инг. Обл. Изд-ва „Сердало".—Гор. Орджоникидзе, 1931 г., стр. 45 (Изд. разошлось).

Революционное движение в войсках Тер. обл.—Изд. Науч. о-ва этн., яз. и лит. при Горск. Пед. И-те. Владикавказ, 1930 г., стр. 10 (Изд. раз.).

Терская область в революции 1905 г.—Изд. Сев.-Осет. Н.-Иссл. Инст. Владикавказ, 1929 г., стр. 117.

Колхозное строительство в ингушской деревне.— Изд. Инг. Научно-Исслед. Инст. Владикавказ, .929 г., стр. 30 (Изд. разошлось).

Владикавказская периодическая печать (Краткая библиогр. справка). Оттиск из 1 сборн. „Научного о-ва этнографии, языка и литературы при Горск. Пед. Институте". Владикавказ, 1929 г., стр. 5 (Изд. раз.).

Нагорная Ингушия.—Социально-экономический очерк. Изд. Ингушского Научно-Исследовательского Института. Владикавказ, 1928 г., стр. 150 (Изд. раз.).

Горский Сельско-Хозяйственный Институт (1918— 928). Оттиск из вып. V „Известий ГСХИ". Владикавказ, 1928 г., стр. 36 (Изд. раз.).

Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. —Изд. Сев.-Кавк. Инст. Краеведения. Владикавказ, 1925 г., стр. 112 (Изд раз.).

Фабрично-заводская промышленность на Тереке.—Предисловие проф. М. Н. Соболева.—Изд. Сев.-Кавк. Инст. Краеведения. 1924 г., стр. 76 (Разошлось).

Богатства Терского Края.—Изд. Сев.-Кавк. Инст. Краеведения. Владикавказ, 1922 г., стр. 8 (Изд. раз.).